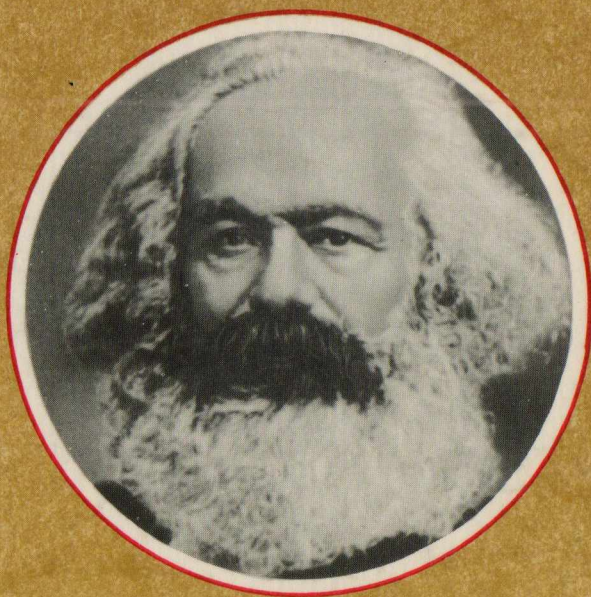

В.П. Кузьмин

**Принцип системности
в теории
и методологии
К. МАРКСА**

Издательство
политической
литературы

В. П. Кузьмин

**Принцип системности
в теории
и методологии
К. Маркса**

Книга
удостоена
Государственной
премии СССР
1983 года

В.П. Кузьмин

**Принцип системности
в теории
и методологии
К. МАРКСА**

Издание третье,
дополненное

Москва
Издательство
политической
литературы
1986

БКК 11.29

К89

Кузьмин В. П.

К89 Принцип системности в теории и методологии
К. Маркса.— 3-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1986.—
399 с.

Книга доктора философских наук В. П. Кузьмина — о методологии К. Маркса, точнее, об одной из ее черт — принципе системности. На материале «Капитала» и других работ основоположника марксизма автор обстоятельно анализирует системное содержание, раскрывает общетеоретическое и мировоззренческое значение его учения. Настоящее издание (предыдущее вышло в 1980 г.) дополнено главами, в которых в системном плане рассматриваются проблемы становления коммунистической общественно-экономической формации, дается анализ философских оснований системного подхода, его роли в современном научном познании, в первую очередь в исследовании процессов, происходящих в социалистическом обществе, его места в методологии диалектического и исторического материализма.

Издание рассчитано на специалистов по общественным наукам, на преподавателей и студентов, на работников сферы управления, интересующихся проблемами методологии.

К $\frac{0302020000-360}{079(02)-86}$ КБ-3-37-86

БКК 11.29

- © ПОЛИТИЗДАТ, 1976 г.
- © ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.,
с изменениями и дополнениями.
- © ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.,
с изменениями и дополнениями.

Предисловие

Настоящая книга, написанная в своей основе более десяти лет назад и дважды дополняемая новыми главами, продолжает вызывать читательский интерес. Есть много свидетельств того, что книга «работает» и оказывается нужной специалистам самых различных областей знания. Все это, несомненно, связано с глубоким интересом к теории и методологии марксизма-ленинизма, к марксистскому анализу актуальных проблем, к марксистской трактовке роли и места системного подхода в современном научном познании.

Третье издание книги пополнено новыми главами и параграфами почти по всем основным своим разделам. Анализ современного общественного развития дополнен главой о становлении коммунистической общественной формации и развитии общекommунистических начал (полисистемный анализ проблемы). В раздел философских оснований системного подхода включена новая глава о различных типах системного знания. В главе, посвященной принципу системности в методологии диалектического и исторического материализма, шире развернуты темы о вкладе В. И. Ленина в разработку проблем системности и о двуединстве принципов развития и системности.

Автор жалеет, что ему не удалось ко времени издания этой книги полностью реализовать свои планы о написании дополнительных глав, посвященных дальнейшему анализу системного содержания «Капитала» К. Маркса, и он оставляет эту работу на будущее.

За время, прошедшее после первого издания книги (1976 г.), в осознании роли системного знания произошли некоторые изменения. И о них, видимо, необходимо хотя бы кратко сказать.

Системный подход в ряду других средств научной методологии еще очень молод. Он находится в стадии ста-

овления. И этот процесс его становления определяется не только и даже, пожалуй, не столько его собственными качествами, сколько общими потребностями развития современного научного познания и тем, как он их удовлетворяет.

В течение последнего десятилетия интерес научной общественности к системному подходу то возрастал, то снижался. Порою увлечение системностью становилось всеобщей модой и, наоборот, наиболее нетерпимые критики договаривались до его полного отрицания. Однако время шло, фронт системных исследований во всех науках постепенно расширялся, накапливалось все больше рациональных соображений в пользу его общеметодологического, эвристического и прикладного использования, а вместе с тем понемногу стали отпадать все несоответствующие действительности представления, которые сопровождали его рождение и становление как научного метода.

В целом этот процесс становления системного подхода определяется: а) развитием его собственных теоретико-познавательных средств; б) уровнем исследования системных закономерностей различных сфер объективной действительности; в) общими потребностями развития научного познания и ролью системного подхода в их удовлетворении.

По развитости своих познавательных средств системный подход не особенно выделяется. Уровень исследования системных закономерностей (макро-, микро-, мезо-) явлений и сфер объективной действительности определяется общим уровнем развития конкретных наук и научного знания в целом. На этой же основе — реально складывающейся современной научной картины мира — возникают и новые потребности гносеологии. И вот участие или неучастие в решении этих актуальных проблем гносеологии и методологии науки имеет самое непосредственное отношение к распространенности того или иного метода, к его общенаучной роли и значению.

Именно на эту сторону дела нам хочется обратить внимание читателей, ибо в этом прежде всего и коренится секрет успеха и массового распространения системного подхода.

Ныне имеется два главных направления развития системного подхода. Одно — в сфере практического знания, где с помощью методов многокачественного анализа, синтеза и комплексирования искусственно создаются слож-

ные технические системы, что требует мобилизации всех реально работающих средств методологии. Другое — в естествознании и обществоведении, где современная гносеологическая ситуация может быть кратко определена как иступление в эпоху сложного знания, требующую новых методологических приемов построения научного знания, а именно построения его сложных систем, объединяющих разнопорядковые, многомерные представления о действительности. И в этом без системного подхода просто не обойтись.

Современная научная картина мира существенно отличается от научной картины мира прошлого столетия. Огромное, многократное расширение и углубление научных знаний в эпоху научно-технической революции привело к тому, что картина мира стала *сложной, многоуровневой, полисистемной*. Это соответственно потребовало выработки новых приемов и средств научного познания, адекватных потребностям современной науки. И появление в это время на научной арене системного подхода оказалось весьма своевременным и полезным.

Так, наука давно испытывала потребность в *универсальном* понятии, пригодном для обозначения разнообразных качественных объектов. И им в современных условиях становится понятие *системы*. Этим понятием ныне одинаково успешно обозначаются объекты структурные и функциональные, индивидуальные и надиндивидуальные, материальные и идеальные, системы взаимодействий и системные комплексы и т. п. В понятии «система» качественный анализ обретает очень удобное фактически универсальное гносеологическое средство. И это вдвойне ценно тем, что для современной теории истины понятие «качественный объект» является базисным, и большинство специфических закономерностей устанавливается именно в отношении их. Таковы специфические закономерности структуры, функционирования, развития и т. п. В этом проявляются результаты всеобщего процесса дифференциации знаний, приведшего науку к расчленению естественных объектов познания на специфические качественные блоки. Они-то и являются опорными пунктами современного научного познания.

Другая серьезная методологическая трудность познания возникла в науке в связи с открытием в XIX—XX вв. закономерностей природных и общественных макросистем, а затем и закономерностей микромира. Фундаментальное знание стало разнокачественным и разномасш-

табным. Параллельно с этим шла методологическая дифференциация и обособление знания по аспектам изучения: статика и динамика, структура и функция и т. п. Явления природы и общества ныне изучаются во многих системах координат — сами по себе, в рамках макросистемы, взятые в единстве и взаимодействии с окружающей средой, с одним или многими фундаментальными основаниями и т. п. Стало очевидно, что само научное знание делается сложным — многомерным, многоуровневым, многоаспектным, и это настоятельно требует применения полисистемного анализа.

Не менее важные импульсы к применению и развитию системного подхода идут из сферы практического знания, из реальной производственной и управленческой практики, вынужденной также проникать все глубже и глубже, учитывать все более отдаленные факторы и детерминанты, комплексировать в системы все более разнородные явления.

Это участие понятий и приемов системного подхода в удовлетворении общих потребностей развития современного научного знания — один из главных секретов его широкого применения и распространения. Не видя этого или не обращая на это внимание, трудно понять столь интенсивное его развитие.

Итак, системные представления, понятия и приемы системного подхода *уже реально обслуживают* актуальные гносеологические и общеметодологические потребности развития современного научного познания. Этот процесс, несомненно, будет нарастать, а соответственно будет возрастать и роль системного подхода.

Огромной сложности задачи, поставленные перед советским народом XXVII съездом партии, требуют для своего успешного решения всесторонне развитой социально-экономической теории и научной методологии. Существенную роль в этом, что не раз отмечалось в партийных решениях, призван сыграть и системный подход как один из принципов марксистской методологии.

Введение

Двадцатый век — эпоха коренных революционных преобразований, которые меняют социальную картину мира и движущие силы развития общественного производства. Существенную роль в обоих этих процессах играет наука. За минувшее столетие в огромной степени возросло ее значение в жизни общества, она превращается в непосредственную производительную силу, в наиболее революционный элемент технико-экономического прогресса, в важнейшее средство (особенно при социализме) социального управления. Применение достижений науки открыло человечеству источник колоссального ускорения промышленного развития и интенсификации многих других процессов жизни общества. Сама она при этом разрослась в огромный и сложный организм, стала полем соревнования и идеологической борьбы противоположных социальных систем. В этой ситуации вопросы дальнейшего развития науки, упорядочения научных знаний, повышения эффективности научных исследований сделали принципиально важными не только с чисто научной, но и с общественной точки зрения.

Одним из коренных условий, обеспечивающих ускорение прогресса научных исследований, выступает в наше время разработка теории и средств методологии. Современные потребности развития *методологии* порождаются прежде всего усложнением научного знания, его быстрой дифференциацией и обнаруживающимся на этом фоне определенным отставанием процессов синтеза и интеграции знаний, требующих специальных и целенаправленных усилий.

Все это ведет к существенному возрастанию роли марксистско-ленинской философии как основополагающей методологической дисциплины, повышает значение ее мировоззренческой и методологической функции, тре-

бует расширения сферы методологических исследований и улучшения их качества. Вместе с тем опыт современного развития науки показывает, что философия только своими собственными силами не в состоянии выполнить грандиозные задачи синтеза и методологической обработки всего научного знания. На наших глазах происходит заметное усложнение и расширение форм методологической работы. С одной стороны, в рамках каждой науки развивается особое теоретико-методологическое направление исследований, которое осуществляет внутри нее первичный синтез специальных знаний, осмысливает ее взаимодействие со смежными дисциплинами, участвует в разработке общих проблем теории и методов данной сферы или отрасли науки. С другой стороны, в рамках философии наряду с разработкой общей теории диалектики, логики и методологии научного познания все более интенсивно исследуются теоретико-методологические проблемы естествознания, техники, обществоведения. В результате не только быстро растет объем методологического знания — как философского, так и конкретно-научного, — но оно становится особым, специализированным разделом современной науки.

Разработка проблем методологии в традициях марксистско-ленинской философии осуществляется, как известно, по двум основным направлениям — в рамках субъективной и объективной диалектики. В первом случае исследуются всеобщие логико-гносеологические формы, так сказать, в чистом виде. Во втором случае предметом изучения являются объекты и процессы реальной действительности и логика мышления, следующая специфике объекта, сращенная с ним, подчиненная задачам его исследования. Иными словами, в центре этой линии анализа оказывается то, что К. Маркс называл «специфической логикой специфического предмета»¹. Большая часть накопленного человечеством знания о природе и обществе существует именно во второй форме. Поэтому одной из важнейших задач диалектико-материалистической методологии является обработка этих огромных массивов научного знания и извлечение из них тех форм «мыслительной технологии», которые могут иметь широкое междисциплинарное и общенаучное значение. В. И. Ленин писал по этому поводу в «Философских тетрадах»: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *д и а л е к*

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 325.

гической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹.

В предмете этой книги соединены два научных интереса — к актуальным проблемам методологии научного познания и к творческому наследию К. Маркса². Методологические идеи Маркса анализируются здесь на нетрадиционном для марксоведения материале проблем системного подхода. В связи с этим представляется целесообразным сделать несколько предварительных замечаний, поясняющих, во-первых, проводимый в книге способ анализа теоретического наследия Маркса, во-вторых, трактовку специфики методологического исследования, и, в-третьих, понимание принципа системности в диалектико-материалистической методологии Маркса.

Разработка теоретического наследия К. Маркса для марксистов всегда была и остается одним из важнейших направлений их теоретической работы. В особенности это касается таких областей науки, как политическая экономия, история, социология и философия, для которых учению Маркса имеет непреходящее значение, ибо в каждой из них он выступает как основоположник *научной теории*.

За годы Советской власти нашими специалистами написаны сотни работ, посвященных творческому наследию К. Маркса, сложились устойчивые традиции разработки как общих проблем марксистского учения³, так и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 131.

² Творческое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса часто и по справедливости рассматривается как единый комплекс идей, выработанных двумя гениальными учеными. Однако кроме совместных работ и совместно разработанных идей каждый из них имел свою особую «специализацию», особый круг проблем, исследованных им самим. Именно поэтому круг идей «Капитала» и круг идей «Диалектики природы» изучаются исследователями их творчества по преимуществу раздельно. Данная работа — марксоведческая, она построена в основном на материалах «Капитала», и соответственно этой исследовательской специфике в ней в дальнейшем будет идти речь, как правило, о творческом наследии самого К. Маркса.

³ Назовем только некоторые из наиболее известных работ такого рода: Карл Маркс. Биография. М., 1973; Фридрих Энгельс. Биография. М., 1977; Энгельс-теоретик. М., 1970; Маркс и современность. М., 1968; Маркс-историк. М., 1968; «Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968; История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976—1985, т. 1—8; Степанова Е. А. Карл Маркс. М., 1983; Она же. Фридрих Энгельс. М., 1985; Федосеев П. Н. Марксизм в XX веке. М., 1977; Карл Маркс и современность. М., 1983; История марксизма-ленинизма. М., 1986.

специальных — экономических, исторических, социально-философских и методологических — аспектов марксистской теории. Советские ученые разных поколений и специальностей плодотворно исследовали экономическое учение Маркса, выработанное им мировоззрение, принципы научного коммунизма и революционной теории, его личность как вождя мирового пролетариата и гениального ученого, «лабораторию» создания «Капитала» и многие другие проблемы. Только философское направление марксологии, продолжая сделанное В. И. Лениным, насчитывает десятки крупных коллективных трудов и монографий, исследований, принадлежащих философам как старшего поколения (В. В. Адоратский, В. Ф. Асмус, Л. А. Маньковский, М. М. Розенталь, Т. И. Ойзерман, Б. А. Чагин и др.), так и последующих поколений (Г. А. Багатурия, Б. А. Грушин, Э. В. Ильенков, В. В. Кешелава, Н. И. Лапин, З. М. Оруджев, В. Н. Типухин и др.).

Советскими философами широко исследованы проблемы марксистского материализма, диалектики и диалектической логики (среди последних надо назвать прежде всего историческое и логическое, восхождение от абстрактного к конкретному), основные категории материалистической диалектики, а также проблемы исторического материализма, теории научного коммунизма и идейно-теоретической борьбы за коренные принципы марксизма в XIX и XX вв. Активно исследуются проблемы деятельности, ценностей, труда и свободы, отчуждения, социального равенства, сознания, личности, гуманизма¹.

¹ Назовем опять-таки лишь наиболее известные работы в этих областях марксологии: *Адоратский В. В.* Научный коммунизм Карла Маркса. М., 1923; *Асмус В. Ф.* Диалектический материализм и логика. Киев, 1929; *Он же.* Маркс и буржуазный историзм. М.—Л., 1933; *Афанасьев В. С.* Великое открытие Карла Маркса о двойственном характере труда. М., 1980; *Багатурия Г. А.* Первое великое открытие Маркса.— В кн.: Маркс-историк. М., 1968; *Он же.* Контуры грядущего. М., 1972; *Багатурия Г. А., Выгодский В. С.* Экономическое наследие Карла Маркса. М., 1976; *Вазюлин В. А.* Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968; *Воровский В. В.* К. Маркс.— Соч. М., 1933, т. 1; *Выгодский В. С.* Экономическое обоснование теории научного коммунизма. М., 1975; *Он же.* К истории создания «Капитала». М., 1970; *Водолазов Г. Г.* Диалектика и революция. М., 1975; *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961; *Давыдов Ю. Н.* Труд и свобода. М., 1962; *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960; *Кешелава В. В.* Миф о двух Марксах. М., 1963; *Лапин Н. И.* Молодой Маркс. М., 1986; *Леонтьев Л. А.* «Капитал» Маркса и современная эпоха. М., 1968; *Маньковский Л. А.* Теоретико-познавательный

Сама по себе широта круга проблем, обсуждаемых в связи с исследованием творческого наследия К. Маркса, свидетельствует о колоссальной многообразии теоретических интересов этого гениального мыслителя. Ход времени и развитие науки позволяют открывать все новые и новые грани в этом наследии. Это постоянно углубляющееся изучение трудов Маркса объясняется еще и тем, что отнюдь не все из поднятых в них проблем излагаются с одинаковой степенью полноты и систематичности. Главной задачей своей научной деятельности Маркс считал создание теории политической экономии, чему и была отдана большая часть его творческой жизни. Как известно, результатом этого явилось систематическое изложение его взглядов в трех томах «Капитала», в «Теориях прибавочной стоимости» и ряде других работ. Вместе с тем им разрабатывались также принципы диалектико-материалистической философии, истории, социологии, а для других общественных наук его учение выступает в качестве общефилософской, общесоциологической теории и методологии. Нужно, однако, сказать, что в целом этим наукам «повезло» меньше, чем политической экономии: Маркс значительно меньше мог писать специально по проблемам других областей знания и не оставил нам в них такого же систематического наследия, как в области экономической теории.

Все это, конечно, усложняет задачи тех исследователей, которые заняты социологическими, философскими и методологическими идеями К. Маркса, ибо этим исследователям приходится анализировать, сравнивать и истолковывать не только те или иные произведения, целиком и специально посвященные данным проблемам, но и отдельные заметки, рукописи, даже вскользь высказанные фразы. Исследователи философских и социологических взглядов Маркса тщательнейшим образом изучают каждое его произведение, черновик или заметку на полях,

характер метода исследования в «Капитале» К. Маркса.— В кн.: Историко-философские очерки. М., 1964; Марксистская философия в XIX веке. М., 1979, т. 1—2; *Мальш А. И.* Формирование марксистской политической экономии. М., 1966; *Науменко Л. К., Югай Г. А.* «Капитал» К. Маркса и методология научного исследования. М., 1968; *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М., 1986; *Оруджев З. М.* Маркс и диалектическая логика. Баку, 1964; Проблема человека в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркса. Ростов-на-Дону, 1977; Энгельс и проблемы истории. М., 1970; *Чагин Б. А.* Развитие Марксом и Энгельсом теории научного социализма после Парижской Коммуны. М.—Л., 1964.

ибо, отмеченные печатью гения, они во многих случаях дают уникальную возможность создать представление о позиции Маркса по тому или иному специальному вопросу.

У исследования проблем марксовой методологии есть своя специфика и свои дополнительные трудности даже по сравнению с философским и социологическим материалом, который нередко приходится собирать в единое целое из различных работ К. Маркса. Его методология скрыта от непосредственного наблюдения, а ее применение еще более «закодировано» процессом политэкономического исследования.

Как известно, К. Маркс собирался написать специальную работу, посвященную критическому осмыслению гегелевской диалектики и положительному изложению материалистической диалектики¹. Но, занятый подготовкой «Капитала», он, к сожалению, не смог выполнить этого намерения. В этой связи Ф. Энгельс писал: «Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое включает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли. Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению»².

Работу по воссозданию системы марксовой методологии начал, как известно, Ф. Энгельс и продолжил В. И. Ленин (это было сделано прежде всего в таких трудах, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и ряде других). Она, как уже отмечалось, нашла широкое отражение в исследованиях философов-марксистов. Однако объем этой работы столь велик, а трудности, стоящие на пути ее реализации, столь значительны, что до сих пор здесь перед нами остается еще обширное поле нерешенных проблем. Среди них современные исследователи называют в первую очередь задачи создания фундаментальных трудов по логике «Капитала», по теории диа-

¹ См.: Багагурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса, гл. 12.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 496—497.

диалектики, по основам методологии науки. Но если учесть отмеченные нами трудности и специфику этой сложной работы, то надо признать, что такого рода труды могут появиться и быть действительно фундаментальными только тогда, когда им будет предшествовать целый ряд специализированных марксоведческих и лениноведческих исследований по отдельным проблемам, а с другой стороны — глубокое изучение всего фронта методологических проблем, выдвинутых современным развитием науки. Классики марксизма-ленинизма считали, что теоретическое мышление каждой эпохи есть конкретный продукт истории, а потому наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть по своему существу историческая наука¹. Отсюда следует необходимость органического соединения результатов анализа методологического наследия классиков марксизма-ленинизма с данными современного научного знания, осмысленными с позиций диалектического материализма.

Именно таким образом понималась исходная позиция, принятая нами при подготовке этой книги: ее предмет составила одна из граней марксистской методологии, и следовательно, здесь представлена лишь часть большой работы марксоведов по воссозданию логики и диалектики «Капитала», — то, что относится к реализации принципа системности.

В советской и зарубежной литературе неоднократно подчеркивалось, что К. Марксу принадлежит заслуга формулирования ряда основополагающих методологических принципов изучения общественных систем. Однако специальных марксоведческих работ по этому вопросу почти не было. Это создало существенный пробел не только в марксоведении, но и в понимании сущности системного подхода. Между тем широкое распространение системных исследований в последние годы сделало такой историко-методологический анализ крайне необходимым.

Учитывая весьма разнородный характер литературы по системному подходу, наличие в ней значительного числа дискуссионных моментов, мы в данном случае решили сосредоточить внимание главным образом на исторической стороне дела, не вступая в обсуждение этих спорных вопросов. В самом деле, с точки зрения темы книги нам достаточно ограничиться введением общего представления о принципе системности.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366—367.

В практике научного познания отчетливо обнаруживаются две основные разновидности системного знания, две его взаимодополняющие специфические формы: изучение предмета как системы и изучение системности самого мира, иными словами, моносистемная и полисистемная фокусировки научного познания.

Если в самом общем виде характеризовать принцип системности, его моносистемную форму, то это означает, что всякое явление объективной действительности рассматривается с позиций системного целого и его закономерностей. Такой взгляд образует определенную гносеологическую призму, особое измерение действительности. И хотя понятие системы определяется по-разному¹, обычно все-таки имеется в виду, что система представляет собой определенное множество взаимосвязанных элементов, образующее устойчивое единство и целостность, обладающее интегральными свойствами и закономерностями. Основная содержательная, а вместе с тем методологическая проблема при исследовании системных объектов состоит в том, чтобы выявить детерминанты, приводящие к организации элементов в систему, обнаружить специфические основания, связи и отношения в системе, ее особую качественность, установить закономерности структуры, функционирования и развития данной системы. В целом это знание системоцентрическое, направленное на раскрытие внутренних механизмов и законов явления.

Полисистемное знание, в отличие от моносистемного, нацелено на раскрытие системности самого мира, его реальной многосистемности, а в отношении отдельного предмета — на рассмотрение его как «элемента» разнопорядковых реальностей природной или общественной среды. Словом, полисистемное знание — многоуровневое, многомерное, сложное знание о предмете и действительности, вместе взятых.

В разработке философско-методологических проблем системного подхода активное участие в последние годы принимают философы. В работах В. Г. Афанасьева, И. В. Блауберга, Д. М. Гвишиани, В. И. Кремянского, В. А. Лекторского, В. Н. Садовского, В. С. Тюхтина, А. И. Умова, Б. С. Украинцева, И. Т. Фролова, Б. Г. Юдина, Э. Г. Юдина, Г. А. Югая и других советских авторов

¹ Анализ различных определений этого понятия обстоятельно проведен в кн.: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974.

обстоятельно рассмотрены такие вопросы, как сущность и методологическая специфика системного подхода, роль аналогий целого и части в исследовании системных объектов, теория организации систем, особенности применения системных методов в различных областях знания и др.¹ Специальное внимание было уделено показу системной природы диалектики и ее плодотворного и конструктивного влияния на развитие конкретных системных приемов и методов исследования, а также критике в этой связи позиций некоторых буржуазных авторов, которые вопреки исторической и научной истине пытаются противопоставить теорию систем диалектике. Нужно подчеркнуть, что в последние годы успешно разрабатывается марксистско-ленинская концепция методологических принципов системного подхода, которая активно способствует развитию системных исследований в различных отраслях науки и практики.

Несомненно, современные достижения научного изучения проблем системности учтены в данной книге. Однако учтены не в смысле «осовременивания» К. Маркса, а и в плане большего внимания к тем моментам его методологии, которые ныне особенно актуальны. Вместе с тем само исследование творчества Маркса под этим уг-

¹ См., например: *Афанасьев В. Г.* Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964; *Он же.* Системность и общество. М., 1980; *Он же.* Общество: системность, познание и управление. М., 1981; *Абрамова Н. Т.* Целостность и управление. М., 1974; *Аверьянова А. Н.* Система: философская категория и реальность. М., 1976; *Глауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; *Гвишиани Д. М.* Организация и управление. М., 1972; *Он же.* Материалистическая диалектика — философская основа системных исследований. — Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1979. М., 1980; *Крестьянский В. И.* Структурные уровни живой материи. М., 1969; *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода. — Вопросы философии, 1971, № 1; *Ракигов А. И.* Философские проблемы науки. Системный подход. М., 1977; *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем (Логико-методологический анализ). М., 1974; *Свидерский В. И.* О диалектике элементов и структуры. М., 1962; *Тюхтин В. С.* Отражение, системы, кибернетика. М., 1972; *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978; *Украинцев Б. С.* Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972; *Югай Г. А.* Проблема целостности организма. М., 1962; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978; *Юдин Б. Г.* Методологический анализ как направление изучения науки. М., 1986; Проблемы методологии системного исследования. М., 1970; Системные исследования. Ежегодник, выпускаемый с 1969 года; Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983, и ряд других работ.

лом зрения имеет свои трудности. С одной стороны, ясно, что и социально-историческая теория Маркса, и его диалектико-материалистическая методология системны по самому своему существу. С другой стороны, Маркс хотя и употребляет понятия «система», «органическая система», «развитие системы в целостность» и т. п., однако употребляет их прежде всего в содержательном плане, без специальных методологических рассуждений общего порядка, тогда как в рамках современного системного подхода такого рода понятия становятся важными компонентами специального языка и предметом методологического обоснования. Иными словами, К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили нам специальных исследований проблемы системности в виде готовой методологической теории, но они оставили системную теорию общественного развития и множество примеров конкретного системного решения различных вопросов, возникающих при изучении общества как целого. Задача этой книги как раз в том и состоит, чтобы вычленив «системное содержание» учения Маркса и понять обнаруживаемую им системность и применяемые им системные принципы как особые специфические закономерности сферы общественной жизни.

Как показывает анализ, саму системность К. Маркс рассматривает в двух планах. Он считает общество определенного рода «органической системой», которая развивается по законам той или иной общественно-экономической формации. Формация в этом смысле представляет собой исторический тип или «вид» социального организма, а социальные механизмы функционирования и преобразования формаций, превращения их в организмы иного социально-исторического типа выступают как обнаружение системности. Объясняя функционирование буржуазного общества, Маркс подчеркивает, что оно происходит, «как и во всякой органической системе». Второй план рассмотрения Марксом системности находит выражение прежде всего в рассмотрении социальных явлений через отнесение их к базису определенной системы и объяснение в рамках законов этой системы, через рассмотрение их сквозь призму общей структуры общественной формации.

Решая задачу исследования проблем системности в творчестве К. Маркса, мы отказались от каких-либо параллелей с разработкой системного подхода в современной методологической литературе, в частности в рамках

«общей теории систем» и прикладного системного анализа. Иначе говоря, мы сознательно исключили всякую экстраполяцию выводов, представлений и понятий современного системного подхода на теорию Маркса. Это представилось необходимым для того, чтобы подчеркнуть специфику и значение научного вклада Маркса в разработку принципа системности и основополагающий характер выявленных им закономерностей. Значение такого подхода к анализу предмета книги тем более важно, что идейные противники марксизма-ленинизма всячески пытаются доказать «устарелость» теории Маркса. В такой ситуации исследование вклада Маркса в разработку принципа системности послужит еще одним доказательством того, как теория и методология Маркса «работает» сегодня, а его теоретические выводы и методологические положения оказываются действенными и основополагающими даже в таких новейших и «модных» областях современной науки, как теория систем.

В соответствии с таким замыслом теория К. Маркса рассматривается в ее собственных понятиях и логике, с той только разницей, что содержательно сформулировано им положения в области теории стоимости, денег, морального износа техники, базиса и надстройки и т. д. сопровождаются методологическими комментариями, преследующими цель выявить заключенное в них системное содержание: природу общественных явлений, специфические качества, структуры, основания, критерии и системообразующие факторы. Понятно, что такое комментирование потребовало ввести несколько рабочих методологических понятий¹, которые сам Маркс не употребляет, но которые, как нам представляется, соответствуют смыслу и духу выявленных им феноменов и отношений. Сама по себе такая методологическая процедура вполне естественна и принята в науке при решении проблем теоретической и методологической реконструкции определенных этапов истории познания, когда исследователь не может не учитывать современный ему уровень развития знания. С таких позиций, например, мы в XX в. анализируем античные, средневековые и иные образцы материализма и

¹ Наша цель при этом ограничивалась задачами фиксации системного содержания соответствующих явлений и отношений. Что же касается введенных нами понятий системного качества, системных оснований, структур и критериев, то, как мы полагаем, последующие исследования позволят судить, насколько они удачны или, напротив, требуют уточнения.

диалектики в сочинениях классиков философии и конкретных наук.

Еще одна особенность этой книги заключается в том, что по мере возможности мы стремились сосредоточить усилия не на выявлении внешних атрибутов системности, а на раскрытии тех действительных системных закономерностей, которые К. Маркс обнаруживает в своем анализе капиталистической общественно-экономической формации. Маркс не ищет универсальных системных закономерностей, не формулирует он и всеобщих системных понятий; то, чем он занят,— это установление *конкретных системных закономерностей* развития общества. Именно на этом материале и должны быть выявлены специфические *методологические* характеристики системности. Если, например, Маркс исследовал социально-экономические закономерности функционирования и развития общества, то мы сегодня исследуем, помимо всего прочего, теоретико-познавательные, методологические средства, которыми он пользовался, изучаем конкретные формы и приемы научного метода Маркса. Добытое таким образом методологическое знание выступает вторичным по отношению к конкретно-научному знанию. Но зато это последнее получает как бы свою «вторую жизнь» — в виде философско-методологического знания. В этом, собственно, и заключается конечный смысл всякого исследования, направленного на решение методологических задач.

Раздел I

**Принцип системности
в теории
и методологии
К. Маркса**

Из истории зарождения системных идей

В нашей научной литературе ныне все чаще употребляются понятия «система», «системность», «системный подход», «системный анализ», «общая теория систем» и т. п. Редкая научная книга обходится без рассуждений на эти темы. И так же как в период становления конкретной социологии многие философы, экономисты, правоведы, психологи и другие обществоведы вдруг открывали, что они, «оказывается», всю жизнь занимались социологией, так и теперь множество специалистов естественных, технических и общественных наук открывают для себя, что изучаемые ими проблемы, «оказывается», системны. Например, системен наш опыт планирования народного хозяйства, системно решаются проблемы использования природных ресурсов и размещения производительных сил, системны сложные технические объекты и т. д. Многие из того, что еще вчера называлось целостным, комплексным, единым, комбинированным и другими общими и специальными терминами, сегодня называется с и с т е м н ы м.

Это похоже на рождение моды. И если бы за этим не скрывалось ничего более существенного, то к такому явлению можно было бы отнестись столь же равнодушно или, наоборот, неравнодушно, как и ко всякой моде. Но это явление носит только оттенок моды, а на самом деле на нем стоит все более широкое научное и практическое осознание системности как одного из важных параметров окружающего нас объективного мира и методологическое осмысление ее в качестве особого измерения действительности.

Системность многолика. У нее есть свои мировоззренческие, методологические и прикладные аспекты. Понимание всех этих аспектов оказалось принципиально важ-

ным для решения как теоретических, так и практических вопросов. Например, при изучении социальной жизни чрезвычайно важно знать, что является системой (целостным организмом), по законам которой она функционирует, — общество вообще или отдельная формация? От решения этого вопроса непосредственно зависит, какие законы «ищет» наука в обществе — то ли единые и «вечные» законы всех времен и народов, то ли исторические законы каждой конкретной эпохи (общественно-экономической формации). Как известно, именно в этом пункте заключено коренное различие марксистских и домарксистских взглядов на общественную историю. Не менее важным для понимания закономерностей живой природы оказалось выявление и изучение реальных биогенетических систем — видов и популяций. Применительно к явлениям неживой природы аналогичную роль сыграло установление системно-структурных закономерностей физико-химических элементов. Открытие системных качеств раскрыло природу целого класса сложнейших интегральных свойств вещей, не сводимых к их собственным качествам. Методологическое изучение свойств и закономерностей целостных функциональных систем легло в основу особой познавательной «технологии», которая используется при анализе любых биологических или социальных явлений.

Нынешний научный интерес к системности получил широкий отклик в практике. Системность оказалась необходимым методологическим средством и формой выражения качественно возросшей сложности технических сооружений. Чем сложнее становились технические конструкции, тем сложнее оказывалось согласование работы их частей и элементов, обеспечение их функционирования, их «интеллектуальные органы» управления, самоконтроля и саморегуляции. Иначе говоря, сложные технические конструкции стали все в большей мере проектироваться и работать по законам целостных функциональных систем. В еще большей мере аналогичные сдвиги обнаруживаются в управлении централизованным народным хозяйством, в создании крупных проектов освоения природы, стремящихся предвидеть близкие и далекие последствия вмешательства человека в баланс природного равновесия и т. п.

Разработка этих вопросов важна для прогрессивного развития науки и общественной практики. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, а затем и на

XXV—XXVII съездах КПСС была подчеркнута необходимость шире использовать системный, комплексный подход.

Современная наука и практика управления все шире и всесторонне исследуют и используют теоретические и практические проблемы системного подхода. По этим вопросам в мире издаются десятки научных журналов, их разработкой занимаются сотни научных подразделений, регулярно проводятся конференции, симпозиумы, совещания. Для оценки роли системных идей очень примечателен тот факт, что в 1973 г. начал работу Международный институт прикладного системного анализа. В 1976 г. и в СССР был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. И хотя арсенал средств системного подхода разработан еще недостаточно полно и широко, его теоретическое, методологическое и прикладное значение уже широко признано. Такое признание легко объяснимо: наука и практика испытывают потребность в системных идеях и принципах.

Но если легко объяснить, почему столь активно разрабатывается сегодня прикладная сторона системного подхода, то гораздо сложнее ответить на другой вопрос: почему системность как один из принципов теории и методологии, осмысливается и формулируется в явном виде столь поздно, лишь во второй половине XX века? Отвечая на этот вопрос, надо признать, что разработка принципов и идей системного подхода пережила довольно необычную историю. Дело в том, что крупнейшие конкретно-научные, системные по своему содержанию теории созданы еще в середине прошлого века. Это социально-экономическая теория К. Маркса и Ф. Энгельса и эволюционная теория Ч. Дарвина. Да и в целом минувшее столетие оказалось очень плодотворным в «системном отношении». В этот период были созданы фундаментальные физические, математические, космогонические, химические, биологические, социально-исторические теории, в основе которых, по существу, лежали исследования различных природных и общественных систем. Тогда же начали складываться представления о системах различных уровней и специфических сфер действительности, возникли идеи *полисистемности мира*. Все это несло в себе массу информации о специфике самых разнопорядковых систем действительности и их закономерностей, о гносеологических и методологических проблемах, возникающих в связи с исследованием систем. Но прошло почти целое столе-

тие, прежде чем эта проблематика выделилась в самостоятельное методологическое направление. Основные системные представления, рожденные наукой на протяжении этого столетия, выступали долгое время как грани других теорий: материализма, диалектики, эволюционного учения, концепций строения и уровней материи и т. п. Иными словами, такие представления уже *фактически* существовали, но их самостоятельное значение оставалось еще не осмысленным.

Только в 40-х годах XX в. по инициативе известного австрийского биолога Л. Берталанди начинается систематическое исследование методологического аспекта этих проблем. Возникает «системное движение», в которое входят по преимуществу специалисты различных областей естествознания и техники, а затем и представители других научных дисциплин. Основные задачи, которые ставили инициаторы этого «междисциплинарного» движения, заключались в выявлении универсальных закономерностей (изоморфизмов) всех систем и в создании на этой основе «общей теории систем», а также в выработке специального системного «языка» и соответствующего математического аппарата.

К настоящему времени проделана большая и полезная работа, позволившая поставить ряд конкретных вопросов системного исследования, но прежде всего привлечь к этой проблематике внимание широкой научной общественности. Однако теория систем, по собственным заявлениям инициаторов «системного движения», пока в теорию в обычном смысле слова не складывается. Дело скорее оборачивается выработкой неких «общих исследовательских ориентаций»¹.

В этой связи обращают на себя внимание два факта. Во-первых, тот, что философы, которые и являются специалистами, так сказать, по «общим ориентациям» — мировоззрению и общей методологии, в этом движении участвуют еще недостаточно. А ведь это их профессиональная работа (для которой они обладают соответствующей подготовкой), тогда как для специалистов других наук такого рода занятия в большинстве случаев не являются основной деятельностью. Второй факт заключается в том, что все фундаментальные достижения науки за минувшее столетие, которое можно было бы по праву назвать веком

¹ См., например: Рапопорт А. Различные подходы к общей теории систем.— Системные исследования. Ежегодник, 1969, с. 55, 61.

открытия систем, оказались мало исследованными именно с точки зрения системности — раскрытия того, что они включают в себе в плане разработки теории систем и принципов системного подхода.

Предваряя выводы этой работы, можно утверждать, что, по обобщив уже добытых марксизмом и конкретными естественными науками данных и не оперевшись на них, построить удовлетворительную теорию систем нельзя. Более того, есть все основания полагать, что сама эта теория, видимо, всеобщей будет главным образом в своих мировоззренческих и методологических представлениях. Что же касается собственно системных закономерностей, то они, по нашему мнению, будут по преимуществу *специфическими*, особыми для различных сфер и уровней реальной действительности.

При рождении всякой новой области знания, естественно, возникает вопрос о его связях со «старым» знанием, о его отношении к существующим мировоззренческим и методологическим учениям, о его «законном» месте в системе науки. Такие вопросы ныне ставятся и перед системным подходом. Наша позиция по этому вопросу, если ее выразить предельно кратко, такова: системное знание в его *научной* форме впервые появилось в XIX в. *Марксистская теория и методология включают в себя принцип системности в качестве одного из важных компонентов.* Современная дифференциация научного знания, захватывая и область методологии, приводит к вычленению отдельных компонентов последней в относительно самостоятельные методы, подходы, средства. Именно таким образом развиваются и обособляются системный, структурный, функциональный и другие подходы. И это вполне в духе времени. В результате на смену относительно простой целостности методологии прошлого века приходит более сложная и дифференцированная целостность современной научной методологии, естественно включающей в себя все богатство методологических средств.

Исторически этот процесс протекал следующим образом. Материализм и диалектика, успешно примененные к научному объяснению различных типов явлений природы, общества и мышления в XIX в., становятся универсальными мировоззренческо-методологическими основаниями познания объективной действительности. Утверждение их в этом качестве произошло не по мановению волшебной палочки, а как результат реальных достижений научного знания. Диалектико-материалистическое

объяснение законов человеческой истории и эволюции живой природы, материалистическое истолкование оснований человеческой психики и ряд других крупных успехов материализма существенно расширили рамки научного применения его принципов. Естественно, что при этом диалектика, вскрывающая всеобщий характер движения материи, сам «способ ее существования», внутренние источники ее развития, становится и мировоззренчески, и гносеологически, и методологически «душою» марксова материализма, пронизывая всю его ткань.

Успехи материализма и диалектики в XIX в. и их органическое соединение в марксизме дали науке устойчивую и адекватную философскую систему, твердое мировоззренческо-методологическое основание. Вместе с тем постепенно сложилось и достаточно широко распространилось мнение, что весь секрет успеха марксистской теории — в диалектике. Диалектика выступила как бы олицетворением всего прироста научного знания, всех новых элементов картины мира, нового строя научного мышления. На счет диалектики относились и более совершенная система методологии диалектического материализма, и эпохальные достижения в понимании истории природы и общества — словом, вся теоретическая мощь учения, рожденная соединением материализма с диалектикой. И только последующий, более детальный анализ этих процессов показал, что утвердившиеся принципы марксистско-ленинского миропонимания и научного мышления опирались на все достижения научного знания, на все богатство идей современного материализма и диалектики и, в частности, включали в себя вместе с материалистическим пониманием истории и системный подход, который до известного времени не рассматривался самостоятельно и потому представлял лишь как один из теоретических аргументов диалектики и социальной теории К. Маркса и Ф. Энгельса.

В нашей философии значительное число работ посвящено анализу того, как менялись мировоззренческие представления под воздействием идей диалектики, диалектического материализма. В современных условиях назрела необходимость специально рассмотреть одну из сторон этой проблемы — вычлнить «системный аспект» изменений в научном познании и мировоззрении, проследить, как рождались основные системные представления.

Познавая окружающий мир, человек всегда искал в нем ответы на вопросы о первоосновах сущего и источ-

е его движения, о первых причинах всех явлений, о «последних» основаниях бытия и сознания. Эти вопросы первые, часто наивные донаучные ответы на них занимали видное место уже в древней философии. И не случайно, конечно, вопрос о «первосубстанции» — первичности материи или духа — стал основным вопросом философии, главной линией борьбы материалистических и идеалистических учений.

Конкретные знания человечества о мире из века в век увеличивались, сложнее становились теории, пытавшиеся построить из накопленного материала цельную и законченную «картину мира», но представления о всеобщих первоначалах, первооснованиях мира вплоть до XIX в. оставались весьма абстрактными, несовершенными, а иногда даже мистическими. Над наукой тяготели поками сложившиеся представления о действительности как о мире в основе своей *постоянном*, где всегда существовали одни и те же типы предметов и явлений, растений и животных, людей и общественных порядков, которые хотя и видоизменялись по форме, но в существе своем оставались прежними. Такие представления не были, может быть, единственными, но они были господствующими. Идея о том, что в фундаменте мироздания лежат некие *абсолютные начала*, была в высшей степени характерной для тогдашнего уровня знаний¹. Идеалисты усматривали такие начала в идеях, понятиях, «мировом духе» и т. п. Метафизики-материалисты искали их в вечной «природе вещей». При всей принципиальной противоположности материалистических и идеалистических теорий на этом уровне развития научного знания они зачастую сходились в том, что *виды* и *роды* явлений полагали веч-

¹ По свидетельству, например, Ч. Дарвина, ни один его современник не согласился с его идеями изменения видов животных до выхода в свет его капитального труда «Происхождение видов». По этому поводу он писал в «Автобиографии»: «Иногда высказывалось мнение, что успех «Происхождения» доказывал, что «идея носилась в воздухе» и что «умы людей были к ней подготовлены». Я не думаю, чтобы это было вполне верно, ибо я не раз осторожно нащупывал мнение немалого числа натуралистов, и мне никогда не пришлось встретить ни одного, который казался бы сомневающимся в постоянстве видов. Даже Лайелль и Гукер, хотя и с интересом выслушивали меня, никогда, по-видимому, не соглашались со мною. Один или два раза я пытался объяснить способным людям, что я понимаю под Естественным Отбором, но попытки мои были удивительно безуспешны» (Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). М., 1957, с. 134).

пымп и неизменнымп, а сами стоящие за ппми системные объекты представляли просто как некие суммативные общности или собирательные понятия.

Такой подход имел под собой определенную конкретно-историческую почву: прямое наблюдение не давало достаточных оснований для понимания качественных изменений видов и родов вещей и явлений, ибо они изменялись медленнее, чем отдельные предметы, явления, особи, и, по существу, темпы этих изменений были несоизмеримы со «сроками жизни» и масштабами известных человеку конкретных явлений, а потому долго оставались незаметными для познания. Наука того периода еще не располагала материалами систематического изучения истории природы и общества, а без этого понять эволюцию и качественные изменения большинства реальных систем было практически невозможно.

Узок был сам тогдашний масштаб представлений о мире. Закономерности и рамки «жизни» космогонических систем и планет, геологических эпох, биологических видов, общественных формаций были неизвестны и недоступны тогдашней науке. В такой ситуации в фокусе человеческого познания обычно оказывался просто тот или иной типичный предмет или явление. И понять его исследователи стремились, исходя из него самого и его собственной «природы» либо, если они стояли на позициях идеализма, исходя из его понятия, идеи, т. е. в конечном счете из своего мысленного представления о нем. Этот традиционный для того времени гносеологический «предметоцентризм» (т. е. сосредоточенность на каком-либо отграниченном предмете) отражал неразвитость человеческих знаний о «высших материях» — о причинах причин, подлинных основаниях процессов реальной действительности. Конечно, такие взгляды были вполне закономерным продуктом своей эпохи. Однако при переходе к новому этапу развития познания подобный «предметоцентризм» оказался существенным препятствием, мешавшим понять мир в более крупном масштабе — как мир систем, универсальных взаимодействий, мир исторически конкретный и развивающийся. Конкретными выражениями этой ограниченности были, с одной стороны, идеалистические концепции духовного предсуществования явлений, а с другой стороны, метафизические теории «абстрактного естественнонаучного материализма, исключаящего исторический процесс...»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383.

В науке постепенно накапливались факты, говорящие о том, что кроме собственных, внутренних (в узком смысле слова) закономерностей существования и развития конкретных явлений имеются еще и другие, более широкие и общие закономерности, по отношению к которым бытие отдельных явлений и даже их групп и специфических сфер выглядит лишь как частный случай их проявления. Осмысление этого обстоятельства выдвигало вопрос о каком-то новом измерении явлений, не сводимом к их собственным качествам, свойствам, параметрам и внутренним взаимодействиям, а определяемом закономерностями их макросистемы.

Материалистическое понимание истории общества и эволюции живой природы стало исходным пунктом в системном понимании действительности. Именно отсюда началась эпоха штурма фундаментальных закономерностей макросистем, а затем и законов микромира. Наиболее сложным среди объектов познания было человеческое общество, подлинно научному анализу общих, интегральных закономерностей которого посвятили себя К. Маркс и Ф. Энгельс. Позже на подобной методологической основе начинают создаваться и другие фундаментальные научные теории в различных областях естествознания и обществоведения.

В итоге этого процесса складывается более широкое и расчлененное представление об объектах действительности: познание теперь различает элементарные, предметные и макросистемные объекты, приступает к выявлению законов образования и развития систем, дифференцированно анализирует различные уровни изучения действительности. Под влиянием этого большинство наук претерпело в XIX—XX вв. процесс расширения и углубления представлений о предмете своего изучения. Совокупность подобных сдвигов привела к переосмыслению содержания накопленных науками знаний, к уточнению сферы действия открытых ранее частных закономерностей и создала предпосылки для выработки подлинно научных теорий происхождения и развития различных классов явлений. Для многих ранее известных фактов были намечены новые линии их изучения и измерения, новые «системы отсчета», выявлены новые системы зависимостей, взаимодействий и субординации.

Так, марксистская теория общественно-исторического развития дала принципиально новые законы и критерии для переосмысления всего накопленного в общественных

науках фактического материала. В частности, в ряду других важнейших открытий марксистской теории и методологии важную роль сыграла системная трактовка социальной действительности, нашедшая воплощение в закономерностях общественно-экономических формаций (систем), в установлении системной по своему существу зависимости между сферами материальной и духовной жизни общества, в открытии феномена двойственной качественной определенности социальных явлений и т. п. Все это позволило покончить с бытовавшими до того в общественных науках мифами об «обществе вообще», «человеке вообще», «государстве вообще», «богатстве вообще» и другими абстрактными и неисторическими представлениями, которые препятствовали пониманию реальных процессов и специфических общественных форм, заводили научное исследование в тупик.

Аналогичное значение для переосмысления фактического материала биологии имели эволюционная теория Ч. Дарвина и генетика, а для физики — теория относительности А. Эйнштейна и квантовая теория, для химии — периодическая система Д. И. Менделеева и т. п. Эти и целый ряд других теорий в естествознании и общественных науках второй половины XIX и начала XX в. утверждали идеи последовательного материализма и системности, идеи всеобщего развития, универсальной диалектики и историзма. В этих условиях открытие закономерностей самодвижения и развития макросистем стало, по существу, одним из главных вопросов века. Наука вступила в качественно новую фазу. Она нашла след основных естественных законов развития природы и общества, открыла, образно выражаясь, закономерности движения самих «субстанций».

Так под воздействием успехов материалистического понимания, открывшего путь к изучению больших систем в природе и обществе, в научном познании действительности стало появляться все больше системных «элементов» и «компонентов», которые постепенно превращались в привычные приемы научного мышления даже независимо от специального методологического осмысления проблем системности. Например, философия многие столетия анализировала понятия и отношения «непосредственного и опосредованного», «видов и родов» явлений, «высших субстанций» и т. п., но только при широком диалектическом, историко-материалистическом и в то же время системном взгляде на мир эти понятия как бы обрели

реальные «земные основания» и стали играть универсальную методологическую роль. Отныне все предметы, объекты, явления, поскольку изучаются их «природа», причины и основания, должны раскрываться и как непосредственные, и как опосредованные. При этом анализ опосредований призван прежде всего выразить системные отношения, как общие, так и частные. Точно таким же образом «виды и роды» явлений и «высшие субстанции» из вещей сугубо отвлеченных и порой даже мистических выступили вполне реальными основаниями и системами типа общественно-экономических формаций, видов животных и растений, космогонических систем. Сами понятия «видов», «родов» и «субстанций» перестают быть только абстрактными сущностями, они наполняются реальным материальным содержанием. Все это помогает создавать более адекватную картину мира, свидетельствует о наличии в нем принципов системной организации и в конечном итоге начинает выступать в качестве совокупности обязательных гносеологических правил.

Так изменяется сам масштаб видения мира: поначалу вынужденный и ограниченный гносеологический «предметоцентризм» сменяется, так сказать, «системоцентризмом». В центре научного познания оказываются большие и малые системы явлений объективной действительности. Вместе с тем отныне все явления познаются не только сами по себе, но и как части, элементы или компоненты некой более широкой системы. И у этого «нововведения» есть теперь серьезные научные основания. Выводы материалистического понимания истории и системного понимания законов природы убедительно свидетельствуют о том, что именно система явлений дает им статус «типичности». При этом происходит как бы «преодоление конечности» — в том смысле, что естественная гибель отдельных вещей и индивидов не приводит к уничтожению их вида и рода. Само видовое бытие теперь выглядит «продолженным» за границы и пределы бытия индивидуального.

С другой стороны, именно через систему явлений раскрывается их общая (системная) специфика (в отличие от индивидуальной спецификации). Именно здесь обнаруживаются системные, специфические формы бытия, качества, причинности; здесь же выявляется и тот факт, что такие категориальные параметры явлений, как «необходимое и случайное», «причина и следствие», «внешнее и внутреннее», «сущность и явление», «возможность

и действительность» и т. п., имеют — и притом в качестве основного измерения — конкретное *внутрисистемное* содержание. За этими пределами, в другой системе координат, их конкретные значения могут быть иными и даже обратными. Все это имеет принципиальное значение для анализа сложных систем, прежде всего систем общественных, в которых один и тот же объект является как бы *многочленом* различных и разнопорядковых систем. В подобных ситуациях все указанные категориальные параметры, выведенные применительно к одной из систем (в которую включен социальный объект), могут оказаться совсем иными в другой системе.

Наконец, именно система явлений (а не единичный предмет!) оказывается той базовой единицей реального мира, по отношению к которой становится возможным установление конкретных законов (опирающихся, как правило, на общность условий существования, массовость и однородность явлений). Вместе с тем обычно система же является ареной действия законов и границей их действительности.

Так под влиянием фундаментальных достижений естествознания, обществоведения и философии происходит изменение самого типа научного мышления. От преимущественного изучения «состава» вещей, их «анатомии» и структур действительности оно переходит к преимущественному изучению процессов развития и функционирования, к дополнению предметного и структурного видения действительности генетическим, историческим, функциональным, системным. Одновременно познание идет от изучения простого к изучению сложного, от изучения отдельных вещей и явлений к изучению их систем, комплексов, взаимодействий. При этом происходит изменение масштаба и «фокуса» научного мышления: оно становится более системным и в то же время более дифференцированным, многоуровневым, многоаспектным. Обобщенно это можно охарактеризовать как процесс *диалектизации* научного познания.

В целом историко-гносеологический процесс углубления и конкретизации знаний о мире, конечно, существенно меняет многие приемы научного мышления.

Чтобы схватить и выразить в понятиях реальную сложность и многомерность объективной действительности, научное познание дифференцируется, исследует познаваемый мир на различных уровнях, в качественно специфических аспектах, фокусирует, шире анализирует все

системы связей и взаимодействий явлений, да и само движение теперь изучается им во всем богатстве его специфических форм: исторического и эволюционного развития, функционирования, динамических закономерностей и т. п. Так меняются не только человеческие представления о картине мира, но и сами *формы и приемы* видения мира. Понятно, что огромное значение имеет не только то, что знает человек об окружающем его природном или социальном мире, но и то, как он его видит и осваивает. Эта вооруженность познания адекватными средствами, приемами, мыслительной «технологией», стратегией поиска не менее важна, чем сами позитивные знания о мире.

Специфика системного знания

Среди многообразных аспектов проблемы системности важное место занимает вопрос о ее гносеологической специфике, о роли и месте системного знания среди других форм теоретического познания.

Системность обнаруживается во всех сферах и на любых уровнях объективного мира. Поэтому и познание ее предполагает использование всего богатства средств методологии. При этом в системном исследовании «работают» как специфически системные гносеологические средства, которые наиболее адекватно выражают сущность и специфику системного знания, так и «классические» формы познания, в частности такие «вечные» логические формы (единичное и общее, сущность и явление, часть и целое, внешнее и внутреннее, непосредственное и опосредованное и т. д.), которые так или иначе используются во всяком научном исследовании; при системном подходе, однако, они подчиняются задаче установления системной специфики объекта, включаются в особый контекст. Бесспорно, современное специализированное изучение системных объектов, фактов, оснований и отношений глубже и систематичнее рассматривает взаимоотношения, скажем, элемента и системы (части и целого), зависимости и автономии, взаимосвязи явлений внутри целого, базисной субординации и координации, иерархии оснований и структур и т. п. Но между этими, так сказать, «классическими» и «неклассическими» формами есть несомненная преемственность. Единство обеих форм или «слоев» познания помогает нам глубже понять всеобщие и специфические черты системного знания, системного подхода, его место в теории и методологии, помогает осознать как его широту и научную мощь, так и его специфическую природу и соответственно ограниченность.

Специфичность системного знания можно анализировать в конкретно-научном и гносеологическом аспектах. В первом случае предметом анализа становятся конкретные природные или социальные системные объекты, их свойства и закономерности. Во втором случае исследуются сами понятийно-категориальные средства и методы познания. В данной главе, посвященной именно этому аспекту проблемы, анализ направлен на выявление гносеологической специфики системного знания.

Существо этой сложной методологической проблемы легче раскрывается в том случае, если развитие познания представить как смену разнопорядковых внутренних установок познавательной деятельности, причем каждой установке соответствует как бы своя особая «фокусировка» или «кристаллизация» знаний вокруг определенного принципа.

Анализ показывает, что такая «фокусировка» отнюдь не произвольна, в ее основе лежат выработанные наукой и многовековой практикой человеческого мышления представления о типических объектах природы и общества. Простейший из них — *отдельный предмет как система*; более сложный — *видо-родовая система* (макро или микро) и предмет как ее элемент; самый сложный — *полисистемный комплекс* — совокупная разнообъектная действительность и предмет в контексте внешних эмпирических условий его существования. Этому разделению по типам объектов соответствуют и определенные типологические формы теоретического познания, так сказать, гносеологические «призмы», задающие способ «видения» объекта.

Первая из них в фокус своего рассмотрения ставит отдельный предмет, взятый «сам по себе». Существо этой позиции можно кратко определить как «предметоцентризм».

Вторая форма познания своим фокусом имеет «вид», «род», составляющие систему явлений, а отдельное явление, предмет выступают при этом как структурная или функциональная часть целого, как его элемент, компонент.

Третий род объектов познания — сложная действительность, представленная множеством разнотипных объектов (систем) и их взаимодействий. Соответственно моноцентрические установки предшествующих форм («предметоцентризм» и «системоцентризм») здесь неадекватны, на их место выдвигается новый принцип познания, согласно которому изучаемая реальность рассматривается как

полицентрическое сверхсистемное единство, как сложная (аддитивная или неаддитивная) совокупность явлений¹. Основным содержанием познания в рамках этой формы становятся, таким образом, уже не столько предметы или системы сами по себе, сколько их взаимодействия, баланс разнообразных сил, факторов, процессов и т. п., т. е. сложный синтез знаний о совокупности явлений, не имеющих единого общего основания или, точнее, единой и однопорядковой системы законов². Такова фокусировка «полисистемного комплекса», в котором изучаемой системой является взаимодействие «предмета и среды», явления и условий его существования, вместе взятых.

Естественно, что каждая такая исходная методологическая установка во многом предопределяет сам характер добываемого знания, ибо она способствует выделению и целенаправленному познанию каких-то одних черт и вместе с тем может оказаться неприспособленной для изучения других черт объективной действительности. Системное знание поднимается выше ограничений предметного, непосредственного знания и выявляет некую надындивидуальную, «видовую» жизнь явлений и их реального взаимодействия с внешним миром.

Эти специфические установки, или «призмы», познания имеют, конечно, свою историю. Так, «предметоцентризм» на протяжении многих столетий был самым доступным людям способом освоения действительности. Макросистемное знание как самостоятельное, развитое возникает тогда, когда познаны основные законы истории природы и общества, раскрыты закономерности «видов» и «родов» явлений. Метасистемное знание получает всеобщее развитие только в XX в. Теоретическое познание к этому периоду достигает такого уровня развития, когда оно способно анализировать и синтезировать всю полисистемную и разнопорядково детерминированную картину мира.

¹ В. И. Ленин, характеризуя подобную гносеологическую ситуацию, писал: «Перед человеком сеть явлений природы...» (Полн. собр. соч., т. 29, с. 85).

² Эта специфическая черта современного научного познания начинает находить выражение и в методологической рефлексии. Например, советский биолог К. М. Хайлов, анализируя развитие теоретических установок в биологии, характеризует их как переход от моноцентризма к полицентризму (см. его работу «К эволюции теоретического мышления в биологии: от моноцентризма к полицентризму». — Системные исследования. Ежегодник, 1973. М., 1973).

Сама по себе эта «история форм» объясняет, конечно, далеко не все, но нам важно заключенное в ней косвенное свидетельство о том, что данные формы — необходимые, проверенные вековым опытом приемы познания, последовательность которых вместе с тем отражает также ступени исторического прогресса научного знания и последовательного возрастания сложности его организации.

Чтобы исключить возможные недоразумения, подчеркнем, что в данном случае мы рассматриваем не общий вопрос о природе познания и его ступенях, а относительно узкую тему из этой широкой области — тему, связанную с природой и спецификой системного знания. Вероятно, названные здесь три типа познавательных установок имеют и определенный общеметодологический смысл, позволяя задавать различные модификации иерархии форм познания, например: предметное, предметно-системное, многопредметное знание; досистемное, системное, сверхсистемное знание; монопредметное, полисистемное, метасистемное знание. Нам же важно иметь в виду, что особенности системного знания могут быть поняты как следствия некоторых общих принципов развития теоретического познания, в частности специфичности его внутренних установок на тот или иной тип объектов и известной последовательности форм отражения действительности.

Как известно, существует целый ряд исторически сложившихся расчленений познания, подчеркивающих различные стороны как процесса познавательной деятельности, так и ее результатов: чувственное и рациональное познание, эмпирическое и теоретическое знание, абстрактное и конкретное знание, анализ и синтез, историческое и логическое и т. д. Все эти расчленения отражают те или иные объективные свойства познания и его структуру, показывают взаимодействие различных методов и в целом дают общее представление об основных формах, уровнях и ступенях процесса познания. Однако при всей их важности для общей гносеологии все эти расчленения не дают нам возможности вскрыть специфику системности и условия ее формирования в качестве особой познавательной установки. Эта последняя выявляется более четко при рассмотрении приемов теоретического познания, фиксирующих объектно-гносеологические моменты («предметоцентризм», «системоцентризм» и т. п.).

Так, познание, вольно или невольно строящееся вокруг отдельно взятого предмета, в какой-то момент неизбежно приходит к осознанию узости и частного характера своей

исходной задачи. Познание, нацеленное на рассмотрение системы явлений и внутренних ее закономерностей, столь же неизбежно начинает понимать свою специфичность. Наконец, познав явление и систему явлений, человек ставит перед собой новые задачи — познания предмета в системе всеобщей взаимосвязи явлений действительности, овладения знанием о всей совокупности происходящих процессов. Это, в свою очередь, требует особой нацеленности и «фокусировки» познания. Научное понимание подобных гносеологических явлений представляет собой важное методологическое условие для правильной ориентации познания, которая позволяет избавиться от гипертрофии того или иного «специфического» видения действительности, помогает более грамотно строить предмет изучения и весь исследовательский процесс.

Конечно, реальный процесс познания объективных природных или социальных явлений никогда не строится по законам того или иного гносеологического принципа в чистом виде (анализ и синтез, историческое и логическое и т. п.). Не строится он непосредственно и в соответствии с рассматриваемыми здесь объектно-гносеологическими формами и ступенями познания. Все эти формы представляют собой грани и моменты познающего реальный мир человеческого мышления, различные виды его методологического вооружения. И понятно, что, чем больше развита наука о законах и формах научного мышления, чем более вооружен ею познающий субъект, тем основательнее и глубже осуществляется познание объективной действительности.

Итак, системность как принцип познания образует только одну из граней процесса теоретического изучения действительности. Она, как и другие грани и аспекты этого процесса, должна быть поэтому четко определена с точки зрения ее реальной роли и специфики. Именно эта линия анализа и будет проводиться нами в дальнейшем рассмотрении системности, системного знания как одного из закономерных этапов процесса познания, движущегося от изучения предмета «самого по себе» к изучению его роли в видо-родовой системе, взаимосвязи с другими явлениями, его места во всеобщем взаимодействии всех систем и эмпирически действующих обстоятельств реального исторического процесса¹.

¹ В целом это движение познания от простого к сложному есть также проявление процесса восхождения от абстрактного к конкретному. В работе «Категория меры в марксистской диалек-

Если иметь в виду философскую классику, то проблемы гносеологической специфики форм и ступеней познания наиболее подробно рассмотрены в «Науке логики» Гегеля и в «Капитале» Маркса, причем в «Капитале» решение этих проблем дается в контексте конкретного политэкономического исследования. Сравнительный анализ теоретических позиций Гегеля и Маркса и послужил исходным пунктом, на который опирается выявление в этой главе специфики системного знания.

То, что истина есть процесс, что она достигается не сразу и что человеческое познание должно пройти некоторую последовательность ступеней для ее раскрытия, более или менее ясно утверждали многие философы и до Гегеля. Однако именно Гегелю принадлежит систематическая разработка этого тезиса, именно он представил данный процесс в развернутом виде, и это — одна из основных его заслуг в развитии философской мысли вообще, в развитии диалектической гносеологии в особенности. Конечно, никакой метод теоретического мышления (а история развития человеческого познания знает по крайней мере несколько таких методов) не является средством, непременно и безусловно гарантирующим получение абсолютной истины. Проникновение в природу явлений, все более глубокое раскрытие законов действительности зависит не только от метода, но и от конкретно-исторического уровня развития общественного производства, культуры и науки, наконец, от содержательности самого процесса мышления. В силу исторического характера познания всякая истина оказывается относительной, ограниченной рамками определенного исторического этапа. Любое человеческое знание, а особенно знание социальное, несет на себе печать эпохи. Следовательно, даже те знания, которые рассматриваются в момент их возникновения как «сущности», «субстанции», «законы» и, несомненно, в оп-

тике» (М., 1966) анализ ступеней познания с системной точки зрения был осуществлен нами применительно к изучению отношений *меры*. В связи с этим подробно рассматривалось гегелевское учение о мере, качестве и количестве. Сформулированная там общетеоретическая постановка вопроса в значительной мере воспроизводится и в этой главе, хотя она подверглась за истекшие годы определенной детализации и уточнению.

Важно сделать и еще одно замечание. Ни в указанной работе, ни здесь проблема форм и ступеней познания не разрабатывается в качестве самостоятельной, каковой она, несомненно, является в марксистско-ленинской гносеологии. Обращение к этой теме носит вспомогательный характер, позволяя обнаружить гносеологические особенности проблемы системности.

ределенной мере несут в себе долю абсолютной истины, тоже являются исторически ограниченными и представляют собой некоторые вехи исторического процесса познания объективного мира.

Гегель подробнее всех своих предшественников в философии разрабатывал проблему структуры и методов теоретического познания, однако он и больше всех других философов абсолютизировал значение метода. Метод — душа всего гегелевского учения, он, по мысли Гегеля, не только дает истину в последней инстанции (абсолютную истину), но и творит сам мир, является его основным законом.

Все основное теоретически ценное и рациональное в гегелевском наследии было использовано классиками марксизма-ленинизма при разработке системы диалектического материализма. Вместе с тем марксистская диалектика, будучи материалистической, коренным образом отличается от гегелевской, в том числе и в учении о законах и формах процесса познания.

Существо этих различий состоит в том, что у Маркса объективная действительность должна быть объяснена из нее самой и ее саморазвития. А по Гегелю, источник бытия коренится в абсолютной идее. Понятно, что такое различие в понимании исходных начал с необходимостью привело и к совершенно различному пониманию самого содержания теоретического познания, его критериев, форм, ступеней и т. д. Эта проблема составляет важный и вполне самостоятельный предмет исследования, в рамках которого много уже сделано¹, хотя решены далеко не

¹ Назовем только некоторые, наиболее значительные работы советских авторов: *Богомолов А. С.* Идея развития в буржуазной философии. М., 1962; *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960; *Он же.* Диалектическая логика. М., 1984; *Ильичев Л. Ф.* Философия и научный процесс. М., 1977; *История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа.* М., 1971; *История марксистской диалектики. Ленинский этап.* М., 1973; *История античной диалектики.* М., 1972; *История диалектики XIV—XVIII вв.* М., 1974; *История диалектики. Немецкая классическая философия.* М., 1978; *Кедров Б. М.* Ленин и диалектика естествознания XX века. М., 1971; *Он же.* О методе познания диалектики. Три великих замысла. М., 1983; *Копнин П. В.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1973; *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М., 1980; *Мотрошилова Н. В.* Путь Гегеля к «Науке логики». М., 1984; *Овсянников М. Ф.* Философия Гегеля. М., 1959; *Ойзерман Т. И.* Диалектический материализм и история философии. Историко-философские очерки. М., 1979; *Розенталь М. М.* Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967; *Он же.* Ленин и диалектика. М., 1963;

все вопросы. В настоящей работе, не входя в специальное обсуждение этой проблемы, мы будем исходить из марксова учения о диалектике процесса познания, однако обсуждение некоторых вопросов неизбежно потребует сопоставления его с гегелевской концепцией.

Для понимания вопроса о формах познания очень важно рассмотреть гегелевский принцип спецификации. В широком смысле он заключается в следующем. Поскольку каждое явление можно и нужно рассматривать с различных точек зрения, возникает вопрос, что принять за исходную базу изучения явления, за основу, определяющую качественные показатели вещи. Спецификация и означает выбор аспекта рассмотрения той или иной определенной точки зрения. Гегель различал два аспекта, в которых должно быть рассмотрено явление в сфере бытия. Во-первых, это явление, взятое само по себе. Во-вторых, это явление, рассмотренное в определенной системе и подчиняющееся ее законам. Развивая это важное положение, Маркс доказал, что хотя рассмотрение явления через призму его «родовой» системы и соответствующих законов составляет существенный момент познания, однако им не заканчивается этот процесс, потому что конкретное явление не может быть выведено непосредственно из действия общего закона. Чтобы сделать дальнейший шаг в познании, необходимо вычленил еще третий — синтетический и конкретно-исторический — аспект исследования явления, в котором само оно и законы его жизни должны быть рассмотрены как продукт всей совокупности действующих условий, внутренних и внешних.

Следовательно, движение познания состоит в изучении определенности явления, взятого само по себе, затем — в анализе его определенности как части, элемента видо-родовой системы и, наконец, в исследовании его определенности, взятой как совокупность всех действительных отношений. Таковы основные формы и ступени движения познания, если предмет изучается на всех уровнях¹.

Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978; *Штырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978; *Шинкарук В. И.* Единство диалектики, логики и теории познания. Киев, 1977; *Материалистическая диалектика.* В 5-ти т. М., 1981—1985, т. 1—5; *Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории.* М., 1985.

¹ Фактически познание, конечно, отнюдь не всегда ставит перед собой задачу «сквозного» изучения предмета на всех уровнях. Часто оно ограничивается исследованием предмета на одной или двух ступенях.

Соответственно этим трем уровням теоретического познания определяются и формы самого образа предмета. Они отражают некие гносеологические уровни, или гносеологические «призмы», через которые познается тот или иной объект, явление, процесс.

1. Предметное (непосредственное, простое) знание

На первой, исходной ступени познания явление выступает как обладающее отдельным, независимым бытием, а его качество и мера — как особые, «индивидуальные» качество и мера. Оно изучается само по себе как отдельно взятое явление. Познание на этой ступени подходит к предмету феноменологически, как бы еще внешним образом, еще не раскрывает сущности и закономерности развития предмета, его обусловленности видо-родовой системой, в которую он входит, генезиса его качества. Качеству вещи, предмета даются преимущественно количественные определения, оно выступает как непосредственно данное, вне причинно-генетического объяснения, которое будет строиться на последующих этапах познания. Следовательно, качество с самого начала считается известным, а явление берется вне сложной динамики отношений с окружающей средой. В целом это та форма познания явления, которая наиболее известна обыденному сознанию и которая этим последним часто принимается за единственную форму.

Познание индивидуального, отдельного бытия в его непосредственности еще не раскрывает его глубокой внутренней сущности, поэтому, следовательно, оно есть ограниченное, неполное знание о предмете. «Отдельное бытие (предмет, явление etc.) есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными... *Лишь в их совокупности... и в их отношении...* реализуется истина»¹. Этими словами Ленин переводит на материалистический язык отрывок из гегелевской «Науки логики», о чем он ниже пишет: «Гегель гениально *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, природы) в диалектике понятий»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.

² Там же.

Иными словами, в этой форме и на этой ступени познания явление выступает перед субъектом как простой эмпирический факт. И задача субъекта сводится к тому, чтобы раскрыть явление, исходя из него самого. На следующей ступени, когда эта задача уже решена, познание придет к необходимости дополнить свой первоначальный принцип другим, с точки зрения которого предмет раскроется с новых сторон — выступит как типичный представитель своего вида или рода в определенной системе. Но на первых порах все обнаруживаемые в данном предмете или явлении представляется исключительно как его индивидуальные свойства, а его «природа» выступает как данная, но не явным образом и потому пока не раскрытая. Здесь качество определенного целостного предмета или явления раскрывается через отдельные качественные и количественные показатели и их совокупность.

Вместе с тем уже и на уровне предметного, непосредственного знания определенным образом выражаются некоторые моменты системного понимания предмета: различение явлений как целостных и суммативных единиц, фиксация некоторых сторон взаимодействия предмета и среды (подчиненная, правда, пока только задаче выявления «самости» предмета).

Различение качеств объектов, представляющих собой целостные системы, и объектов, которые образуют суммативные единства, является тем первым системным моментом, который доступен уже предметному (непосредственному) знанию. Даже простое наблюдение способно регистрировать тот факт, что внутренние элементы неорганических и органических целостных систем связаны прочной структурной или структурно-функциональной связью. Познание фиксирует (правда, пока еще в непосредственной, предметной форме) такого рода целостные системы, как, например, лошадь, тигр, кактус, береза и т. д. Каждый элемент этих систем, будучи частью соответствующего целостного явления, выступает именно как его специфическая часть. Во всех этих случаях «количество» является непосредственно качественным и каждое из явлений имеет свою специфическую меру.

Другую группу явлений и их качеств образуют качества суммативные. Например, такие явления, как роща, лес, куча, холм, озеро, море, океан и т. д., представляют собой некоторое соединение или просто некоторое множество однородных или даже неоднородных самостоятельных элементов. И хотя такое единство приобретает неко-

торые «кооперативные свойства», но его части остаются достаточно самостоятельными относительно целого, каждая из них не становится неотъемлемой структурной или структурно-функциональной частью этого единства. Так, отдельное дерево, будучи частью подобного суммативного единства, само по себе не выражает «лесности» или «рощности»; отдельный камень не выражает «холмности» или «горности» и т. д. Безусловно, в таких случаях можно найти какие-то черты явлений, которые определяют их принадлежность к данному общему качеству, однако эти черты, как правило, оказываются малосущественными для целого¹.

Суммативное единство имеет подвижные границы величины, в рамках которых сохраняется его качество. Так, гора может быть высотой в 400 м и в 20 раз выше. Одно озеро может иметь площадь в несколько десятков квадратных метров, а другое — в несколько тысяч квадратных километров. Суммативное качество с этой точки зрения выступает, скорее, как внешнее качество некоего соединения, связи которого в принципе не являются жестко структурированными и органичными. Относительная неопределенность состава, к которой добавляется и неопределенность величины суммативного единства, является исходным основанием, порождающим относительную количественную неопределенность их меры. И наоборот, в целостных системах мы наблюдаем существенно более строгую определенность состава, внутренней структуры, величины и т. п.

Целостные и суммативные единства могут различаться многими сторонами: определенностью состава, струк-

¹ Различение целостных и суммативных единств имеет важное методологическое значение. Однако, подобно всякому методологическому различению, оно в немалой степени условно, относительно. Так, элемент или компонент, входящий в суммативное целое, сам может представлять собой некую органическую или неорганическую целостность. С другой стороны, выступая в некотором определенном отношении как суммативное целое (например, лес как совокупность отдельных деревьев), тот же объект в другом отношении может рассматриваться как органическое целое, и даже весьма сложное (скажем, лес, рассмотренный как биоценоз). Научное познание не для того, конечно, фиксирует эти различия в формах целостности, чтобы, так сказать, разложить все явления по полочкам одной-единственной системы координат, а с той целью, чтобы выявить сложную специфику строения системных объектов. При этом методологически развитое научное мышление отдает себе отчет в том, что при рассмотрении других аспектов, отношений или связей данные различия могут оказаться несущественными, а на передний план выступит нечто иное.

туры, количественной определенностью, типом внутреннего взаимодействия частей, типом взаимодействия с внешней средой и т. п. Если же определить это различие в общем виде, то оно выступает как различие объектов, образующих устойчивые целостные единства со строго заданной структурой, и объектов, которые хотя и образуют некие единства, но без строго фиксированной качественной и количественной структуры.

Предметное, непосредственное знание, как исторически, так и в практике современного познания, не может, конечно, полностью изолироваться от проблем взаимодействия предмета и среды. Однако специфическая гносеологическая позиция, согласно которой изучаемый предмет представляется как бы *causa sui* (причиной самого себя), не позволяет в рамках этой формы познания объективно рассмотреть весь круг вопросов, сюда относящихся. Тем не менее и то, что может быть изучено при принятии подобной позиции, представляет определенный интерес. В «Науке логики» Гегель пытается решить эту проблему, введя особое понятие «специфицирующая мера». Само по себе это понятие у него означало, что познание проникает на более глубокую ступень в раскрытии сущности явления. Основная трудность, которая возникала здесь перед Гегелем как идеалистом, определялась тем, что и изучение качественных реакций вещи на внешние воздействия, и исследование процессов формирования самого качества вещи невозможно без специального рассмотрения внешней среды и ее роли в этих процессах. Известно, как нетерпимо относится идеализм ко всякой попытке обнаружить и указать объективное действие извне, а тем более к утверждению саморазвития материи как основного философского принципа. К. Маркс очень хорошо показал и высмеял эту особенность идеалистических систем в работе «Святое семейство».

«Подобно тому, — пишет Маркс, — как абсолютное мышление считает себя всей реальностью, так всей реальностью считает себя и критическая критика. Поэтому *вне себя* она не усматривает никакого содержания... она сама *создает* предмет, она — абсолютный *субъект-объект*», она — «спиритуалистический властелин, чистая самопроизвольность, *actus purus* (чистая деятельность. — *Ред.*), она нетерпима ко всякому воздействию *извне*»¹.

Не считая возможным прямо назвать внешнюю сре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 176, 160.

ду по имени и признать ее важную роль и влияние на процессы развития, Гегель вынужден порою заниматься чисто словесными ухищрениями, выводить понятия из понятий, вводить новые понятия и подобное производство абстракций, нередко крайне схоластическое, выдавать за анализ действительности¹. Все эти гегелевские повороты мысли труднодоступны для понимания еще и потому, что предмет, среда и их взаимодействие представляются то «отношением двух специфически определенных количеств», то «отношением двух сторон как качеств», то «отношением экстенсивных и интенсивных величин», то «отношением нечто к своему другому» и т. д. и т. п.

Взаимодействие предмета и среды, предмета и системы имеет множество существенных сторон, связей и отношений; можно выделить большое число различных типов такого взаимодействия. По вполне понятным причинам Гегель не рассматривает их и даже не пытается построить хотя бы исходную классификацию этих типов, выделить основные из них. В результате он, по сути дела, упрощает эту кардинальную проблему диалектики, сводя ее к категории абстрактного взаимодействия, к «замкнутому внутри себя отношению», которое есть лишь полагание необходимости. Но при этом упускается из виду, что категория взаимодействия так же отличается от конкретных взаимодействий, как категория «нечто» от всего многообразия предметов и явлений внешнего мира. При такой постановке проблемы взаимодействия в ней погасли все конкретные различия и осталась лишь одна всеобщая логическая форма. Все эти принципиальные соображения важно постоянно иметь в виду при рассмотрении гегелевской концепции спецификации и при оценке ее реального содержания.

Надо заметить, что спецификация — очень характерное для Гегеля понятие, употребляемое им применительно ко всем этапам познания явлений и имеющее различные частные значения. Однако все эти значения связывает один общий смысл: данное понятие служит раскрытию того, как рассматриваемое качество (будь то качественное единство данной вещи или качество системы, выраженное «специфицирующим законом») обуславливает свои частные показатели, проявляется и выражается в них.

Когда речь идет о простом, непосредственном образе

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 62—66.

предмета и, следовательно, о том уровне познания явления, на котором сущность его еще не раскрыта, спецификация означает проявление его внутренней (качественной) «самости». При этом внешняя среда, во взаимодействии с которой проявляются особые качественные показатели данной вещи, берется пока как некая экстенсивная величина, количественно. Гегель рассматривает пример с проявлением у различных тел их специфической теплоемкости в ответ на изменение внешней температуры. Например, солнце равномерно нагревает воздух, воду и камни на морском берегу. Однако если измерить температуру воды, белых и черных камней, деревянной щепы, выброшенной на берег, то она оказывается в каждом случае различной, хотя внешняя температура, т. е. температура среды, одна и та же... «...Различными находящимися в ней,— пишет Гегель,— отдельными телами температура эта воспринимается по-разному, так как они определяют воспринятую извне температуру своей имманентной мерой, и их температурное изменение не соответствует изменению температуры среды или между собой в прямом отношении»¹. Таким образом, если внешняя температура изменяется в арифметической прогрессии, то «специфицирующее воздействие качественной природы меры порождает другой ряд, который соотносится с первым», но изменения эти соответствуют природе данного качества и являются некоторым степенным определением².

Вывод таков: *качество целостного явления есть то, что определяет его специфическую реакцию (т. е. специфицирует эту реакцию) и является неким внутренним трансформатором внешних воздействий*. Как говорит Гегель, качество есть некое «имманентное измеряющее»³.

Однако это только первая форма спецификации, где «чисто внешнее определенное количество подвергалось изменению со стороны качественного момента»⁴. В связи с развитием этой формы Гегель рассматривает процесс «окачества количественного». Выясняется, что вторая сторона отношения (предмет — среда) не есть просто количество, как это представлялось до сих пор, но также является определенным качеством и что качественный показатель предмета (в приводимом примере — теплоемкость) нераздельно связан с качественно определенным

¹ Гегель. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 431.

² См. там же.

³ Там же, с. 429.

⁴ Там же, с. 433.

внешним воздействием и уже не может быть мыслим отдельно от этого последнего.

Значительность сделанного Гегелем вывода, однако, существенно подрывается тем, что эти два качества с самого начала ставятся в неравноправное положение: одно из них рассматривается как экстенсивное (это, конечно, среда!), а другое — как интенсивное (это, конечно, внутреннее, которое уже на следующей ступени анализа окажется идеальным «для-себя-бытием»). Смысл следующего за этим выводом рассуждения сводится к тому, чтобы за обычными качествами, которые принадлежат все-таки к сфере бытия (материальному миру), найти те определяющие их «абсолютные» качества, которые вечны и неизменны. К какому итогу приводят подобные поиски абсолютности, легко обнаружить из приводимого отрывка.

«Таким образом,— пишет Гегель,— качественное скрывается, как будто оно специфицирует не само себя, а определенность величины; лишь как находящееся в последней оно *положено*, само же по себе оно *непосредственное* качество, как таковое, которое вне того, что величина полагается отличной от него, и вне своего соотношения со своим другим, еще обладает само по себе пребывающим наличным бытием. Так, например, пространство и время значимы вне той спецификации, которую имеет их количественная определенность в падении тел или в абсолютно свободном движении, значимы как пространство вообще, время вообще: пространство значимо, как постоянно существующее само по себе вне и помимо времени, а время — как текущее само по себе, независимо от пространства»¹.

Диалектический материализм еще в XIX в. показал, что в реальных материальных процессах все обстоит как раз наоборот, а в XX в. теория относительности А. Эйнштейна убедительно подтвердила это с естественнонаучной точки зрения².

¹ Гегель. Наука логики, т. 1, с. 437—438.

² Как известно, Гегель пытался представить употребляемое в некоторых теоретических дисциплинах понятие идеального пространства и идеального времени как выражение их абсолютной сущности. Для самого Гегеля это был повод лишний раз подчеркнуть «примат идеального начала». Что же касается сути дела, то последующее развитие теории и методологии позволило раскрыть подлинную природу не только представлений об идеальном пространстве и времени, но и вообще идеальных объектов науки (естествознание эпохи Гегеля еще не располагало серьезным научным ответом на этот вопрос). Проблема идеальных объектов получила

Таким образом, предметное знание или простой, непосредственный образ явления, процесса есть такой уровень познания объективной действительности, на котором мы исходим только из бытия отдельного явления, взятого само по себе; на этом уровне мы пока абстрагируемся от макросистемы, включающей данное явление, а также от условий, которые его породили. Познание как бы констатирует здесь, что предмет, его качество и мера таковы, и по возможности дает его количественные характеристики. А почему они таковы, какой процесс и какие закономерности развития привели к этому результату, каково место данного явления в системе других, каковы тенденции развития системы явлений — все эти проблемы здесь еще не исследуются и не раскрываются. Строго говоря, они и не могут быть адекватно раскрыты в этих гносеологических рамках из-за узости самой методологической базы такого исследования.

В непосредственном образе предмета мы принимаем вещь, рассматриваемую как целостное единство, за ту специфическую единицу, которая выражает себя во всех многочисленных качественных показателях, ей присущих. С этой точки зрения каждая вещь выступает как своеобразный специфический ряд индивидуальных показателей, основанием которых является ее внутреннее специфическое единство.

Но если каждая вещь есть такое особое абсолютно неповторимое качественное единство, а его отдельные качественные показатели суть выражения только этого уникального специфического единства, то вещи и их свойства оказываются несравнимыми. Каждая вещь представляется имеющей свое собственное индивидуальное качество. При таком предположении получается: сколько вещей, столько качеств. Количество вещей и явлений бесконечно, следовательно, бесконечно и количество их качеств. Рациональное познание становится невозможным, поскольку каждое явление рассматривается как уникальная единица (определяющая причина) относительно всех своих показателей. Получается то, что в логике называют *reductio ad absurdum* (приведение к абсурду). В этом пункте с очевидностью обнаруживается односторонность отражения предмета, если он рассматривается только как отдельное, непосредственное бытие.

последовательную диалектико-материалистическую интерпретацию в трудах философов-марксистов.

При определенных условиях такой взгляд на вещи является вполне законным, но его недостаточность очень быстро обнаруживается, когда он оказывается единственным и когда в результате абсолютизируется специфичность, самостоятельность и независимость явления от других явлений и внешней среды. Познание в таком случае приходит к релятивистской несравнимости явлений.

Конечно, неповторимая индивидуальность каждой вещи есть реальный факт. И дело состоит не в том, чтобы отрицать это, а в том, чтобы признать ограниченность такого понимания вещи, которое исходит только из нее самой. Всякая вещь, кроме того, непременно должна быть понята еще и как представитель своего вида, причем вид, в свою очередь, должен быть рассмотрен в развитии. Иными словами, вещь должна быть раскрыта как часть систем, в которые она входит, как совокупность всех ее действительных отношений. Только тогда будет по-настоящему понята индивидуальность и неповторимость данного явления, когда будет выяснено, а что же в нем составляет общее с другими однородными явлениями и в каком направлении развивается вся система, к которой оно принадлежит. Именно поэтому следующий этап в раскрытии определенности предмета состоит в том, чтобы понять его как опосредованный (обусловленный), следовательно, понять его как «момент» системы и ее законов, понять через его «видовую», «родовую» субстанциальную основу.

2. Системное (сущностное, субстанциальное¹) знание

От уровня непосредственного знания с его естественным «предметоцентризмом» познание переходит на следующую, более высокую ступень, *когда явление познается как элемент своей видо-родовой системы*. Специфической призмой для этой ступени становится, как мы уже отметили, «системоцентризм».

¹ Дialectический материализм в противоположность идеализму понимает субстанцию не как вечную и неизменную сущность или абсолютную идею, инобытием или отражением которой являются материальные предметы, не как абстрактную всеобщность, тождественную самой себе и богу, а как реальное, материальное

Возможности познания остаются крайне ограниченными, если оно не поднимается выше уровня единичности и непосредственности бытия предмета, если за отдельными явлениями оно не стремится отыскать системы явлений: за отдельными людьми — общества и законов развития общественно-экономических формаций; за отдельными представителями растительного и животного мира — биологических видов и законов их эволюции; за отдельными физическими телами и химическими соединениями — материальной системы Земли в единстве ее различных уровней и т. д. Именно общность условий существования и возникающая на этой основе системность позволяют единичным явлениям обнаружить их существенную, субстанциальную основу. Именно системы явлений разворачивают перед нами историю качественного развития природы и общества. Все сколько-нибудь существенные изменения и превращения коренного качества (например, образование видов в живой природе, смена общественно-экономических формаций в обществе и т. п.) могут быть поняты лишь в их видовом бытии, в историческом бытии систем.

Такие понятия, как «история», «эволюция», «закон», по своему объему охватывают чрезвычайно широкие группы явлений и отражают развитие этих групп как систем. Отдельное явление есть лишь «момент» истории, эволюции, проявления законов развития данного вида, рода явлений или еще более широкой материальной системы.

Рабочий класс и отдельный рабочий, нация и отдельный ее представитель, общество и личность — во всех этих случаях мы, безусловно, имеем дело с тем, что составляет сущностное единство, в котором первое как система определяет второе, является его высшим, «материнским качеством» и в котором, соответственно, закономерности системы выступают мерой мер по отношению к ее компонентам.

основание. Всеобщей субстанцией он считает материю как объективную реальность, находящуюся в постоянном движении, изменении и качественном развитии. Кроме того, он использует понятие субстанции и для раскрытия необходимой зависимости, связи между явлением и главным основанием данной группы явлений (например, труд как субстанция стоимости). Именно в этом смысле — главного специфического материального основания группы явлений — употребляется понятие субстанции и нами. Конечно, с учетом того, что «материальное основание» в общественных явлениях имеет несколько иной смысл, чем в природных явлениях.

«...По необходимости,— пишет К. Маркс,— способ существования индивидуальной жизни бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни...»¹ Качества, свойственные индивиду, могут значительно отличаться от общего качества системы, но законы развития и в природе, и в обществе в конечном счете определяются общими материальными условиями и бытием больших масс индивидов и явлений, а не отдельных их единиц.

Раскрытие законов систем явлений — это великое завоевание науки XIX—XX вв., подготовленное всей предшествующей историей развития человеческой цивилизации. Установив, что качество и законы системы явлений есть высшее качество и мера мер отдельных явлений, научное познание шагнуло дальше вынужденного феноменализма и эмпиризма предшествующих форм и ступеней теоретического освоения мира.

С этой точки начинается более глубокое, подлинно сущностное объяснение и системное понимание явлений объективной действительности. Явление получает вторую качественную и количественную характеристику через соответствующие показатели системы явлений, подобно тому как индивидуальные затраты труда на производство товара получают второе измерение в общественно необходимых затратах труда (высший, системный критерий).

* * *

Системное рассмотрение объекта может осуществляться в нескольких типологически различных формах.

Первая форма — выделение реальной *связи* вещей, явлений. Посредством ее устанавливается существенная взаимосвязь двух или более факторов, влияющих на качество и определенность данного явления. Скажем, степень утомления человека во время работы зависит, с одной стороны, от его тренированности, навыков в данном виде работы, от состояния здоровья, а с другой стороны — от трудности и продолжительности самой работы; в этом отношении двух или нескольких факторов вскрывается общее отношение их реальной зависимости, выявляется некая мера утомляемости. Как известно, целый ряд аналогичных по своему типу примеров был рассмотрен

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.

К. Марксом. В частности, он приводит такое рассуждение: равные затраты труда крестьянина будут выражаться в урожайный год в 8 бушелях пшеницы, а в неурожайный — в 4 бушелях; одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных¹. Уже в таком «случайном» отношении вскрываются существенные моменты реальной связи вещей, их мера оказывается величиной, обусловленной разными рядами причин, факторов.

Вторая форма — выявление реальной общности вещей, их общего качества или принадлежности к одной системе. Здесь предметом рассмотрения является уже не просто принцип взаимосвязанности явлений, а принцип однородности, однотипности явлений, связанных общностью какого-то качества-свойства. У К. Маркса в учении о форме стоимости примером такого рода общности являются всеобщая и денежная формы, с особенной ясностью обнаруживающие общую качественность товаров и необходимый процесс выработки масштаба их сравнимости. Маркс в «Капитале» ведет исследование так, что первая форма — выявление реальной взаимосвязи явлений — выступает как момент второй формы, получая здесь дальнейшее развитие. Гегель же в «Науке логики» фактически разрывает эти две формы и рассматривает их изолированно, абстрактно. При этом он опирается на уже известные качества, не требующие объяснения их природы, и просто использует их для иллюстрации. В противоположность этому Маркс раскрывает природу нового качества, на поверхности явлений выступающего как неизвестно чем обусловленная сравнимость различных товаров (например, товарный фетишизм). Иными словами, для него эти две формы выступают не как абстрактный принцип, а как реальное средство познания. Это делает марксов анализ неизмеримо более глубоким. Всеобщность данной формы служит внешнему сравнению соответствующих явлений, за которым «просвечивает», как сказал бы Гегель, внутреннее единство явлений, их субстанция. Дальнейший анализ призван выявить это сущностное, системное единство и раскрыть его специфический закон.

Третья форма и связана как раз с раскрытием специфического закона системы явлений. У Гегеля этому соответствует «избирательное сродство», а у Маркса примером такого анализа является закон стоимости. Установ-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 48.

ленная на предшествующем уровне общность (или средство) явлений пока выглядела как внешняя однородность, однако явления имеют и внутреннюю однородность, обусловливаемую единством субстанциальной основы. Скажем, субстанцией стоимости является труд, а производство и обмен вещей как товаров осуществляются на основе общественно необходимых затрат труда. Следовательно, закон стоимости у Маркса вскрывает основание взаимосвязи всех товаров, выявляя природу их однородности.

Аналогичную картину можно наблюдать и в области химии, к которой так часто обращается Гегель для доказательства «избирательного средства». В соединениях химических веществ эмпирический анализ вскрывает различные отношения взаимосвязи и взаимодействия, группирует вещества по внешне однородному действию и свойствам, а затем открывает закон их внутренней однокачественности, в основе которой лежат качественные особенности электронной структуры элементов (последнего Гегель, конечно, не мог знать, но он уже ставил вопрос о необходимости познать этот «специфицирующий закон»).

Здесь мы сталкиваемся с проблемой отношения закона и меры или, вернее, с тем аспектом рассмотрения, в котором мерой по преимуществу является закон. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» специально отмечает как очень важное гегелевское положение о том, что на этой ступени закон выступает как высшая мера явлений¹. По отношению к закону всякое его специфическое воплощение в реальных вещах есть «момент меры». Конечно, в реальной действительности закон всегда является мерой, но не единственной мерой. Закон обнаруживается и действует в вещах и явлениях, имеющих различные качественно-количественные показатели. Мир был бы слишком единообразным, если бы один закон был единственной мерой явления.

Итак, у Гегеля закон есть мера мер. С гносеологической точки зрения этот тезис правилен и при материалистическом понимании проблемы. Однако принципиальные возражения вызывает перевод этих категорий исключительно в сферу идеального и утверждение их как абсолютных начал и оснований. Неправильным представляется и само обозначение этого отношения у Гегеля как реального

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 111.

отношения, реальной меры. В самом деле, оно вскрывает только общее системное, субстанциональное отношение «предмет — система», «явление — закон». Но в действительности ни один предмет не является исключительным и прямым порождением какой-то одной системы и одного закона (которые сами по себе не существуют в «чистом виде»), а выступает как продукт совокупного действия всех факторов — внутренних и внешних. Поэтому такое отношение правильнее было бы назвать системным, а то, что имеется в виду под «реальным» отношением, рассмотреть отдельно — как другое и совсем особое отношение.

Гегелевская позиция в этом вопросе понятна: ведь для идеализма высшая реальность предмета, явления есть его соответствие понятию, идее, а не порождающей его конкретной действительности. Понятно и то, что с точки зрения идеализма такое объяснение, такая логика развития понятия представляется исчерпывающей, не требующей никакого дальнейшего причинно-следственного объяснения, никакого дальнейшего «принципа спецификации».

Естественно и очевидно, что позиция диалектического материализма в этом вопросе является прямо противоположной. Гегелевское приравнивание системного, субстанционального отношения к «реальному» есть такое сведение объективной действительности к всеобщим категориям, которое упрощает действительность.

Если даже считать, что Гегель довел исследование вопроса об обусловленности качеств вещей до проблемы их опосредования специфическим законом (хотя в таком утверждении содержится некоторое преувеличение реально достигнутого им результата, так как он только поставил проблему), то и этим все-таки далеко не исчерпывается необходимое объяснение специфической качественной определенности предметов и явлений. Анализ действия законов, специфических для систем, которые, в свою очередь, обуславливают (опосредуют) предмет, должен быть продолжен и углублен, причем на следующем этапе многокачественность и многомерность должны быть исследованы через многосистемность, т. е. как следствие одновременной принадлежности предмета (или их совокупности) к нескольким или даже целому ряду систем. На этой основе открывается возможность определить основной принцип субординации явлений, что особенно важно для понимания сложных объектов органической природы и обще-

ственной жизни. Только после выполнения этого условия можно утверждать, что гносеологический принцип, согласно которому рассмотрение явлений должно осуществляться через призму включающей их системы, проведен последовательно и до конца. Таким образом, здесь происходит как бы отрицание отрицания: выясняется недостаточность предшествующего аспекта рассмотрения, когда качества вещей рассматриваются как непосредственно обусловленные включающей их системой и ее законами; когда, следовательно, познание ориентируется только на общие коренные условия существования явления (как это фиксируется в понятиях системы и закона). На следующей ступени познания, диалектически отрицающей предыдущую, должны быть исследованы роль специфических условий, их многообразие и соотношение с общими. Результатом будет всестороннее исследование природы явления, благодаря чему оно раскрывается как *практическая истина* для нас, как конкретное знание.

Ту абсолютизованную у Гегеля мысль, что всякий предмет должен быть познан не только из себя самого, но и из системы, в которой он является только «моментом», необходимо непременно продолжить и пойти дальше, к познанию того, как один и тот же предмет может быть и действительно является частью нескольких различных систем реального мира.

Эту проблему можно рассматривать в двух плоскостях. Первая из них определяется тем, что всякий предмет является системой по отношению к входящим в него частям и элементам, а вторая — тем, что тот же предмет сам одновременно выступает как часть более широкой системы. Можно назвать множество различных рядов такого соподчинения систем, например: элементарные частицы — атом — молекула; клетка — организм — вид и т. п. Уже в такого рода структурном или генетическом ряду обнаруживается непосредственная связь каждого элемента с последующим и предыдущим, т. е. в данном случае с внутренней и внешней системами, причем эта связь может проходить через многие уровни системности. Так, человек одновременно выступает как член семьи, представитель определенного класса, представитель определенной нации, народа; вместе с тем он является гражданином определенного государства; наконец, в определенном смысле он выступает как представитель общечеловеческой культуры. Понятно, что число систем и соответственно связей можно увеличить. В конечном итоге конкретный человек

оказывается неперменным элементом всех этих разнопорядковых общественных образований. Очевидно, что его специфические качества (семейные, национальные, классовые, принадлежность к определенному государству и т. п.) не могут быть объяснены из самого человека как конкретного индивида, но должны быть поняты каждое из той системы, которая обуславливает именно данное качество. При этом совершенно ясно, что ни одна такая система (или, иначе, подсистема более широкой системы) сама по себе, какой бы важной и широкой она ни была, не может объяснить полностью качеств-свойств, определяемых не ею, а другой системой, поскольку различные качества не сводятся друг к другу, хотя и имеют объективную связь и единую материальную основу и вполне определенным образом субординированы.

Именно этим обстоятельством и определяется вторая плоскость рассматриваемого нами вопроса. Надо лишь добавить, что предмет и его качества-свойства могут и должны рассматриваться не только через призму одной линии структурных или генетических связей, а в рамках ряда различных систем и специфических для них связей, причем в разных конкретных случаях разные системы могут приобретать решающее значение.

Например, человек как физическое тело обладает рядом физических качеств-свойств в их специфически земном выражении. Ученые и конструкторы, проектирующие полет человека на Луну или на другие планеты Солнечной системы, в числе других факторов должны придавать особое значение тому, что в лунных (или марсианских и т. п.) условиях эти привычные земные свойства изменятся, поскольку они обусловлены не самим человеком, а планетой Земля. Следовательно, физическая система Земли детерминирует ряд специфических качеств-свойств человека, если его рассматривать как физическое тело. Для этих качеств-свойств система Земли является их субстанцией.

Человека можно рассматривать и как биологический организм, как представителя класса млекопитающих, семейства приматов, образующего особый биологический вид *homo sapiens*. Биологические качества-свойства человека многочисленны и разнообразны, и более или менее полно понять их можно прежде всего из анализа той биологической системы, в которую входит человек. При этом надо, конечно, учитывать еще и фактор биологического приспособления к «социальной природе». Эта человече-

ская «прибавка» к нормальной физиологии приматов весьма существенна, хотя она не меняет того факта, что законы физиологии человека остаются биологическими законами.

Наконец, человек является социальным существом, общественной личностью. То или иное социальное качество — это, конечно, не просто одно из качеств в ряду других, не являющихся специфически социальными. Это — главное, высшее качество человека, выражающее его сущность и специфическую линию развития. Но совокупность этих высших, собственно человеческих качеств также образует сложную систему, которая состоит из ряда специфических качеств-свойств¹. Каждое такое конкретное качество обуславливается, в свою очередь, определенной подсистемой (например, классовой, национальной и государственной принадлежностью)².

Все эти проблемы нельзя рассматривать только как выражение гносеологических особенностей, характерных для познания «единого» человека. Семейная среда, классовая среда, национальная среда являются не только понятиями, но и сферами реальной действительности. Именно в данной нации и в данном классе имеют свои основания национальные и классовые качества-свойства изучаемого человека. И это подтверждается тем, что изменения оснований — в нашем примере национальных и классовых отношений в обществе — вызывают изменение соответствующих качеств у личностей.

Очевидно, что производственные, национальные, классовые, семейные, государственные и другие отношения не существуют вне личностей, но вместе с тем они образуют *интегративные* качества соответствующей социальной группы, поэтому личность является их носителем только как представитель данной группы. Точ-

¹ В рамках предмета психологии эту проблему обстоятельно исследовал А. Н. Леонтьев. См., например, его книгу «Деятельность. Сознание. Личность» (М., 1975).

² Строго говоря, социальной макросистемой с позиций исторического материализма является общественно-экономическая формация. Что же касается таких отношений (качеств), как производственные, семейные, национальные, классовые, государственные, религиозные и т. д., то по отношению к обществу как системе они выступают в виде ее определенных качеств-свойств, или подсистем. Однако по отношению к качествам-свойствам индивида они выступают как система (точнее, представляют систему). Именно в этом ограниченном, но вполне допустимом значении мы и употребляем здесь понятие «система».

но так же в органической природе любое животное или растение таково не в силу своей индивидуальности, а прежде всего как представитель своего вида и рода. Понятно, что эта аналогия в значительной мере условна, поскольку она опирается только на частичное сходство объектов.

Таким образом, если в предметном, непосредственном образе явления одно и то же качество представляется реализующимся специфическими путями в тысячах различных внешних отношений (Маркс), то в макросистемном образе предмета мы имеем обратную картину — различные группы внешних материальных условий, «окачествовавшихся» в определенные материальные системы, реализуются в мириадах конкретных вещей в виде однотипных качеств-свойств. А сам материальный предмет является как бы многочленом всех тех систем, в которые он входит, приобретая от каждой из них соответствующие качества-свойства.

В этой связи неожиданно глубоким философским смыслом наполняется известная поговорка о том, что в капле воды отражается весь мир, особенно в том случае, если под отражением понимать не только и не столько зеркальное отражение, а прежде всего реальное отражение (воплощение) многообразных качеств систем материального мира в конкретных предметах и явлениях.

Все это делает очевидным, что при подходе к предмету с точки зрения системного знания представление о полной зависимости свойств предмета от него самого, выработанное на предшествующем этапе, оказывается неполным и неточным, а рассмотрение этих свойств исключительно как производных от целостности самого предмета — односторонним. В рамках системного подхода предмет представляется не только обладающим многими свойствами, но и внутренне существенно многокачественным, поскольку он воплощает в себе качества различных и разнородных систем действительного мира. Изменение многих свойств предмета оказывается зависимым не только от него самого, но и от тех материальных систем, элементом которых он является. В условиях обычного, «спокойного» развития это не очень заметно, так как системы изменяются значительно медленнее, чем отдельные предметы. Но это хорошо заметно, к примеру, в обществе в эпохи революционных преобразований.

3. Метасистемное (конкретное, синтетическое, «реальное») знание

Две предыдущие формы концентрировали познание вокруг предмета и системы. Метасистемное¹ знание предполагает переход от моноцентрического взгляда на действительность к воспроизведению объекта в знании *целиком*, т. е. *во всем многообразии его реальных форм и взаимодействий* с другими объектами. Иными словами, эта форма оперирует со сложным объектом — полисистемным комплексом, совокупной *многосистемной* действительностью со всеми ее разнопорядковыми и многомерными отношениями. Естественно, что такое широкое видение объекта требует новых методологических предпосылок познания.

Первая методологическая предпосылка этой формы — переход от моноцентризма к *полицентризму*, к изучению разносистемных единств и совокупностей. Вторая — концентрация внимания на *разнотипных связях, отношениях, взаимодействиях* явлений. Третья — переход от по преимуществу статического, или структурного, видения явлений к их процессуальному, *конкретно-историческому* рассмотрению. Четвертая особенность — преобладание *синтеза*, достижение высших степеней *теоретической конкретности*.

Диалектический материализм требует от исследователя не ограничиваться установлением причинного объяснения явлений, раскрывающего только общую системную зависимость. Познание должно обязательно выявлять всю сложную специфику явлений, их генезис, взаимодействие с внешним миром. Путь такого познания лежит через анализ всей совокупности действующих факторов и условий.

«...Один и тот же экономический базис,— пишет К. Маркс,— один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»².

¹ То есть «послесистемное» (от греч. *meta* — после).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

Гегель же истолковывал реальную меру, реальное отношение как соответствие бытия (нечто) своему понятию, идее. Однако предметы и явления материального мира и их качества-свойства нельзя рассматривать как автоматически производные продукты соответствующей «субстанции» и законов, так же как их качества-свойства не являются проявлением только их «самости». Поэтому рассмотренные нами образы непосредственного и видо-родового системного знания, являясь необходимыми формами и фазами процесса теоретического познания, тем не менее в силу своей специфической направленности на предметность и системность изучаемых явлений оказываются односторонними и в этом смысле ограниченными. Чтобы преодолеть эту односторонность, познание должно пройти следующую ступень, когда анализ завершается и осуществляется синтез разнопорядковых знаний о явлении, результатом которого должно быть соответствие образа и объективной действительности.

«Никогда,— писал В. И. Ленин,— ни один марксист не основывал своих социал-демократических воззрений на чем-нибудь ином, как на соответствии ее с действительностью и историей данных, т. е. русских, общественно-экономических отношений, да и не мог основывать, потому что это требование от теории совершенно ясно и определенно заявлено и положено во главу угла всего учения самим основателем «марксизма» Марксом»¹.

На предыдущих ступенях познания явления и их законы выступали сами по себе, т. е. «в чистом виде», их анализ не был осложнен выявлением взаимодействия с другими, «внешними» им явлениями. Но в реальном мире всеобщего взаимодействия нет ни «чистых» явлений, ни «чистого» действия отдельных законов, ни «чистого» существования отдельных систем. «Чистых» явлений,— говорил В. И. Ленин,— ни в природе, ни в обществе *нет* и быть не может — об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывающего предмет до конца во всей его сложности»².

Одно из главных положений диалектики гласит, что в мире существует универсальная взаимосвязь, взаимо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 195.

² Там же, т. 26, с. 241.

действие предметов и явлений. Одни явления находятся в прямой, необходимой взаимосвязи, другие связаны опосредованно. Сам предмет или явление внешнего мира оказывается совокупным результатом не просто действия, а взаимодействия всех внутренних и внешних факторов.

Объективное взаимодействие между собой внешних для данного явления факторов, с одной стороны, приводит к тому, что их результат оказывается совмещенным, «не чистым» по отношению к каждому из этих факторов, принимает особенные, «превращенные» формы. С другой стороны, всякий предмет объективного мира, подвергаемый действию внешних факторов и реализующий это действие в своих качествах-свойствах или их особенностях, сам уже есть определенный исторический продукт действия прежних условий, определенное специфическое единство со свойственным ему типом внутренних взаимосвязей и определенной степенью развития. В силу этого он воспринимает оказываемые на него актуальные внешние воздействия своеобразно, т. е. соответственно своим ранее приобретенным качествам индивидуальности. Реальная форма явлений, их качественная и количественная определенность выступают совокупным результатом этих процессов.

На двух предшествующих этапах познания явлений преобладает анализ «ставшего», анализ, так сказать, статичности и структурных зависимостей, условно рассматриваемых как неизменные (и задачи, решавшиеся на этих ступенях познания, делали это вполне допустимым). Теперь же существенной чертой, ведущей установкой познания становится анализ процессов взаимодействия и развития. И это понятно, так как явление в его реальной, особенной форме всегда есть явление конкретно-историческое.

Некоторые авторы указывают, что марксово учение о развитии формы стоимости по способу рассуждения совпадает с гегелевским учением о реальной мере. В этом, несомненно, есть значительная доля истины: частичное совпадение действительно имеет место. Оно заключается прежде всего в том, что у Гегеля в концепции реальной меры и у Маркса в учении о развитии формы стоимости внешне разнородные предметы и явления «сводятся» или «приводятся» к более общему качеству системы или группы явлений, в которую они входят. Тем самым обнаруживается их внутренняя

связь, общее качество, родство и подчиненность общим закономерностям.

Однако эти два метода исследования (или способа рассуждения) не совпадают в общей последовательности, в выводах и оценке. Гегель, доказав, что единичные явления обнаруживают в этом общем им качестве — или закономерности системы — свою «субстанцию» и «вековечный субстрат», делает отсюда вывод, что вещь доказала соответствие своему понятию и возвращается «к себе в идеальность». Это существенное (системное) отношение Гегель представляет завершением познания вещи, ее «подлинной реальностью», т. е. реальностью идеи, духа. Для Маркса же (как и для любого материалиста) выявление существенной, закономерной связи есть необходимая, но не завершающая ступень познания. Суть дела в том, что материализм реальность познания видит не в соответствии идее, а в соответствии объективной действительности. И если иметь в виду реальную меру не в идеалистической трактовке, а в ее материалистическом понимании, то такое понимание излагается Марксом не в учении о форме стоимости, а при анализе того, в каких конкретно-исторических формах реализуется закон стоимости, в каких конкретных (реальных) формах реализуется прибавочная стоимость и т. п. Следовательно, реальной мере соответствует главным образом завершающая стадия анализа — III том «Капитала».

В I томе «Капитала» К. Маркс выясняет природу исследуемого им явления и то существенное отношение, которое скрывается за приростом авансированного капитала, выясняет, что источником и сущностью прибылей капиталистов является прибавочная стоимость. Анализ идет от непосредственных факторов действительности (прирост капитала) к раскрытию труда как субстанции стоимости и производства прибавочной стоимости как системного, субстанциального отношения.

В III томе «Капитала» исследование идет в обратном порядке, от коренного базисного отношения (прибавочной стоимости) к ее реальной форме, в которой она выступает на поверхности явлений.

«Превращение прибавочной стоимости, — пишет К. Маркс, — в прибыль следует выводить из превращения пормы прибавочной стоимости в норму прибыли, — а не наоборот. И в самом деле, исходным пунктом исторически была норма прибыли. Прибавочная стоимость

и норма прибавочной стоимости есть нечто относительно невидимое, существенное, подлежащее раскрытию путем исследования, между тем как норма прибыли, а потому такая форма прибавочной стоимости, как прибыль, обнаруживаются на поверхности явлений»¹.

На протяжении всего III тома «Капитала» К. Маркс последовательно рассматривает превращение под действием различных факторов этой «невидимой» сущности в реальное отношение, в то, чем она себя обнаруживает на поверхности явлений. Это и есть та стадия теоретического познания, где явление, сущность которого уже раскрыта, как бы обретает вновь свою «натуральную», конкретную форму, но теперь она существенно отлична от предметной, непосредственной формы, с которой познание начинало свой путь и где сущность явления еще не была раскрыта или только начинала раскрываться.

В первом отделе («Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли») предметом анализа еще является сущность нормы прибыли в единстве ее превращенных форм — издержек производства плюс прибыль. Три обыденных явления капиталистической действительности — издержки производства, прибыль и норма прибыли — здесь исследуются как «три наиболее общих превращения: затраты труда в затрату капитала, присвоения прибавочного труда в самовозрастание капитала и степени эксплуатации и степень роста капитала»².

К. Маркс показывает в этом отделе, что прибыль регулируется прибавочной стоимостью (а не наоборот), но, с другой стороны, эта последняя реально существует и проявляется только в виде конкретных форм прибавочной стоимости: прибыли, процента, ренты. Далее он последовательно рассматривает влияние на норму прибыли различных факторов (условий), действующих в капиталистической действительности, под влиянием которых проявляются собственные законы движения нормы прибыли. Основные факторы, анализируемые здесь: влияние скорости обращения капитала на норму прибыли, влияние экономии в применении постоянного капитала, влияние изменения цен.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 50.

² Розенберг Д. И. Комментарии ко второму и третьему томам «Капитала» К. Маркса. М., 1961, с. 266.

В целом это превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли обнаруживает пока лишь общие превращенные формы, которые должны пройти еще несколько этапов рассмотрения, прежде чем они достигнут вида, совпадающего с реальностью конкретных явлений.

Во втором отделе («Превращение прибыли в среднюю прибыль») происходит смена предпосылок исследования. До сих пор в I и II томах «Капитала» предполагалось, что товары продаются по стоимости; что каждый капиталист получает всю прибавочную стоимость, которая у него производится; что обращение не обособлено от производства и капитал поэтому может рассматриваться как некий единый промышленный капитал, не расчлененный на виды. При этом капитал выступал в анализе преимущественно в виде индивидуального капитала¹. Однако при этих предпосылках нельзя раскрыть факторы, превращающие прибыль в среднюю прибыль. Для этого надо исходить, во-первых, из движения общественного капитала, а не индивидуального; во-вторых, из различного органического строения индивидуальных капиталов, входящих в общественный.

В качестве основных факторов, обуславливающих превращение прибыли в среднюю прибыль, К. Маркс рассматривает: различие органического строения капитала в различных отраслях производства; уравнивание нормы прибыли посредством конкуренции, движения рыночных цен и стоимостей; влияние общих колебаний заработной платы на цену производства.

На первом уровне превращения, когда в цене товара стоимость выступает как сумма издержек производства плюс прибыль, цена и стоимость уже качественно различны, но еще допускается, что количественно они совпадают. При переходе же ко второму уровню превращения стоимость выступает как цена производства в своей форме, наиболее совпадающей с действительностью. Прибавочная стоимость также обретает реальность конкретного явления в средней прибыли. В отличие от первого

¹ В этом смысле третий отдел II тома «Капитала» по типу исследования, конечно, тесно примыкает к III тому. Однако исследуемые там условия движения общественного капитала и возможности смены форм всего совокупного капитала общества рассматриваются пока при прежних предпосылках исследования: товары продаются по стоимости, органическое строение индивидуальных капиталов одинаково (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 442—443).

аспекта анализа, здесь количественное несовпадение индивидуальных цен и стоимостей, как и несовпадение прибавочной стоимости и средней прибыли, становится обоснованным правилом, в котором с наибольшей глубиной обнаруживается противоречие сущности и явления.

Употреблявшаяся до этого в исследовании всеобщая и абстрактная форма меры стоимости, измеряющая свою величину непосредственно в общественно необходимом труде, теперь заменяется конкретно-исторической формой меры стоимости, выражающей свою величину не в непосредственной величине рабочего времени, а через усредненные и модифицированные величины цены производства и средней прибыли.

Итак, на этом уровне исследования (второй отдел III тома «Капитала») Маркс показывает нам причины, обуславливающие превращение стоимости в цену производства и прибавочной стоимости — в среднюю прибыль. Он показывает их противоречия и доводит объяснение до совпадения модифицированного действия закона стоимости, с одной стороны, и реально существующей формы явлений, с другой стороны. Здесь в законе средней нормы прибыли и цены производства мы имеем фактическую меру стоимости в ее конкретно-исторической капиталистической форме. Во всех последующих главах III тома «Капитала» Маркс исходит уже из этих реальных форм.

Основой всех последующих исследований становится то, во-первых, что прибавочная стоимость, созданная переменным капиталом, распределяется пропорционально величине всего капитала, и, во-вторых, что стоимость товара, созданная абстрактным общественно необходимым трудом, реализуется согласно издержкам производства плюс средняя прибыль¹.

В третьем отделе, «Закон тенденции нормы прибыли к понижению», Маркс переходит от изучения реальных форм и механизма модифицированного закона стоимости к его реальному действию. Он показывает, как в условиях капиталистического способа производства прогрессирующее развитие общественной производительной силы труда с неизбежностью приводит к образованию тенденции нормы прибыли к понижению. Всеобщий закон капиталистического накопления и основные противоречия капитали-

¹ См.: *Розенберг Д. И.* Комментарии ко второму и третьему томам «Капитала» К. Маркса, с. 321.

стического способа производства, выявленные и проанализированные в I томе «Капитала», подвергаются здесь дальнейшему исследованию и конкретизации.

Маркс последовательно анализирует сначала общие условия, из которых вытекает действие закона тенденции нормы прибыли к понижению, затем подробно исследует факторы, которые «ослабляют и парализуют действие общего закона и придают ему характер лишь тенденции...»¹. В числе этих основных противодействующих причин он анализирует: повышение степени эксплуатации труда; понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы; удешевление элементов постоянного капитала; относительное перенаселение; роль внешней торговли; увеличение акционерного капитала.

Действие закона выступает в анализе во все более реальной форме, соответствующей действительности. В первой главе отдела выясняется, почему вообще происходит падение нормы прибыли. Во второй главе анализируется, почему это падение не происходит непрерывно, т. е. раскрываются факторы, замедляющие его действие. В третьей главе исследуется, каким образом тенденция нормы прибыли к понижению благодаря своему основанию — прогрессирующему росту общественной производительности труда и внутренним противоречиям капитализма — становится исторической тенденцией расширенного воспроизводства этих противоречий и замены капиталистического способа производства коммунистическим.

Внутренние противоречия закона тенденции нормы прибыли к понижению есть основные внутренние противоречия капитализма вообще, но «выраженные особо на языке прибыли». Сопоставляя противоречащие и обуславливающие друг друга явления, Маркс показывает, как из них реально рождаются кризисы перепроизводства. Кризисы есть концентрированное выражение обострения существенных противоречий всей системы капитализма, которая именно посредством кризисов временно и насильственно их преодолевает.

Анализ здесь опять как бы восходит «вверх», от реальности отдельных явлений внутри капиталистического общества к реальной форме явлений (кризисы) всего капиталистического общества.

Прогрессирующее развитие общественного производства, имеющее свою прямую меру в росте общественной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 254.

производительности труда, получает в общественном потреблении свою обратную меру. В обществе, основанном на развитом разделении труда, где труд каждого трудящегося имеет свою обратную меру в труде других членов общества (именно так образуется общественно необходимый труд), потребление также имеет свою прямую и обратную меру. Эксплуатация наемного труда, в условиях все возрастающей производительной силы общественного труда, имеет своим прямым результатом возрастающую массу прибыли класса собственников, а обратным результатом — сокращение доли трудящихся в получаемом продукте, т. е. сокращение базы потребления относительно новых возможностей развития производства. А так как производство прибыли и накопление богатств, составляющее цель и движущий мотив капиталистического производства, не имеет в себе, как говорил Маркс, никакой внутренне присущей ему границы и имманентной меры, то его основной мерой становится обратная мера — мера общественного потребления.

Мы рассмотрели примеры, которые показывают, каким образом К. Маркс осуществляет методологически очень сложный многоступенчатый анализ экономических структур. Сами эти структуры интересуют Маркса в данном случае постольку, поскольку в них обнаруживается и проявляется прибавочная стоимость. В рамках нашей темы эти примеры чрезвычайно интересны еще и потому, что они позволяют хотя бы частично проникнуть в творческую лабораторию Маркса, увидеть конкретный «механизм» построения полисистемного и метасистемного знания. Богатство заключенного здесь материала столь значительно, что требует обстоятельного специального исследования. В частности, особый интерес представляет выявление тех конкретных методологических процедур и приемов, с помощью которых Марксу удается теоретически воспроизвести полисистемность исследуемого им объекта. Но это вполне самостоятельная задача, которая ждет своего исследования. В данном же случае мы преследовали иную цель — на примере классического труда Маркса показать сам факт существования этой особой формы теоретического знания и наметить ее основные отличия от той формы знания, которая здесь определяется как системное или моносистемное знание.

С этой точки зрения анализ «Капитала» позволяет установить, что метасистемное знание представляет собой наиболее богатое определениями знание, которое

содержит в себе «в снятом виде» все предыдущие формы знания и раскрывает предмет, явление как совокупность всех его действительных отношений, выходя при этом за рамки «односистемного» рассмотрения. Существенное его отличие от системного знания состоит еще и в том, что здесь, наряду со структурными и функциональными аспектами изучения объекта, все более широко изучаются закономерности его развития и условия конкретно-исторической реализации.

Таким образом, анализ форм и ступеней познания показывает, с одной стороны, что элементы системности, системного понимания действительности имеются на всех трех уровнях, или во всех трех рассмотренных нами формах теоретического воспроизведения действительности. С другой стороны, этот же анализ показывает, что одна из форм современного научного познания, а именно вторая, раскрывает наиболее фундаментальное (в системном смысле) видо-родовое отношение.

Философы с древнейших времен обращали внимание на различие «непосредственного» и «опосредованного», они не случайно бились вокруг проблемы «высших субстанций», определяющих (опосредующих) конечные вещи и явления. Им давно было ясно, что за миром отдельных, конечных вещей стоит еще «что-то высшее». Однако раскрыть закономерности макро- и микросистем на том уровне развития познания и практики они не могли. И потому смутно, но не без основания предполагая, что кроме отдельных конечных вещей в мире должно быть еще что-то более устойчивое и постоянное, они домысливали различные «высшие субстанции», либо идеальные и сверхъестественные, либо материальные.

Уже на ранних ступенях развития человеческого познания зарождаются и первые логико-гносеологические модели «высшего, сущностного знания», прототипа будущего видо-родового системного знания. Демокритовские атомы как основа всех вещей, платоновские «идеи» (виды) в их отношении к явлениям объективной действительности, Спинозовский мир «субстанции» и мир модусов (конечных вещей), Гольбаховская «система природы», Кантовский «категорический императив» в его отношении к реальному поведению людей, Гегелевское «понятие» и абсолютная идея в их отношении к сфере «бытия» и т. д. и т. п.— все эти философские учения несли в себе смутную догадку о неких высших основаниях конечных вещей, хотя эти основания принципиально различным об-

разом истолковывались представителями линии Демокрита или линии Платона. Так в идеалистически извращенной или в метафизически упрощенной форме зарождались первые мировоззренческие и логико-гносеологические представления о системности мира и соответственно о системном знании.

Сам по себе этот исторический ряд показывает, что было бы неправильным представлять дело таким образом, будто системное знание есть только форма или ступень процесса познания. Не в меньшей мере системное знание есть продукт исторического накопления научных знаний, а потому его формирование зависит от общего уровня развития методов мышления, от глубины его проникновения в «святая святых» природы и общества — в закономерности строения и жизни макро- и микросистем. Чем глубже и многосторонней становится человеческое знание о мире, тем более системным оно должно быть. И это отражает как реальную диалектику самого мироздания и особенности методологии научного познания, так и потребности практической деятельности.

Материалистическая теория К. Маркса, отбросив идеалистические представления о «высших субстанциях» как сверхъестественных, идеальных, вечных, абсолютных началах, выявляет действительные материальные системы и субстанции, специфические для каждой сферы природной и социальной действительности. Вместе с тем она открывает закономерности движения и развития этих систем, раскрывает естественную историю их качественных преобразований. Благодаря К. Марксу и Ч. Дарвину, создавшим первые фундаментальные конкретно-научные системные теории, принцип системности становится неперемennым аспектом миропонимания и общей методологии, а одновременно — частью диалектико-материалистической теории.

Подводя итоги сопоставления различных форм и ступеней научного познания, следует подчеркнуть, с одной стороны, историческую преемственность системных представлений К. Маркса и домарксистских форм сущностного знания, а с другой — специфику системного знания как «нового» вида знания. Эта специфика прежде всего выражается в понимании системной организованности социальной действительности, в способности раскрыть сложное взаимопереплетение разнотипных систем и структур, понять их конкретно-историческую природу, в осознании универсальности, а вместе с тем специфики и ограниченности системного подхода как методологического средства.

Системное бытие и системные качества

Конкретно-научное изучение системности начинается с осознания самостоятельности системного бытия и установления его реальных форм, с разоблачения идеалистических и метафизических представлений о системах, с выявления специфики системных качеств. Так, например, общество давно считали системой. Но по существовавшему на протяжении многих веков представлением оно выглядело как некая надисторическая система с постоянными общественными институтами и вечными «естественными» функциями и т. п. Словом, концепция очень удобная для политической апологетики того или иного строя, доказательства его «вечности», но никак не способная объяснить социально-экономические различия сменяющих друг друга исторических эпох и обществ, законов их функционирования и развития. Аналогичным образом понимался и органический мир: в нем тоже нередко видели «систему природы», но систему неподвижную, с раз и навсегда данным строением.

Исторически исходным пунктом научно обоснованных системных представлений о мире стали теории Маркса и Дарвина, раскрывшие коренные закономерности существования и развития общественных и биологических макросистем. Оба эти учения выступали, с одной стороны, как теории *исторического развития* в природе и обществе, а с другой стороны, как теории *функционирования систем*. Одна сторона (историческая) ставилась здесь *alter ego* другой (системной), и наоборот. Так, материалистическое понимание истории свое осуществление и завершение находило в теории общественно-экономических формаций (систем). Аналогично происхождение видов путем естественного отбора у Дарвина своей

опорной базой имело главную биогенетическую систему — вид животных и растений, без нее историческая эволюция органического мира была бы практически необъяснимой.

Все это заставило по-новому осмыслить проблему природы системных макрообъектов, специфики системных оснований и исторического развития как системного развития. Отправной точкой здесь стал тот кардинальный факт, что бытие индивидуальное и бытие «видовое» (системное) не только едины, но и различны по своему материальному базису. Первое всегда конечно и относительно коротечно. Второе есть явление групповое. Оно представляет собой особого рода самообновляющееся целое, коллективное бытие которого является продолженным, «вечным», не прекращающимся из-за смены составляющих его индивидов, поколений или единичных конечных вещей.

Теории Маркса и Дарвина доказали, что у истории общества и природы есть свои более крупные (чем отдельные явления) «кирпичи» и «блоки» — системы явлений и, соответственно, свои временные масштабы их существования. На смену господствовавшим тысячелетия взглядам на мир как нечто *неизменное* в своей качественной основе была выдвинута новая система взглядов, согласно которой вся общественная и природная история выступила как непрерывный естественноисторический процесс. Вместе с тем выявление реальных системных макрообъектов (в данном случае общественно-экономических формаций и видов живой природы) стало важнейшей предпосылкой понимания самого «устройства» объективной действительности и ее исторической качественной эволюции.

Весьма знаменательно, что воззрения двух гигантов науки, К. Маркса и Ч. Дарвина, выкристаллизовались практически одновременно¹. В июне 1859 г. вышла в свет знаменитая работа Маркса «К критике политической экономии», содержащая классическую характеристику материалистического понимания истории. В том же году, несколькими месяцами позже, был опубликован и труд Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». И это, несомненно, не случайно, что годы формирования марксизма и дарвинизма совпадают. В 40-х и 50-х годах XIX столетия идеи последовательного материализма и диалектики выдвигались самим ходом общественного

¹ См.: Карл Маркс. Биография. М., 1973, с. 369.

развития, успехами промышленного производства, прогрессом научного знания.

Разными путями пришли к этим эпохальным открытиям Маркс и Дарвин, различными по зрелости и развитости теоретических и методологических идей были их учения, далеко не во всем одинаковыми по своему мировоззрению были их авторы. Но в истории науки их учениям суждено было идти рядом и тесно взаимодействовать. Теории Маркса и Дарвина ознаменовали принципиально новое и самое прогрессивное научное направление — они открыли *законы развития человеческой истории и эволюции органического мира*, причем открытия эти опирались на изучение больших систем. Марксизм вместе с тем дал науке целостное диалектико-материалистическое мировоззрение и методологию, сыграл огромную роль в диалектико-материалистическом истолковании учения Дарвина. В свою очередь, эволюционная теория Дарвина давала фундаментальное естественнонаучное подтверждение системе взглядов, выдвинутых Марксом и Энгельсом.

Сравнивая их научные заслуги, В. И. Ленин писал: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними,— так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественнoисторический процесс»¹.

Ленинская оценка непосредственно приближает нас к выводу, имеющему важнейшее значение для понимания сущности системного подхода. Речь в данном случае идет о тех его аспектах, которые связаны с раскрытием специфического «устройства» системных объектов. Иными словами, если в предыдущей главе мы сосредоточили внимание на анализе *гносеологического* своеобразия принципа системности, то теперь предметом нашего рассмотрения будут *онтологические* аспекты этого принципа. Открытия

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

Маркса и Дарвина как раз тем и интересны, что позволяют выявить эти аспекты в наиболее выпуклом виде.

Ключ к решению проблемы дает понятие *системного качества*, через которое и получает свое определение системное бытие объекта. Категория качества обстоятельно исследована в нашей философской литературе как сама по себе, так и в связи с категориями количества и меры¹. При этом особое внимание уделялось диалектике взаимодействия качественной и количественной определенности и проблеме классификации качеств. Но лишь после утверждения в сознании исследователей принципов системного подхода начала ощущаться потребность в специальном анализе той качественной определенности, которая характеризует системные объекты. Так возникла проблема изучения системного качества. Корни же этой проблемы уходят в теоретическое наследие К. Маркса.

Понятие о совокупных интегральных системных качествах введено К. Марксом в связи с анализом стоимости. В понимании интегральных свойств стоимости как ее общественных качеств заключен один из методологических секретов успеха марксистской политэкономической теории. А. Смит, Д. Рикардо и другие предшественники Маркса в политической экономии много сделали для создания основ трудовой теории стоимости, однако только раскрытие двойственности труда, заключенного в товаре, привело к четкому научному пониманию механизма интеграции различных видов конкретного труда в абстрактный труд, создающий меновые стоимости. Благодаря этому стоимость отдельного товара выступила как пропорциональная часть всего общественно необходимого труда, «полезно» затраченного на производство товаров. Это же открыло путь к пониманию тех изменений меновых стоимостей, которые происходят *независимо* от свойств конкретных вещей-товаров — в силу изменений общественных затрат труда, всей совокупности товарной массы и ее соответствия платежеспособному спросу и т. п., т. е. понять изменения меновых стоимостей через системную природу и системные качества самой стоимости.

Не менее отчетливо закономерности формирования системных качеств обнаруживаются и в исследовании К. Марксом «формационной» специфики общественных

¹ По этой проблеме приходилось выступать и автору настоящей книги. См. гл. «Вопросы качественного, количественного и мерного анализа в «Капитале» Маркса» в кн. «История марксистской диалектики» (М., 1971).

явлений. Определение системно-капиталистических качеств товарного производства, частной собственности, производственных отношений, труда и даже законов народонаселения — важнейшая черта диалектики «Капитала». Благодаря такому подходу конкретно-историческая специфика всех этих явлений обнаруживает себя через их «формационные», системные качества.

Введение представления о системных качествах предполагает определенную группировку, классификацию качеств в целом. В литературе предложен целый ряд классификаций подобного рода: качества группируют по типам объектов, по уровням рассматриваемых явлений, по формам движения материи, по отношениям статики и динамики, структуры — функции — развития и т. п. При этом исследователи-марксисты обычно специально подчеркивают, что между различными видами и типами качеств нет абсолютных границ. Предлагаемая нами классификация преследует не общую, а специальную цель: во-первых, здесь рассматриваются только те качества, которые определяют различные свойства и отношения материального мира; во-вторых, задачи этой классификации ограничены тем, чтобы выявить специфику собственно *системных* качеств и таким образом охарактеризовать специфику объектов, с которыми имеет дело системное исследование.

Исходя из этих соображений, мы выделяем три основные разновидности качеств, присущих объектам материального мира. Первый род качеств — это *природные, материально-структурные* качества. Под ними имеются в виду свойства самой природной материи или, точнее, все многообразие ее свойств, состояний и качественно различных форм. В рамках этого рода качеств любое природное явление — земля, вода, железо, цветок и т. д. — определяется с точки зрения своего материального состава или материально-структурных особенностей.

Второй род образуют *функциональные* качества. В основе этого типа качественной определенности лежит принцип специализации или назначения. Здесь качественная определенность самой материи теряет свое главенствующее значение и назывательно-определятельная роль переходит к функции. Этот подсмотренный человеком в природе феномен в той или иной форме используется при определении практически всех социальных качеств. Так, именно по этому принципу определяются все предметы созданной человеком «второй природы». Скажем, многие предметы домашнего обихода могут быть изготовлены из раз-

личных материалов, и качество последних здесь не имеет решающего значения; главное состоит в том, что предметы должны соответствовать своему назначению, своей функции. Это и есть их функциональное качество.

Открытием третьего рода качеств — *системных* (или *макросистемных*) — человечество обязано прежде всего К. Марксу. В отличие от первых двух качественных определенностей, всегда присутствующих в материальных явлениях, последние являются совокупными, или *интегральными*, качествами. Поэтому в конкретных социальных предметах и явлениях они могут быть структурно не материализованными (например, стоимость, моральный износ и т. п.) и присутствовать в них только как некий общий признак состояния системы или «пропорциональная часть» целого. Системные качества наиболее сложные, непосредственному наблюдению они обычно недоступны: их можно открыть лишь при помощи научного анализа, притом такого, который охватывает всю систему в целом¹.

Значение открытия интегральных системных качеств и отношений чрезвычайно велико, ибо без знания их закономерностей всякое изучение сложных объектов (особенно социальных) вольно или невольно будет сбиваться на путь сведения сложного к простому. Ныне уже ни одна область научного знания не может обойтись без системных представлений как общего, так и специального порядка. В этих условиях весьма важно восстановить саму историю открытия интегральных системных качеств, осмыслить те конкретные системные закономерности, которые добыла наука XIX и XX вв.

¹ Конечно, в каком-то предельно общем смысле все качества системны, так же как все явления качественны, количественны, обладают сущностью и т. п. Но мы здесь оставляем в стороне этот смысл системности и выделяем более узкий и вместе с тем более глубокий ее смысл — системности как обнаружения свойств интеграции. «Целое больше суммы частей» — уже в этой аксиоме системного подхода дана проблема сверхкачеств всякого целого и всякой системы. К. Маркс исследует *макросистемные* качества общественного развития и раскрывает множество различных конкретных феноменов интеграции (кооперация, тресты и монополии и т. п.). Его анализ двойственности качественной определенности явлений (раскрывающий сам механизм интеграции) лежит в основе понимания труда, товара и стоимости, а раскрытие базисных «формационных» закономерностей общества является основой всей его экономической и социальной теории. Таким образом, заслуга Маркса в углублении качественного анализа состоит в том, что за внешней системностью он увидел и раскрыл ее внутренние закономерности, прежде всего интегрально-системные.

1. Анализ К. Марксом феномена двойственности качественной определенности социальных явлений — раскрытие природы системности

Сообщая в письме Ф. Энгельсу об окончании работы над I томом «Капитала», К. Маркс писал: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование *прибавочной стоимости...*»¹.

Эта мысль в «Капитале» повторяется не раз. Вот, например, первые строки параграфа о двойственном характере заключенного в товарах труда: «Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как создателю потребительных стоимостей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана мною. Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то его следует осветить здесь более обстоятельно»².

Чем же К. Маркс гордится как открытием, равным открытию прибавочной стоимости, и что он сам называет «самым лучшим» в «Капитале»? Что он считает «отправным пунктом понимания политической экономии» и тем, на чем «основывается все понимание фактов»? Только ли это решение упоминаемого вопроса о двойственной природе труда, заключенного в товаре, или речь идет о чем-то более широком, с точки зрения Маркса? Для нас несомненно, что Маркс гордился прежде всего раскрытием природы важнейшего политэкономического явления, благодаря чему трудовая теория стоимости становится наконец во всем последовательной, стройной и объясняющей «всю совокупность фактов». Но Маркс отлично понимал и огромное общенаучное значение открытия этого методологического принципа³. По сути дела, с точки зрения истории методо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 277.

² Там же, т. 23, с. 50; см. также т. 49, с. 139.

³ См. там же, т. 23, с. 84.

логии формирование этого принципа было равнозначно раскрытию природы системности общественных явлений¹.

Этот тезис можно доказывать на примере всего «Капитала», и мы в дальнейшем проследим его реализацию на примере исследования К. Марксом двойственного характера труда, заключенного в товаре, анализа потребительной и меновой стоимости, денег, физического и морального износа техники и ряда других вопросов.

Но прежде чем переходить к изложению доказательств открытия К. Марксом феномена и закономерностей системного качества, следует вычленить другое, более элементарное отношение — отношение «двойственности» качественной определенности, которое обнаруживается уже в различии природных и социальных качеств по их материально-структурному и функциональному статусу. Без понимания этой проблемы легко запутаться в другой, более сложной.

2. Системные различия природной и социальной сфер. Соотношение природных и социальных качеств

Раскрытие особой качественной определенности социальных явлений, вычленение ее специфики — одно из важных открытий марксизма, имевшее большое значение для дальнейшего развития всего научного знания. Различие между природными и социальными качествами есть различие особого порядка. Физическая, химическая и биологическая формы движения представляют собой разные ступени развития природной материи, но они вместе с тем подчиняются некоторым общим законам материального существования.

Поскольку развитие природы создает необходимые предпосылки для появления человека и человеческого об-

¹ Если подходить к делу строго исторически, то «первооткрытие» системности, видимо, надо связывать с более ранним обоснованием материалистического понимания истории, уже несущим в себе принципиальное представление об обществе как системе. Но нашу задачу сейчас определяет не хронологическая сторона дела, а раскрытие самой природы общественных системных качеств. Этот же вопрос наиболее рельефно выявляется при анализе феномена двойственной природы труда. Системные представления Маркса имеют много сторон и проявились в решении многих вопросов. Здесь рассматривается не эволюция этих представлений, составляющая предмет особого исследования, а сами теоретические решения, обнаруживающие принцип системности.

щества, постольку социальная форма движения является естественным продолжением линии природного развития. Но в то же время это не просто одна из форм природного развития, а принципиально новая, высшая форма материального существования, новая линия материального развития.

С возникновением и развитием человеческого общества появляется новый источник движения, возникают принципиально новые движущие силы развития. Марксизм исходит из того, что социальная жизнь коренным, качественным образом отличается от биологической жизни, хотя и имеет ее своей материальной предпосылкой. Природа создала предпосылки для появления человеческого общества, но человечество создавало себя само в процессе трудовой и социальной деятельности. «...*Всемирная история*, — пишет Маркс, — есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека...»¹

Люди, в отличие от животных, являются существами созидающими и производящими. Человек есть часть природы, но он есть существо общественное, сознательное, выделяющее себя из природы, использующее и преобразующее природу для своих нужд на основе познания ее закономерностей. Основной движущей силой социальной жизни является общественное производство. Труд становится тем решающим фактором, который делает человека человеком. Именно объединение людей в труде и целенаправленной деятельности по освоению природы и создает устойчивую основу для коллективной, общественной жизни. На этой же базе возникают и складываются социальные отношения людей, развиваются средства общения и человеческого познания — язык и мышление.

К. Маркс всегда подчеркивал качественное своеобразие социальной жизни как трудовой, производственной жизни. «...Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается *его* производением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *предмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 126.

² Там же, с. 94.

Реально это «удвоение» проявляется в том, что все явления в сфере общественной жизни, как сами люди, так и вещи — продукты их труда, *наряду* со своими *природными* качествами обретают еще и *социальные* качества, которые определяют общественное развитие этих явлений. У вещей, созданных трудом человека, эта двойственность качественной определенности особенно наглядна. Если, например, речь идет о столе, часах, холодильнике, тракторе и т. п., то очевидно, что у каждого из этих предметов и их элементов главное качество социальное, созданное человеческим трудом и определяющее назначение и полезность предмета, а тем самым — главное в его качественной определенности.

С другой стороны, материал, из которого созданы эти предметы, имеет свои природные качества. Но «природная материя» с ее «первичными» качествами здесь оказывается лишь средством существования социальных качеств вещей. Так, один реальный предмет обладает одновременно двумя качествами разных порядков, двумя линиями показателей качества и меры — социальными и природными. Конечно, два эти качества составляют единство, но характер этого единства и субординация природной и социальной качественности отличаются от форм, которые мы встречаем в чисто природных явлениях. В природе есть различные виды неорганической и органической материи, но нигде нет особой «социальной материи».

Маркс говорил, что «природа, какой она становится... благодаря промышленности, есть истинная *антропологическая* природа»¹. Весь этот специфически человеческий, искусственно созданный и произведенный человеческим трудом мир социально значимых вещей отличается тем, что он ведет как бы двойственную жизнь и имеет двойственную качественную определенность². С одной стороны, как природная материя, вещи живут и развиваются по своим природным законам. С другой стороны, их «вторая жизнь», как социально значимых вещей, служащих человеку и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

² Впрочем, говоря о двойственной природе качественной определенности материальных вещей «второй природы», мы разграничиваем, конечно, только два больших класса качеств, каждый из которых имеет еще и внутреннее деление. Так, природные качества делятся на физические, химические, биологические и многочисленные их разновидности. Социальные качества вещей также могут различаться как экономические, производственно-технические, эстетические и т. д.

удовлетворяющих те или иные его потребности, всецело определяется законами и условиями развития общества.

Таким образом, социальные качества материальных вещей «второй природы» есть новый класс качеств, это *произведенные качества*, в той или иной форме воплотившие в себе человеческий труд, который превратил природные тела в особые полезные вещи — блага, «потребительные стоимости». В отличие от природных качеств, существующих независимо от человека и человечества, эти последние созданы человеком, служат человеку, и сама их сущность и общественное развитие (производство и потребление) определяется их отношением к человеку и человечеству, их служебной (функциональной) ролью в системе общества.

Понятно, что социальные качества вещей не тождественны с природным бытием вещей и как таковые имеют свою особую меру. В своем материальном бытии вещь может оставаться неизменной, хотя ее социальные качества, измеряемые их общественной значимостью и соответствием социальным нормам, будут изменяться. В целом социальные качества могут быть определены как *качества, полезные для человека и общества*, объективированные процессом материального и духовного производства в обществе.

Можно привести множество примеров того, как К. Маркс подчеркивал различие природной и социальной качественной определенности. Так, он пишет: «Поскольку продукт имеет свою собственную меру, это есть его природная мера, мера его как природного предмета... Но как результат или как покоящееся бытие создавшей его силы продукт измеряется только мерой самой этой силы. Мерой труда является время»¹. В других местах он отмечает различие между натуральными и социальными свойствами товаров², говорит о том, что труд сохраняется в вещи как «внешняя форма природной субстанции»³, о «социальной душе» товара⁴, материальном и моральном износе машин⁵ и т. д. Не менее определенно Маркс различает природные и социальные качества применительно к человеку, выделяет в нем элементы, свойственные ему как «субъекту природы» и «субъекту общества». Как пишет он в работе «К критике гегелевской философии права», Гегель «забывает, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 112.

² См. там же, т. 46, ч. I, с. 89.

³ См. там же, с. 323.

⁴ См. там же, т. 23, с. 756.

⁵ См. там же, с. 415.

особая индивидуальность есть человеческая индивидуальность и что государственные функции и сферы деятельности представляют собой человеческие функции; он забывает, что сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*, и что государственные функции и т. д.— не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека. Понятно, следовательно, что индивиды, поскольку они являются носителями государственных функций и властей, должны рассматриваться по своему социальному, а не по своему частному качеству»¹.

Помимо того, что мы здесь снова хорошо видим различие Марксом социальных и природных качеств, обращает на себя внимание устанавливаемая им субординация качеств: при рассмотрении социальной жизни, этой высшей формы движения, природные качества выступают лишь как «частные качества», как «средства» ее осуществления.

В общем виде нечто подобное можно наблюдать при сопоставлении двух любых разнопорядковых форм движения: развитие качественно более высоких форм движения не отменяет более простых, а «снимает» их, включая в себя в подчиненном виде. И подобно тому, как, например, элементы неорганической материи в живом организме функционируют и развиваются по законам биологии, так и всякая неорганическая и органическая материя, включенная в сферу общественной жизни людей, хотя и сохраняет природную качественность и свой природный цикл развития, тем не менее приобретает еще как бы внешнюю для нее самой социальную качественность и меру, благодаря чему вещи становятся также функционирующими и развивающимися по законам развития общества. Скажем, злаковые растения, фруктовые деревья или животные, которые были предками современных сельскохозяйственных растений и домашних животных, встречались в природе и до появления человеческого общества и развивались независимо от человека. Однако их современное развитие, рассмотренное с точки зрения их качественных особенностей как «окультуренных» животных и растений, а также с точки зрения масштабов их распространенности, показывает, что это развитие есть следствие не только их природных качеств, но также их социальных качеств, той функциональной роли, которую они выполняют в обществе.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 242.

Понятно, что высшая форма движения не может быть существенно и полно объяснена исходя из низшей. Соответственно и высшие общественные качества вещей никак нельзя объяснить, если исходить только из их природной качественной определенности. Несомненно, социальное качество не висит в воздухе, у него есть определенная связь с конкретными материальными вещами. Однако оно имеет и ряд специфических особенностей. Материя становится носителем социальных качеств. Природным вещам, явлениям, процессам человек придает необходимый ему вид и структуру. Только в соответствии с назначением и в сочетании с определенной целесообразной формой (например, топора, ножа, борона и т. п.) природные качества того или иного вида материи становятся полезными для человека. Понятно, что в этом случае люди начинают добывать такие вещества природы и производить из них необходимые орудия, предметы или продукты.

Природные материальные качества вообще не могут абсолютизироваться как выразители содержания, когда речь идет о вещах и явлениях социальной действительности. Так, железо есть качество и содержание, а железный топор есть только форма, приданная ему человеком. Это один возможный принцип спецификации, где за единицу качества принимается природное качество. Если, однако, тот же топор рассматривать как социальную вещь, то содержанием и качеством будет сам топор — его функция, а природное качество будет его «частным качеством». Это еще более очевидно, если взять такие сложные современные приборы и механизмы, как электронно-вычислительная машина, ракета, станок-автомат и т. п. Здесь мы имеем дело со вторым возможным принципом спецификации, когда за единицу качества и меры принимается созданное человеком качество вещи — как полезной вещи, удовлетворяющей какую-то его потребность¹.

¹ Понятно, что выбор «точки зрения» не является произвольным. При изучении явлений, включенных в высшие формы движения, их высшее качество должно изучаться обязательно. Однако это не исключает того, что для целей практики и научного познания возникает необходимость изучать в высших явлениях их низшую форму движения и качественную определенность. Так, человек есть социальное существо, и многие науки изучают его именно с этой стороны. Но наряду с этим существуют также науки, как анатомия человека, физиология человека, которые изучают его как особый биологический организм, хотя и они встают перед необходимостью учитывать специфически социальные условия жизни этого организма.

3. Совокупные (интегральные) системные качества

Выявление двойственности природных и социальных качеств и их удивительного «симбиоза», о котором шла речь, есть на самом деле лишь первый шаг на пути анализа системных явлений в обществе. К. Маркс открыл целую группу закономерностей системного бытия и развития социальных систем, исходной и ключевой среди которых была закономерность «второго качества» как высшего качества. В раскрытых им феноменах — впе­редметного существования стоимости, абстрактного труда, морального износа и т. п. — была обнаружена сама надындивидуальная «душа» системного качества. В «Капитале» системность впервые стала реально осязаемой. Здесь она впервые была научно доказана. И каких бы успехов ни добилось научное знание в последующем, идя по этому пути, следует помнить, что первые и притом исключительно важные закономерности системного порядка применительно к обществу были установлены Марксом.

Маркс не случайно бился над проблемой общественных качеств вещей: именно здесь он видел ту проблему, которую наука не смогла разрешить прежде. Он неоднократно отмечает, что непонимание общественных (высших системных!) качеств и того, как они возникают на основе определенного исторического способа производства, есть характерная черта и ограниченность буржуазной политической экономии, равно как и просветителей XVIII в., исходивших из вечности общественных порядков. Маркс убедительно показал, как они, наталкиваясь на эти сложные явления и не умея их объяснить, объявляли их простыми знаками (например, деньги), считали произвольным продуктом человеческого ума¹.

Обычно мы имеем дело с теми социальными качествами вещей «очеловеченной природы», которые люди придают своим трудом различным природным материалам, превращая их в полезные, потребляемые вещи: столы, стулья, дома, топоры, ножи и т. д. Они обладают всем понятными функциональными, предметными качествами, делающими вещи потребительными стоимостями. Это, так сказать, социальные качества «первого порядка». Они очевидны, ове­ществлены в конкретных предметах, и в них не содержится никакой особой загадки для науки.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 101.

«Как потребительная стоимость он (товар.— В. К.), — пишет К. Маркс, — не включает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности, или с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда. Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы веществ природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать»¹.

Вот в этих-то «чувственно-сверхчувственных вещах» К. Маркс и находит общественные качества «второго порядка». Социальные качества «первого порядка» являются функциональными, предметно-системными, ибо, с одной стороны, они отражают некие общественные потребности и нормативы, а с другой стороны, имеют обязательную предметную форму, четко и однозначно материализованы в отдельных конкретных вещах. В отличие от них социальные качества «второго порядка» в отдельных вещах прямо не материализуются и выражают *интегративные* качества общественного целого.

Новое качество, возникающее как продукт интеграции, соединения в единое целое многих элементов, дает нечто большее, чем сумма частей, оно отражает некие общие кооперативные свойства данного множества явлений и представляет собой определенность надындивидуальную. И если познание не различает таких системных качественных определенностей, то оно невольно сбивается на путь предметного фетишизма, пытается в самих конкретных явлениях найти то, что лежит *вне их* и составляет самостоятельную («групповую», а не единичную) реальность. Совокупные, или интегральные, системные качества как раз и характеризуют эту реальность.

Проблема системного качества в учении К. Маркса о стоимости².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 81.

² Прежде чем приступить к анализу совокупных системных качеств на примере стоимости, денег и морального износа, важно

Как обнаружить в товаре такое важное, сложное и «хитрое» качество, как стоимость, которое и принадлежит товару, и не принадлежит, которое является основным для каждого товара и вместе с тем не заключено в нем предметно? «Стоимость товаров,— писал Маркс,— тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за нее взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость остается неуловимым»¹.

Открывая тайну общественной природы стоимости, К. Маркс задумался над странным фактом, который обходили все классики буржуазной политической экономии до него: он обратил внимание на практическую *соизмеримость качественно разнородных вещей*, совершающуюся в процессе товарного обмена, и раскрыл то, что стоит за этой всем известной, по непонятной соизмеримостью. «Что касается стоимости вообще,— пишет Маркс,— то классическая политическая экономия нигде прямо не проводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он выражается в потребительной стоимости продукта. Фактически она, конечно, проводит это различие, так как в первом случае рассматривает труд с количественной, во втором — с качественной его стороны. Но ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно их сведение к абстрактно человеческому труду»².

Каким же образом и на какой субстанциальной основе становятся сравнимыми разнокачественные вещи-товары — сюртуки, холсты, чай, кофе, железо и т. п.? Являются ли основой этой соизмеримости их потребительные стоимости или меновые стоимости, возможна ли сравнимость потребительных стоимостей с меновыми?

К. Маркс ответил на все эти вопросы, он дал многопла-

оговориться, что все это лишь примеры, за которыми стоит только часть или определенный тип системных качеств подобного рода. Маркс в «Капитале» рассматривает целый ряд других социально-экономических явлений, где возникает феномен системной интеграции,— простая и капиталистическая кооперация, специализация и комбинирование производства, монополии, законы взаимодействия капиталов и образования средней нормы прибыли и т. п.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 56.

² Там же, с. 90.

новый анализ различных экономических форм и процессов, в которых стоимость является определяющей категорией. Но нас в данном случае интересует не экономическая, а методологическая сторона вопроса. И с этой точки зрения важнейшие моменты состоят в раскрытии общей природы явления, в установлении его субстанции, способа материального существования, систем детерминации и субординации, форм развития. Одно из интереснейших открытий Маркса в этой области — как раз выявление субординации природных и социальных качеств.

Принцип субординации имеет большое значение для раскрытия отношений соподчинения качеств и определения линий развития явлений, для понимания надындивидуального характера системных объектов. Например, определяя взаимосвязь в товаре социальных качеств «первого порядка» (потребительной стоимости) и интегральных системных качеств — качеств «второго порядка» (меновая стоимость), Маркс писал, что потребительные стоимости, образующие вещественное содержание богатства любого общества, при капитализме в то же время являются «вещественными носителями меновой стоимости»¹.

Итак, в вещи как потребительной стоимости мы имеем, как уже говорилось, по крайней мере две качественные определенности: природное качество материи самой по себе и функциональное, социальное качество, приданное ей человеком и превращающее ее в вещь потребления. Но эти природные и материализованные в данной вещи социальные качества суть ее *предметные качества*, образующие как бы единый сплав. В нем природные качества оказываются «вещественными носителями» социальных качеств, природная материя выступает как частное качество по отношению к высшему, социальному качеству. Привычные представления переворачиваются, форма, приданная человеком данной материи, становится содержанием качества, а сама она становится лишь формой существования, вещественным носителем социального качества².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 44.

² Анализируя эту субординацию природных и социальных качеств, Маркс во многих работах указывает, что в отношении к социальным качествам природные играют роль «вещественного носителя», «средства существования», «частного качества» и т. п. Это отношение как раз противоположно природному, где состав, структура и форма организации самой материи являются содержанием ее качества. Подробнее об этом см.: Кувшин В. П. Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966, с. 131—166.

Такова, так сказать, «материальная субстанция», или физическая основа, вещей-товаров и соответствующая ей субординация качеств. Но есть еще, как мы знаем, и другая «общественная субстанция» товара, которая не имеет предметной материальной формы и которая вместе с тем является главным качеством, определяющим общественное бытие и общественное производство товаров.

Разделить потребительную стоимость и стоимость товара невозможно, ибо одно есть *alter ego* другого. Но чтобы понять их качественное своеобразие, мы должны при анализе одного качества отвлечься от другого, иначе нам не вскрыть разнопорядковости этих качеств, в частности, двойственного характера самого товара и труда, заключенного в нем, не понять различной природы качеств вещи-товара — природных и социальных, предметно-системных и совокупных системных, их особых цепей причинности и специфических линий развития. «...Потребительная стоимость, или благо,— пишет К. Маркс,— имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд». «Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости»¹.

Как же представить себе эту «тайную жизнь товара», его *системное общественное бытие*, совершенно отличное от форм его непосредственного материального бытия? Как представить себе это общественное бытие, которое возникает при переходе от зримых форм обмена продуктами к сложным формам «обмена веществ человеческого труда» и которое по забавной игре слов, становясь общественным, становится обществу непонятным и невидимым?²

К. Маркс убедительно показал, что товарное обращение разрывает индивидуальные и локальные рамки непосредственного обмена, а затем и то, как на этой основе «развивается целый круг общественных связей, которые находятся вне контроля действующих лиц и носят характер отношений, данных от природы»³. Он говорит, что общественное бытие вещей-товаров может быть выражено лишь

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 47, 46.

² Именно в связи с этим возникает явление, которое Маркс называл товарным фетишизмом. Следует отметить, что по своему методологическому значению оно значительно шире данного явления капиталистического товарного производства. Нечто аналогичное, в виде «предметного фетишизма», возникает почти всюду на грани перехода от анализа осязаемых предметных качеств к анализу сложных, интегративных системных качеств.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 123.

через всестороннее общественное отношение¹ и что сама меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, затраченный на производство вещи². «...Таинственность товарной формы,— писал Маркс,— состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей. Благодаря этому *quid pro quo* [появлению одного вместо другого] продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными»³.

В отличие от натуральной формы товара его стоимостная форма и соответствующее ей общественное качество представляют собой качественную величину, производную от наличного уровня общественной производительной силы труда⁴ и конкретных условий места и времени. Она есть некая пропорциональная часть совокупного общественного труда, величина, которая может подвергаться очень большим и довольно быстрым изменениям, в том числе таким, которые совершенно не связаны с изменением свойств данной потребительной стоимости, с изменением, так сказать, «материального субстрата» товара. Именно это и служит наилучшим доказательством качественной самостоятельности и определенной независимости данной сферы, более того, показывает, что ее развитие при капитализме (т. е. развитие общественного производства товаров) совершается по законам обмена стоимостей. «Если бы товары обладали даром слова,— писал К. Маркс,— они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости»⁵.

К. Маркс всеми своими исследованиями доказал, что капиталистическое производство покоится на действии законов стоимости и производстве прибавочной стоимости и

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 76.

² См. там же, с. 92.

³ Там же, с. 82.

⁴ См. там же, с. 48.

⁵ Там же, с. 93.

что стоимость является высшим общественным качеством товаров, их *системным* качеством. Таким образом, между потребительной стоимостью (в единстве ее природных и социальных качеств) и меновой стоимостью складывается особая субординация качеств. Это субординация общественных качеств первого порядка (предметно-системных, функциональных) и общественных качеств второго порядка — системно-интегративных. На ее основе устанавливается, что это *высшее системное качество* есть главное качество товаров и что именно оно определяет характер и направление их общественного развития.

Конечно, все три качественных компонента целостной вещи-товара (природное качество и социальные качества первого и второго порядков, или материально-структурное, функциональное, системное) неразрывны, диалектика их взаимодействия и взаимообусловленности очень сложна и не должна пониматься упрощенно. Положение, что всякая вещь-товар многокачественна и как таковая имеет несколько форм движения и линий развития, чрезвычайно важно. Как природная материя, вещь-товар имеет один цикл существования и изменений, как потребительная стоимость — другой, наконец, как стоимостная вещь — третий. Последняя линия развития и представляет высшее — системное, общественное качество.

«Потребительная стоимость и меновая стоимость, — говорит К. Маркс, — хотя и соединены непосредственно в товаре, столь же непосредственно находятся вне друг друга»¹. Здесь Маркс подчеркивает двойственность детерминации вещи-товара как потребительной стоимости и меновой стоимости. Потребительная стоимость определяется свойствами вещи и условиями потребления, меновая же стоимость определяется стоимостью, т. е. затратами общественно необходимого труда в его абстрактном качестве. Методологически здесь важно то, что анализ потребительной стоимости и меновой стоимости образует как бы два самостоятельных измерения товара, которые затем соотносятся между собой в общественном масштабе. Этот феномен «двойственности», часто подчеркиваемый Марксом, имеет огромное значение для анализа любых полисистемных и полиструктурных явлений, столь характерных для процессов общественной жизни.

К. Маркс неопровержимо доказал — и это является принципиально важным теоретическим открытием, — что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 394.

именно стоимость есть интегральное системное качество вещей-товаров, именно она определяет при капитализме основные условия их общественного развития. В связи с этим возникает вопрос: действует ли и при социализме положение о системных качествах, доказанное Марксом для капитализма, или, может быть, здесь оно уже не действует?

В условиях социализма и коммунизма принципы общественного устройства и общественного производства меняются коренным образом. Капиталистический принцип производства ради наживы, ради прибавочной стоимости заменяется другим, при котором производство потребительных стоимостей опять становится основным, однако это отрицание отрицания не просто возвращает нас к исходному пункту натурального хозяйства и простого товарного производства, а приводит к новому типу общественного хозяйства, при котором производство общественных потребительных стоимостей становится «истиной в самом понятии». Стоимостный критерий в этом случае не отбрасывается, а лишь диалектически снимается, т. е. при переходе в высшую форму движения он отменяется как главный и исключительный критерий общественного производства, но остается как один из обязательных и действующих критериев. Маркс и Энгельс указывали, что при коммунизме стоимостные отношения с их вообще относительной и недостаточной мерой постепенно отомрут, однако задача регулирования рабочего времени и распределения общественного труда между различными группами производства сохранится, в связи с чем это определение «нестоймостной стоимости» станет еще более важным.

«...По уничтожении капиталистического способа производства,— писал К. Маркс,— но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было»¹.

Таким образом, К. Маркс не оставляет ни тени сомнения по поводу того, что высшие системные качества и при социализме останутся господствующими. Это обстоятельство детерминируется качественно новой степенью целостности общественного организма и достигнутым уровнем общественного производства. Естественно, что социализм,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 421.

меняющий социально-экономическую систему общества, но наследующий и развивающий далее общественный характер и уровень производства, не отменяет, а, наоборот, усиливает действие общесистемных закономерностей.

Проблема системного качества в учении К. Маркса о деньгах.

Не менее выпукло общественные, системные качества видны на примере исследования денег. Маркс рассматривает деньги как превращенную форму стоимости. В «Капитале» они предстают перед нами во всем разнообразии своих функций и конкретно-исторических форм, как явление сугубо общественное, системное, но вместе с тем имеющее и свое «я», свою известную автономию и самостоятельность. На этом же примере хорошо видно, что для Маркса ни один методологический принцип не становится самоцелью исследования. Исследование исторического развития форм стоимости органически дополняется изучением функции денег. Институт денег исследуется и сам по себе, и взятый как функциональная часть общественной системы — и с качественной и с количественной сторон.

В «Капитале» К. Маркс показывает, что свою основную функцию — меры стоимости — деньги выполняют как идеальные деньги¹; функции средства обращения и средства платежа — преимущественно в форме знаков денег и других заместителей благородных металлов²; наконец, в функциях сокровищ и мировых денег они выражают свою подлинную сущность и материальность, выступая в виде золотого тельца, аккумулировавшего в себе общественно необходимый труд. Таким образом, здесь, как и на примере стоимости, мы видим ту особую форму материальности системных, общественно-экономических явлений, которая то поворачивается к нам своей «идеальной» стороной, то показывает нам свою общественную материальность.

В отличие от природной материи, реальность которой не требует общественного признания ни человеком, ни человечеством, товар как «стоимостная вещь» или вещь общественно необходимая требует безусловного признания

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 106.

² С точки зрения обнаружения системных качеств в деньгах интересен анализ Марксом феномена «стершихся монет» и разрыва между функциональным и металлическим бытием денег, которое приводит к тому, что условные (функциональные) заместители денег (золота) фактически поглощают их материальное бытие. Осуществляется это в рамках отдельных стран на базе принудительного курса, т. е. придания деньгам объективной общественной значимости (см. там же, с. 135—140).

обществом. В условиях капиталистического общества этот акт становления общественно необходимой материей может быть осуществлен только на рынке, только через акт продажи, обмена на денежный товар или другой товарный эквивалент. Развитое общественное производство, обмен товаров и денежное обращение составляют различные звенья «общественного обмена веществ»¹. «Разделение труда,— отмечал К. Маркс,— превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги. Оно в то же время превращает в дело случая, удастся ли это пресуществление»².

Для того чтобы совершить это *salto mortale*, товар-соискатель должен преодолеть по крайней мере три барьера или три круга чистилища буржуазного рынка. Во-первых, он должен доказать, что труд, затраченный на его производство, затрачен в общественно полезной форме, что он является продуктом труда «нормального качества»³ и, таким образом, что он является «действительным звеном общественного разделения труда»⁴. Во-вторых, он должен подтвердить, что общественные условия потребления соответствуют производству данного товара. И, в-третьих, ему просто должно чертовски повезти, чтобы при всех прочих добродетелях он не попал в число тех товарных индивидуумов данного вида и сорта, которые произведены сверх реальной потребности реального рынка. Понятно, что в условиях стихийности функционирования и развития капиталистического общественно-производственного организма такой гарантией ни один товар не обладает⁵.

Таким образом, общественное бытие товара, его специфическая форма материальности определяются прежде всего его становлением или превращением в общественно необходимую материю. Другой важнейшей системной характеристикой как товара, так и его цены является то, что товар, становясь общественной потребительной стоимостью, становится функциональной частью общественного целого — совокупного общественного труда и потому выступает как некая пропорциональная его часть или элемент. К. Маркс, например, пишет: «Само собой очевидно, что цена каждого отдельного вида товаров образует элемент

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 114.

² Там же, с. 118.

³ См. там же, с. 571.

⁴ Там же, с. 116.

⁵ См. там же, с. 116—118.

суммы цен всех обращающихся товаров»¹. Или в другом месте: «Весь холст на рынке функционирует как один товар, каждый кусок его — только как соответственная часть этого одного товара... И в самом деле, стоимость каждого индивидуального аршина есть лишь материализация некоторой части того общественного труда, который затрачен на все количество аршин»². Очевидно, что величина этой пропорциональной части есть величина переменная и она будет изменяться в зависимости от изменения общественного целого, т. е. всей системы³.

Это очень важный качественно-системный момент, именно его чаще всего и не может усвоить обыденное сознание, ибо ему мешают мерки привычных представлений о природной и предметной материальности явлений. Ход обыденных рассуждений при этом бывает таков: раз системное качество в самом предмете не обнаруживается, следовательно, это выдумки, воображаемая форма⁴. Если же все-таки допустить, что оно невидимо присутствует в предмете, то изменение его независимо от изменений данного предмета доказывает, что оно не является качеством данного предмета. В этих заблуждениях обыденного сознания, не могущего преодолеть «предметного фетишизма», сквозит вместе с тем смутная догадка о том, что денежная форма вещей (как и стоимостная) есть «нечто постороннее для них самих и что она только форма проявления скрытых за ней человеческих отношений»⁵. В таком признании, конечно, содержится известная доля истины. Такого рода системные качества, бесспорно, не тождественны, не совпадают с предметными качествами. В строгом смысле слова их «предметность» условна, или, точнее, она имеет свою специфическую форму, не тождественную двум другим рассматривавшимся качественным параметрам.

Таким образом, верно то, что данные системные качества не имеют обычной, «жесткой» предметной формы, но также верно и другое — что они суть объективная реальность и, более того, что эти системные качества (в рассматриваемых нами общественных процессах) являются высшими качествами вещей.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 134.

² Там же, с. 117. Редакция второй части цитаты взята из правленного Марксом текста, приводимого в примечании на этой же странице.

³ См. там же, с. 48.

⁴ См. там же, с. 100—101.

⁵ Там же, с. 100.

Проблема системного качества в учении К. Маркса о физическом и моральном износе машин.

Две формы материального износа, связанные с употреблением и неупотреблением техники, дают нам картину производственной амортизации — естественного старения, сопровождающегося физическим снашиванием и разрушением машин. Это *естественно-производственный* процесс, в течение которого изменяются предметные качества машин. Вместе с тем Маркс выделяет и другой, уже чисто *общественный* процесс — моральный износ, который материально «не персонифицируется», не связывается вообще с изменением физического состояния машин и притом «совершается за спиной производителей». «...Кроме материального износа, — пишет Маркс, — машина подвергается, так сказать, и моральному износу. Она утрачивает меновую стоимость, по мере того как машины такой же конструкции начинают воспроизводиться дешевле или лучшие машины вступают с ней в конкуренцию. В обоих случаях, как бы еще нова и жизнеспособна ни была машина, ее стоимость определяется уже не тем рабочим временем, которое фактически оуществлено в ней, а тем, которое необходимо теперь для воспроизводства ее самой или для воспроизводства лучшей машины. Поэтому она более или менее утрачивает свою стоимость»¹.

Здесь снова видны те же основные черты системных общественных качеств, которые мы уже видели на примере марксова анализа стоимости и денег: отдельная машина становится носителем этого высшего системного качества не сама по себе, а как часть общего парка действующих машин, в сравнении с ними. Именно моральный износ подгоняет технический прогресс, требует принципиальных конструктивных («видовых») изменений техники, становится важнейшим фактором, регулирующим общественное производство. За отношениями вещей проглядывают отношения людей, реальные отношения общественного производства. Они выражают сложные, интегративные качества общественных систем, не сводимые к качествам отдельных их элементов. Следовательно, К. Маркс обнаруживает в анализируемых им общественных явлениях феномен *совокупного системного качества* и тем самым вскрывает один из ведущих принципов системного качествообразования.

Рассмотренные нами примеры показывают, что в основе всех натуральных и функциональных качеств лежит не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 415.

кое единообразие, определяемое однотипной материальной структурой явлений или их назначением, формой, конструкцией, если речь идет о функциональных качествах социальных вещей. Но это единообразие не зависит от совокупности явлений, оно указывает лишь на их структурное родство, тождественность или, наоборот, различие. Иное дело системные качества: определяющей в них является уже не структурная определенность, а системная, выражающаяся через интегративные свойства совокупности, целостности, пропорциональности, системную роль и т. п.

Человеческий рассудок привык считать, что качество есть нечто устойчивое, определенное, материализованное в предмете, явлении. Качество, с точки зрения «здорового смысла», тем и отличается, например, от сущности, что его можно, так сказать, «пощупать» и обычными средствами и способами определить. Иначе какое же это качество? Вопреки этому наивному представлению К. Маркс открывает нам новый класс качеств — такие *сверхкачества*, которые принадлежат не предмету, а *системе* предметов и которые в предмете обнаруживаются только в силу их принадлежности к данному системному целому.

В приведенных нами примерах К. Маркс показывает такие системные качества, которые складываются в обществе в силу развитого общественного распределения труда и формируются на базе совокупных общественных потребностей, достигнутого уровня труда и производства (общественно необходимые затраты труда) и ряда других условий. Такие качества непосредственно неуловимы в вещи, в товаре: конкретный товар несет лишь пекую часть совокупного результата, к тому же складывающегося в капиталистическом обществе за спиной реальных производителей товаров.

В «Капитале» К. Маркс анализирует ряд других объектов, в основе которых лежит совокупное системное качество. Вместе с тем в поле его внимания оказываются и некоторые иные типы системных качеств и отношений. С точки зрения нашей темы значительный интерес представляет вычленение и определение Марксом *системной специфики* явлений, того, что он обычно называет *differentia specifica*. Гносеологическая интерпретация этого приема выпукло характеризует различие функционального и системного подходов¹.

¹ Очевидно, что функциональные и системные качества имеют не только специфические различия, но и много общего. Функциональные качества, как правило, выступают как системно-функцио-

4. *Differentia specifica.*

Системное качество как выражение специфики общественной формации

В предыдущем параграфе мы рассмотрели по преимуществу структурный аспект проблемы системных качеств в общественных явлениях и выявили их интегральную, надындивидуальную сущность. Теперь обратимся к проблемам функционирования и развития общества. Системные качества здесь предстанут перед нами в совершенно другом облике — как выражение конкретно-исторической специфики общественных явлений. Методологическое основание этого аспекта их рассмотрения составляет различие и сравнение качественной природы и качественной специфики общественных явлений, их функционального и системного качества. Анализ отличия системно-исторического аспекта от системно-структурного позволит вскрыть новые стороны системных качеств. Напомним, что в первой части главы эта проблема рассматривалась в соотношениях «часть — целое», «предмет — система», «человек — общество» и в таком контексте надындивидуальные качества целого выступали непосредственно как системные. Теперь же в качестве системы мы будем рассматривать общественно-экономическую формацию. Поэтому системное качество будет выражать конкретно-историческая, так сказать, «формационная» специфика явлений.

Домарксистской мысли общество представлялось чем-то в основе своей постоянным и вечным. Философы и историки хотя и фиксировали в своих сочинениях историческую смену социальных форм и господствующих порядков, но высшей целью исследования и философского размышления считали отыскание неких абсолютных начал общественной жизни и человеческой природы. На первый взгляд кажется, что для этого есть определенные основания. Вот, скажем, основные потребности человека. В своей основе и сущности они представляются вечными: при каком бы общественном строе человек ни жил, он прежде всего должен есть, пить, одеваться, иметь жилище и т. п. Или возьмем труд. Вот его обобщенная характеристика, данная К. Марксом: «Процесс труда... есть целесообразная

пальные, а анализ системных качеств чаще всего обнаруживает их системно-исторические, системно-структурные и системно-функциональные разновидности. Но в данном случае предметом рассмотрения является не эта сторона дела, а другая, выявляющая как раз их специфические различия.

деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»¹.

Производство есть вечное специфическое условие человеческой жизни. Именно оно прежде всего отличает «видовую», «родовую» жизнь людей от соответствующей «видовой», «родовой» жизни животных. К. Маркс замечает по этому поводу: «...жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода общественном производстве...»²

То же или почти то же самое можно сказать, если рассматривать орудия производства, общественный строй, семью, этнические общности, мораль, культуру и т. п. Все эти коренные условия человеческой жизнедеятельности и функции общественной жизни являются в известном смысле «вечными» основаниями человеческой истории. Конечно, у всех у них есть определенная история развития, в процессе которой они приобретали различные конкретно-исторические формы, оставаясь тем не менее в своей основе и сущности потребностями, трудом, производством и т. д. и т. п.

Словом, подобный общезначимый взгляд на явления общественной жизни был в известной мере обоснованным. Его сущность состоит в изолированном изучении социальных явлений *самих по себе*: человека как такового, труда, производства, собственности, политики, культуры, идеологии, морали, общества как таковых.

Анализ подобного рода вскрывает некоторые всеобщие черты (абстрактные моменты) явлений, но не раскрывает их полностью. Естественно, что, принимая то или иное явление за исходный пункт рассмотрения, мы тем самым все его свойства выводим из него самого и все его исторические формы представляем его собственными модификациями. Это и есть позиция «предметоцентризма», исходя из которой было написано множество исторических, социологических и других специальных трудов об обществе, человеке, общественном производстве, культуре, политике, праве, морали и т. п. Однако все это разнооб-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195.

² Там же, т. 46, ч. 1, с. 477.

разное изучение истории, политической экономики, социологии и культуры в домарксистский период не создавало картины, адекватной историческому процессу развития общества в целом. Факты оказывались разрозненными, застывшими, мертвыми. Их надо было заставить жить, функционировать, рассказывать свою действительную историю. Иными словами, задача состояла в том, чтобы объяснить взаимосвязь и взаимодействие различных процессов, факторов и движущих сил истории. А это без насилия над фактами можно было сделать, только найдя их *базис*, реальную общественную *систему*, по законам которой функционировали и развивались те или иные общественные явления.

К. Маркс, создавая новую, революционную по духу науку, не отбросил всего положительного, что было достигнуто его предшественниками в различных областях знания. То принципиально новое, что создал Маркс, с методологической точки зрения состояло в следующем: своей теорией общественно-экономических формаций он строго и последовательно объединил разрозненные научные факты и частные теории отдельных сфер, процессов и явлений жизни общества, дал единое системное объяснение общественного развития. Именно это и стало базой последовательного материалистического переосмысления всех накопленных в обществоведении знаний, впервые создало возможность подлинно *научной* социологии, политической экономики, истории, общественной науки вообще. Маркс, следовательно, впервые с позиции науки доказал, что человеческое общество представляет собой не просто сумму различных сфер общественной жизни, каждая из которых развивается по своим собственным законам, а единый, целостный общественный организм, системные законы которого (законы общественно-экономической формации) являются высшими законами, мерой мер всех других, более частных закономерностей.

Поэтому мы вправе утверждать, что материалистическое понимание истории, раскрывшее законы развития общества, было вместе с тем открытием *системных* закономерностей его функционирования и развития. Этот общий тезис может быть конкретизирован следующим образом.

Во-первых, К. Маркс установил, что реальной системой является не просто общество в виде гигантского Левиафана с множеством постоянных функций и надындивидуальной общечеловеческой сущностью, а определенный

социально-экономический и конкретно-исторический тип общества, с определенным уровнем развития производительных сил, определенным типом собственности и общественными отношениями. Иными словами, Маркс открыл *реальные системы* общественного развития и создал учение об общественно-экономических формациях («социальных организмах»).

Во-вторых, теорией общественно-экономических формаций основоположники марксизма в общих чертах описали и представили всю человеческую историю как историю последовательно сменяющихся друг друга общественных систем.

В-третьих, К. Маркс на примере капиталистической общественно-экономической формации раскрыл законы развития этого типа общества и показал, как общесистемные законы и условия модифицируют все частные закономерности функционирования и развития общества. Выявление специфически системных отличий капиталистического производства, собственности, труда, орудий производства, законов народонаселения и т. д. является подлинным лейтмотивом «Капитала».

В-четвертых, осуществленное К. Марксом исследование социально-экономических закономерностей общественных макросистем заложило методологические основы системного подхода в изучении общественных явлений.

В этих рамках методологии особый интерес для социального познания представляет вопрос о различии общего и специфического в общественных явлениях и способ решения этого вопроса марксизмом. Системному анализу, примененному К. Марксом в «Капитале», присущ один характерный методологический прием, который, несомненно, весьма обогатил материалистическую гносеологию. Существо его заключается в том, что Маркс рассматривает одно и то же явление в двух аспектах — с точки зрения его *качественной природы* и с точки зрения его *качественной специфики*. Вначале раскрывается его общее, функциональное или структурное, качество, а затем — его конкретно-историческая системная модификация. При этом в первом случае явление берется само по себе, в своих наиболее общих и абстрактных моментах, а во втором — как элемент или компонент данной системы, как системное явление.

Раздельное рассмотрение этих качественных определенностей позволяет избежать путаницы в определении природы явлений, их реального конкретно-исторического

содержания. К. Маркс неоднократно указывал, что смешение общих и специфических качеств явлений было камнем преткновения даже для крупных ученых, классиков буржуазной политической экономии, и оно порою приводило их к грубым ошибкам¹. Широко известна, например, критика К. Марксом Д. Рикардо, А. Смита, Дж. Ст. Милля, Ж. Б. Сэя и других буржуазных экономистов за то, что они во многих случаях подменяли качественный анализ чисто количественным подходом², пренебрегали историческим рассмотрением явлений, не исследовали качественную специфику буржуазных экономических отношений, представляя их вечными и неизменными. Типичными примерами этого служат непонимание двойственного характера труда и механизма образования стоимости товаров, смешение двух различных родов частной собственности (основанной на собственном труде производителя и на эксплуатации чужого труда)³, отождествление обращения товаров и непосредственного обмена продуктов, сведение сложных капиталистических отношений к простым отношениям товарного производства⁴.

Анализируя взгляды своих предшественников в политической экономии и социологии, К. Маркс главный порок их методологии видит в антиисторизме и метафизической абстрактности⁵. Он беспощадно разоблачал и высмеивал всевозможные «робинзонады»⁶, «вечные законы» и всяческие абсолюты⁷. Маркс специально рассматривает приемы современной ему буржуазной экономической науки, которая, не умея объяснить конкретного и специфического в изучаемых явлениях, всячески раздувает тривиальные всеобщие определения «производства вообще», «труда вообще», «собственности вообще», «условий, способствующих производству вообще» и т. п., что неизбежно завершается плоскими тавтологиями, актуальная научная ценность которых мизерна⁸.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 124 и 623—624. Следует отметить, что ошибки смешения общих и специфических качеств, как и заведомые спекуляции на «всеобщих формах и качествах», — явление весьма распространенное и в современной буржуазной философии, и в социологии.

² Этот вопрос подробно освещается в кн.: Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967, гл. III.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 774.

⁴ См. там же, с. 124.

⁵ См. там же, с. 383.

⁶ См. там же, т. 46, ч. I, с. 17.

⁷ См. там же, т. 23, с. 94—95.

⁸ См. там же, с. 124.

«Политическая экономия,— пишет К. Маркс,— имеет дело со специфическими общественными формами богатства, или, точнее, производства богатства. Вещество богатства, будь то субъективное, как труд, или объективное, как предметы, служащие для удовлетворения естественных или исторических потребностей, представляется сначала общим для всех эпох производства... То общее, что обычно говорится об этом, ограничивается абстракциями, которые представляли некоторую историческую ценность в эпоху первых опытов политической экономии, когда формы еще с большим трудом вышелушивались из вещественного содержания и с большим напряжением фиксировались как подлинный объект исследования. Позднее они становятся скучными общими местами, тем более противными, чем больше они выступают с претензией на научность»¹.

Такое топтание вокруг классифицирующих абстракций было типичным для тогдашней политической экономии. Во всем этом К. Маркс видел прежде всего неспособность предшествующей ему науки понять конкретно-исторические закономерности общественного развития, а также «более или менее» сознательную буржуазную апологетику. Так, разбирая рассуждения Милля об отличии процессов производства от процессов распределения, он пишет: «Суть дела заключается скорее в том, что производство... в отличие от распределения и т. д., изображается как заключенное в рамки независимых от истории вечных законов природы, чтобы затем, пользуясь этим удобным случаем, совершенно незаметно в качестве непреложных естественных законов общества *in abstracto* (вообще.— *Ред.*) подсунуть *буржуазные* отношения. Такова более или менее сознательная цель всего этого приема»².

Разбирая далее тезис Милля о якобы иной природе распределения (в отличие от производства), К. Маркс замечает, что, пользуясь этими приемами, «все исторические различия точно таким же образом могут быть смешаны и стерты в *общечеловеческих* законах»³, и далее делает знаменитый вывод: «...есть определения, общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *всеобщие условия* всякого производства суть не что иное, как эти

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 366—367.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 23.

³ Там же.

абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства»¹.

Сам К. Маркс, следуя в «Капитале» методу восхождения от абстрактного к конкретному², обычно сначала анализировал некоторые «простые и абстрактные моменты» исследуемых процессов и явлений, затем изучал их генезис, специфическое системное содержание и роль, которую они играют в данной социально-экономической системе, и только на этой основе и с учетом всей суммы отношений реальной общественной жизни он анализировал их конкретно-исторические формы. Так, он последовательно изучает товар и процесс обмена, деньги и денежное обращение, труд, капитал и т. д. Анализ всеобщего, всеобщих форм (абстрактного и простого, как говорил К. Маркс) обычно идет первым, но исследователь никогда не останавливается на этом. Изучение всеобщих функциональных качеств³ явлений у Маркса представляет собой обязательный элемент научного познания, однако это только «момент», предпосылка полного и истинного знания, но еще не все знание. Главным же в анализе общественных явлений он считал познание *differentia specifica* (характерных особенностей)⁴, или, как еще любил

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 24.

² Этот метод наиболее обстоятельно рассмотрен в следующих работах: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960; Тупухин В. Н. Метод восхождения от абстрактного и конкретному в «Капитале» К. Маркса.—Труды Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова. Философия. Омск, 1961, т. 45.

³ Сами функциональные качества здесь рассматриваются несколько с другой стороны, чем в предыдущей главе. Там они рассматривались по преимуществу структурно, обнаруживая свою природу и свою определенность посредством *функциональной роли* явления. А здесь функциональные качества рассматриваются больше в плане *гносеологическом*, как определенная «призма», адекватная отражению общего (функция) в отдельном и, наоборот, мало приспособленная для изучения специфического, особенно для изучения факторов развития и системности. Подобное смещение акцента позволяет вскрыть определенную ограниченность функционального взгляда на вещи, выражающегося в некоей надысторической заданности функции или постоянстве функциональной роли. Перенос этих мерок на конкретную целостную систему чреват ошибками антиисторизма, антидиалектики. Впрочем, эта ограниченность не означает имманентной порочности функционального подхода, а является следствием его абсолютизации и применения за пределами необходимого, т. е., по сути дела, преувеличения роли функционального метода.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 632.

говорить Маркс, изучение «специфической логики специфического предмета»¹. В этом смысле конкретное выступает и как конкретно-историческое, и как системное, и как синтез, наиболее содержательное и богатое определениями знание, адекватное реальным формам действительности. Таковы основное направление и цель его исследования, если говорить о методологической стороне дела.

Показательно в этом отношении исследование К. Марксом роли труда. Уже в первых главах «Капитала» он анализирует всеобщие моменты труда «как независимого от всяких общественных форм условия существования людей». Затем он показывает его двойственную природу — как труда конкретного, создающего потребительные стоимости, и труда абстрактного, создающего меновые стоимости. После выяснения общих форм и функций труда в человеческом обществе Маркс переходит к конкретно-историческим формам труда в условиях капитализма.

Таким образом, К. Маркс дает нам последовательную картину: сначала анализ общей качественной природы труда (функциональное качество), а затем его конкретно-исторической специфики (системное качество) применительно к различным сферам и процессам. Так, в главе «Постоянный капитал и переменный капитал» Маркс показывает, как труд абстрактный и труд конкретный функционируют в процессе производства, раскрывает механизм, посредством которого труд в своем абстрактном качестве присоединяет к продукту новую стоимость, а труд в своем конкретном качестве переносит на продукт стоимость средств производства². В главе XIV («Абсолютная и относительная прибавочная стоимость») Маркс подчеркивает, что понятия производительного труда и производительного рабочего также нельзя трактовать только как всеобщие категории, что они несут на себе печать конкретно-исторических производственных отношений. Он отмечает, что в условиях капитализма понятие производительного труда, с одной стороны, расширяется, в силу того что кооперативный характер процесса труда в условиях общественного производства соединяет в себе труд умственный и физический, а с другой стороны, суживается, ибо ограничивается капиталистической целью производства — производством прибавочной стоимости. «Поэтому,—

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 325.

² См. там же, т. 23, с. 211—212.

пишет Маркс,— понятие производительного рабочего включает в себя не только отношение между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда, но также и специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием увеличения капитала»¹.

В работе «К критике политической экономии» К. Маркс указывает на некоторые кажущиеся противоречия в понятии труда. Как простая и абстрактная категория труд есть «вечное естественное условие человеческой жизни». Таково абстрактное, функциональное понятие труда. В этом качестве оно передает всеобщие моменты, присущие труду во всех общественно-исторических формациях. Однако эта всеобщность есть вычленение его общих характерных черт и в то же время отвлечение от его конкретно-исторических особенностей и форм — первобытного, рабского, крепостного, наемного труда. Вместе с тем в этой своей всеобщности абстрактное понятие труда по содержанию является выражением именно *конкретного* труда, ибо труд *абстрактный* (всеобщий по своей природе) в развитом виде есть продукт уже капиталистического общества и не может быть всеобщим моментом труда всех исторических эпох.

К. Маркс показал эволюцию труда от первых форм конкретного труда до превращения его в труд вообще, когда конкретная форма труда становится практически безразличной и индивид с легкостью переходит от одного вида труда к другому. «Труд здесь,— писал Маркс,— не только в категории, но и в реальной действительности, стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сраченность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда. Такое состояние в наиболее развитом виде имеет место в самой современной из существующих форм буржуазного общества — в Соединенных Штатах. Таким образом, лишь здесь абстракция категории «труд», «труд вообще», труд *sans phrase* (без дальних разговоров.— *Ред.*), этот исходный пункт современной политической экономии, становится практически истинной. Итак, простейшая абстракция, которую современная политическая экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее отношение, имеющее силу для всех форм общества, выступает тем не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 517.

менее в этой абстрактности практически истинной только как категория наиболее современного общества»¹.

Здесь, как мы видим, раскрываются два аспекта общности труда. В плане абстрактного, функционального понятия «труд вообще» воплощает в себе общие характерные черты всякого труда. В плане конкретно-исторического понятия он имеет другую, системную всеобщность, выступает как высшая степень его развитости, при которой конкретные разновидности труда становятся безразличными.

Таким образом, важнейший принцип марксистской методологии — конкретно-исторический подход — уже в самом своем основании предполагает изучение и сопоставление этих двух аспектов качественной определенности — качественной природы и качественной специфики общественных явлений. Весь анализ и вся аргументация К. Маркса последовательно приводят нас к выводу о том, что это «специфическое» качество невозможно понять иначе, как через призму общих законов капитализма, через призму системных закономерностей данного «общественного организма».

Весьма показательно в этом плане различие К. Марксом всеобщих функциональных отношений, возникающих в общественном производстве в связи с развитием машинной техники, и системно-исторических («формационных») отношений, порождаемых капиталистическим применением машин.

К. Маркс говорил, что если рассматривать машины исключительно как средство удешевления продукта (т. е. сами по себе, абстрагируясь от конкретных исторических условий), то граница их применения определяется тем, что труд, затраченный на их производство, должен быть меньше труда, который замещается их применением². Однако для капиталиста эта разница очерчивается более узко, так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы. Поэтому для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы. Маркс приводит примеры (к этому мы могли бы добавить ряд современных примеров), когда капиталисты отказываются от применения машин или более совершенных машин из-за дешевизны избыточной рабо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 41.

² См. там же, т. 23, с. 404.

чей силы, падения заработной платы рабочих ниже ее реальной стоимости.

«Противоречий и антагонизмов, которые неотделимы от капиталистического применения машин,— отмечал К. Маркс,— не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения!.. Машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлиняет рабочий день... сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность... сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение порабощает человека силами природы... сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера и т. д...»¹

На этом примере мы еще раз отчетливо видим разграничение К. Марксом качественной природы и качественной специфики общественных явлений, а вместе с тем и то огромное методологическое значение, которое имеет это разграничение для понимания именно специфических системных качеств и системных отношений вообще. Вычленение конкретно-исторической, капиталистической специфики и четкое отделение ее от «вечных» функциональных социально-экономических форм — один из тех важнейших «моментов» методологии системного качественного анализа Маркса, который определил успешность его теоретических выводов и четкость его политических оценок.

Таким образом, К. Маркс определенно и четко различает в изучаемых общественных явлениях то, что представляется в них всеобщим, постоянным и «вечным», и то, что является в них специфическим и переменным (конкретно-историческим). Он отклоняет как ненаучные любые попытки трактовать эти различия идеалистически, прибегать к сверхъестественному и абсолютному. В своих объяснениях «земных оснований» этих явлений он показывает, что всеобщее, постоянное и «вечное» в жизни общества не есть абсолют, а есть лишь нечто относительно постоянное и относительно всеобщее и «вечное». Так, известное постоянство потребностей, труда, производства и т. п. как выражение всеобщих условий «обмена веществ между человеком и природой»² и обнаружение неких «не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 451—452.

² Там же, с. 195.

изменных» составляющих самого способа жизнедеятельности людей есть только постоянство функции. Что же касается общественных форм и конкретного содержания потребностей, труда, производства и т. д., то они *всегда* выступают как явления определенной ступени общественного развития¹. Маркс подчеркивает в этой связи, что само «это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее»² не существует иначе, как через особенное, конкретное.

На примере капитала К. Маркс показывает, как буржуазные экономисты пытаются представить его всеобщим, вечным, естественным отношением. Они берут его всеобщие функциональные моменты («орудие производства», «накопленный труд») и отбрасывают как раз то специфическое (наемный труд, капиталистический базис, машинное производство, промышленный капитал как господствующая форма общественного производства и т. д.), что только и делает «орудия производства» и «накопленный труд» капиталом. Так, разрывая общее и специфическое и абсолютизируя функциональное общее, буржуазная политэкономия фальсифицирует реальные общественные отношения.

Итак, первую предпосылку историко-материалистического понимания общественных процессов К. Маркс видит уже в различении общего и специфического в них, в различении качественной природы и качественной специфики явлений. Однако все это становится очевидным только в свете марксистского материалистического понимания истории и, в частности, теории общественно-экономических формаций. Ибо, пока системой считают либо внеисторическое общество, либо механический агрегат самостоятельно развивающихся сфер и явлений, до тех пор раскрыть действительную связь и детерминацию явлений практически невозможно.

Теория К. Маркса представила историю человечества как естественноисторический процесс. Она показала, что история общества есть история сменяющих друг друга социальных организмов, каждый из которых имеет свой особый базис и свою особую систему функционирования и вместе с тем является более высокой ступенью развития производительных сил общества, чем предшествующая. Благодаря теории формаций исторические формы обществ

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 21.

² Там же.

ненной жизни предстали как *системные* формы. Системными оказались и внутренние взаимодействия сфер, и функциональная структура общества, и сами конкретно-исторические формы общественных явлений. Пал фетиш абстрактного функционализма, а вместе с ним и представления об абсолютных формах и функциях. Оказалось, что общество и его сферы функционируют и развиваются по законам базиса, точнее, данного конкретного базиса, данной общественно-экономической формации (системы).

Это единство социального и исторического в материалистическом понимании истории столь органично, что В. И. Ленин иногда пишет о «социальном (или историческом) материализме»¹. И сам К. Маркс нередко употребляет понятие «историческое» в смысле «социальное» либо ставит их через «или». Все существенные исторические изменения общественных явлений и процессов протекают в конечном счете как изменения всего социального организма, а сама социально-экономическая система оказывается преходящим, конкретно-историческим состоянием общества, но таким состоянием, которое, как выразился бы Гегель, «окачивается» в некую самостоятельную целостность (социальный организм), и смена одного состояния другим образует «узловую линию отношений меры». В этих условиях естественно, что показателем системного качества выступает именно специфическое, отличное от исторически предшествующего ему явления и от того, что обще всем другим историческим этапам.

К. Маркс в этой связи подчеркивает, что «определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства... не были забыты существенные различия», ибо «именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»².

Таким образом, широко применяемое К. Марксом понятие *differentia specifica* в условиях общественных систем становится выражением одновременно и системности общественных явлений и их конкретно-исторических особенностей. Полемизируя с Гегелем о природе и специфике общественных явлений, Маркс пишет: «...объяснение, в котором нет указания на *differentia specifica* (специфическое различие.— *Ред.*), не есть объяснение»³, так как рас-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 545.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 21.

³ Там же, т. 1, с. 229; см. также т. 24, с. 252; т. 26, ч. I, с. 142.

смотрение, ведущее к изучению только всеобщего в явлениях, дает лишь видимость действительного познания, а сами изучаемые объекты, поскольку они не поняты в их специфической сущности, остаются непонятыми в самом главном.

Однако было бы неправильным представлять дело таким образом, что К. Маркс, устраняя из теории общественного развития все эти «абсолюты», «вечности» и противоречащие истории «естественные законы», служившие подпорками несостоятельных теоретических концепций, устанавливает противоположную, релятивистскую концепцию, в которой нет никакого места для понимания неких «функциональных констант». Нет, ему были чужды всякие односторонности, он всегда видел всю сложность процессов и явлений, которые изучал. И, видимо, правильнее было бы его методологическую позицию по этим вопросам представить таким же образом, как и при различении социальных качеств на системные качества «первого» и «второго» порядка. Тогда качества, которые мы определяли как выражающие «качественную природу», будут соответствовать уровню системных качеств «первого порядка», а качества, которые выражают «качественную специфику», — уровню системных качеств «второго порядка». Первые будут выступать на поверхности явлений как функциональные, «отраслевые», предметные, вторые — как целостные, системно-специфические и системно-интегральные. При таком рассмотрении каждое общественное явление выступает как имеющее *двойственную качественную структуру*: одну — *функциональную*, другую — *общесистемную*.

С точки зрения «функционального содержания» одни и те же явления в различные исторические эпохи и в обществах различных социально-экономических типов могут быть принципиально теми же и выполнять, по-видимому, те же основные функции. А с точки зрения «системного содержания» они при этом могут быть диаметрально противоположными: например, государство может быть государством для защиты интересов угнетателей и подавления народа либо государством, обеспечивающим подлинное народовластие; школа может утверждать незыблемость и святость принципов частной собственности, господства эксплуататорского меньшинства и догматов религии или, наоборот, может воспитывать юное поколение на идеях социального равенства, всеобщности труда, свободы, братства и дружбы и т. д. Конечно, всякая школа учит грамоте

и счету и всякое государство осуществляет функции общественного управления и международных отношений. И если принимать во внимание только эту предельно общую функциональную «природу явлений», то их общественное, системное содержание (*differentia specifica*) останется непознанным и нераскрытым, т. е. ускользнет главное, самое существенное.

Тот факт, что интегральное системное содержание существует как самостоятельное и в своей основе независимое от функционального, «отраслевого», имеет далеко идущие последствия и требует глубокого осознания, ибо именно этот момент является обычно почвой для всякого рода спекуляций и заблуждений. Безусловно, влияние системного на функциональное, отраслевое, так же как и их взаимовлияние, весьма существенно и должно изучаться специально, ибо оно меняет некоторые формы, связи и отношения. Однако это не устраняет того коренного факта, что в данном случае системное и «функциональное» содержание имеют различные основания и, соответственно, детерминируются различным образом. Так, любое социальное явление, процесс, форма, кроме того, что они (например, кооператив, урбанизация, правовая норма) отражают некие всеобщие условия и потребности общественной жизни, имеют также и специфическое содержание, диктуемое данной общественной системой и данными конкретно-историческими условиями.

Множество трудных вопросов подобного рода приходилось решать В. И. Ленину в первые годы Советской власти, таких, например, как использование буржуазных специалистов, отношение марксистской партии к религии и церкви, военный коммунизм, Брестский мир, новая экономическая политика и т. д. Рассмотрим в качестве примера нэп. В те годы многие ставили вопрос: не является ли нэп возвратом к капитализму? Подобная постановка вопроса исходила от тех, кто не понимал тогда ленинского плана, не различал предметные и системные качества социальных явлений. Ленин же исходил из того, что решающим для определения содержания тех или иных действий, той или иной политики является не форма явления и даже не само отдельное явление, а качество системы, в которой функционирует это явление и которой оно служит. «Оборот,— писал Ленин,— есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя, а до известной степени и с бюрократизмом. Меру

установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность»¹. Для Ленина главным содержанием нэпа как политики партии был вопрос о том, какими способами направить неизбежное (на известный срок) существование и развитие мелкотоварного капитализма в русло государственного капитализма, какие требуются условия для того, чтобы обеспечить в самом ближайшем будущем превращение последнего в социализм. Капиталистические формы, методы и их развитие, допущенное в определенных размерах в период нэпа, служили только средством для решения социалистических задач в тех конкретных условиях. Высшее качество системы, в которой они выполняли свою обслуживающую роль, их общее системное качество было социалистическим.

Иными словами, если мы будем анализировать только само явление, саму свободу торговли, то ее непосредственное качество (как и сама ее природа) — частнособственническое, капиталистическое. Но такое рассмотрение, если им ограничиться, было бы близоруким, поскольку оно вырывает явление из конкретной цепи других явлений, из конкретного его соотношения с ними, видит «непосредственное» и не видит «опосредования», в частности, не видит системного качества явления. В рамках социалистического государства у этой нэповской свободы торговли кроме ее непосредственного качества есть еще высшее, системное качество. Найденная партией мера сочетания и соединения частного и общественного интереса в тех условиях означала прежде всего и именно рост и укрепление социализма.

Так из конкретного анализа этих и многих других вопросов, исследованных Марксом и Лениным с позиций «двойственности» качественной определенности явлений, вырисовывается то великое теоретическое и методологическое открытие, которое Маркс совершил, разгадав основные тайны общественных, системных качеств. Что же конкретно дает нам методологическое представление о совокупных (интегральных) и «формационных» системных качествах?

Наука XIX и XX вв. повсеместно вводит более крупные параметры изучения действительности², ее объектами

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 244.

² Другим важнейшим направлением развития научного знания XX в. является изучение и более «мелких», элементарных объек-

становятся различного типа «множества», комплексы, совокупности, «виды» и «роды» явлений, которые чаще всего методологически обобщенно называются системами. Они различаются как по своей природе (механические, физические, химические, биологические, социальные), так и по отдельным свойствам (суммативные и целостные, открытые и закрытые, естественные и искусственные, самоуправляющиеся и несамоуправляющиеся и т. п.). Такое рассмотрение ставит в фокус научного познания и позволяет изучать как самостоятельную реальность те общие, надиндивидуальные или групповые свойства и черты систем, которые несводимы к качествам отдельных предметов (их элементов), а выступают как продукт интеграции этих элементов. Рассмотренные нами на материале марксовской экономической теории системные качества стоимости, морального износа и т. д. фиксируют эту совокупную реальность, выявляют ее специфику, вводят характеристики, дающие возможность отличать ее от других видов объективной реальности.

Особым разрядом системных качеств являются те, которые служат раскрытию структурных и функциональных зависимостей внутри систем (целого), анализу оснований и действующих принципов детерминации, изучению отношений координации и субординации, существующих между ее элементами и компонентами, определению специфики исторически различных эпох развития системного объекта и т. п. Одним из частных случаев этого направления изучения систем являются «формационные» системные качества. Они позволяют различать внутри «большой истории» социальных систем характерные для них формации или эпохи развития, их внутренние структурные пропорции, базисные соотношения и системно-функциональные закономерности.

Качество — одна из основных категорий материалистической гносеологии. С качественного анализа начинается и им определяется сама «система измерений» того или иного изучения действительности. К представлениям о качестве того или иного объекта «привязываются» другие характеристики — количественные, мерные, структурные, функциональные, а также в значительной мере понимание связей, отношений, взаимодействий, детерминант и т. п. Таким образом, развитость научных представлений о том

тов действительности, всей области микромира. В них, бесспорно, есть свои системные объекты и зависимости, которые требуют особого рассмотрения, выходящего за рамки задач этой книги.

или ином объекте в значительной мере предопределяется правильностью его качественного анализа. Рассмотренные нами системные качества образуют разряд сложных качеств, и если научное изучение их не схватывает или от них абстрагируется, то это ведет к упрощению представлений о действительности.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что такого рода понятия вырабатываются философской методологией не для замены специальной терминологии тех или иных наук, а для того, чтобы наиболее адекватные задачам изучения действительности приемы научного познания сделать достоянием других наук, выразив их в более обобщенной форме. Учение марксизма-ленинизма несет в себе огромный методологический потенциал. В проведенном в этой главе анализе одного из аспектов диалектики «Капитала» К. Маркса мы стремились показать, сколь широк этот потенциал и сколь актуально его использование в практике современных научных исследований.

Общество как система (Предпосылки. Становление. Базис)

Классики марксизма-ленинизма не раз говорили о том, что учение материализма об обществе состоит в объяснении общественных форм материальными условиями. И, соответственно, марксистская теория общественного развития, чтобы выйти за пределы того порочного логического круга, в котором вращались старые теории жизни общества, должна была вскрыть коренные источники его прогресса, открыть самые фундаментальные основания социальных процессов и явлений. Установление такого рода «первооснов» — одна из самых интересных научных задач, стоящих перед человечеством, но вместе с тем, конечно, и самая сложная. С точки зрения методологической сложности заключается в том, чтобы отыскать монистический путь решения этой проблемы, открыть и указать на то единое начало, исходя из которого можно было бы объяснить всю совокупность фактов¹. Понятно, что применительно к человеческому обществу, с его поистине великим разнообразием материальных, социальных и духовных процессов и явлений, сделать это очень трудно. Более того, практически невозможно, если не найти основания для понимания общества как целостной системы, функционирующей по единым законам.

Конечно, попытки найти такую систему предпринимались на всех этапах существования общества, но, как правило, они не шли далее того, что за социальную систему принималась форма публичной власти, общественного управления, государства. Олигархия, монархия, демократия, деспотия — вот те основные типы, по которым классифицировались общественные системы еще древними греками. Эти представления об общественных структурах и системах с небольшими модификациями существовали на

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139—140.

протяжении столетий и казались всем безусловными и все объясняющими.

Развитие истории, социальной философии, политической экономии, права, этнографии, археологии, языкознания и других наук об обществе в XVIII и XIX вв. вскрыло недостаточность таких теорий. При этом обнаружилось огромное количество социальных фактов, которые никак не могли быть объяснены исходя из, в общем-то, тощих идей о преимуществе тех или иных форм публичной власти, о всемогуществе монархов, о действиях героев и толпы либо о роковом влиянии случайных обстоятельств на ход истории.

Именно в этой социально-исторической ситуации, уже на новом уровне развития человеческих знаний о мире в целом и об обществе в частности, К. Маркс предпринял попытку найти единое основание в самом объекте и тем самым определить исходный пункт для монистического, последовательно материалистического взгляда на историю. Главными принципами и методологической его основой стали идеи исторического материализма и диалектики, ведущей роли материальных условий в общественном развитии, идеи различения исторических эпох по способам производства. Вся общественная история в свете этого предстала как история становления, развития и смены общественных систем. Ключ к пониманию истории был найден. И в этом объяснении истории общества важным элементом оказался принцип системности.

Какие же, собственно, «системные» идеи утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс, разрабатывая новое, диалектико-материалистическое миропонимание и теорию общественно-исторического процесса?

Прежде всего вопрос заключался в том, как понимать саму общественную систему. Вопрос этот весьма не прост. «Хитрость» понятия системы состоит в том, что, как только оно принято сознанием (в виде необходимости различать более крупные «блоки» действительности и более мелкие «кирпичики» мироздания), весь мир начинает казаться состоящим из различных систем. В результате с таким трудом найденный человечеством ключ к решению многих проблем начинает казаться пустой безделушкой. И действительно: общество — система, государство — система, человек — система, род, племя, народность, нация — системы, производство — система, культура — система, класс — система, система государств — тоже система и т. д. и т. п. Правда, после того, как сознание овладевает

некоторыми научными критериями анализа и классификации системных объектов, дело уже не кажется столь запутанным и бессмысленным, хотя и представляется чрезвычайно сложным. Ныне выработано множество критериев различения систем: их делят на макро- и микросистемы, на суммативные и целостные, органические и неорганические, естественные и искусственные, самоуправляющиеся и несамоуправляющиеся, открытые и закрытые и т. п. Кроме того, системы различают по формам движения материи — механические, физические, химические, биологические и социальные. Свои понятия о системах есть практически в каждой науке, от логики и языкознания до геологии и техники. Однако это преимущественно классификационные различия систем, основанные на характеристике их по какому-нибудь одному признаку либо на сопоставлении системных объектов в рамках того или иного класса явлений.

Перед К. Марксом же стояла неизмеримо более сложная задача: найти такое *основание* общественных систем, которое бы вместе с тем вскрывало главный принцип развития общества, выделить такую «систему систем», которая бы объясняла взаимодействие и субординацию всех его «подсистем», найти реально действующую систему, функционирующую по законам единого *целостного организма*¹.

Если для обнаружения самого факта системности и установления реального различия предметных и системных характеристик явлений исходным пунктом нам послужило выявление многокачественности и разнопорядковости качеств, то для дальнейшего содержательного анализа той системы, с которой имел дело К. Маркс, потребуются новые предпосылки. Первой предпосылкой такого рода должно быть выяснение вопроса о том, с системой какого рода и класса мы имеем дело.

Определяя характер этой системы, К. Маркс многократно называет общество *органической системой*, он говорит, что в обществе такие-то процессы и явления происходят так же, как и во всякой органической системе. Было бы, конечно, неправильно считать, что он полностью отождествляет системы органические и социальные, ибо он часто указывает на их многочисленные существенные различия и не раз подробно анализирует их. Поэтому следует предположить другое: что, объединяя в неко-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 133—134.

торых случаях признаки явлений социальных и явлений биологических понятием «органических», Маркс выделяет тем самым общие признаки целого класса целостных функциональных систем, давая им условное название «органических». Для него в данном случае главное заключалось не столько в классификации как таковой, сколько в подчеркивании специфики определенного типа систем и их отличия от всех систем «неорганических».

Если суммативные системы не имеют общего основания и не представляют собой функционирующего по единым законам целостного организма, то биологические и социальные организмы характеризуются тем, что в их основании лежит некий определенный тип жизнедеятельности или способ существования, составляющий материальный базис данной системы. Именно этот *тип жизнедеятельности* или *способ материального существования* и анализирует К. Маркс со всей тщательностью, ибо по законам «органического целого» и через него должны раскрыться и все другие стороны этого единства.

В дальнейшем нам придется неоднократно возвращаться к этому вопросу, раскрывая различные его стороны, а сейчас важно выявить самое первое условие существования общественной системы — определить ее конкретных носителей.

1. Природные предпосылки и основные социальные факторы общественного развития. Родовая жизнь человека (общества)

Становление социальной формы движения (в системном плане) характерно прежде всего тем, что природная материя как бы «уходит в основание», становится, употребляя выражение К. Маркса, «носителем высшего качества». При этом возникает явление двойственности качественной определенности социальных образований, устанавливаются отношения субординации, низшая форма движения «подчиняется» высшей. Но в отличие от других имеющих в природе форм соподчинения различных видов движения (например, превращение неорганической материи в органическую, при котором происходит коренное преобразование самой материальной основы — пежи-

вой в живую), в данном случае речь идет о таком виде подчинения низшей формы движения высшей, когда обе «субстанции» (природная и социальная) сосуществуют. Они тесно взаимосвязаны и субординированы, но в то же время каждая из них опирается на свои специфические закономерности и обладает известной автономией.

Этот сложный симбиоз имеет две линии развития, две линии жизни — природную и социальную. Такая двойственность прослеживается как на самом человеке, так и на любом продукте его деятельности. Очевидно, например, что развитие человека как биологического организма непосредственно не сопоставимо с его развитием как общественной личности. Аналогичную картину можно наблюдать и при сопоставлении, скажем, социальных качеств вещей, произведенных человеком, и природных качеств материалов, из которых они изготовлены. Здесь мы имеем дело с *разнопорядковостью* качеств, определяемой их субстанциальным различием.

Рассматривая высшую, социальную форму движения и функционирование в ней природной материи, мы с несомненностью приходим к выводу о том, что ведущая линия движения и развития осуществляется здесь по законам более высокой формы движения, законам общественным. Но в то же время мы не можем отрицать и другого: что одновременно в своем «частном качестве»¹ это движение осуществляется и по природным законам.

Существенной особенностью этой двойственности является то, что природные процессы (особенно историческое развитие видов и родов явлений), как правило, протекают значительно медленнее социальных, и поэтому в большинстве случаев возникает явление своеобразной познавательной несоизмеримости, т. е. существенного различия масштабов изменения разных качеств. Это способствует тому, что познание во многих случаях абстрагируется от изменений природной материи и рассматривает только формы социального движения. Однако такая несоизмеримость не должна вводить в заблуждение. При анализе фундаментальных первооснов материальной жизни общества особенно важно постоянно иметь в виду как наличие субстанциальных различий между природной и социальной материей, так и их глубокое единство.

Как бы далеко ни ушло человечество по пути развития собственно человеческих, социальных форм жизни, все-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 242.

таким образом мы должны постоянно помнить о том, что в основании этой жизни всегда лежали, лежат и будут лежать некоторые природные законы и потребности. Так, способ материального существования человека в значительной степени определяется тем, что для поддержания своей жизни и «сохранения физического существования» человек должен потреблять пищу. Добывание пищи — фундаментальная предпосылка жизнедеятельности как человека, так и животного¹. Качественное их различие состоит лишь в том, что животное всегда выступает как «потребитель природного пирога» (Маркс), потребитель того, что оно находит в природе в готовом виде; человек же, начиная с того же, постепенно переходит ко все более сознательному и планомерному производству продуктов, необходимых ему для питания, а затем и удовлетворения других своих потребностей — в одежде, жилье, предметах культов, культуры и развлечений и т. д.

«...Мы должны прежде всего констатировать, — писали Маркс и Энгельс, — первую предпосылку всякого человеческого существования, а следовательно и всякой истории, а именно ту предпосылку, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно — уже для одного того, чтобы люди могли жить»².

Этот скачок из животного царства в социальное совершается благодаря трем качественно новым моментам человеческого образа жизни, а именно: благодаря труду, сознанию и коллективным формам жизнедеятельности. «...Труд создал самого человека»³, —

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93. Здесь же Маркс пишет: «...сам труд, сама жизнедеятельность, сама производственная жизнь оказываются для человека лишь средством для удовлетворения одной его потребности, потребности в сохранении физического существования». Ср.: там же, т. 46, ч. II, с. 300.

² Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9-ти т. М., 1985, т. 2, с. 25. Позже Энгельс назовет это законом развития человеческой истории, открытым К. Марксом (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 350).

³ Там же, т. 20, с. 486.

таков главный вывод теории антропогенеза, опирающийся на все достижения естественных и общественных наук. Вместе с тем в этом положении выражено существо социальной теории марксизма, раскрывшей движущие силы общественной истории. Этот тезис в концентрированной форме фиксирует великое преобразование наших животных предков в человека, и потому он вобрал в себя представление обо всех элементах антропо- и социогенеза — о труде, сознании и коллективных формах жизни людей. Но этот тезис принципиально справедлив именно по своей форме, ибо он подчеркивает ведущую роль труда и в формировании человеческого сознания, и в объединении людей в устойчивые коллективы, социальным базисом которых стал совместный труд, общественное производство. И если труд — прежде всего изготовление орудий труда — был первым исходным пунктом превращения обезьяны в человека, то сознание (и познание) были оборотной стороной этой медали. Целенаправленный труд без сознания так же невозможен, как и человеческое сознание без труда и коллективной жизнедеятельности.

Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал: «...история развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. В природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, подтверждающих наличие закономерности внутри этих случайностей. Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»¹.

К. Маркс, подчеркивая этот же пункт существенного различия истории природы и общества, писал в «Капитале»: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении че-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 305—306.

ловека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»¹. Эта мысль повторяется у Маркса часто и в различных вариантах. Так, он говорит о том, что «сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека», подчеркивает, что именно «сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности»², определяет труд как целесообразную (сознательную) деятельность³ и т. д.

Решающее значение для понимания специфики общественных систем имеет также коллективное бытие людей. Формы групповой жизни и «деятельности» встречаются и у животных — семьи, стаи, колонии и т. д., однако там они имеют принципиально иное качество, нежели в человеческом обществе.

Всякий прогресс, как биологический, так и социальный, состоит прежде всего в накоплении качеств и свойств, позволяющих индивидам лучше приспособляться к внешним условиям, надежнее гарантировать свое существование и дальнейшее развитие. Этот прогресс имеет смысл только в своем историческом бытии, когда смерть отдельных индивидов не прерывает процесса в целом и за счет особых специальных механизмов обеспечивается накопление соответствующих признаков у данного вида или рода особей. У животных этот процесс видового накопления новых признаков происходит лишь как биологический, на генетической основе. У человека это не так, ибо прогресс биологической его организации не в состоянии закрепить достижений труда, сознания и общественной жизни.

Между тем именно более быстрое, широкое и разнообразное накопление прогрессивных социальных качеств и свойств, накопление трудовых навыков, знаний о мире и материальных ценностей как раз и обуславливают столь стремительный прогресс рода человеческого. Это становится возможным только на базе коллективной жизнедеятельности людей, продуктом которой в известном смысле являются и труд, и сознание, и язык. Ибо в конечном счете человеческий труд есть форма целесообразной и це-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

² Там же, т. 42, с. 93.

³ См. там же, т. 23, с. 189.

ленаправленной совместной деятельности людей, сознание есть общественное самосознание и знание, а язык есть средство общения при совместной жизнедеятельности. Маркс говорит, например, что «язык как продукт отдельного человека — бессмыслица»¹. Или в другом месте: «Производство обособленного одиночки вне общества... такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов»². То же самое, конечно, можно сказать и о сознании, развитом мышлении, производстве орудий, навыках труда и т. д. Все это, даже накопленное в зачаточном виде у одного индивида, умирало бы вместе с ним, не передаваясь поколениям, не накапливаясь, не создавая золотого фонда цивилизации.

Таким образом, в отличие от биологических видов, где системы выступают в конечном счете как генетические, в обществе возникает новая база для накопления преимуществ человеческого рода. Эту базу составляют труд, сознание и коллективное бытие людей. Ее функционирование и выступает как социальное основание общественной системы, как носитель родовых качеств социальной жизни (продолженных за границы индивидуального существования), исторического бытия людей. Двойственность при этом сохраняется: физическое воспроизводство вида осуществляется биологическим путем, накопление достижений цивилизации — социальным путем (в виде передаваемых новым поколениям знаний и опыта, материальных и духовных ценностей, форм общественной жизни).

Социальный способ существования отличается от биологического (животного) не только отдельными чертами и сторонами, но и в целом, как *тип жизнедеятельности*. Человек противостоит животному как существо сознательное и производящее — существу несознательному и только потребляющему.

«Животное, — пишет К. Маркс, — непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается во-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 479.

² Там же, с. 18.

едино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо»¹.

Эта родовая сущность человека материализуется единственно возможным для нее способом, через труд и общественное производство, и, таким образом, «человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире»². Именно благодаря общественному производству возникает новый мир, созданная человеком «вторая», или «антропологическая», природа, тот мир, в котором из материи природной люди куят материю социальную, где все несет на себе печать «сделано человеком», где все признается социально действительным лишь как продукт головы и рук человеческих.

Итак, фокусом целенаправленной трудовой, сознательной, коллективной человеческой деятельности является производство. Оно возникает из первых «животнообразных инстинктивных форм труда»³ и возносит человека к вершинам цивилизации.

Вначале оно решающим образом зависит от природных условий и представляет собой материальное производство, обслуживающее самые непосредственные потребности человека как субъекта природы. Но в результате проделанной человечеством истории оно становится высоко развитым материальным и духовным производством, создающим ныне такие творения, которые своей сложностью превосходят многие явления самой лаборатории природы. Человек все в большей и большей мере овладевает природными и общественными условиями своего существования, становится властелином этого мира.

Производство — центральное звено всей человеческой деятельности. Исторически могут меняться соотношение материального и духовного производства, бюджет рабочего и свободного времени, характер труда и отношение к труду, но производство всегда будет олицетворять социальный способ материального существования человечества. «...Производственная жизнь,— писал К. Маркс,— и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь. В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой характер, а свободная соз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93.

² Там же, с. 94.

³ Там же, т. 23, с. 189.

пательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека. Сама жизнь (биологическая.— В. К.) оказывается лишь *средством к жизни* (человеческой.— В. К.)... Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается *его* произведением и его действительностью»¹.

Развивая эти идеи, К. Маркс особо подчеркивает различный характер «производящей» деятельности животного и человека. Он пишет: «Практическое созидание *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного — родового существа... Животное, правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т. д. Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту»².

Итак, именно в производстве и через производство раскрываются «активное отношение человека к природе» и сам способ жизнедеятельности общества, его главная движущая сила, его «вечный двигатель». Производство — это немеркнущий очаг и великая школа человеческой цивилизации. Именно в общественном производстве сопоставляются потребности и возможности человечества, проверяется универсальность знаний, именно в нем человек, преобразуя природу, преобразует самого себя. Производство, возникая как производство необходимейших средств, обеспечивающих физическое существование человека, все более развивается, становится универсальным, *всеобщим принципом общественной жизни и общественной истории*.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93, 94.

² Там же, с. 93—94.

2. Становление общества как социальной системы

*а) От системы с преобладанием
естественной детерминации к системам
с преобладанием социально-исторической
детерминации*

Общественная история есть часть истории нашей планеты. Общество возникает на некоем природном базисе, и в этом смысле его история есть история развития человечества от состояния по преимуществу природного к состоянию по преимуществу социальному. Марксово понятие естественноисторического процесса помимо своего широкого значения имеет и это узкое специфическое значение. Для становления подлинно научных представлений о действительном ходе человеческой истории решающее значение имела социально-историческая (системная по своей сути) теория К. Маркса. Несомненно, важную роль здесь сыграли также конкретные достижения биологии и антропологии, палеонтологии и этнографии, языковедения и истории древнего мира. Однако нельзя не заметить, что и само интенсивное развитие этих дисциплин на протяжении последнего столетия во многом определялось теоретическими концепциями марксизма и их растущим влиянием на научное мышление.

Проблема социогенеза чрезвычайно широка, и нас в данном случае интересует только, так сказать, «системная сторона» дела, т. е. те ее аспекты, которые связаны со спецификой развития общества как системы особого рода, становления целостности этой системы, тенденций ее прогресса. Более того, и из этого круга собственно системных проблем общественного развития мы рассматриваем только один аспект — природно-социальный, изменение соотношения природных и социальных элементов в процессе исторического развития, причем в соответствии с общим замыслом книги все эти вопросы рассматриваются в методологическом ключе ¹.

¹ Именно методологические соображения требуют обнажения самой проблемы перехода от естественно возникших к исторически сложившимся условиям. Это заставляет в первом случае активно подчеркивать *природную зависимость*, во втором — *обусловленность обществом*. Следует при этом иметь в виду известную несбалансированность такого анализа, ибо и на ранних этапах

Общественная история начинается с элементарных форм социальности в жизни первобытных людей, живших в значительной мере природной жизнью. Общество же как мировое целое и однородное социальное образование складывается позже. «Всемирная история,— пишет К. Маркс,— существовала не всегда; история как всемирная история — результат... *Исходный пункт, естественно,— природная определенность; субъективно и объективно. Племена, расы и т. д.*»¹.

Природная определенность и природная зависимость человека и человечества — это для К. Маркса не только биологический статус людей и не только «исходный пункт» давным-давно свершившегося превращения обезьяны в человека. Он рассматривает природную зависимость как существенную зависимость общественной истории вообще и как системное основание, играющее значительную роль в течение целого ряда исторических ступеней.

К. Маркс показывает несколько плоскостей этой природной зависимости и природной определенности.

Во-первых, сам человек на низших уровнях развития производительных сил еще «сведен», как говорит К. Маркс, «к субъекту природы»². В своих потребностях и образе жизни он продолжает оставаться во многом природным существом. Подавляющее большинство человечества на протяжении многих эпох обречено на то, чтобы быть скорее объектом истории, чем ее субъектом. Конечно, историческое развитие идет и при этих условиях, оно накапливает драгоценные зерна социального и производственного опыта, знаний, завоеваний материальной культуры, создает непреходящий фонд человеческой цивилизации. Но огромное большинство человечества при этом фактически лишено его плодов. «Все прежние формы собственности,— пишет Маркс,— обрекали большую часть

человеческой истории есть свои формы социальной интеграции и общественного производства, т. е. неприродной, надприродной зависимости, которые играют первостепенную роль для понимания человеческой истории и которые требуют специального рассмотрения. С другой стороны, на современном этапе развития общества возникли глобальные экологические проблемы, которые по-новому заставляют осмыслить вопрос о природной зависимости человека. Но, повторим еще раз, при всей значимости всего этого круга проблем мы в данном случае касаемся его лишь постольку, поскольку это помогает раскрыть сущность принципа системности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 47.

² См. там же, т. 46, ч. II, с. 19.

человечества, рабов, на то, чтобы быть всего лишь орудиями труда. Историческое развитие, политическое развитие, искусство, наука и т. д. осуществляются в высших сферах над ними»¹. Таким образом, цивилизация и ее плоды многие века остаются роскошью, недоступной большинству человечества, большинству ее реальных создателей. Их удел — тяжелый, беспросветный, рабский труд и жизнь, фактически сведенная к удовлетворению необходимых потребностей «субъекта природы».

Во-вторых, коллектив, в котором живет человек и частью которого он является, — это первоначально «естественно возникший», природный коллектив — семья, род, племя². К. Маркс пишет: «Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. Первоначально он выступает как *родовое существо, племенное существо, стадное животное...*»³ Соответственно и отношения в этих «естественно возникших» коллективах господствуют природно-социальные. С развитием общинных отношений, а затем и наслаивающихся на них отношений рабской и крепостной зависимости социальное начало общественных отношений становится господствующим, а природно-социальные, кровнородственные отношения отходят постепенно на второй план. Однако развиваться этому процессу в полной мере еще не даст привязанность общественного производства к земле, к непосредственным природным условиям существования человека. В силу этого и общественные коллективы, в которых живет человек, привязаны к природе, в ней материализован «*базис коллектива*»⁴ и базис «экономического строя»⁵. Эволюция природно-социального базиса жизни общества не завершается переходом от родового строя к общинному: будучи естественнo-историческим процессом, она многокомпонентна и продолжается на протяжении ряда общественно-экономических формаций. Господство социального начала и соответствующие формы социальной целостности устанавливаются уже в первобытном обществе. Однако другая сторона — привязанность общественного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 86.

² Конечно, кроме подчеркиваемой нами в этой главе сращенности человека с природными условиями существует на этих ступенях развития и сращенность человека с его родом, племенем, общиной. Но мы в данном случае не рассматриваем эту сторону дела, она требует специального анализа.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 486.

⁴ См. там же, с. 463.

⁵ См. там же, с. 472.

производства к земле и, следовательно, непосредственно к природному началу, а также господство мелкого, раздробленного натурального хозяйства еще долго сохраняют незавершенным преобразование природно-социального базиса в социальный по преимуществу, т. е. развивающийся главным образом на своей собственной основе. И это Маркс подчеркивает специально.

В-третьих, производство, того или иного вида общественное производство, которое ведут люди на первых этапах своей истории, есть во многом «природное» производство. Вначале оно выступает как прямое собирание или добыча *готовых продуктов природы*. «...Первоначально,— пишет К. Маркс,— производство индивида ограничивается воспроизводством его собственного тела путем присвоения им готовых предметов, приготовленных самой природой для потребления...»¹ Позже, став систематической целенаправленной производительной деятельностью и в этом смысле не-природным производством, оно, с другой стороны, еще многие века остается производством, базисом которого выступает земля,— натуральным хозяйством на земле, где человек фактически срощен с природными условиями своего существования.

К. Маркс подробно анализирует это историческое состояние «природного единства труда с его вещными предпосылками»², когда «земля есть одновременно и сырье, и орудие, и плод»³, и когда она является великой лабораторией, арсеналом, доставляющим средства труда, и местом для жительства⁴. В этих условиях человек свое единство с природой воспринимает как естественную предпосылку своей жизнедеятельности. При этом собственность на землю выступает для него как *объективный способ существования*, являющийся заранее данной *предпосылкой* его деятельности... такой же предпосылкой его деятельности, как его кожа, его органы чувств...»⁵. Или, как говорит об этом Маркс в другом месте, природной предпосылкой, образующей, «так сказать, лишь его удлиненное тело»⁶.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 481.

² См. там же, с. 461.

³ Там же, с. 481.

⁴ См. там же, с. 463. В этой связи любопытно замечание К. Маркса о том, что «в земледелии земля в своих химических и т. п. действиях уже сама является машинной», а именно «природной машиной» (см. там же, т. 46, ч. II, с. 84—85).

⁵ Там же, т. 46, ч. I, с. 473.

⁶ Там же, с. 480.

Существенной особенностью натурального хозяйства, тысячелетия остающегося самой распространенной формой производства, является само специфическое отношение между человеком и природой. Это такое отношение, которое еще покоится на природной основе и которое в самом себе еще не несет потребности в универсальной общественной связи. «Если индивид,— пишет К. Маркс,— производит непосредственные средства существования для самого себя, как это... имеет место в странах, где продолжают существовать первобытные земледельческие отношения, то его производство не имеет общественного характера, и его труд не является общественным»¹.

Новые общественные структуры и новые системные основания приходят на смену этим естественно возникшим условиям как продукт истории, как исторические предпосылки труда и производства, создающие более широкую базу общественного прогресса.

Идущий на смену феодальному строю капитализм «предполагает... полную революцию в развитии материального производства»². Натуральное, обусловленное исключительно природой производство распадается³. Развитие буржуазной собственности, постепенно охватывающей все производство, приводит к тому, что и сам земельный собственник в погоне за прибылью «очищает землю от излишних ртов, отрывает детей земли от вскормившей их груди...»⁴. Исходной точкой этого коренного переворота в способе производства служит рабочая сила⁵, а его основными результатами являются всеобщее разделение труда и всеобщий обмен. «...*Наемный труд*,— пишет К. Маркс,— в его *классической* форме наемного труда, распространяющегося в обществе во всю его ширь и становящегося вместо земли той почвой, на которой базиру-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 450—451. Следует при этом иметь в виду, что, когда мы рассматриваем натуральное хозяйство в условиях общинного, рабовладельческого и феодального строя, мы тем самым подчеркиваем лишь одну сторону производства — производство работников на самих себя. В тех условиях значение такого производства огромно. Но, кроме того, во всех этих общественно-экономических формациях существовали еще и производство на господина и частичное производство на обмен, которые, конечно, носят характер общественного производства и соответственно общественного труда.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 228.

³ См. там же, т. 46, ч. II, с. 19.

⁴ Там же, т. 46, ч. I, с. 227.

⁵ См. там же, т. 23, с. 382.

отся общество... это — не что иное, как перенесение наемного труда из городов в деревню, т. е. распространение наемного труда по всей поверхности общества»¹.

*Отныне все отношения выступают как обусловленные обществом, а не как определенные природой*². И это коренное изменение самого материального базиса общественного производства, «это ускользание природной почвы из-под всякой отрасли хозяйственной деятельности и перенесение условий ее производства в находящуюся вне этой отрасли всеобщую связь... есть тенденция капитала. Всеобщей основой всех отраслей производства становится сам всеобщий обмен, мировой рынок, а потому и совокупность деятельностей, общений, потребностей и т. д., из которых состоит обмен»³.

Итак, коренным образом меняется сам материальный базис общественного производства. Во всех обществах, предшествующих буржуазному, базисом является земледелие и земельная собственность⁴. А ремесло, патриархальная обрабатывающая промышленность, торговля — все это существует здесь лишь как органы и функции данного базиса, производные от него и обслуживающие его. Не случайно физиократам казалось, что источником всякого богатства является земля, такие иллюзии имели под собой некоторое прошлое «системное основание».

Что же окончательно разлагает эту устойчивейшую природно-социальную структуру общественного производства? Если ответить кратко — ее разлагает развитие производительных сил. А говоря конкретнее — общественное разделение труда, развитие науки и применение сил природы в промышленности. Все это, вместе взятое, резко увеличивает естественную силу труда, способствует развитию его кооперации, специализации, интеграции, создает такие «надприродные» источники роста общественной производительности труда (а соответственно — и источники богатства и развития производительных сил), которые целиком являются продуктом общественно-исторического процесса.

Так утверждается новое основание, где, с одной стороны, рабочая сила (наемный труд) и средства массового производства, а с другой стороны, само всеобщее разделение труда и всеобщий обмен, порождающие универ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 228.

² См. там же.

³ Там же, т. 46, ч. II, с. 19.

⁴ См. там же, т. 46, ч. I, с. 472.

сальную взаимосвязь и взаимную зависимость членов общества, становятся фундаментом и коренными определяющими условиями нового способа производства.

Вот как сам К. Маркс характеризует эту систему общественного производства. «Итак, если производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную систему труда,— т. е. прибавочный труд, труд, создающий стоимость,— то, с другой стороны, оно создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; даже наука, точно так же как и все физические и духовные свойства человека, выступает лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как нечто *само по себе более высокое*, как правомерное само по себе. Таким образом, только капитал создает буржуазное общество и универсальное присвоение членами общества как природы, так и самой общественной связи. Отсюда великое цивилизующее влияние капитала; создание им такой общественной ступени, по сравнению с которой все прежние выступают всего лишь как *локальное развитие* человечества и как *суетверное поклонение природе*. Только при капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой...»¹

Теперь производство, покоящееся на капитале и наемном труде, образует новый базис, и он подчиняет себе все остальное; соответственно и земледелие, наука, торговля и т. д. становятся функциями нового базиса, производными от него и обслуживающими его.

На многочисленных примерах К. Маркс показывает, что в условиях буржуазного общества даже возделывание земли, которое по самой своей природе является непосредственным источником существования, превращается в опосредованный источник существования, целиком зависящий от общественных отношений².

В условиях капиталистического производства «земледелие уже не находит внутри самого себя, в натуральном виде, условия своего собственного производства и эти условия в качестве самостоятельной отрасли производства существуют вне земледелия...»³. Теперь само земледелие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 386—387.

² См. там же, с. 227.

³ Там же, т. 46, ч. II, с. 19.

участвует в общественном разделении труда и зависит от последнего в столь существенных для него вещах, как сельскохозяйственные машины и механизмы, химические удобрения, топливо и т. п. Ряд отраслей сельского хозяйства, таких, как производство комбикормов, семеноводство и другие, постепенно переводятся на промышленную базу, ведутся на научной основе. Так прежний базис общественного производства становится подчиненным компонентом нового базиса.

На этой исторической ступени резко возрастает степень производственно-экономической целостности общества¹. Оно становится развитой и целостной системой общественно-производственного типа. Несомненно, общественно-производственным системам феодального, рабовладельческого, первобытнообщинного типа тоже присущи свои виды целостности и развития в целостность. И в них существовали свои, специфические для каждой из них типы общественной связи людей². Все это так. Но до тех пор, пока общественное производство, эта «родовая жизнь» человечества³, остается по преимуществу индивидуализированным взаимоотношением человека и природы (самостоятельным производством отдельных лиц), а крестьянин, индивидуально обрабатывающий землю,— его символом и наиболее типичной фигурой, можно считать, что подлинной целостности общества еще нет. Общественное производство и само общество, рассматриваемое в

¹ «Здесь перед нами, действительно, состояние, весьма отличное от того состояния, при котором отдельный индивид или же индивид, естественно или исторически расширившийся до пределов семьи и рода (позднее — общины), непосредственно воспроизводит себя из природы, и его производительная деятельность и его участие в производстве привязаны к определенной форме труда и продукта, а его отношение к другим определено точно таким же образом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 100).

² Общество при капитализме благодаря универсальному разделению труда и всеобщему обмену приобретает качественно полную степень и формы общественной связи членов общества. В данном случае именно этот факт акцентируется и подчеркивается. Однако было бы неправильным считать, что общественная связь возникает на голое место и что ей предшествует вроде бы отсутствие общественной связи. В действительности патриархальные отношения, отношения античного общества, феодализма — все они имеют свои специфические формы общности и связей индивидов между собой (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 100). Все эти отношения капитал разлагает и утверждает всеобщую производственно-экономическую взаимосвязь членов общества как господствующий производственный принцип (см. там же, с. 105).

³ См. там же, т. 42, с. 93.

этом главном аспекте его жизнедеятельности, представляется в добуржуазных формациях скорее (или в большей мере) сложным аддитивным целым с мириадами самостоятельных, атомизированных элементов, чем единой функциональной системой.

Целостность общества, в смысле развитого «органического» целого, реально появляется лишь на буржуазной ступени развития производительных сил.

Производство с развитым разделением труда, когда каждый член общества зависит от производства всех, а все зависят от производства каждого, взаимно дополняя друг друга, — такое производство становится общественным в силу самого производственного принципа и, таким образом, образует уже целостность органического характера, в которой взаимная зависимость членов общества, его «элементов», становится абсолютной и универсальной.

Чем больше развивается общественное разделение труда и чем многостороннее становится система общественных потребностей, тем одностороннее становится производство отдельного индивида. Как отдельный производитель он теряет свою самостоятельность и независимость, но общественное производство при этом выигрывает на специализации, кооперировании и комбинировании труда, на производстве в крупном масштабе, на применении массовой силы¹ и науки. Общественная производительность труда начинает расти на этом новом базисе невиданными дотоле темпами.

Так возникает та самая система «всеобщей полезности», о которой пишет К. Маркс как о системе, в условиях которой взаимная зависимость людей и сфер вырабатывается «в чистом виде»², а также «система общественных потребностей» как продукт общественного разделения труда³. Но это все пока только развитая производственно-экономическая взаимозависимость членов общества. Она составляет необходимый фундамент общественных связей людей. Однако с точки зрения самого понятия (или степени развитости) общественных связей, зависимостей и взаимозависимостей членов общества друг от друга — это как бы их первая ступень.

К. Маркс отмечает, что эта общественная связь, рождаемая прогрессивным развитием производительных сил, в условиях частнособственнического общества выступает

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337.

² См. там же, т. 46, ч. I, с. 386, 227.

³ См. там же, т. 49, с. 148.

как *внешняя связь*, которая хотя и является *необходимостью*, но на деле есть не более чем средство *эффективного* ведения общественного производства¹.

От этого исторического состояния до того, когда взаимная зависимость членов общества будет базироваться на *действительной их социальной общности*², еще очень далеко. Подлинная целостность как общества, так и человека уже не только в производственно-экономическом, но и в собственно социальном смысле достижима только при коммунизме. Она базируется на высокоразвитом производственно-техническом и принципиально ином, нежели буржуазный, социально-экономическом базисе.

Итак, капитал впервые в истории создает универсальную общественную связь членов общества в производстве. Он без дополнительных затрат («бесплатно», говорит К. Маркс) получает увеличение производительной силы труда, образующееся само собой при производстве в крупном масштабе из разделения и комбинирования труда, из экономии на расходах по обеспечению условий процесса труда, из эксплуатации достижений науки³.

«Капитал подчинил себе исторический прогресс», эксплуатирует его и ставит его «на службу богатству»⁴. В этом состоит его сила, форсирующая развитие производства, но в этом же состоит и его слабость, ставящая пределы такому развитию⁵.

Социальное существо этого противоречия заключается в том, что, с одной стороны, капитал стремится интенсивно развивать производительные силы, а с другой стороны, он безжалостно их эксплуатирует. Основное ограничение развития общества, базирующегося на капитале, заключается в том, что он лимитирует его главную производительную силу — человека. При достижении определенного уровня общественного развития этот «пункт» становится для капитала роковым. Исторический прогресс на службе частного богатства оказывается миной, взрывающей саму систему частной собственности. Система капитализма заменяется системой социализма и коммунизма. Исторический прогресс начинает служить действительным общественным потребностям, общественной собственности и обществен-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 448—449.

² См. там же, т. 46, ч. I, с. 227.

³ См. там же, т. 46, ч. II, с. 280, 285.

⁴ См. там же, с. 86.

⁵ См. там же, т. 46, ч. I, с. 392—393.

ному богатству, становится средством облегчать и улучшать жизненный процесс производителей и тем самым развивает главную производительную силу общества — человека. Благодаря этому производительные силы получают неограниченный простор для своего развития.

б) От целостности производственно-экономического характера к высшей социальной целостности (к «действительной социальной общности»)

Итак, мы рассмотрели один важный аспект марксовой теории общественного развития — вопрос о том, как в процессе общественно-исторической эволюции происходит возрастание степени целостности общества и как оно превращается из системы по преимуществу природно-социальной в систему социально-историческую. Однако это еще не дает полной картины *системных* тенденций развития общества. Пока за пределами нашего анализа осталось то, в чем В. И. Ленин видел «всю трудность марксизма и всю силу его»¹, — проблема *перспектив* общественного прогресса, вопрос о становлении общества как *развитой социальной системы*, социальной системы «в своем понятии», т. е. истинного общества, коммунизма.

К. Маркс говорил, что все докоммунистическое развитие общества есть «предыстория» подлинного человеческого общества², поскольку на этом отрезке истории «люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни...»³. При наличии эксплуататорского строя общество остается недоразвитым в самом существенном — в решении коренных социальных проблем. В этом смысле создание достойных человека условий социальной жизни, условий социального равенства, реального коллективизма и всесторонне развитых личностей начинается с устранения эксплуататорского строя и утверждения социалистического общественного устройства. Именно пролетарская революция впервые в истории решает коренные социальные проблемы жизни народа и делает процесс коммунистического социального строительства, всестороннего развития человека самоцелью общественного развития.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 381.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 8.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 105.

Переходя к капитализму, общество, как мы знаем, коренным образом меняет базис общественного производства, становится в производственно-экономическом смысле функциональной целостностью «органического» характера¹. Однако в капиталистическом обществе всеобщая социальная связь приобретает извращенный вид «овеществленной общественной связи»². В обществе товаропроизводителей, где каждый человек связан с другим (ибо он производит для других и обменивается с другими), он вместе с тем противостоит другим как «свободный» производитель. В результате «всеобщая связь и всесторонняя зависимость производства и потребления возрастают вместе с независимостью и безразличием потребителей и производителей друг к другу...»³. Так возникает капиталистическое *отчуждение* — продукт буржуазных частнособственнических отношений. Собственный обмен и собственное производство товаропроизводителей противостоят им здесь как вещное, независимое от них отношение. В результате экономическая, производственно-потребительская связь индивидов при капитализме выступает как общественная лишь частично, а социально-экономическая целостность оказывается внутренне разорванной, лишенной *непосредственной* социальной всеобщности.

Характерную черту общественных отношений капиталистического общества и порождаемую этими отношениями глубокую противоречивость его общественных связей определяет само взаимоотношение труда и капитала. Капитал на поверхности явлений выступает как общественное начало и основная общественная сила этой системы. Буржуазия — господствующий класс общества, в ее руках сосредоточены все основные средства производства и все рычаги общественного управления. Вместе с тем эта «общественная сила» менее всего общественна по своей сути. Превращение общественных богатств в свою частную собственность она считает «естественным» делом и

¹ Всякое общество, конечно, характеризует определенный уровень целостности не только в производственно-экономическом плане, но и в социально-политическом, языковом, национальном, культурном и т. д. Каждый из этих аспектов требует своего особого анализа с этой точки зрения в рамках определенной научной дисциплины. Поскольку же нас в данном случае интересует *методологическая* сторона вопроса, мы вправе для упрощения рассматривать только главные аспекты — производственно-экономический и социальный, да и то беря их лишь в общем виде.

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 103.

³ Там же, с. 104.

«естественным» правом системы свободного предпринимательства, а вот заботу об общественных интересах относит к разряду «филантропии». Капитал представляет собой такую «общественную» силу, которая порождает пауперизм и безработицу и которая, имея своей основой наемный труд, а следовательно, лишая производителей их связи с коренными естественными условиями существования, остается совершенно безразличной к их органическому бытию, если эти общественные индивиды не нужны ему для получения прибавочной стоимости. «В понятии свободного рабочего,— пишет К. Маркс,— уже заложено то, что он является *паупером*, потенциальным паупером... Если капиталисту не нужен прибавочный труд рабочего, то рабочий не может выполнять и свой необходимый труд, не может производить для себя жизненные средства»¹.

Итак, хотя капитал и выполняет в буржуазном обществе функции «общественного начала», но по самой своей сути он *антиобщественен*. Подавляющему большинству членов общества он противостоит как паразитическое, эксплуататорское начало. В силу своей частнособственнической природы он не может организовать единого и планомерного общественного хозяйства, и это ведет к анархии, к расточению общественных сил, общественного труда и общественных богатств. «Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неизбежных, но по существу дела излишних»². Главную производительную силу общества капитал ограничивает и разрушает. Отстаивая свои узкоклассовые интересы и привилегии, он выступает реакционной, воинствующей антисоциальной силой.

Таким образом, хотя капитал и вырабатывает всеобщую общественную связь индивидов, но она имеет односторонний производственно-экономический характер. Осуществляемая через рынок, конкуренцию, стихию частнокапиталистического производства, эта связь несет в себе эксплуатацию человека человеком, антагонизм и социальное неравенство, она является внешней по отношению к собственным, подлинно человеческим интересам этих индивидов. По поводу этой всеобщей стихийной связи ин-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 101.

² Там же, т. 23, с. 539.

дивидов в буржуазном обществе К. Маркс говорит, что здесь имеет место «сравнение вместо действительной общности и всеобщности»¹. В этих словах тонко подчеркнуты как социальная психология товаропроизводителей, так и реальная диалектика их общественных связей (взаимная зависимость — взаимная независимость и безразличное отношение друг к другу). Но это не их «личные качества» — это продукт противоречий той системы, к которой они принадлежат.

Что же, однако, К. Маркс понимает под «действительной общностью и всеобщностью»? И в каком смысле универсальная производственно-экономическая общественная связь индивидов буржуазного общества представляется ему «не-действительной»? Под действительной общностью и всеобщностью Маркс, несомненно, имеет в виду такого рода общественные отношения, при которых общность людей будет лишена ограниченного, по преимуществу экономического, характера и приобретет характер непосредственно социальный, причем в такой степени, когда сама эта социальность станет высшим критерием общественного развития². Такие отношения складываются на следующей ступени общественно-исторического развития, в коммунистическом обществе.

Существо переворота, который несет с собой социализм и коммунизм, заключается в устранении присущих буржуазному обществу ограничений для развития производительных сил и в создании нового, адекватного им социально-экономического базиса.

Сущностью капиталистического способа производства является *эксплуатация наемного труда*, при которой созданное рабочими богатство сосредоточивается в руках нерабочих. Производство при этом приобретает все более общественный характер, а присвоение результатов труда остается частнокапиталистическим.

Исходным же пунктом социализма и коммунизма является *освобождение труда* от эксплуатации и передача всех богатств, создаваемых трудом, в руки их производителей.

Капиталистический строй по самой своей природе ведет к ограничению развития главной производительной силы общества — человека.

Социалистический строй по самой своей природе обращает все богатство общества на пользу трудящихся, на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 105.

² Эта проблема специально рассматривается в гл. VIII и IX.

улучшение и облегчение их жизненных условий, на их всестороннее развитие. Социализм исходит из того, что полное и всестороннее развитие производительных сил отдельного человека есть также и развитие общества, его «основного капитала». Капитализм же пытается развивать производительные силы общества, сводя человека труда к роли простого средства производства и ограничивая его потребности самыми необходимыми материальными потребностями.

Буржуазная система все силы труда превращает в силы капитала. Система социализма, наоборот, все силы труда, науки и культуры превращает в общественное достояние, в коллективную собственность трудящихся масс, в силы социализма. Таков системный закон, состоящий в подчинении всей «общественной материи» господствующим принципам данной формации.

Понимание этого системного закона чрезвычайно важно для анализа сложнейших процессов функционирования социальных систем. Без него трудно понять учение К. Маркса о базисе и надстройке, представить себе логику ленинской «новой экономической политики» (нэп), закономерности мирового революционного процесса, империалистическую политику военно-экономических блоков и многое другое. Системные закономерности такого рода принадлежат к разряду самых общих системных закономерностей общественного развития, они, в частности, находят свое выражение также и в выработке специфически «формационных» (системных) критериев управления общественными явлениями и процессами.

Таким образом, переход к новому общественному строю — социалистическая революция — изменяет не только систему производственных отношений, систему социальных учреждений и т. п., но в еще большей мере — *характер деятельности* людей, цели, интересы, потребности, отношения общественных классов и групп. Коренным образом перестраивается социально-экономическая структура общественного организма. При этом, как говорил В. И. Ленин, история меняет знаки на обратные.

С победой социалистической революции в общественном производстве происходит грандиозный переворот. Существо этого переворота — в смене собственности. Из чуждой и противостоящей трудящимся силы она превращается в подчиненное им и управляемое ими собственное достояние.

Труд при социализме перестает быть наемным тру-

дом (не в смысле найма на работу, а в смысле отчуждения от средств производства и эксплуатации его в пользу их собственников). Вместе с тем и средства производства утрачивают форму капитала. Сохраняя все достижения капитализма в развитии производительных сил, главным образом высокую степень концентрации средств производства, труда и общественного богатства, социализм отрицает коренную предпосылку и условие капиталистического производства — «необходимый труд как труд, полагаемый посредством прибавочного труда и ради него»¹.

В новой общественной системе качественным образом меняется природа всеобщности труда и его общественного характера. Коллективный характер производства с самого начала делает его продукт коллективным, всеобщим. Обмен в этих условиях — это прежде всего обмен деятельностей, которые определяются коллективными потребностями, коллективными целями и уже в исходном пункте включают участие отдельного лица в распределении коллективно произведенной совокупности продуктов. При капиталистическом производстве только *обмен* полагает труд в качестве всеобщего труда, а при социалистическом производстве он положен в качестве всеобщего труда *до обмена*².

При капитализме общественное богатство во все более мощных скоплениях противостоит труду как господствующая сила. Именно поэтому процесс труда, процесс опредмечивания и овеществления труда выступает вместе с тем и как процесс *отчуждения* труда со стороны рабочего и *присвоения* труда со стороны капитала. Но это совмещение опредмечивания и отчуждения в двуединый процесс есть форма, исторически присущая капиталистическому производству, она не является абсолютной необходимостью и является преходящей.

С устранением капиталистического базиса и «вместе с устранением *непосредственного* характера живого труда как лишь *единичного*, или всеобщего лишь внутренне, или лишь внешне, вместе с превращением деятельности индивидов в непосредственно всеобщую или *общественную*, с предметных моментов производства совлекается эта форма отчуждения; они тем самым превращаются в собственное органическое общественное тело, где индивиды воспроизводят себя как отдельные единицы, но как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 390.

² См. там же, с. 115.

общественные единицы»¹. Следовательно, отчуждение труда оказывается в основе своей системным моментом капиталистического производства (как, впрочем, и других эксплуататорских общественно-экономических формаций), и с ликвидацией этого основания данная форма отчуждения исторически отмирает. Труд при социализме, свободный от эксплуатации, воссоединенный благодаря общественной собственности на средства производства с коренными условиями существования людей, представляет собой продукт «работающей ассоциации», *распределяющей* между своими членами как труд, так и его результаты, продукты.

Прибавочная стоимость, прибавочный труд, прибавочный продукт, являющиеся в условиях буржуазного производства «яблоком раздора», украденным достоянием², существенным выражением эксплуатации труда, при социализме и коммунизме становятся средством улучшения условий жизни рабочего и базой образования фондов общественного потребления, накопления и создания общественных резервов, средством развития.

«Устранение капиталистической формы производства,— пишет К. Маркс,— позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления»³.

К. Маркс убедительно показывает, что проблема, которую ставит перед собой революционный пролетариат, состоит совсем не в том, чтобы уничтожить всякий прибавочный труд⁴, а в том, чтобы обратить его на благо создателей прибавочного продукта, на благо народа.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 347.

² «Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство, представляется жалкой основой...» (там же, с. 214).

³ Там же, т. 23, с. 539.

⁴ «Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества» (там же, т. 25, ч. II, с. 385—386).

Критикуя Прудона за попытку представить прибавочный труд как некое природное свойство труда, К. Маркс пишет: «Целью является уничтожение самого отношения [необходимого и прибавочного труда]; так, чтобы прибавочный продукт сам выступал в качестве необходимого продукта и, наконец, чтобы материальное производство оставляло каждому человеку избыточное время для другой деятельности»¹.

Из этого положения вытекают две проблемы: первая — общественное регулирование необходимой величины прибавочного труда («труда сверх меры данных потребностей»); вторая — общественное регулирование рабочего и нерабочего (свободного) времени.

Капитал, постоянно увеличивая прибавочное рабочее время народных масс, начинает страдать от избыточного производства и невозможности полностью реализовать прибавочный труд, в особенности же — реализовать его общественно полезно. Становится очевидным, что развитие производительных сил больше не может быть приковано к присвоению чужого прибавочного труда и что рабочие массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд. «Когда они начнут это делать,— пишет К. Маркс,— и когда тем самым *свободное время* перестанет существовать в *антагонистической* форме,— тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного индивида, а с другой стороны, развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет. Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время»².

Это положение имеет принципиальное значение для понимания теории марксизма. До сих пор все явления происходили и истолковывались в полном соответствии с «экономической детерминацией». Например, переход от частной собственности к общественной; от прибавоч-

В другом месте К. Маркс говорит, что историческая миссия капитала будет выполнена тогда, когда всеобщее трудолюбие и развитие потребностей станут общим достоянием. Тогда, пишет он, «сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, прорывающейся из самых индивидуальных потребностей людей...» (Маркс К., *Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 280).

¹ Там же, т. 46, ч. II, с. 111.

² Там же, с. 217.

ного труда, распределяемого между капиталистами, и прибавочному труду, распределяемому среди всех членов общества; от уровня минимальных потребностей к более широкому кругу потребностей и т. д. и т. п. Все это пока еще умещалось в рамки чисто экономического объяснения. Но вот проблему свободного времени как меры общественного богатства исходя исключительно и непосредственно из экономических принципов уже объяснить нельзя. Точнее, нельзя объяснить полностью.

Дело здесь не только в том, что труд всесторонне развитой личности является более творческим и производительным; еще более важно, что развитие всех человеческих сил, потребностей и способностей становится самоцелью коммунистического общества. И этого нельзя достичь без введения новой системы детерминации.

В царстве необходимости «свобода... может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль...»¹. В «истинном царстве свободы» «развитие человеческих сил... является самоцелью», и оно «может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»².

Так происходит расширение системы социальной детерминации. Экономическое развитие общества, достигнув определенного достаточно высокого уровня, перестает быть самоцелью развития. Оно уходит в основание и на его плечах, как на своем базисе, вырастает царство свободы — коммунизм, где социальные критерии, в том числе и этот, в соответствии с которым «свободное время есть главное богатство общества», становятся важнейшими принципами общественного развития. «Царство свободы,— говорит К. Маркс,— начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»³.

Было бы, однако, неправильным представлять дело таким образом, что «примат» социального начала, к которому придет общество при коммунизме, означает отмену или принижение первостепенной роли экономического начала. Это так же невозможно, как невозможно предста-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

² Там же.

³ Там же, с. 386—387.

вить себе высшие формы социальной жизни без ее биологического фундамента.

В данном случае речь идет только о том, что на одном историческом этапе сам образ жизни человека и общества подчиняется в большей мере экономическим закономерностям, а на другом историческом этапе, когда экономические предпосылки накоплены в достаточной мере и стали стабильным постоянно действующим фактором, у общества возникает возможность во все возрастающей степени использовать их для решения других, «более высоких» целей и задач человечества.

Таким образом, коммунизм не отменяет великого закона исторического развития, гласящего, что «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени». К. Маркс даже специально подчеркивает, что «экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства»¹. То же, что коммунизм приносит нового, заключается в гармоничном целенаправленном развитии производительных сил и в подчинении этого развития задачам всестороннего развития человека — главной производительной и творческой силы общества.

В природе действует закон специфической преемственности: неорганическое порождает неорганическое, живое порождает живое. Известный немецкий ученый Р. Вирхов выразил этот принцип афоризмом: *omnis cellula ex cellulae* (каждая клетка происходит только от клетки). С точки зрения теории развития эта формулировка страдает очевидными механистическими погрешностями, и потому ее нельзя принимать без существенных оговорок. Но с этими оговорками можно признать, что она выражает определенный массовидный процесс. В этом смысле можно говорить, что у экономического развития тоже есть своя специфическая логика, наподобие *cellula ex cellulae*, включающая в себя, как говорил Гегель, «дурную бесконечность» экономических проблем. Это явственно видно при рассмотрении капиталистического накопления. Оно не имеет в себе имманентного предела и меры. Примеры того, что из этого получается, мы видим в современных монополиях, в образе жизни разжиревших буржуа, в проблемах так называемого «потребительского общества» и т. п. Да и тщетно было бы искать такую меру внутри ка-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 117.

питалистической экономики. Экономика сама по себе рождает новые экономические проблемы... развития экономики. А мера у этого развития должна быть мерой *более высокого порядка*.

Коммунистическое развитие общества — и, соответственно, коммунистическое накопление — тем и отличается от капиталистического, что оно вырабатывает и реализует наряду с экономическими и социальными, так сказать, «сверхэкономические» критерии и меры.

Современные ревизионисты и критики учения К. Маркса никак не могут «вместить», как говорил В. И. Ленин, этой диалектической истины и потому обвиняют его в непоследовательности, в измене экономическому детерминизму и в переходе к легковесным моральным принципам и т. д. Но Маркс не виноват, если кто-то не способен «вместить» сразу два принципа детерминации явлений и, соответственно, переходы от одного к другому и их взаимодействия.

К. Маркс очень много пишет о свободном развитии индивидуальности при коммунизме, о том, что свободная индивидуальность основана на универсальном развитии индивидов, о базисе универсального развития индивидов в коммунистическом обществе и т. д. При этом он никогда не оставляет твердой почвы общественной экономики. Он реалист. Даже прогнозируя, условно говоря, «неэкономическое» развитие общества, он строит его на реальной базе всесторонне развитой экономики.

При коммунизме, пишет он, происходит свободное развитие индивидуальностей и поэтому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует *художественное, научное* и т. п. *развитие индивидов* благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам¹.

Здесь мы опять отчетливо видим переход от чисто экономической детерминации к социальной и социально-культурной, точнее, дополнение одного другим. Уже при первом, внешнем рассмотрении очевидно, что речь идет о *расширении потребностей общественного индивида*. И это, несомненно, правильно. Но и общественный индивид, и общество это расширение могут понимать по-разному. Они, например, могут беспредельно форсировать удовлет-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 214.

ворение своих *материальных*, а не духовных потребностей, либо духовными потребностями считать проблемы плотские. Тогда вместо того чтобы новые возможности экономики обращать на научное или художественное развитие, они будут требовать все более разнообразного и высококачественного удовлетворения своих потребностей в пище, одежде, жилище («тонкого сукна», «тонкого вина», изысканных предметов роскоши и т. д. и т. п.).

Но К. Маркс, конечно, понимает дело совсем не так. Он видит здесь не только проблему расширения потребностей — он видит здесь также проблему *существенного изменения самой структуры потребностей*, интенсивного развития духовной сферы, высокого уровня образования и культуры, развития творческого начала деятельности и на этой базе — изменения самих интересов человека, превращения «вечной необходимости труда» в первую жизненную потребность.

К. Маркс многократно подчеркивает, что результатом этого социального прогресса должен быть новый человек. «Свободное время, — пишет он, — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства»¹.

Однако К. Маркс не рассматривает этот процесс как стихийный, сам собой совершающийся, как простое социально-экономическое следствие развития производительных сил. Он везде подчеркивает роль сознательного научного руководства социальной жизнью при коммунизме: «...ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль... совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»². В другом месте Маркс пишет, что «работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства»³, к регулированию пропорций общественного производства, развитию «возвышенных» потребностей и стимулированию творческой деятельности.

Характерная особенность теории К. Маркса состоит в том, что в поле его зрения всегда находятся и общество

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 221.

² Там же, т. 25, ч. II, с. 387.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 280.

и человек, и система и элемент. Ему не свойственно гипертрофировать ни роль общества, ни роль человека. Его исследование общественных явлений всегда многофокусно и многомерно.

К. Маркс всюду исследует общественное производство и общество. Предмет его исследования — система. Ибо только через нее возможно объяснение всей совокупности явлений и процессов, происходящих в обществе. Но это общество *людей*, общество, развивающееся в интересах *всех* его членов, общество, обеспечивающее развитие самых высоких идеалов и потенций «человеческой природы». Маркс отвергает всяческие «робинзонады» и «саморазвитие в идее», его человек будущего — живой, реальный, деятельный, творческий, короче говоря, человек в самом высоком смысле этого слова. Такой человек невозможен сам по себе, он должен сформироваться в коллективе, в определенной социальной среде, при определенных условиях и предпосылках, он возможен только как продукт высокоразвитого общества.

К. Маркс считает человека главной производительной силой и основным капиталом общества, его всестороннее развитие он объявляет самоцелью исторического процесса на стадии коммунизма, но человек смертен, преходящ, а общество вечно. Именно оно аккумулирует в себе весь прогресс человеческой цивилизации, именно поэтому для Маркса общество есть первая ипостась, а общественное производство есть способ существования человечества, его «родовая жизнь», «жизнь, порождающая жизнь»¹.

В докладе Г. М. Кржижановского о плане ГОЭЛРО на VIII съезде Советов есть фраза, ставшая впоследствии крылатой: «Люди как тени, дела их как скалы». В масштабе истории общественных систем это глубоко верно.

Гордиев узел человеческой истории — общественное богатство в широком смысле этого слова. Оно синтезирует в себе все достижения человеческого труда, опыта, знаний, все материальные и духовные ценности. До тех пор, пока распределение этого «общественного фонда цивилизации» находится в руках не-трудящихся, не-рабочих, он противостоит им как чуждая сила. Поэтому у трудящихся нет заинтересованности в развитии производительных сил, ибо все достижения их труда ставятся на службу эксплуататорскому меньшинству; поэтому они сами, ограбленные и обездоленные, в определенных исторических ус-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93.

ловиях начинают тормозить развитие производительных сил именно из-за своей отсталости. Это особенно важно иметь в виду в современную эпоху, когда «человеческий фактор», «сознательный фактор» становится важнейшим условием роста общественной производительности труда.

Коммунизм разрушает этот гордиев узел. Он ликвидирует социальный паразитизм. Он учреждает общественную собственность на средства производства, обращает все общественное богатство на службу народу. На этом фундаменте вместо традиционной системы ограбления производительных сил (прежде всего основной производительной силы — людей труда) возникает новая общественная система, главным принципом которой является *обогащение* производительных сил.

К. Маркс не без основания считал, что подлинным аккумулятором достижений цивилизации выступает способ производства, в том числе технология производства и орудия труда. «Экономические эпохи, — писал он, — различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»¹.

В экономических рукописях 1857—1859 годов у К. Маркса есть одно очень характерное замечание. Анализируя утопический взгляд Фурье на труд как на игру, он пишет: «Труд не может стать игрой, как того хочет Фурье, за которым остается та великая заслуга, что он объявил конечной целью преобразование в более высокую форму не распределения, а самого способа производства»². Маркс полностью разделяет эту позицию. На смену капитализму должен прийти такой способ производства, в котором специфические общественные условия не становились бы пределом, тормозом для развития производительных сил.

Возможен ли такой внутренне «непротиворечивый» способ производства? К. Маркс отвечает: непротиворечивым он, конечно, быть не может (если мы диалектически правильно понимаем противоречия), но *неантагонистическим* он может быть³. А если так, то все противоречия раз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

² Там же, т. 46, ч. II, с. 221.

³ Существенно в этом смысле, что К. Маркс главный «предел» капитализма видит именно в антагонизме между характером общественного строя и развитием производительных сил: «Пределом для капитала служит то обстоятельство, что все это развитие протекает антагонистично и что созидание производительных сил, всеобщего богатства и т. д., знания и т. д. происходит таким образом, что трудящийся индивид *отчуждает* себя самого; к тому, что

вития производительных сил решаются в пределах этого непрерывно совершенствующегося строя и его базиса. Так возникает новый способ производства, «при котором свободное, ничем не стесненное, прогрессивное и универсальное развитие производительных сил само составляет предпосылку общества, а потому и его воспроизводства...»¹; возникает такой способ производства, «единственной предпосылкой которого является выход за пределы исходного пункта»².

Соответствующее этому способу производства общество — коммунизм. Он представляет собой общественную систему принципиально нового типа — такую систему, элементы которой связаны воедино и функционируют как один организм не только в силу существующей структуры общественного производства и разделения труда (производственно-экономическая система), но и потому, что она есть целостная *социальная система*, основывающаяся на единстве коренных интересов всех членов общества и реализующая программу их всестороннего развития. Так «действительная социальная общность» становится программой и фактом коммунистического общественного развития, а общество как система приобретает высшую степень единства и целостности.

Рассмотренный нами *процесс развития системы в целостность*, процесс становления общества в качестве однородной социальной целостности и системы есть, как говорил К. Маркс, существенный «момент ее, системы, процесса, ее развития»³. Вместе с тем анализ этого процесса позволяет раскрыть существенные черты системной методологии исследования социальных объектов.

3. Системные закономерности становления базиса

В учении К. Маркса понятие базиса употребляется главным образом в двух смыслах. В широком смысле Маркс говорит о базисе как о *реальном основании* той или

выработано им самим, индивид относится не как к условиям *своего собственного*, а как к условиям *чужого богатства* и своей собственной бедности. Но сама эта антагонистичная форма преходяща и создает реальные условия своего собственного уничтожения» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 34—35).

¹ Там же, с. 33.

² Там же.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 229.

иной группы явлений. Так, он пишет о земле как реальном базисе докапиталистических обществ и базисе коллектива, о городе в античном обществе как базисе общины, о полном развитии производительных сил в коммунистическом обществе как его базисе, об обмене меновыми стоимостями как реальном базисе буржуазного равенства и свободы и т. д. и т. п. В более специальном смысле он говорит о базисе как о совокупности производственных отношений, т. е. как о социально-экономическом основании той или иной общественной системы. Нас в данном случае интересует именно это понимание базиса, специфическое для марксистской теории, ставшее особой категорией исторического материализма.

По словам К. Маркса и Ф. Энгельса, первой предпосылкой всякого человеческого существования, а следовательно, и всякой истории является то, что «люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что»¹. Все это и составляет «земную основу» человеческой истории, без которой понять ее правильно невозможно. Иными словами, речь идет о том, что сам способ человеческого существования и человеческой истории — если его брать не в виде простых и абстрактных определений, общих всем этапам исторического процесса, а в виде конкретно-исторических форм — представляется восходящей линией прогрессивно развивающихся и последовательно сменяющих друг друга способов производства, которые составляют основу соответствующих общественных формаций (т. е. «социальных организмов», или социальных систем).

Что же выступает в качестве системообразующих факторов, которые приводят к образованию «социальных организмов», и каков реальный механизм этих процессов? Марксистская теория, как известно, выделяет две тесно связанные между собой группы таких факторов — производительные силы общества и производственные отношения.

Главным фактором, революционизирующим развитие общественного производства, являются производительные силы (работники и средства производства). «Каковы бы ни были общественные формы производства, — писал К. Маркс, — рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9-ти т., т. 2, с. 25.

друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя»¹. Именно производительные силы в конечном счете олицетворяют новые возможности прогрессивного развития. Вместе с тем первостепенную роль играют и производственные отношения, включающие в себя общественно-экономические отношения социальных групп, отношения собственности и отношения управления производством, которые в эксплуататорских экономических формациях выступают как коренное условие общественного производства, обособившееся во внешнюю самостоятельную силу. На протяжении большей части человеческой истории основными средствами производства владеют не трудящиеся, в связи с чем между производителями материальных благ и собственниками средств производства возникают антагонистические общественные отношения.

Таким образом, «особый характер и способ» соединения рабочих и средств производства, которое К. Маркс считает основным производственным отношением, различающим отдельные экономические эпохи, выступает в то же время и главным системообразующим элементом, соединяющим в себе как «технические», так и социальные предпосылки общественного производства на той или иной ступени общественно-исторического развития.

При рассмотрении любой общественно-экономической эпохи человеческой истории в этом обычном, миллиарды раз встречающемся, элементарном общественном отношении как раз и обнаруживается *коренное базисное отношение*. В силу своего соответствия уровню развития производительных сил, своей типичности и устойчивости оно становится *господствующим* отношением данного общества, его всеобщей формой производства. Всесторонним развитием, обоснованием и оформлением этого господствующего производственного отношения как раз и является экономический базис общества.

К. Маркс на примере капитала показывает, как он, будучи более прогрессивной экономической формой, нежели предшествующая феодальная, возникает и развивается в условиях того способа производства, который он застаёт, и как уже затем он создает свою систему — соответствующий ему способ производства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 43—44.

Таким образом, исходным является «элементарное» производственное отношение. Оказавшись в силу совокупности исторических причин более устойчивым и прогрессивным, оно распространяется в обществе, становится *всеобщей формой производства* и коренным базисным отношением. На его основе вырастает новый способ производства со всеми своими атрибутами.

Методологически, в частности с точки зрения системообразования, в этом процессе интересен тот факт, что в общественном развитии первичным оказывается элементарное производственное отношение, выступающее как *носитель прогресса*. В этом проявляется первое базисное отношение системообразования. Марксизм исследовал закономерности становления, развития и смены общественных систем. В марксистской философской и социально-экономической литературе подробно описана диалектика развития и взаимодействия производительных сил и производственных отношений, диалектика функционирования и смены способов производства, общественно-экономических формаций. С точки зрения нашей темы здесь следует подчеркнуть один момент: развитие производительных сил, для которого данные производственные отношения дают достаточно простора, рано или поздно упирается в те противоречия, имманентные границы и «пределы», которые несут с собой эти производственные отношения. Тогда новый базис зарождается поначалу в виде нового, элементарного производственного отношения. Возникает исторически более прогрессивное «соединение рабочих и средств производства», новый способ и форма производства, которая постепенно становится господствующей¹.

Вторая особенность рассматриваемого нами процесса системообразования заключается в том, что новое элементарное базисное отношение после своего возникновения развивается в целостность, в систему и приводит к коренной функциональной перестройке всей общественной «материи». Наиболее подробно К. Маркс рассматривает этот процесс на примере становления капиталистического способа производства.

«...Новые производительные силы и производственные

¹ Конечно, исторически зарождение и образование базиса социалистического общества происходит существенно иначе, чем буржуазного, феодального, рабовладельческого, но и его исходным пунктом выступают *особые* элементарные производственные отношения, с утверждения и развития которых начинается становление нового базиса.

отношения,— пишет К. Маркс,— не развиваются из *ничего*, из воздуха или из лона саму себя полагающей идеи; они развиваются внутри и в борьбе с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности. Если в законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой органической системе. Сама эта *органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы*. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. *Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»*¹.

По природе своей капиталистическое производство есть товарное производство. Именно при капитализме товарное производство получает наивысшее развитие и становится всеобщей формой производства. Но одновременно оно претерпевает глубокие качественные изменения. Исторически исходным пунктом товарного производства выступает торговый капитал, но собственной основой буржуазного способа производства является промышленный капитал, подчиняющий себе все остальные формы капитала. По мере того как товарное производство становится капиталистическим, разрушаются все его формы, основой которых служил собственный труд производителя.

Первой предпосылкой буржуазного производства, складывающейся в мануфактурный период его развития, является наемный труд. На следующей ступени его развития, в машинный период, определяющим моментом выступают уже средства производства, концентрация богатства общества в основном капитале. Промышленный капитал становится основой буржуазного способа производства. К. Маркс подчеркивает, что промышленный капитал есть единственный способ существования капитала, при котором его функцией является не только присвоение прибавочной стоимости, но и само ее создание. Поэтому именно он обуславливает капиталистический *характер* производства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 229. (Курсив мой.— В. К.)

«По мере того, как он (промышленный капитал.— В. К.) овладевает общественным производством, совершается переворот в технике и в общественной организации процесса труда, а вместе с тем и в экономико-историческом типе общества. Другие виды капитала, которые появились до него в рамках отошедших в прошлое или гибнущих укладов общественного производства, не только подчиняются ему и не только претерпевают соответствующие ему изменения в механизме своих функций, но и движутся впредь уже лишь на основе промышленного капитала, следовательно, живут и умирают, стоят и падают вместе с этой своей основой»¹. Так, денежный и товарный капитал по существу становятся функциональными формами, которые промышленный капитал то принимает, то сбрасывает в сфере обращения.

С системной точки зрения здесь важна подчеркиваемая К. Марксом функциональная перестройка всего механизма общественного производства и та специфическая система субординации различных видов капитала, которая раскрывает нам структуру самого базиса. Промышленный капитал в ней выступает как *ядро системы*, программирующее все развитие.

На примере земледелия и стоимостных отношений К. Маркс ярко показывает, как при переходе от феодализма к капитализму они номинально сохраняют свою *функциональную* роль, но существенно меняют *системную* роль. Устанавливаются новые системные закономерности их функционирования и развития в данной общественно-экономической формации, иная степень их развитости, новые формы субординации и т. п. Их функциональная роль, кажущаяся надысторической и «вечной», фактически определяется тем, какое место они занимают в системе буржуазного общества. Так сама функция оказывается не только «вечной», но и системно-исторической.

«Например, ничто не кажется более естественным, как начать с земельной ренты, с земельной собственности, так как ведь она связана с землей, этим источником всякого производства и всякого существования, и с земледелием, этой самой первой формой производства во всех сколь угодно прочно сложившихся обществах. Однако нет ничего более ошибочного. Каждая форма общества,— пишет К. Маркс,— имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 65.

отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений. Это — то общее освещение, в сферу действия которого попали все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — тот особый эфир, который определяет удельный вес всего того, что в нем имеется»¹.

Выступая против абстрактного функционализма и непонимания конкретно-исторической (системной) специфики различных видов общественного производства, К. Маркс подчеркивает, что их *реальное значение, роль и удельный вес* обусловлены не тем, какое место представляется «естественным» или какое они занимали в процессе исторического развития, а тем, какое место они занимают в структуре современного буржуазного общества. К. Маркс писал: «...было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития. Речь идет не о том положении, которое экономические отношения исторически занимают в различных следующих одна за другой формах общества. Еще меньше речь идет о их последовательности «в идее» (*Прудон*), этом мистифицированном представлении об историческом процессе. Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества»². И в этом отчетливо обнаруживается тот основной системный закон развития общественных формаций («социальных организмов»), который в содержательном плане наиболее ярко выражен Марксом в закономерностях базиса и надстройки.

Так, в феодальном обществе, где земледелие преобладает, промышленность целиком зависит от земледелия. Город и городские отношения в средние века имитируют принципы деревни. Сам капитал (в той мере, в какой он не есть чисто денежный капитал) имеет в виде традиционных орудий ремесла и т. п. земледельческий характер. Меновая стоимость здесь играет лишь побочную роль по сравнению с потребительной стоимостью (ибо в качестве реального базиса выступает не капитал, а отношение зе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 43.

² Там же, с. 44—45.

мельной собственности). В буржуазном обществе дело обстоит наоборот. Земледелие все более становится лишь одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала. Товарное производство и стоимостные отношения становятся господствующими. В деревню все более и более проникают городские отношения, она перестраивается и производственно, и в смысле бытовых условий на индустриальный лад.

Это положение К. Маркса о решающей роли базисной и вместе с тем конкретно-исторической системной организации общества и производства принадлежит к главным в теории марксизма-ленинизма. Опираясь на него, Маркс показывает, что определенное производство обуславливает определенное потребление, распределение, обмен и их отношение друг к другу. Таким же образом доказывается положение о специфичности законов народонаселения при капитализме и ряд других тезисов.

Итак, закономерности становления базиса есть вместе с тем и основные закономерности становления новой общественной системы. Первая из них — установление собственной системно-функциональной структуры общественного производства и общества. Вторая — ассимиляция и модификация того общественного материала, который застает новый строй в качестве своего исторического наследия. И третья, обобщающая первые две, — это развитие системы в целостность, становление ее как развитой и однородной. Третье базисное отношение системообразования есть специфическое отношение базиса и надстройки.

Идеи К. Маркса о том, что экономическая структура общества образует реальный *базис*, на котором возвышаются юридическая и политическая *надстройка* и соответствующие формы общественного сознания; что способ производства материальной жизни *обуславливает* социальный, политический и духовный процессы жизни общества; что *бытие определяет сознание*, — эти идеи ныне уже не требуют особых доказательств.

Системные закономерности становления надстройки в целом повторяют указанные закономерности становления нового базиса. Специфика этих закономерностей подробно исследована в марксистской философской литературе. С точки зрения системного подхода здесь важно подчеркнуть лишь один момент. Речь идет о новых элементах взаимодействия базиса и надстройки, связанных с превращением науки в непосредственную производительную силу и с особой ролью надстройки в коммунистическом обществе.

Базис в любом случае останется базисом, а надстройка — надстройкой. В этом соотношении ничто принципиально не меняется. И вместе с тем в обстановке научно-технической революции и перехода общества от капитализма к коммунизму в диалектике взаимодействия базиса и надстройки происходят изменения качественного порядка. Новая структура производительных сил, в которой резко возрастает удельный вес работников умственного труда, и новая роль науки в общественном производстве, становящейся определяющим фактором его эффективности, вносят существенно новые моменты в само понимание экономического базиса общества. Правда, в условиях капитализма, делающего силы труда (физического или умственного, безразлично) силами капитала, главное производственное отношение между пролетариями и буржуа не меняется. Но даже и здесь появляется зародыш нового отношения между материальным производством и наукой. Однако это системное отношение в условиях капитализма реализовано полностью быть не может.

Принципиально иначе обстоит дело в условиях коммунизма. Во-первых, сама логика развития социалистического и особенно коммунистического общества приводит к тому, что экономика общества ставится на службу коммунистическим идеалам и планам социального развития и в этом смысле оказывается подчиненной им. Во-вторых, здесь уже два непосредственно «внепроизводственные» фактора (наука и социальные условия) становятся в силу исторических причин «витающей над производством более высокой предпосылкой» его развития.

В такой исторической ситуации, когда «объединенные, ассоциированные производители» в принципе овладевают условиями своего социального развития и достигают такого уровня производительных сил, который обеспечивает им решение всех жизненно важных задач, роль социальной «надстройки» становится существенно иной в смысле возрастания степеней свободы целенаправленной человеческой деятельности. Само отношение базиса и надстройки при коммунизме сохранится, хотя и базис, и надстройка будут принципиально другими. В смысле фундаментального отношения, т. е. их места в иерархии системных оснований, все останется по-прежнему. Экономика будет первым основанием, социальная и духовная жизнь следующими. Однако в смысле их практического взаимного влияния (при условии высокого уровня решенности проблем материальной жизни общества) эти отношения станут

более «равноправными». Это относится прежде всего к той части надстройки, которая олицетворяет социальное управление коммунистического общества, выступает выражением «того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним...»¹.

Конечно, в принципе бытие и впредь будет определять сознание, хотя само сознание перестанет противостоять ему как только «отстающее». Оно все в большей мере в своем общественном и научном выражении будет становиться средством «опережения» бытия. Однако здесь, видимо, дело будет обстоять примерно так же, как с абсолютной истиной, к которой наше познание стремится вечно, полностью никогда ее не достигая.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 215.

Системные основания и структуры

На примере анализа природно-социальных предпосылок человеческого общества, становления его как социальной системы, закономерностей базиса мы выявили те специфически системные моменты, которые позволили К. Марксу раскрыть закономерности естественнoисторического процесса. Дальнейший анализ этой проблемы подводит нас к необходимости специально рассмотреть то, что можно назвать системными основаниями и структурами социального «организма». В этой теме мы столкнемся с проблемами полисистемности и полиструктурности, с феноменами сменных и расширяющихся оснований, «погружения в основание» (то, что Гегель называл *zu Grunde gehen*) и другими подобного рода не совсем привычными явлениями. В общеметодологическом плане исследование системных оснований продолжает и развивает проблему системных качеств. Но теперь эта проблема рассматривается в другом аспекте, где центральной становится задача выявления методологических принципов, обеспечивающих построение многокачественных, многосистемных, многоуровневых теоретических представлений о сложных объектах действительности.

Именно сложность объектов изучения современной науки выступает как бы фокусом возникающих в ней методологических проблем. Исторический период от середины XIX в. до наших дней был в научном познании мира эпохой революционной. Наука, переходя от изучения отдельных предметов к их множествам, комплексам и системам, к более развернутому исследованию процессов развития и функционирования, внутренних и внешних взаимодействий, открыла для себя новый мир сложности: всеобщую диалектику и всеобщую связь явлений, особые закономерности макро- и микросистем, реальные континуумы взаимодействующих факторов, специфические ви-

ды причинности, качеств, оснований, закономерностей и т. п.

Бурное развитие науки, ее интенсивная дифференциация и интеграция приводят к тому, что знание становится более сложным, «многоэтажным» и разнопорядковым. Ныне почти в каждой науке созданы свои макро- и микроэтажи (уровни), прикладные и метанаучные разделы, разрабатываются пограничные области и комплексные проблемы. Немаловажное значение в этом процессе возрастания сложности имеет и то, что в самой структуре научного знания значительно увеличивается удельный вес исследований живой природы и общества, имеющих дело с объектами, на несколько порядков более сложными, чем объекты неорганической природы. Все это соответственно требует более развитого и адекватного современным задачам методологического аппарата, ибо средства познания оказываются неэффективными, если они не дают возможности четко дифференцировать различные качественные определенности исследуемых явлений, не состыкованы и не привязаны к ним. В целом развитие методологических средств обеспечивает переход от предметного уровня исследования к системному, от однозначного — к многозначному, от линейного — к нелинейному, от одномерного — к многомерному, от преимущественного изучения явлений координации — к изучению субординации и других сложных форм взаимодействия.

При исследовании сложных объектов (социальных и биологических), имеющих, как правило, несколько линий развития и специфических рядов качественных определенностей, обладающих множеством оснований, первым условием их адекватного познания является расчленение на качественно однородные узлы и элементы и познание «простого». Только после детального качественного препарирования сложного объекта у исследователя появляется уверенность, что разнопорядковые явления не свалены в кучу. И только на этой основе становятся возможными правильный синтез и познание интегральных закономерностей системного целого. Так, однокачественный анализ, в центре которого оказывались проблемы качественной однородности, дополняется многокачественным анализом, исследованием проблем качественной разнородности, полиструктурности, многомерности, многосистемности.

Благодаря эпохальным достижениям науки XIX—XX вв. окружающий нас мир предстал как мир полиси-

стемный. Он полисистемен и структурно, и историко-генетически. Более того, полисистемными являются его отдельные части, сферы, «элементы». В результате любое явление этого мира оказывается как бы *многочленом* различных систем действительности, в каждой из которых оно ведет себя в соответствии с законами *данной системы*.

Как же во всем этом разобраться? Одним из важных методологических средств, с которых вынуждено начинать научное исследование в такой познавательной ситуации, выступает анализ оснований объекта и, в частности, анализ *множественности оснований*.

Лестница системных оснований. Выявляя специфику предметов, мы вынуждены брать их не целиком, а некими «слоями», уровнями, сферами. Наиболее часто такое выделение осуществляется на основе специфического способа материального существования или высшей формы движения, присущей изучаемому объекту. Эти рамки достаточно широки для того, чтобы выявить и «природу» явления, и его *differentia specifica*, но ими не охватываются все основания объекта, вся глубина реальных явлений. От некоторых из оснований познание вынуждено при таком подходе абстрагироваться. Конечно, подобное отвлечение возможно и даже во многих случаях необходимо. Оно составляет специфику моносистемного анализа и есть по своему существу гносеологический прием, опирающийся на предположение, что нижестоящие основания выступают в виде некоторого «неизменного условия».

В действительности же каждое явление представляет собой не только феномен определенной ступени эволюционной лестницы (в смысле исторического происхождения одного из другого), но имеет и целый набор оснований, в котором каждый слой не может существовать без предыдущего, составляющего его фундамент. В результате получаются «пирамиды» оснований более или менее высокие в зависимости от положения явления на эволюционной лестнице.

Такой «пирамидой», или «лестницей», оснований является уже самое крупное деление объективной действительности на сферы, или на «природы». В нем отношения космогонические (Вселенная, галактики, Солнечная система) составляют первое общее основание, от которого зависят все остальные. Планета Земля и ее физико-химическое состояние дает второе основание, которое, хотя во многих существенных параметрах и определяется деятельностью Солнца, но вместе с тем имеет и собственный базис, обус-

ловливаемый массой планеты, ее «возрастом», условиями температуры и давления, атмосферы, геологической структуры и т. д. На каком-то этапе истории Земли на базе неорганической природы возникает жизнь, биосфера, которая образует третье основание для всего живого, существующего на нашей планете. Социальная жизнь, имеющая свои собственные законы и основания, возникает на базе первых трех и составляет четвертое основание, охватывающее весь мир человека и оказывающее обратное влияние на органическую и неорганическую природу Земли.

Как материалисты, мы учитываем, что каждое явление действительности — социальное, биологическое, физико-химическое — имеет под собой все нижележащие (в материально-структурном плане) и предшествующие (в историко-генетическом плане) основания. Однако мы от них обычно абстрагируемся, принимаем их за «постоянное условие», в частности, еще и ввиду того, что их изменения во времени просто несоизмеримы по масштабу с системой, стоящей выше на эволюционной лестнице. Временные масштабы существования и развития космогонических процессов, явлений неорганической, живой природы и общества разнятся друг от друга на несколько порядков. Причем, конечно, самые высокие темпы развития присущи самой молодой и сложной системе — обществу.

Учитывая это обстоятельство, при решении мировоззренческих вопросов важно помнить, что теоретически допускаемое «постоянство» нижележащих оснований относительно. Так, по расчетам современной науки, наше Солнце через 12 миллиардов лет погаснет, а снижение его энергетической активности наступит значительно раньше. Какие это вызовет изменения во всех системах и не придется ли человеку осваивать в связи с этим другие планеты? Буквально на глазах нашего поколения происходит весьма существенное изменение роли природных условий, в частности истощение легкодоступной сырьевой базы (топлива, минерального сырья, некоторых продуктов питания), ряд изменений экологической среды, вызываемых производственной деятельностью человека, и т. п. Можно представить себе и некоторые другие крупные системные изменения (в принципе маловероятные, но не исключенные), например глобальную термоядерную войну и сопровождающие ее глубокие качественные изменения экологического порядка и т. п., при которых развитие жизни и социальный прогресс окажутся ограниченными со стороны более «низких» оснований.

Словом, «лестница оснований» существует, и этот факт означает, что реальные макросистемы действительности как бы входят одна в другую: низшая по уровню организации система является исходным пунктом, предпосылкой и основанием более высокой, которая, в свою очередь, выступает основанием еще более высокой и т. д. При этом они не просто рядоположены и независимы друг от друга, а взаимосвязаны и субординированы, оказывают друг на друга определенное влияние. Совершенно очевидно, что это влияние нельзя рассматривать только «сверху вниз» или «снизу вверх». Между разнопорядковыми основаниями существуют отношения различного характера, и в частности отношения зависимости и взаимозависимости, координации и субординации. В этом смысле прав был Гегель, когда говорил в «Философии природы»: «...одна ступень есть власть над другой ступенью, и это — взаимно...»¹ Чтобы проиллюстрировать сложность этих связей, достаточно указать на взаимодействие и взаимозависимость биологического и социального в человеке. Современная наука накопила обширный материал, доказывающий, что взаимодействия между основаниями различных уровней являются значительно более широкими, чем предполагалось ранее. Об этом, в частности, говорят исследования влияния солнечной активности на погоду, условия радиосвязи и даже на такие явления, как протекание сердечно-сосудистых заболеваний.

Понимание многосистемности и многослойности оснований еще большее значение имеет при анализе конкретных явлений, рассматриваемых внутри какой-то одной сферы. Это наглядно выступает на современном уровне развития таких естественных наук, как геология, биология, палеонтология. Но наибольшую методологическую роль феномен «лестницы оснований» играет при анализе самых сложных явлений — при изучении процессов социальной действительности. Это легко понять, поскольку здесь сама качественная определенность явлений оказывается двойственной — природно-социальной; высокий уровень интеграции этих явлений порождает еще один тип «двумерности» их существования — предметно-системный. К тому же наряду с этой, так сказать, «вертикальной» многослойностью, многоуровневостью и многосистемностью общественным явлениям присуща огромная внутренняя многокачественность, принимающая характер «горизон-

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975, т. 2, с. 43.

тальной» многослойности. Таковы, например, классовые, политические, национальные, культурные, профессиональные, половозрастные и другие качества людей, которые не поддаются выстраиванию их в линейную закономерную вертикальную «лестницу» оснований. Общие основания этой многослойности и полисистемности качеств общественного человека коренятся *вне его*, в соответствующих системах (подсистемах) общества.

В последнее столетие особенно бурно разрабатывается историко-генетический аспект проблемы оснований. На развитие этого аспекта серьезное влияние оказали успехи целого ряда естественных наук, а также осознание их глубокой взаимосвязи в построении единой картины мира. Но наиболее значительный вклад в постановку проблемы оснований как общенаучной методологической проблемы внесла марксистская теория истории общества, которая четко обозначила определенные конкретно-исторические ступени развития человечества, различающиеся по своему основанию — по способу производства. Благодаря теории К. Маркса история общества предстала как бы восходящим маршем, лестницей сменяющих друг друга оснований, причем она выступает в таком виде не только чисто хронологически, но реально, системно. В. И. Ленин выразил эту суть социально-исторической концепции К. Маркса следующими словами: «...система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»¹. После выхода в свет «Капитала» Маркса стало ясно, что историю человечества в целом, как и ее части и разделы — историю общественного производства, техники, науки, культуры, религии и т. д., — нельзя понять, не поняв общих движущих сил естественнo-исторического процесса, не уяснив себе законов функционирования и развития общественно-экономических формаций.

Вместе с тем было бы неверно теорию К. Маркса истолковывать так, что сменяющие друг друга исторические ступени и основания как бы разрывают исторический процесс. Совсем нет. Новый базис, конечно, рождает новые основания и формы и модифицирует старые, но в любом случае историческая преемственность является одной из главных особенностей естественнo-исторического процесса

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 429.

в обществе. Преемственность в сферах общественного производства, форм социальной организации, традиций в развитии науки и культуры и т. д. играет очень значительную роль. В живом организме общества многие явления существуют столетиями и тысячелетиями. Правильное и глубокое понимание жизни общества включает в себя системный анализ его истории, понимание всей этой «лестницы оснований», сменности социальных структур и их преемственности, позволяющей накапливать достижения труда, знаний, социального опыта, неуклонного расширения общего основания (базиса) человеческой цивилизации.

В связи с исследованием множественности оснований обнаруживаются некоторые противоречия между тенденцией к дифференциации наук, приводящей к утверждению *моносистемного* анализа как главного метода познания конкретных наук, и потребностями синтеза современного научного знания, требующего более широкого, более глубокого и более комплексного изучения действительности и соответственно развития *полисистемного* анализа. Для науки второй половины XIX и первой половины XX в. моносистемные представления были главной методологической платформой раскрытия макро- и микрозакономерностей отдельных сфер реальной действительности. Ныне идут активные процессы корректировки и дополнения моносистемного знания знаниями смежных наук, развития междисциплинарного знания, все более глубокого проникновения в механизм влияния неспецифических оснований на изучаемые явления. Научное знание в целом развивается в направлении полисистемного знания. Продуктом этого процесса должно быть раскрытие сложных полисистемных закономерностей мира (физико-химических, биофизических, геобиофизических, психофизиологических, социально-экономических, социально-культурных и социально-психологических и т. п.). Такая тенденция ныне, можно сказать, определилась достаточно четко.

Из этого следуют две важные задачи: разработка соответствующего аспекта современной картины мира, а также решение широкого круга сложнейших методологических и научно-организационных вопросов. Организация науки должна сознательно помочь ей ускорить роды нового подхода в развитии всего научного знания. В связи с этим большая, важная и сложная задача ложится на плечи философии. Она совместно с другими науками должна подготовить саму «идеологию» этих изменений, внести в трактовку мировоззрения и методологии необходимые кор-

рективы, подчеркивающие полисистемный характер устройства мира и соответственно самого научного знания.

Рассмотренные здесь общие соображения о многосистемности и множественности оснований явлений и процессов реального мира послужат нам отправной точкой для перехода к рассмотрению более конкретных вопросов общественного развития, в которых без понимания множественности и сменности оснований разобраться трудно.

Марксова лаборатория подготовки «Капитала» хранит множество гениальных мыслей философского, социологического и экономического содержания, которые выходили за рамки его главного экономического исследования: обоснование неизбежности победы коммунизма, анализ факторов, ведущих к этому на основе законов естественнo-исторического развития человеческого общества. У этой темы есть много различных аспектов. Мы в данном случае выбрали тот, который представляется наименее разработанным, — вопрос о специфических движущих силах развития общественного производства на различных этапах исторического процесса.

В связи с этим в главе предпринята попытка развернуть отдельные высказывания К. Маркса по этим вопросам в последовательную картину. Видимо, представленная здесь картина еще очень схематична и требует дальнейшего, более глубокого осмысления, тем более что в соответствии с общим замыслом книги нас в данном случае опять-таки интересовала прежде всего общеметодологическая, по преимуществу «системная» сторона дела. Вместе с тем можно надеяться, что сама постановка этой проблемы в несколько новом аспекте будет стимулировать дальнейшую разработку теоретического наследия Маркса, и прежде всего его учения о коммунизме.

1. Система с расширяющимся основанием и сменными структурами

Человеческое общество представляет собой систему с прогрессивно развивающимся (расширяющимся) основанием и сменными структурами. Обе эти характеристики составляют специфические черты развития общественных систем, и в основе обеих лежит принципиально новое качество — способность человеческого общества к целенаправленному *накоплению* преимуществ своего рода.

К. Маркс видел в этом одно из существенных различий между эволюцией природы и историей общества. Он писал: «Животные не могут складывать вместе различные свойства своего вида; они не могут ничего сделать для *общей* пользы и для *общих* удобств своего вида. Иное дело человек. Здесь самые разнообразные дарования и виды деятельности оказываются (благодаря совместности, разделению труда и обмену.— В. К.) полезными друг другу, *потому что* люди умеют собирать свои *различные* продукты в одну общую массу...»¹

Накопление человеческих знаний о мире, накопление опыта производства и опыта социальной жизни, достижений культуры, материальных ценностей — словом, накопление любых долгосрочных материальных и духовных богатств — в этом состоит главный секрет развития человеческой цивилизации. И как прогресс всего живого нельзя понять и представить себе без наследственности, без биологического механизма накопления элементов прогресса, так и человеческую историю нельзя понять без социального способа накопления достижений цивилизации.

Мы справедливо говорим, что труд и сознание, сознательная деятельность сделали человека человеком². Но одновременно К. Маркс постоянно подчеркивает, что и труд, и сознание, и язык есть *совместный* труд, *совместное* знание, *средство общения* людей между собой. Именно эта совместность, коллективность жизни, труда, производства, знания и сознания, языка и человеческого мышления представляет собой *сверхбиологическое* основание человеческого бытия, такое качество, которое не вытекает прямо и непосредственно из биологических потребностей.

Животное, конечно, тоже «познает» мир, высшим животным тоже свойственно элементарное «мышление», оно тоже «производит»³ и действует, но все это не выходит за рамки биологического образа жизни и приспособления к условиям внешней среды. Биологическая «призма», через которую животное воспринимает окружающую действительность, дает ему не столько знания о мире самом по себе, сколько знания о различных факторах — вредных и полезных, опасных и неопасных, необходимых и безразличных для жизни⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 143.

² См. там же, т. 20, с. 486; т. 21, с. 306.

³ См. там же, т. 42, с. 92, 93.

⁴ См.: Анохин П. К. Опережающее отражение действительности.— Вопросы философии, 1962, № 7, с. 98.

В обществе происходит качественное изменение познания. Из ограниченной формы приспособления к внешней среде и специфически биологического ее восприятия познание превращается в могучее средство изучения предметов и явлений объективного мира самих по себе, овладения ими в практической деятельности. В основе этих перемен лежит коренное изменение способа существования и жизнедеятельности (переход к активным, социальным формам жизни) и огромное расширение средств познания на базе второй сигнальной системы — языка и человеческого мышления. Великий русский физиолог И. П. Павлов, отмечая роль возникновения и развития у человека второй сигнальной системы, говорил, что в этом состоит собственно человеческая «прибавка» и «прирост» социального над биологическим¹. Понятно, что в более широком смысле проблема к этому не сводится: человеческое познание, становясь всеобщим по своему объекту и преодолевая узость «биологического знания», приобретает и совершенно особые черты, которые делают его собственно социальным знанием. В центре социального знания, как и в центре «биологического знания», стоят проблемы жизни, но теперь уже не в ее биологической ипостаси, а во всем ее общественном богатстве и разнообразии.

Человеческая «прибавка», однако, имеет место не только в сфере сознания — сама она обязана коренному изменению базиса прогресса. Это достаточно очевидно уже при самом общем сравнении биологической и социальной эволюции, особенно же при сравнительном анализе характера деятельности человека и животного. Существенным моментом качественной эволюции человеческого общества является тот составляющий коренное различие ее с биологической эволюцией факт, что способ жизнедеятельности человека определяется как *активный*, деятельный и целеустремленный, как *овладение* природными и общественными условиями своего существования. В противоположность этому жизнь животного всегда есть только приспособление к наличным условиям существования и потребление готовых продуктов природы.

Правда, животное тоже активно, деятельно, а при известных условиях даже способно «производить». Но это чисто биологическая активность, она всегда направлена на удовлетворение основных биологических потребностей, на

¹ См.: Павлов И. П. Условный рефлекс.— Соч. М.— Л., 1949, т. 3, с. 568.

защиту организма и т. д. «Животное,— пишет К. Маркс,— правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т. д. Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное строит только соответственно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присутствующую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты. Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*»¹. Отсюда следует, что в основе формирования сверхбиологического производства, познания, мышления, средств общения и обретения ими человеческой универсальности лежит преодоление их непосредственной подчиненности биологическим потребностям.

В далекие времена предистории общества наши предки в тяжелой борьбе за существование на опыте осознали преимущества и необходимость *совместной охоты, совместной жизни, совместной защиты, совместного создания жилищ и стоянок* и т. д. Постепенно это привело их к определенному разделению «труда» и превращению деятельности в *деятельность на сообщество* (а не только на себя и своего детеныша). Уже этим шагом открывается путь к преодолению прямой подчиненности поведения биологическим потребностям. Из такого труда, или деятельности на сообщество, и вырастают постепенно целенаправленный *труд* и *общественное производство*, ставшие исходным пунктом всей человеческой цивилизации. С самого начала они несли в себе новый базис и новые принципы прогресса — господство «человека над силами природы... и над силами его собственной природы...»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93—94.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 476.

Проводя различие между биологическим прогрессом и прогрессом социальным, следует учитывать еще и то обстоятельство, что животное, образно говоря, носит свой «вид» и «род» в себе, а родовая субстанция человека заключена *вне его*, в обществе. Соответственно и накопление достижений труда, знаний и культуры создает некий «родовой», надындивидуальный механизм их аккумуляции, механизм, который уже не зависит от жизни и смерти отдельных индивидов и передается последующим поколениям как достояние «рода» — всей цивилизации. В конечном счете отличие человеческой истории от биологической, ее «узловатость», ее сменяющие друг друга «общественные организмы», ее постепенно расширяющееся основание и база прогресса — все это основывается на накоплении производительных сил общественного человека, на том, что человек овладевает силами природы, собственной природой и общественными условиями своего существования, на накоплении богатства в широком смысле слова.

«На самом же деле,— пишет К. Маркс,— если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*»¹.

Именно на этой основе общественного накопления общественных богатств, олицетворяемого прежде всего развитием *производительных сил*, и происходит образование сменяющих друг друга «общественных организмов» (общественно-экономических формаций). Марксистская теория общественно-экономических формаций является классическим примером последовательного выявления всех названных системных особенностей общественного развития. Мы же в данном случае рассмотрим феномены «смен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

ных структур» и «расширяющегося основания» на примере марксистского учения о факторах развития общественных производительных сил.

2. Сменные структуры в историческом развитии общественных производительных сил

Изучение взглядов К. Маркса по проблемам исторического прогресса производительных сил общества позволяет выявить две основные линии в анализе им этих явлений. Одна из них раскрывает общую системную социально-экономическую (так сказать, формационную) их историю, другая — историю отдельных факторов развития производительных сил и их доминантных структур. Первая из этих линий хорошо известна и всесторонне исследована в марксистской литературе, она изложена в учении Маркса об общественно-экономических формациях, раскрыта им в диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Другая же линия исследования исторического развития производительных сил, связанная с раскрытием их эндогенной истории, в систематическом виде Марксом изложена не была и существует лишь в виде отдельных фрагментов и высказываний. В этом разделе работы мы попытаемся дать краткий анализ взглядов Маркса по этому вопросу. Как и в других разделах, круг наших интересов будет ограничен по преимуществу проблемами, связанными с системным характером марксовской методологии, — вопросами о системообразующих условиях этого процесса, об изменении структур и развитии системных оснований.

В «Капитале» и подготовительных работах к нему К. Маркс не раз говорит о необходимости исследовать общественное производство само по себе «в его односторонней форме», положив в основу анализ развития производительных сил. «Дарвин, — пишет Маркс, — интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных. Не заслуживает ли такого же внимания история образования производительных органов общественного человека, история этого материального базиса каждой особой общест-

венной организации»¹. В другом месте Маркс говорит, что экономические эпохи «различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»². При этом он подчеркивает, что «в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться»³.

В «Капитале» и связанных с ним работах содержится целый ряд высказываний К. Маркса по этим вопросам, существо которых кратко сводится к следующим положениям. Производительные силы общества и характер общественного производства с точки зрения их социально-экономической специфики определяются в целом природой соответствующей общественно-экономической формации. В этом плане мы рассматриваем их как первобытно-общинные, рабовладельческие, феодальные, буржуазные, социалистические (коммунистические), акцентируя внимание при этом на общественных отношениях в производстве и на их социальном системном качестве. Именно производительные силы (трудящиеся и средства производства) представляют собой концентрированное выражение всех достижений цивилизации и выступают наиболее революционным элементом развития общественного производства. Их прогресс, по Марксу, есть первопричина и наиболее фундаментальное основание смены общественно-экономических формаций. Естественно, что развитие производительных сил, рассматриваемое непосредственно через призму материально-технической базы производства, приобретает вид некой «технологической» истории⁴. В фокусе такого рассмотрения оказывается уже не господствующий тип общественных отношений в производстве, а как бы господствующий тип «технологии» производства.

Согласно теории К. Маркса, существует несколько коренных факторов развития всякого производства — *труд, средства производства, знания* (наука и опыт). Помимо этого весьма значительное, хотя и не столь непосредственное, воздействие на производство оказывают *природные и социальные условия*. Все эти условия и факторы в их конкретно-историческом сочетании определяют внутреннюю структуру производительных сил на всех этапах развития

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383.

² Там же, с. 191.

³ Там же.

⁴ См. там же, т. 47, с. 461.

общественного производства. При этом в различные исторические периоды то одно, то другое коренное условие выступает, как говорит Маркс, господствующим над производством фактором. Иными словами, значение этого фактора на данном конкретном историческом отрезке развития общественного производства оказывается преобладающим. Динамика соотношения факторов и условий в ее конкретных модификациях приводит к утверждению определенных *доминантных структур* развития производительных сил, а само производство, рассматриваемое в этом плане, выступает на разных этапах то как по преимуществу «природное», то как детерминированное «живым трудом», то как машинное, индустриальное, олицетворяющее господство «труда овеществленного» и т. д.

Следовательно, в общественном производстве любой исторической эпохи в качестве его важнейших компонентов, предпосылок и условий выступают вышеупомянутые факторы, хотя реальная роль каждого из этих «вечных» факторов различна на разных этапах истории. Существенно различны также степень их развитости и реальное соотношение друг с другом.

В первоначальный период становления человеческого общества на первый план выступает его зависимость от **природных условий**. Первобытный человек многие тысячелетия в основном пользуется дарами природы. Добыча готовых природных продуктов и изготовление простейших орудий труда и оружия являются основными формами производства того периода. К. Маркс следующим образом характеризует такое производство: «...первоначально производство индивида ограничивается воспроизводством его собственного тела путем присвоения им готовых предметов, приготовленных самой природой...»¹ Подобный характер производства — то, что мы при оценке древнейших состояний человеческого рода называем «присваивающей экономикой», — обусловлен очень низким уровнем развития производительных сил общества, несовершенством орудий труда первобытного человека. Практически в тех условиях никакая другая экономика была и невозможна, ибо высокая степень зависимости человека от природы здесь есть следствие неразвитости его общественных сил. «Люди,—продолжает Маркс,— начинают трудиться на определенной основе — сперва на естественно возникшей, затем создается историческая предпосыл-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 481.

ка труда. Но потом сама эта основа, или предпосылка, уничтожается или к ней относятся как к временной предпосылке, ставшей слишком узкой для того, чтобы на ней могла развиваться прогрессивная человеческая масса»¹.

С развитием скотоводства и земледелия, с превращением их в основную базу общественного производства и удовлетворения потребностей человечество вступает в новую фазу своей производительной истории, когда господствующим становится живой труд в его собственно человеческом смысле. Изменение, которое здесь фиксируется, связано с возрастанием уровня развития производительных сил, с тем, что целенаправленный, систематический труд становится *всеобщей* формой и базой общественного производства, обеспечивая переход от присваивающей экономики к экономике производящей. Первобытные, полуживотные формы удовлетворения потребностей при этом заменяются все более высокими социальными формами.

Еще многие и многие столетия будет сохраняться природное единство и сращенность труда с его всеобщими природными предпосылками; земля будет великим базисом, лабораторией и арсеналом, который доставляет человеку и сырье, и средства труда, и место для жительства, а само производство будет носить характер натурального, обусловленного по преимуществу самой природой. Вся хозяйственно-производственная деятельность людей будет строиться на этой природной основе. Будут меняться исторические предпосылки, формы собственности и уровни развития производительных сил, однако базисом общественного производства будет оставаться земля, основными орудиями труда — средства ее обработки и переработки ее продуктов, а главной производительной силой и господствующим фактором производства — непосредственный, живой труд. Эта фаза развития производительных сил — господство живого труда — охватывает почти всю писаную историю человечества: первобытнообщинный строй, рабство и феодализм. Смена «лидирующего» фактора (условия) происходит только в буржуазном обществе.

Какой же из «вечных» факторов общественного производства на этой исторической ступени становится следующим его «господствующим» условием, новым определяющим его структуру генеральным принципом? К. Маркс

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 486—487.

говорит, что в производстве, основанном на машинах, присвоение живого труда посредством овеществленного «положено как характер самого процесса производства... и его вещественного движения»¹. «Процесс производства,— пишет он,— перестал быть процессом труда в том смысле, что труд перестал охватывать процесс производства в качестве господствующего над ним единого начала. Наоборот, труд выступает теперь лишь как сознательный орган, рассеянный по множеству точек механической системы в виде отдельных живых рабочих и подчиненный совокупному процессу самой системы машин, как фактор, являющийся лишь одним из звеньев системы, единство которой существует не в живых рабочих, а в живой (активной) системе машин, выступающей по отношению к единичной незначительной деятельности рабочего, в противовес ему, как могущественный организм. В системе машин овеществленный труд противостоит живому труду в самом процессе труда как господствующая над ним сила, каковою капитал в качестве присвоения живого труда является по своей форме. Включение процесса труда в процесс увеличения стоимости капитала в качестве всего лишь его момента также и с вещественной стороны обусловлено превращением средства труда в систему машин, а живого труда — всего лишь в живой придаток этой системы машин, в средство для ее деятельности»².

Итак, развитое капиталистическое производство, производство машинное, массовое, основанное на коллективном труде и крупной частной собственности, приводит к тому, что господствующим условием процесса производства становится **овеществленный труд** — накопленный труд и достижения науки и техники, накопленное богатство, сконцентрированные в *средствах массового производства*. «Сам овеществленный труд,— пишет К. Маркс,— непосредственно выступает в системе машин не только в форме продукта или продукта, применяемого как средство труда, но в форме самой производительной силы»³.

В условиях капиталистического общества эта господствующая роль средств производства над живым трудом резко усиливается экономическим господством капитала, противоположностью между трудом и капиталом. Здесь «накопление всеобщих производительных сил обществен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 204; см. также т. 47, с. 551—552.

² Там же, т. 46, ч. II, с. 204. (Курсив мой.— В. К.)

³ Там же, с. 205.

ного мозга»¹, сконцентрированное в системе машин, выступает уже не столько само по себе, сколько в виде узурпации общественных сил, как антагонист непосредственного труда, как чуждая ему сила.

При социализме это противостояние живого и овеществленного труда в одном кардинальном пункте существенно меняется: в социально-экономическом отношении противоречие живого и овеществленного труда как антагонистическое противостояние интересов труда и капитала уничтожается. Накопленное общественное богатство перестает быть силой, чуждой и противостоящей труду, наоборот, оно становится средством развития жизненных сил трудящихся масс и прогресса общественных производительных сил. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд — это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих»².

Вместе с тем с чисто вещественной стороны дело остается принципиально тем же при любом социально-экономическом строе, если только одинаков общий уровень промышленно-экономического развития. Живой труд в условиях развитого индустриального производства выступает как «подчиненный» в процессе производства овеществленному труду, той концентрации общественного знания, опыта, навыков, которая реализована в современной технике и выступает как *система машин*. К. Маркс следующим образом характеризует эту сторону дела: «Развитие основного капитала (т. е. прежде всего средств производства, системы машин.—*В. К.*) является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание... превратилось в *непосредственную производительную силу*, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»³.

Иными словами, превращение общественного труда, основного капитала, системы машин в *господствующее*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 205.

² Там же, т. 4, с. 439.

³ Там же, т. 46, ч. II, с. 215.

условие общественного производства, исторически возникающее прежде всего как проявление экономического господства капитала над трудом, затем проявляет себя все более с другой, всеобщей стороны как господство концентрированных сил труда и знания в производительном богатстве общества и вместе с тем как предпосылка господства новых интегральных сил общественного производства.

Следовательно, в процессе своего становления капитал застает производство в таком виде, когда живой труд охватывает весь процесс производства в качестве господствующего над ним начала¹. При этом орудия труда выступают прямо как опосредующие деятельность человека, направленную на объект. Рабочий превращает их в органы своего тела, в продолжение самого себя. Он одушевляет процесс производства своим мастерством и своей собственной деятельностью. Но это не адекватные капиталу средства труда и условия производства, это средства труда и общественные отношения докапиталистического способа производства. Капитал на базе укрупненного совокупного процесса производства и объединения труда все более развивает новые, адекватные ему условия производства и средства труда, которые образуют особенный способ его существования,— основной капитал, промышленный капитал.

Происходит коренное изменение производственного базиса, которое предполагает «полную революцию в развитии материального производства»². Во-первых, разрушается вековая сращенность человека-производителя с природными условиями. Впервые возникает общественное производство, основанное на всеобщем общественном разделении труда и охватывающее все сферы общественной жизни. Отныне, говорит К. Маркс, «все отношения выступают как обусловленные обществом, а не как определенные природой», наемный труд распространяется в обществе во всю ширь и становится «вместо земли той почвой, на которой базируется общество...»³. Во-вторых, на смену натуральному хозяйству как господствующей форме общественного производства приходит промышленное производство, которое становится главной, ведущей и всеобщей формой общественного производства. В-третьих, земледелие и земельная собственность как основной

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 204.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 228.

³ Там же.

базис общественного производства в докапиталистических формациях становится слишком узкой предпосылкой его дальнейшего развития. Происходит, как говорит Маркс, «ускользание природной почвы из-под всякой отрасли хозяйственной деятельности и перенесение условий ее производства в находящуюся вне этой отрасли всеобщую связь... Всеобщей основой всех отраслей производства становится сам всеобщий обмен, мировой рынок, а потому и совокупность деятельностей, общений, потребностей и т. д., из которых состоит обмен»¹.

Это капиталистическое «превращение всех продуктов и деятельностей в меновые стоимости предполагает как разложение всех прочных (исторических) отношений личной зависимости в сфере производства, так и всестороннюю зависимость производителей друг от друга. Производство каждого отдельного лица зависит от производства всех других; точно так же превращение его продукта в жизненные средства для него самого стало зависеть от потребления всех остальных»². В этих условиях даже возделывание земли, которое по своей природе является непосредственным источником существования, превращается в опосредованный источник существования, целиком зависимый от общества и общественных отношений, взятых как целое.

Во всех общественно-экономических формациях, основанных на эксплуатации трудящихся масс, то меньшинство населения, которое составляет его господствующую, привилегированную часть, является таковым потому, что оно держит в своих руках коренные условия общественного производства. Ибо ясно, что тому, кто владеет средствами производства, достается и значительная часть его результатов. В докапиталистических формациях коренным условием общественного производства является земля и соответственно главным видом собственности выступает собственность на землю. Когда же в силу бурного развития производительных сил ведущей силой общественного производства становится промышленность, а коренным условием общественного производства — концентрированные индустриальные средства производства, тогда соответственно главным видом собственности (буржуазной) становится основной капитал, собственность на индустриальные средства производства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 19.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 99.

Следовательно, новым коренным условием общественного производства и главной формой частной капиталистической собственности оказываются промышленные средства производства, которые самим прогрессом производительных сил превращаются из мелких орудий труда (находящихся в собственности производителя) в крупные, специализированные машины с энергетическими установками и системы машин, заводы, фабрики и т. д.

В связи с этим коренным изменением в способе производства возникает и ряд других важных явлений. Появляется новый (по степени своей развитости) вид накопления — производительное накопление. Образуется новое качество обобществления труда, значительно возрастает степень его специализации, кооперации и интеграции, применяемая в производстве сила становится по преимуществу *массовой силой*¹. Складываются новые отношения между трудящимися и владельцами условий и средств производства, наемный (свободный от собственности) труд становится всеобщим видом труда. Возникает новое соотношение в производстве средств потребления и средств производства, значительно увеличивается удельный вес последних. Изменяется характер продукции общественного производства: из производства, основу которого составляет естественное производство, использующее, как говорит К. Маркс, «природную машину»² и производящее по преимуществу естественные продукты, оно превращается в производство, производящее преимущественно искусственные продукты. В результате этих изменений в способе производства живой, непосредственный труд перестает быть господствующим над производством единым началом³, и новым господствующим над производством началом становится труд овеществленный.

Капитал пытается удержать это выгодное для него состояние, когда все силы труда, науки и накопленного общественного богатства, т. е. все силы общественной системы, становятся *его* силами, силами капитала⁴. Однако это не в его воле. Это состояние исторически преходяще, и оно разлагается тем самым прогрессом производительных сил, который вызван к жизни капиталистическим производством.

К. Маркс видит в этом имманентное противоречие ка-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337; т. 47, с. 553.

² См. там же, т. 46, ч. II, с. 85.

³ См. там же, с. 204.

⁴ См. там же, т. 49, с. 110—111.

питала, противоречие между буржуазной формой господства над производством и прогрессом производительных сил общества. «В той самой мере,— пишет он,— в какой рабочее время — простое количество труда — полагается капиталом в качестве единственно определяющего элемента, в той же самой мере *непосредственный труд и его количество исчезают в качестве определяющего принципа производства*, созидания потребительных стоимостей; и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания, с одной стороны, точно так же как и по отношению к той всеобщей производительной силе, которая вырастает из общественного расчленения труда в совокупном производстве и выступает как природный дар общественного труда (хотя и является историческим продуктом). Капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством»¹.

Как видим, уже в 50-х годах прошлого столетия К. Марксу было очевидно, что непосредственный «единичный труд как таковой вообще перестает быть производительным», что производительным в новых исторических условиях он является «лишь в рамках совместного труда многих», что происходит «превращение процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей...»². Маркс показывает, что производство прибавочной стоимости, являющееся абсолютным законом буржуазного способа производства, наиболее адекватно привязано к непосредственному (живому) труду и его количеству, ибо источником прибавочной стоимости является именно живой труд, неоплаченный живой труд.

Вместе с тем развитие капиталистического производства с неизбежностью ведет к росту основного капитала и уменьшению доли живого труда, к господству овеществленного труда, к применению науки в производстве и т. д. Все это, говорит К. Маркс, делает живой труд «второстепенным моментом по отношению к всеобщему научному труду». Так капитал «работает над разложением самого

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 207—208. (Курсив мой.— В. К.).

² Там же, с. 208.

себя как формы, господствующей над производством». В то же время развитие таких живых «сил» общественного производства, как применение науки и выгоды «общественного разделения труда в совокупном производстве», более адекватно социализму и коммунизму. Ибо первое (развитие науки) при этом строе общества не ограничено пределами капиталистической выгоды, а второе составляет коренное преимущество коммунистической общественной системы, опирающейся на общественную собственность, единое, централизованное народнохозяйственное планирование и управление.

В итоге мы приходим к выводу, что производительные силы, вызываемые к жизни капиталистическим производством, для своего широкого и полного развития требуют иного социально-экономического базиса, оказываются соответствующими иной общественной системе. Но буржуазный строй обнаруживает в своем развитии не только *экономические* ограничения и противоречия, но и свое несоответствие прогрессу производительных сил в *социальном и гуманистическом* отношении.

«Капиталистическое производство,— пишет К. Маркс,— выступает как наиболее экономичное... по отношению к *овеществленному труду*... И в то же время капиталистическое производство в большей мере, чем какой-либо другой способ производства, является расточительным по отношению к человеку, к живому труду, оно расточает не только плоть и кровь человека, его физическую силу, но и его умственную и нервную энергию. Действительно, только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности, достигается их общее развитие в те исторические эпохи, которые являются прелюдией к социалистической организации человеческого общества»¹.

Следует обратить внимание на сам характер смены, отрицания одного «господствующего над производством» фактора другим. Как явствует из всех исследований К. Маркса, подобное отрицание означает лишь то, что *эффективность* общественного производства на данном этапе развития производительных сил определяется *по преимуществу* господствующим фактором, ибо такова общая структура всей системы общественного производства. Но этим отмечается только структура действующих в производстве сил и роль ведущего, или «лидирующего», фактора. Это нисколько не принижает самостоятельного значе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 186.

ния для функционирования общественного производства *всех* его «вечных» факторов (природных условий, живого труда, средств производства, знания, т. е. науки и опыта, социальных условий). Более того, их роль абсолютно возрастает в связи с непрерывным и всесторонним развитием материального и духовного производства. Сама же смена факторов происходит по законам диалектического отрицания, т. е. снятия и одновременно сохранения. И оно означает, что предыдущее господствующее условие (фактор), выражаясь языком гегелевской диалектики, уходит в основание. При этом происходит закономерное *расширение общего основания* (базиса) человеческой цивилизации, ибо теперь оно содержит в себе *в развитом виде* еще один фактор, или условие, общественного производства.

Вернемся, однако, к анализу сменяющих друг друга условий и структур, господствующих в производстве. Обрисованное выше состояние характерно для эпохи, когда жили и работали К. Маркс и Ф. Энгельс. С тех пор прошло более ста лет, и ныне человечество вступает в новую фазу развития общественного производства, которая ознаменована величайшей в истории научно-технической революцией, являющейся революцией в развитии общественных производительных сил и объединяющей в себе революционные перевороты в науке, технике и производстве. Еще более существенно, что научно-техническая революция происходит на фоне коренного социального переустройства мира и острой борьбы двух противоположных социально-экономических систем.

Мы, видимо, живем в начале этого периода, т. е. в ту переходную эпоху, когда господствующим условием общественного производства еще продолжает оставаться труд, овеществленный в основном капитале, в средствах массового производства. Однако уже сегодня очевидно, что предсказания К. Маркса сбываются: основанием самых революционных сдвигов в общественном производстве становится **наука**. Теперь, вероятно, уже недалеко то время, когда она фактически станет господствующей или, как минимум, одной из господствующих предпосылок и одним из условий общественного производства. Конечно, роль науки в общественном производстве иная, чем роль живого труда и средств производства. Последние суть непосредственные факторы материального производства, тогда как наука является его идеальным компонентом¹. Ее

¹ «Уже одного развития науки — т. е. наиболее основательной формы богатства, являющейся как продуктом, так и производи-

влияние на общественное производство может быть даже решающим (в смысле стимулов прогресса общественного производства), но оно все-таки остается опосредованным.

Орудия труда, продукты труда всегда были воплощением труда и знания. Правда, многие века главенствующее место в этом соотношении принадлежало труду как таковому, труду самому по себе. Однако по мере возрастания его сложности, дифференциации, освоения все более сложных и тонких закономерностей природы и общества главенствующая роль во влиянии на эффективность и качественный прогресс производства постепенно переходит к знанию — к научному знанию, научному труду, науке в целом.

В условиях, когда наука развита слабо, когда научные открытия редки и производство еще очень слабо развито для того, чтобы осваивать многие достижения науки, она, естественно, не могла стать главным ускорителем технического прогресса производства и его общественным мерилом. В конкуренции, в соревновании производителей выигрывала та сторона или то объединение, которое обладало большими капиталами, которое могло развернуть более крупное и специализированное производство, могло лучше организовать производственный процесс. Наука уже становится самостоятельным фактором процесса производства, но еще не определяет его¹. Так дело обстоит на протяжении последнего столетия, таким во многом оно продолжает оставаться и в современном буржуазном обществе. Однако сейчас уже просматриваются и некоторые новые моменты, говорящие о новой роли науки в общественном производстве и общественной жизни вообще.

Если раньше соревновались труд менее напряженный и более напряженный, менее длительный и более длительный, менее квалифицированный и более квалифицированный, менее кооперированный и более кооперированный, менее специализированный и более специализированный, менее механизированный и энерговооруженный и более механизированный и энерговооруженный и т. д., то из соотношения и усреднения этих элементов и образовался

телем богатства — было достаточно для разложения этих обществ. Но развитие науки, этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает развитие производительных сил человека, т. е. развитие богатства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 33; см. также т. 49, с. 79, 109, 468).

¹ См. там же, т. 47, с. 553—556.

общественно необходимый уровень затрат труда и вся «арифметика» более или менее рентабельного и эффективного производства. Эти условия, конечно, всегда будут играть свою роль в производстве, в его организации. Но сейчас наряду с ними начинают играть немалую, а чем дальше, тем все более решающую роль другие условия, обстоятельства, непосредственно связанные с развитием науки.

Современная, индустриально организованная наука в состоянии быстро решать сложнейшие проблемы качественного преобразования производства. Возникает возможность ускоренно создавать принципиально новые *типы* таких машин, приборов, веществ, технологий и т. д., которые способны вызывать «перевороты» в различных областях производства и тем самым отбрасывать конкурентов на много лет назад. Все чаще возникают такие ситуации, когда наибольшая эффективность общественного труда и высшая рентабельность производства являются следствием не обычных факторов экономии, а принципиально новых научных решений. И подобно тому, как одно и то же качество труда в богатых и бедных рудниках доставляет разные по эффективности результаты, работа по различным научно-технологическим схемам и проектам может давать результаты, прямо не определяемые затратами труда и количеством применяемых машин.

Сами коренные условия общественной экономии (средний уровень общественно необходимых затрат труда и средний уровень техники производства) в этих случаях оказываются существенно зависящими от эффективности научных решений. Наука, таким образом, становится чем-то высшим, более значимым по отношению к прочим условиям. Иными словами, фактическая эффективность труда все более начинает зависеть от того, какими более высокими системными обстоятельствами она опосредована. С тех пор как орудия труда рабочего превращаются в средства массового производства, они и служат таким системным условием, которое опосредует эффективность труда рабочего. Ныне над самой техникой массового производства появляется еще одно системное условие — прогрессивность научного решения и научно-технической организации всей системы производства. Понятно, что большинство научных достижений в той или иной форме воплощается в технику и в этом смысле как бы усиливает значение фактора овеществленного труда (средства производства и накопленное богатство). Но это только одна

сторона дела. Другая заключается в том, что главным фактором и действительным стимулятором прогресса общественного производства на нынешнем уровне развития производительных сил уже является не просто «техническая вооруженность», а *научная база технического прогресса*. Так, через ряд опосредований наука становится господствующим над производством системным фактором.

Специфика современного этапа развития производительных сил, видимо, заключается в том, что наука выступает не единственным господствующим над производством фактором, а в союзе с фактором овеществленного труда и социальными условиями.

В соответствии с новыми потребностями и новыми возможностями общественного производства наука бурно развивается, ныне уже миллионы людей в мире заняты профессионально научной деятельностью. Эффективность применения науки в производстве в целом уже не требует доказательств. Научная и проектно-конструкторская подготовка промышленного производства превратилась в самостоятельную сферу производства, причем такую, которая по масштабам и стоимости в ряде случаев превышает размеры соответствующего материального производства. Научно-производственные фирмы и объединения, институты, обслуживающие отрасли и направления, целая система научных организаций охватывают ныне своими интересами не только материальное производство, но практически все сферы жизни общества. Так наука идет к своему апогею, к тому положению, которое К. Маркс определил как «господствующее начало, охватывающее все общественное производство».

В современных условиях наука действительно выступает наиболее революционным элементом развития производительных сил, но рядом с ней важнейшим фактором общественной экономии остается «природный дар общественного труда», на максимальной реализации которого в значительной степени основываются преимущества социалистической системы хозяйства. Выдвинутая партией историческая задача соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма еще раз подчеркивает необходимость создания полного простора действию обоих главных тенденций развития производительных сил, а также тот факт, что наивысшая эффективность их реализации достигается только при их органическом сочетании.

Таким образом, мы проследили, как один за другим

«вечные» факторы и условия общественного производства развивались и в определенных исторических условиях становились ведущими факторами, «господствующими» над производством. При этом самое интересное с методологической точки зрения, как уже отмечалось, заключается в том, что всякое восхождение того или иного фактора к своему апогею и последующее «погружение в основание» приводят к тому, что само общее основание *расширяется* и *обогащается*. «Вечные» факторы остаются вечными, но история их расцвета и смены рассказывает нам важную главу о структуре и общих закономерностях общественных систем, дает наглядный пример «сменных структур». Из этого анализа вместе с тем с несомненностью вытекает и вывод о том, что общество в известном смысле существует не только как данная конкретно-историческая реальность, но и как некая общеисторическая реальность, суммирующая и органически сочетающая в себе все действительные достижения исторического развития. Достигнутая обществом ступень развития (общественно-экономическая формация) является вместе с тем носителем неких итоговых качеств и свойств цивилизации в целом.

Анализируя те или иные общественные процессы, наука может сосредоточивать свое внимание в одних случаях на накоплении элементов материальной и духовной культуры, а в других случаях, наоборот, на *смене* одних исторических форм другими, прежнего содержания новым. Однако различие этих аспектов или разная степень их изученности отнюдь не меняют того факта, что в реальных явлениях то и другое содержание существуют всегда вместе. В данном случае мы стремились выявить исторические структуры развития основных факторов производительных сил и в связи с этим подчеркивали значение исторически меняющегося ведущего фактора. Иными словами, здесь был сделан акцент на выделении новых форм и специфики этапов, а соответственно и на понимании общей структуры систем явлений и субординации действующих факторов. Конечно, более детальный анализ, раскрывающий не только общие этапы развития, но и саму динамику соотношения этих факторов между собой на каждом историческом этапе, покажет и много других интересных явлений, однако это уже задача специального исследования.

Для полноты общей картины теперь необходимо рассмотреть вопрос о том, как социальный фактор, также являющийся одним из «вечных», постоянных условий функ-

дионирования и прогресса общественного производства, достигает своего наивысшего развития и становится на определенном историческом этапе господствующим условием восходящего движения производительных сил. Здесь мы опять сталкиваемся с двумя аспектами рассмотрения проблемы. С одной стороны, она должна быть рассмотрена в плане взаимодействия производительных сил и производственных отношений, когда выясняется, как и на каких этапах данная общественная система способствует или препятствует развитию производительных сил. Это традиционный в марксизме общесоциологический аспект проблемы. И марксистско-ленинская теория, и социальная практика неопровержимо доказали, что общественные условия играют огромную стимулирующую или, напротив, тормозящую роль в развитии производительных сил на каждом историческом этапе, в каждой общественно-экономической формации; в периоды же революционных переходов от одной формации к другой эта сторона дела становится решающей. Другой аспект проблемы — тот, который мы в данном случае и рассматриваем, — связан с анализом *изменения роли социального фактора*, и в частности с выяснением вопроса о том, в какую общественно-историческую эпоху этот фактор достигает своего высшего развития, становясь универсальным условием прогресса общественных производительных сил и впервые в истории превращаясь в фундаментальное внутреннее условие развития главной производительной силы — человека.

Люди во все исторические эпохи представляют собой основную производительную силу. Но только социалистическое, коммунистическое общество, обращая все достижения труда и знания на благо и всестороннее развитие человека, делая развитие человеческих сил¹ своей главной целью, осуществляет освобождение труда, устраняет его коренное социальное противоречие, превращает труд из тяжелой обязанности в дело творчества, в способ высшего самовыражения человека. Именно таким образом социалистический, коммунистический общественный строй становится господствующим системным условием прогресса производительных сил. Благодаря этому при коммунизме обе линии развития производительных сил — и «социально-экономическая», и «технологическая» — сходятся и взаимодополняют друг друга. Формулируя этот принцип, В. И. Ленин говорил, что только социализм даст возмож-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

ность широко распространить науку и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение социалистическим научным принципам, обращающим все достижения экономики, науки и культуры на службу интересам трудового народа. В понимании этой истины, подчеркивал он, заключается «вся трудность марксизма и вся сила его»¹.

Социализм и коммунизм создают для развития новых черт общественного производства более адекватные условия и там самым превращают их в свои системные преимущества. Подобно тому как силы труда в условиях капиталистического производства становятся силами капитала, так и наоборот, в условиях социализма все силы общественного развития становятся силами социализма, силами, работающими на новую общественную систему. Вполне естественно и закономерно, что роль социального фактора, социальных условий достигает своего апогея только при социализме и коммунизме, так как именно для этого строя и типа общества планомерное решение действительных, коренных социальных проблем становится возможным и посильным, превращается в главную цель. Не подлежит сомнению, что ни в какую из предшествующих эпох человеческой истории, ни при каких других общественных порядках это было невозможно.

Из всех «вечных» факторов, обуславливающих эффективность общественного производства, социальный фактор (условия) является самым «непроизводительным», «нетехнологическим», самым, казалось бы, не связанным с производством непосредственно. И тем не менее он становится при коммунизме фактором, «господствующим над производством». Дело здесь в том, что к этому периоду коренным образом меняется ситуация в общественном производстве. Теперь уже практически все главные, так сказать, «технологические» факторы, обуславливающие его эффективность, выступают в своих развитых формах. Благодаря этому складывается совсем новое их соотношение, существенно меняется характер взаимодействия. Именно в этих условиях социальный фактор и становится, как говорил К. Маркс, «витающей над производством более высокой предпосылкой»².

Новый социальный строй утверждает общественную собственность на средства производства, социальное равен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 381.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 34.

ство и коммунистические общественные отношения. Этот строй опирается на такой базис, сама природа которого требует целесообразных форм централизованного планового хозяйства и управления. Этот строй осуществляет освобождение труда и обращает все достижения труда, науки и культуры на благо народа, на улучшение жизни и всестороннее развитие человека.

Такой социальный строй преобразует и труд, и средства производства, и науку; он преобразует их содержание и взаимоотношения. В этом отнюдь не технологическом смысле он и становится фактором, «господствующим над производством», ускоряющим развитие всей общественной системы. Именно благодаря коммунистическим общественным условиям обеспечивается «свободное, ничем не стесненное, прогрессивное и универсальное развитие производительных сил...»¹. В этом и состоит в конечном счете одна из глубочайших идей коммунистического учения.

В данной главе мы рассмотрели лишь самые общие аспекты этой важной и интересной проблемы, делая акцент прежде всего на ее системном содержании. Нет сомнения, что более детальное и всестороннее осмысливание взглядов К. Маркса на историю производительных сил, более глубокая современная разработка этих вопросов позволит существенно обогатить наши представления о научно-технической революции, точнее определить соотношение социального и научно-технического прогресса, обстоятельнее раскрыть естественнo-историческую необходимость порождения коммунизма.

Но рассмотренный здесь материал имеет и более широкое методологическое значение. Анализ исторически сменяющихся друг друга общественно-экономических формаций или, более узко, сменяющихся друг друга доминантных структур в развитии производительных сил отчетливо обнаруживает своеобразный феномен, который мы обозначили как фактор «переменных структур». В неорганической и даже органической природе подобные явления — исключение. В обществе же они образуют одну из наиболее типичных черт диалектики общественного развития. Следует подчеркнуть, что именно системный подход помогает выявить некоторые характерные черты такого рода явлений. Это, во-первых, тот факт, что всякая реальная общественная система опирается на свое специфическое базисное начало (тип производства), или ведущий фактор

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 33.

(господствующее условие) развития, которое определяет место и удельный вес всех других явлений и отношений системы, модифицирует их с точки зрения общесистемного целого. Иными словами, каждая исторически конкретная общественная структура отражает господствующие отношения данной системы, общую природу и детерминацию происходящих в ней процессов. Вместе с тем она переходяща и под напором сил исторического прогресса преобразуется в новую системную целостность, в рамках которой утверждает свое «генеральное» системное качество. В этом и состоит суть феномена переменных структур: общество развивается, качественно меняя свою внутреннюю структуру.

Во-вторых, системный подход позволяет вскрыть тот факт, что общественное развитие осуществляется также по законам расширения и накопления оснований человеческой цивилизации. Поэтому социально-исторический анализ, фиксируя сменяющие друг друга общественные структуры, призван отмечать не только историческую необходимость замены социально-экономических организмов низших ступеней более высокоразвитыми, но и момент преемственности, в соответствии с которым каждая ступень развития общества вносит определенный вклад в «копилку» развития производительных сил, в общественно-исторический опыт человечества, в развитие культуры и научного знания.

Таким образом, системный подход, подчеркивая эти аспекты диалектики общественного развития, тем самым помогает исследователю выявить их закономерный и типичный характер, а в конечном счете — органически соединить структурный анализ с конкретно-историческим подходом, более объемно и точно воссоздавать картину изучаемых процессов во всем богатстве их реальных проявлений.

Фундаментальная и актуальная структуры общественной деятельности

Общество, люди не могут ни на один день прекратить есть, пить, одеваться и т. п., а потому производство, и прежде всего материальное производство, всегда было и навсегда останется первым условием существования человечества. Это положение отражает некую *фундаментальную* структуру человеческой жизни и деятельности. «Какова бы ни была общественная форма процесса производства, — говорит К. Маркс, — он во всяком случае должен быть непрерывным... Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить»¹.

Однако общественное производство не остается неизменным. Оно непрерывно прогрессирует, и прогресс производительных сил на определенной ступени развития человечества достигает такого уровня, когда обеспечение населения Земли предметами еды, питья, одежды и т. п. начинает требовать все меньшей занятости людей и меньших затрат труда. Это высвобождает соответственно все большую часть населения для занятия другими видами деятельности, для решения других задач, стоящих перед обществом. «Чем меньше времени, — пишет К. Маркс, — требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного»².

Если с этой точки зрения проанализировать структуру общественного производства хотя бы за последние два-три столетия, то нетрудно убедиться, что при всем громадном росте абсолютных размеров материального производства его *удельный вес* падает, ибо еще больше в абсолютном и относительном выражении растут духовное производство и сфера общественного обслуживания (наука, культура, образование, здравоохранение, торговля и бытовое обслужи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 578.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 117.

вание и т. п.). За этим сдвигом стоит тот интересный в методологическом отношении факт, что глобальная структура деятельности человечества не остается постоянной (как у животных). С развитием возможностей (уровень производительных сил) и потребностей (материальных, социальных, духовных) структура деятельности углубляется, приобретает характер все более сложного образования.

Здесь мы еще раз сталкиваемся с феноменом «двойственности», с различием общей и особой природы процесса, за которым стоит еще одна закономерность функционирования и развития общества — *полиструктурность* его системной организации. Это явление примечательно не только тем, что обнаруживает сложную структуру общественных явлений, — более или менее сложная структура присуща всем сферам действительности. Интересно в данном случае то, что качественно различные структуры сосуществуют, как бы представляя различные основания, мало того, они предполагают друг друга, образуя уже не просто «лестницу оснований», но *лестницу* или *пирамиду прогресса*. Ничего подобного в области неорганической и живой природы не встречается.

С этой точки зрения первая структура — обеспечение материальных потребностей общества — представляет собой условие, которое модифицирует в частности все прочие задачи общественной деятельности людей и без выполнения которого, а точнее, в зависимости от степени решенности которого в той или иной форме, в том или ином объеме ставятся и решаются все другие задачи человеческой деятельности. Структура деятельности может быть любой, *если в качестве первого предварительного условия решены проблемы материального существования*. Если же эти проблемы не решены, тогда все возвращается к исходному пункту и решение всех прочих задач модифицируется прямой или опосредованной связью с этой первой задачей. Ибо, «прежде чем делать историю, человек должен жить...». Поэтому любая «высокая» исторически актуальная деятельность находится в связи и зависимости от *решенности фундаментальных проблем материального существования* людей.

Человечество долгими путями развития наличных сил труда, знания и общественной интеграции идет к получению этой степени свободы, свободы от того, чтобы подчинять *всю* свою деятельность удовлетворению только основных жизненно необходимых потребностей.

Собственно говоря, человеческая история начинается

как раз с того, что непосредственная связь биологической потребности и управляемой ею деятельности разрывается. Человек начинает производить, «даже будучи свободен от физической потребности...». И к этому его принуждает уже не просто биология, а его *социальные* обязанности — обязанности члена коллектива, добывающего или производящего продукты для других его членов. Развивая эту мысль, К. Маркс говорит, что человек «в истинном смысле слова только тогда и производит», когда он свободен от физической потребности¹.

Многие века общественное производство было по преимуществу производством самых необходимых вещей — производством продуктов питания, одежды и т. д. И так было не только в отдаленные времена — так было еще совсем недавно. К. Маркс приводит любопытное высказывание Такета о том, что в эпоху королевы Елизаветы «из каждых 100 человек необходимо было для производства пищи применять 85»². Конечно, исторически эта пропорция меняется, и в современных высокоразвитых государствах она выглядит иначе. Но сколь бы значительно ни сокращался удельный вес людей, занятых в обществе производством пищи и обслуживанием этой потребности, тем не менее сохраняется ее ни с чем не сравнимое значение для жизнедеятельности людей, ее, так сказать, «фундаментальность», «первичность».

Означает ли сокращение удельного веса производства необходимых средств потребления в современных условиях, что существенно изменились потребности? Да, конечно. Но не в том смысле, что современный человек меньше нуждается в пище, одежде и т. д. Современный человек если и меньше ест, так как меньше занимается тяжелым физическим трудом, то это в целом несущественно. Зато он питается более качественно, высококалорийно, более разнообразно. Несравнимыми с прошлым стали его потребности в одежде, оборудовании жилища, в транспорте, принципиально новая роль принадлежит ныне его культурным потребностям. Словом, существенные изменения претерпела и качественная и количественная структура потребления. Это, конечно, находит прямое отражение как в общественном производстве, так и в изменениях социальной структуры населения.

Куда ведет этот процесс?

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 93.

² См. там же, т. 46, ч. II, с. 300.

К. Маркс отмечает несколько его следствий. Прежде всего он устанавливает его связь с дальнейшим развитием производства. «По мере того как производство,— пишет он,— направленное на удовлетворение непосредственных потребностей, становится более производительным, более значительная часть производства может быть направлена на удовлетворение потребности самого производства, или на производство средств производства»¹. То есть на этой основе создаются новые возможности для дальнейшего и более быстрого расширения общественного производства, для *ускорения темпов* общественного развития.

Далее Маркс подчеркивает влияние этого процесса на *расширение* самого круга и характера *потребностей* людей. Он отмечает, что потребности, первоначально ничтожные, развиваются вместе с производительными силами. При этом происходит количественное расширение существующего потребления, создание новых потребностей путем распространения уже существующих потребностей в более широком кругу, производство новых потребностей.

Может сложиться впечатление, что это прогрессивное развитие потребностей и потребления бесконечно и что оно только изменяет свою качественную и количественную структуру, но в принципе остается самоцелью общественного производства и общественной жизни. Если исходить из этой схемы, то получается, что человек создан только для того, чтобы потреблять,— потреблять все лучше, все тоньше, все более качественно и разнообразно. В какой-то мере у такого представления есть известные основания. Но эта «дурная бесконечность» прогресса потребления заслоняет другую важную сторону того же процесса. Более того, именно ее К. Маркс считает главной. Он раскрывает эту сторону в связи с анализом взаимозависимости экономии рабочего времени, свободного времени и социального прогресса. «Действительная экономия,— пишет Маркс,— сбережение — состоит в сбережении рабочего времени... Но это сбережение тождественно с развитием производительной силы... Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капи-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 219.

гала, причем этим основным капиталом является сам человек»¹.

Мысль К. Маркса в рассматриваемом нами контексте состоит в том, что, во-первых, у всякого физического потребления есть свои границы². Во-вторых, в том, что люди будущего станут настолько культурными и образованными, что более всего будут ценить *свободное время* — как время для досуга и всестороннего развития личности. В-третьих, Маркс исходит из того, что именно всестороннее развитие членов коммунистического общества станет главным богатством общества и его величайшей производительной силой³.

При коммунизме, пишет К. Маркс, «мерой необходимо рабочего времени станут потребности общественного индивида, а с другой стороны, развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет. Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время»⁴.

Так К. Маркс подводит нас к выводам совсем иного порядка, чем представление о простом и безграничном расширении «материальных» потребностей. Речь идет о существенном изменении самих потребностей и интересов человека, о создании простора («избыточного времени») для более «возвышенной деятельности»⁵. Он отмечает, что в коммунистическом обществе будет иметь место «сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»⁶.

Конечно, если рассматривать «потребление ради потребления», то оно содержит в самом себе противоречие. Удовлетворение потребностей, достигнув определенного уровня и насыщения, либо извращает сами потребности, рождает пресыщение, либо требует, чтобы сам человек стал другим, развивал в себе новые потребности, стимулирующие, как говорит К. Маркс, более «возвышенные дея-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 221.

² См. там же, с. 106.

³ См. там же, с. 221.

⁴ Там же, с. 217.

⁵ См. там же, с. 221.

⁶ Там же, с. 214.

тельности», прежде всего потребность в широком образовании, в творческом труде и общественной деятельности. Маркс предсказывает, что современный ему человек, который «работает, чтобы потреблять», в будущем, коммунистическом обществе превратится в другого человека, который будет «потреблять, чтобы полнокровно жить, работать и творить».

Трудности в решении этой проблемы остаются непреодолимыми, пока мы рассматриваем ее в одной системе координат, в плоскости «потребности — производство — потребности». Такой подход оставляет нас в замкнутом кругу, поскольку логика рассуждений строится здесь по схеме: производство существует, чтобы удовлетворять потребности; потребности растут вместе с ростом возможностей производства и развития производительных сил; потребности становятся разнообразнее, а это отражается в структуре производства и т. д. и т. п. При этом решающий пункт интересующей нас проблемы различных оснований или полиструктурности организации системы как бы прячется за спиной этих «производственно-потребительских» вопросов. Чтобы обнажить суть дела, необходимо проанализировать всю ситуацию через призму материалистически истолкованной проблемы деятельности, ее целенаправленного характера.

Феномен *ступеней овладения* чем-либо, или *степеней удовлетворения* чего-либо, иными словами — направленности человеческой деятельности *от нерешенных проблем к их решению* и далее к постановке и решению все новых задач знаком всем людям. Он сопутствует им всю жизнь: в процессе овладения знаниями (азбука — грамматика — начала наук — специальные знания — творческие проблемы), в процессе овладения практическими навыками и мастерством своей профессии, в процессе создания и накопления материальной базы хозяйства, семьи и т. д. В принципе человек, овладев одним уровнем задач, выдвигает задачи другого уровня, другого порядка, другого типа, ставит перед собой новые цели.

Такого же рода проблемы, но в более крупном, социально-экономическом, научно-техническом и социально-культурном масштабе решает и общество, двигаясь по пути развития производительных сил, культуры, науки, образования, благосостояния. Сменяющие друг друга общественно-экономические формации есть, по теории К. Маркса, *закономерные* ступени прогресса человеческой цивилизации. Это рождает образ, в соответствии с которым ушед-

шие в историю формации представляются как бы лестницей пройденных обществом уровней развития. Надо, безусловно, учитывать и тот факт, что большинство задач, решаемых человечеством, выступают как *бесконечные* и различаются от эпохи к эпохе в основном по степени зрелости и уровню реализации. Однако абсолютизация относительности столь же вредна, как и ее непонимание. Совершенно очевидно, что человечеству не надо вновь изобретать велосипед, азбуку или арифметику, оно заинтересовано в том, чтобы идти вперед и заниматься новыми проблемами. Понятно, что «хлеб насущный» навсегда останется проблемой первой необходимости, но, как сказал бы Гегель, — «в снятом виде», погруженной в основание. Она навсегда останется первой, но, с определенного этапа развития общества, как принципиально, в своем коренном содержании решенной.

Таким образом, здесь как бы сходятся *две структуры деятельности* — та, которая представляет собой *фундаментальную* структуру, обеспечивающую «производство самой материальной жизни»¹, и та, которая представляет *актуальную* структуру общественной деятельности, развивающуюся на базе первой. Первая представляет собой как бы «*постоянную структуру*», или постоянное условие человеческой жизни, другая (или точнее, другие) выступает в виде как бы «*переменной структуры*».

Впрочем, оба эти определения в известном смысле относительны, ибо все компоненты человеческой деятельности (как те, которые составляют его фундаментальную, «постоянную структуру», так и те, которые составляют «переменную структуру») генетически присущи ей *ab ovo*². Проведенное же нами различие отражает тот существенный факт, что при всех прочих переменных так называемая постоянная структура остается обязательным, существенным и очень весомым (по удельному весу) компонентом человеческой деятельности во все эпохи, во всех общественных системах.

Переменная структура также в известном смысле состоит из постоянных факторов, но их роль, значение, удельный вес и, главное, актуальность меняются в зависимости от конкретно-исторических условий в значительной степени. Переменная структура поэтому и выступает как актуальная структура деятельности.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9-ти т., т. 2, с. 25.

² с самого начала (лат.).

В органическом мире аналогом этого системного механизма можно считать гомеостазис. Однако этот аналог значительно более прост по своему «устройству»: фактически в основе гомеостазиса лежит один (точнее, однокачественный) параметр — биологическая норма и автоматическое приведение к норме по принципам обратной связи и уравновешивания со средой. Когда же речь идет о социальных системах, то здесь существенно значимы по крайней мере три параметра: а) степень удовлетворения основных потребностей; б) историческая ступень решения социальных проблем; в) актуальные социально-психологические, культурные и духовные проблемы общества. Взаимодействие этих качественно различных параметров (материального, социального, духовного), каждый из которых имеет десяток различных форм и сотни различных состояний, в конце концов и дает ту или иную «переменную», актуальную форму и структуру деятельности, образующуюся по принципу *доминанты*.

Очевидно, что понятие «переменные структуры» человеческой деятельности можно трактовать в более крупном или более дробном плане. Так, социализм в рассматриваемом сейчас аспекте по сравнению с капитализмом (вклад которого в историю человечества заключается по преимуществу в развитии *экономического* параметра) представляет собой такой исторический этап, для которого главной специфической задачей выступает решение коренных *социальных* проблем, выработка фундаментальных форм человеческого общежития. Именно на этом этапе человечество впервые в истории начинает сознательно овладевать общественными условиями своего существования.

А как будет выглядеть эта проблема при полном коммунизме, когда уже будет создана развитая материально-экономическая база и в главных своих чертах будут решены коренные социальные проблемы? Какие задачи в качестве своих практических целей встанут тогда перед этим высокоразвитым обществом? Писатели-фантасты утверждают, что это будут вопросы человеческих отношений, социальной психологии, культуры. Что ж, вполне вероятно, что, вырвавшись из плена материальной нужды и ограничений, общество наряду с экономическими и социальными вопросами соответствующего коммунизму уровня действительно получит возможность в большей мере заниматься проблемами духовной жизни. И наверное, будет в свое время считать их более актуальными, нежели проблемы «хлеба насущного».

Видимо, фундаментальное значение и практическое значение, практическая актуальность могут не совпадать на каких-то этапах развития. Фактор, который становится *стабильным* и выступает как некое постоянное условие, лежащее в основании (например, биологическая жизнь человека при анализе социальных процессов, элементарная грамотность при изучении высоких форм человеческого творчества и т. п.), *в данном системном ряду, в данной совокупности задач не учитывается*, а принимается на правах естественной предпосылки. Отсюда следует, что постоянная, или фундаментальная, структура значений (факторов) и переменная актуальная структура обладают известной автономностью и соответственно требуют отдельного анализа и выявления принципов их взаимодействия. Поэтому попытки трактовать предмет только в одной системе координат, моноструктурно, так же как порождаемые таким подходом попытки вывести разнокачественные явления одно из другого непосредственно, чреватые серьезными теоретическими и практическими ошибками.

Итак, с одной стороны, состав, структура и иерархия *потребностей*, а с другой стороны, состав, структура и иерархия *ценностей* — эти два важнейших для понимания человеческой деятельности ряда структур — меняются в зависимости от *уровня развития* общественного человека, *степени удовлетворения* тех или иных потребностей, *решенности задач*, которые ставит перед собой человечество в различные эпохи общественной истории. При этом сами изменения происходят диалектически, т. е. одно явление столь же «отрицает» другое, сколь и «сохраняет» его, а «удовлетворение потребности», «достижение нового уровня развития», «решение задачи» означает лишь то, что они «погружаются в основание». Иными словами, оставаясь таким же, как и прежде, по важности основанием (фундаментальной структурой человеческой деятельности), они смещаются в иерархии актуальных целей и задач практической деятельности, уступая свое место нерешенным задачам, неудовлетворенным потребностям, недостижимым уровням развития (актуальная структура человеческой деятельности).

Так, человечество, достигнув уровня развития общественного производства, при котором обеспечивается «изобилие» и вводится принцип «от каждого — по способности, каждому — по потребности», далее *воспроизводит* это состояние более или менее «автоматически». Аналогично дело обстоит и с решением социальных задач. Победа со-

циалистической революции и ряд этапов строительства социализма и коммунизма в конце концов должны привести к тому, что все те коренные проблемы, которые мы считали и считаем сегодня главными проблемами социального устройства общества, окажутся принципиально разрешенными. Разумеется, общество будет непрерывно *воспроизводить* коммунистические отношения и совершенствовать их, но они для него на новом этапе исторического развития уже не будут выступать как центральные актуальные проблемы и цели, на которые направлена его основная деятельность; тогда уже другие «очередные задачи» будут представляться ему главными.

В системе деятельности общества существует целый ряд специфических по своему месту проблем. Таковы, например, примат социального начала в условиях социализма и коммунизма при сохранении основополагающей роли экономики; становление науки в качестве ведущего фактора развития производительных сил при том, однако, что рабочие и средства производства остаются его основными факторами; возрастание роли интеллигенции в общественном производстве, но при сохранении ведущей роли рабочего класса; актуализация в современных условиях проблем борьбы против социально-политического и духовного угнетения, но при сохранении программы переустройства материальных отношений в качестве коренного требования революционной деятельности трудящихся; повышение роли профессиональных критериев в подготовке и подборе кадров, но при сохранении ведущей роли социальных и народнохозяйственных критериев и т. д. и т. п. Все эти разнопорядковые явления имеют, как мы стремились показать, различные основания и не могут быть объяснены без введения двух разных «точек отсчета», *двух систем координат*. Применительно к рассмотренному нами материалу это, во-первых, система координат, в которой рассматриваются фундаментальные основания человеческой деятельности, во-вторых, система координат, которая принимает первую за неизменную предпосылку и рассматривает другие, актуальные для определенного исторического этапа, проблемы человеческой деятельности.

Таким образом, системное исследование различных структур человеческой деятельности позволило выявить важную в методологическом отношении гносеологическую процедуру *многоступенчатого* осмысления сложных общественных явлений. В соответствии с этой процедурой вначале осуществляется *раздельный, обособленный анализ яв-*

ления или различных его ипостасей в рамках тех или иных определенных систем и структур, к которым оно принадлежит; такой анализ позволяет раскрыть реальную полисистемность и полиструктурность явления. Затем рассматриваются закономерности взаимодействия и взаимообусловленности явлений, т. е. они берутся познанием *комплексно* и на этой основе устанавливаются зависимости постоянных и переменных факторов, выявляются их реальная субординация, доминантные отношения различного рода, конкретно-исторические формы и этапы развития.

Все это в целом представляет собой грани марксистско-ленинской диалектико-материалистической методологии. Системный подход выступает здесь как одно из ее средств, которое при изучении разного рода систем и комплексов помогает осмыслить их сложность, полиструктурность, многоуровневость и т. п. и тем самым помогает конкретнее раскрыть диалектику функционирования и развития явлений социальной действительности. Овладение этими приемами, типичными для «мыслительной технологии» К. Маркса, составляет необходимое условие глубокого и всестороннего усвоения конкретно-научного и методологического содержания наследия классиков марксизма-ленинизма.

Диалектика К. Маркса и системный подход

Если кратко подвести итоги тому, что сделал К. Маркс для обоснования системности как одного из важных элементов мировоззрения и научной методологии, то это можно было бы определить как открытие некоего *особого измерения действительности*. Выработанное им понимание истории общества, раскрывающее механизм естественно-исторического процесса как прогрессивную смену общественно-экономических формаций («социальных организмов»), дало науке четкое описание форм системного, надиндивидуального развития (в отличие от форм, характерных для цикла индивидуального развития вещей, явлений). Это разрушало традиционные взгляды на неизменность «видов» и «родов» вещей, их божественную или «вековечную» природу. Таким образом, в макросистемах мира как бы открывались закономерности движения самих «субстанций».

Открытие фундаментальных закономерностей больших систем К. Марксом применительно к развитию общества и Ч. Дарвином — применительно к развитию живой природы пробило брешь в ограниченных представлениях прошлого. Оно привело к важному гносеологическому сдвигу в миропонимании. На смену господствовавшему многие века предметоцентризму пришел системоцентризм. На этих путях наука добилась выдающихся успехов. Она приступила к овладению системными закономерностями не только макромира, но и микромира, выдвинула таких великих корифеев, как Д. И. Менделеев, А. Эйнштейн и ряд других, открывших фундаментальные системные закономерности в различных областях реальности. Основоположителем научного анализа макросистемных явлений и закономерностей стал Маркс. Конечно, появление этих представлений было подготовлено всем ходом развития науки и общественной практики, а первые собственно системные закономерности,

как мы уже отмечали, сформулированы почти одновременно и независимо друг от друга Марксом и Дарвином. Однако Маркс не только ранее других применил новые принципы познания к исследованию общества, но, что особенно существенно, гораздо более глубоко разработал их теоретически и методологически.

Еще одну исключительно важную в методологическом отношении сторону понимания К. Марксом системности образует анализ двойственности качественной определенности общественных явлений и раскрытие на этой основе особого класса качеств — системных качеств явлений социального мира. Опираясь на системные представления и принципы, Маркс решил ряд труднейших проблем истории и социологии, политической экономии, философии (основание материалистического понимания истории, выявление интегральных характеристик стоимости, труда и капитала и т. п.).

Наконец, с общеметодологической точки зрения фундаментальное значение имеет тот факт, что в марксистской теории познания с самого начала были четко определены место и роль системного знания как одной из форм познания объективной действительности. Раскрытие К. Марксом специфических форм системного знания применительно к отдельному предмету, его видо-родовой системе, предмету в системе его отношений с окружающей средой позволяет глубже понять как уровни системности объективной действительности, так и характерные гносеологические призмы, соответствующие их познанию.

Так исторически и логически была открыта системность как особое измерение действительности. И дело, конечно, не в том, как назвать это достижение науки, а в том, что указанные фундаментальные исследования общественных и естественных наук открыли научному познанию неизвестные прежде параметры объективной действительности.

К. Маркс никогда специально не занимался методологической разработкой принципа системности. Но он фундаментально изучил самую сложную из существующих в мире систем — общество и тем самым оставил нам практическую логику системного исследования общественных явлений, его важнейшие принципы. Собственно, все содержание книги было посвящено анализу его открытий в этой области. Теперь следует остановиться на том, как сам Маркс понимал место этих проблем в диалектическом материализме. Поскольку на этот счет мы не располагаем прямыми высказываниями автора «Капитала», нам придется при-

бегнуть к некоторым косвенным свидетельствам о том, как он трактовал эти вопросы.

Всем известно знаменитое послесловие К. Маркса ко второму изданию I тома «Капитала» и, в частности, отзыв о его труде в петербургском «Вестнике Европы», который он там приводит. Нам представляется целесообразным воспроизвести некоторые места из этого отзыва и сопоставить его с оценками, которые дает ему сам Маркс.

«Для Маркса,— пишет автор отзыва,— важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И при том для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Сообразно с этим Маркс заботится только об одном: чтобы точным научным исследованием доказать необходимость определенных порядков общественных отношений и чтобы возможно безупречнее констатировать факты, служащие ему исходными пунктами и опорой. Для него совершенно достаточно, если он, доказав необходимость современного порядка, доказал и необходимость другого порядка, к которому непременно должен быть сделан переход от первого, все равно, думают ли об этом или не думают, сознают ли это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения... Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами... Более глубокий анализ явлений показал, что социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические... Одно и то же явление, вслед-

ствие различия в строе этих организмов, разнородности их органов, различий условий, среди которых органам приходится функционировать, и т. д., подчиняется совершенно различным законам. Маркс отказывается, например, признавать, что закон увеличения народонаселения один и тот же всегда и повсюду, для всех времен и для всех мест. Он утверждает, напротив, что каждая степень развития имеет свой закон размножения... В зависимости от различий в уровне развития производительных сил изменяются отношения и законы, их регулирующие. Задаваясь, таким образом, целью — исследовать и объяснить капиталистический порядок хозяйства, Маркс только строго научно формулировал цель, которую может иметь точное исследование экономической жизни... Его научная цена заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим. И эту цену действительно имеет книга Маркса»¹.

Как видим, автор рецензии делает в ней акцент по преимуществу на двух сторонах учения К. Маркса: учении об общественно-экономических формациях как сменяющих друг друга социальных организмах и историческом характере общественных закономерностей.

Приведя эту длинную цитату, К. Маркс пишет, что «автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом... тем самым описал не что иное, как диалектический метод»². Следовательно, Марксу это описание представляется удачным, точно выражающим как раз то, что характеризует его научную позицию. Здесь, по существу, схвачен тот главный момент, что диалектика Маркса не абстрактна, а конкретна. Его диалектика — это не просто всеобщие логико-гносеологические рассуждения о развитии, изменемости, трансформации форм, законах и противоречиях вообще, не абстрактное сличение «фактов и идей», как подсмеивается над такого рода исследованиями автор цитированной рецензии, а конкретное исследование функционирования и развития капиталистической системы и других «социальных организмов». Диалектика Маркса есть прежде всего *диалектика общественных систем*.

В. И. Ленин не случайно писал о том, что диалектика буржуазного общества у Маркса есть частный случай диалектики³. Это действительно так. И хотя этот «частный

¹ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 20—21.

² Там же, с. 21.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

случай» — самый сложный по своему объекту и самый развитый по глубине анализа, тем не менее он частный, ибо есть еще специфическая диалектика явлений неорганической природы, живой природы, познания как такового. В. И. Ленин написал эту фразу, безусловно, не в укор К. Марксу, а для того, чтобы подчеркнуть *специфичность*, конкретность добытого им знания, без чего, как известно, Маркс истин не признавал.

Сам К. Маркс, говоря в «Капитале» о своем предисловии к «К критике политической экономии», в котором системность общественного развития (учение об общественно-экономических формациях) выражена наиболее сильно, подчеркивал, что там им изложена «материалистическая основа моего метода...»¹. Именно эта формула наиболее точно отражает то место, которое системные представления об изучаемой Марксом социальной действительности занимают в его теории. Понятно, что материалистическую основу метода Маркса составляют отнюдь не только системные представления, но они, несомненно, входят туда важной составной частью. И это, можно считать, удостоверено самим Марксом.

Материализм и диалектику К. Маркса вообще невозможно достаточно полно и адекватно понять без системных представлений о мире. Все важнейшие открытия марксизма, составившие эпоху в научном познании, одной из своих решающих предпосылок имеют системные представления и принципы. Прежде всего это относится к пониманию исторического процесса общественного развития. Домарксистская общественная наука безнадежно путалась в понимании законов социальной жизни. Ее первая догма заключалась в неправильных представлениях об обществе как о чем-то в своей основе *вечном* и качественно *неизменном*. На основе этой догмы она приписывала второстепенным и случайным факторам решающую роль в истории, изобретала «вечные» закономерности человеческой природы, социальной жизни, политики, экономики, культуры, сочиняла «робинзонады» и не могла объяснить конкретных явлений, не могла предсказать направления изменений, происходящих в обществе. При этом она особенно путалась в таких вопросах, как характер и природа социальных функций, а также там, где приходилось принимать во внимание одновременно и природные («вечные») и социальные (конкретно-исторические) факторы. Естественно,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 20.

что при такой общей предпосылке развитие общества изобразилось ею как движение по преимуществу круговое, на историю экстраполировались формы развития, характерные для цикла индивидуальной жизни конечных вещей и явлений и т. д.

Разобраться во всем этом теоретическом хаосе и нагромождении фактов общественной истории можно было, только найдя в обществе такое звено, которое определяет действительное движение и его специфику. Этим звеном, этим основанием всей системы взглядов К. Маркса на общественную историю становится его теория общественно-экономических формаций, с развитыми в ней представлениями о сменяющих друг друга способах производства и о самом обществе как социальном организме.

Иными словами, представление об обществе как *системе* становится в марксизме ключевым в понимании человеческой истории. Не менее важно и то, что сама история, само историческое движение понимается в марксизме как *системное по своему характеру*.

К. Маркс отбрасывает всякие аналогии с индивидуальным циклом развития и его жестко детерминированными по содержанию стадиями и фазами. Он отрицает в историческом процессе сам принцип кругового движения и поддерживает идею восходящего спиралеобразного развития. Жизнь и развитие общества как системы по своему характеру, по типу существенно отличается от жизни и развития конечных вещей. Цикл развития отдельного явления, предмета в главных своих чертах *воспроизводит*, повторяет коренное качество определенного типа явлений и присущие данному типу жизненные фазы, от возникновения до уничтожения. Жизнь же общественной системы, по сравнению с индивидуальным бытием, имеет *продолженный* характер и потому заключает в себе неизмеримо больше потенций прогрессивного развития. Она не прекращается в связи со смертью отдельных индивидов, и благодаря наличию особых, чисто социальных, механизмов воспроизводства общество развивается как самовоспроизводящаяся и самообновляющаяся система, постепенно накапливающая элементы прогресса.

Подобно тому как в биологии различают линии онтогенеза и филогенеза, так и в науке об обществе К. Маркс проводит различие между индивидуальным и системным бытием и развитием. При этом он имеет в виду не только относительно традиционную схему противопоставления — личность и общество, индивид и класс, нация, но и образо-

вания более крупного масштаба, когда за систему принимается общественно-экономическая формация, а за отдельное явление может быть принят отдельный класс или отдельное государство.

Пока мы рассматриваем конкретную вещь, явление, индивида, то история их индивидуальной жизни как бы заслоняет историю в собственном смысле слова, ту самую «видовую» историю общественных форм и качеств, которая обнаруживается на уровне больших систем и в которой отдельные вещи и индивиды составляют лишь «момент». Когда же мы рассматриваем естественноисторическое развитие общества в целом (системы), то на первый план выдвигаются те специфические условия, которые формируют его базис и функциональную структуру, определяют взаимодействие различных факторов внутри системы, отношения субординации высших и низших систем (подсистем) и т. п. Именно тогда становится ясным, что любое явление не просто саморазвивается, а развивается в зависимости от условий системы, к которой оно принадлежит, а также от взаимоотношения с другими явлениями.

Как показал К. Маркс на примере денег, труда и обмена, различные *степени развитости* явлений находятся в зависимости от степени их соответствия потребностям и внутренним условиям тех общественных систем, в которых они развивались. Таким образом, «собственное» качество тех или иных явлений непосредственно зависит от их роли, места и функции в определенной конкретно-исторической общественной системе. Отсюда следует, что, пока познание ограничивается уровнем отдельных явлений, подлинно исторический взгляд на них невозможен (точнее, оказывается неправильным или неполным), поскольку история организована в более крупные «кирпичи» или «блоки» — системы явлений, без понимания закономерностей которых в общественной истории разобраться нельзя. Анализ произведений Маркса показывает, что непонимание историзма каких-то общественных форм объясняется прежде всего непониманием их системной специфики; что непонимание общественных свойств явлений есть следствие непонимания их интегрального, или «формационного», системного качества; что за иллюзиями, возникающими в сознании людей по поводу характера их общественных отношений, стоит непонимание реальных системных зависимостей, и т. д. и т. п.

Системные закономерности, зависимости, качества не лежат на поверхности явлений. Они есть нечто существен-

ное, подлежащее выявлению путем серьезного научного анализа. Когда же такой анализ проведен, он помогает глубже понять все другие процессы и явления, происходящие в обществе.

Как мы уже отметили, принцип системности реализован К. Марксом не только в его представлениях об обществе и историческом процессе, он составляет существенный момент диалектического метода в целом и диалектико-материалистической теории познания. У этой проблемы есть множество различных сторон, каждая из которых требует специального исследования. Мы в данном случае коснемся лишь некоторых из них.

Прежде всего следует, видимо, остановиться на вопросе о характере марксистской диалектики и ее качественном отличии от гегелевской. Универсальность гегелевской диалектики, достигнутая путем ее логического рафинирования, придает ей высокую гносеологическую ценность и в то же время резко обесценивает ее значение как объективной диалектики реального материального мира. Она оказалась запертой (и ограниченной) в сфере *диалектики всеобщего*. И в этом сказались не столько «склонность» Гегеля к логико-гносеологическим проблемам, сколько идеализм его философской системы, который препятствовал изучению специфической диалектики различных сфер действительности. У Гегеля всеобщее — это Бог, Абсолют и высшая система, опосредующая преходящее бытие конечных вещей¹. Не отказавшись от своей системы абсолютного (объективного) идеализма, Гегель не мог адекватно раскрыть специфическую диалектику природы и общества. Вместо того чтобы изучать реальные процессы действительности, он их классифицировал, аранжировал, систематизировал, распространяя на них свою *диалектику всеобщего* и доказывая таким образом первичность идеи, духа. Естественно, что применительно к анализу процессов объективной действительности это чаще всего приводило наряду с гениальными догадками к надуманным конструкциям. К тем самым навязанным действительности конструкциям, которые К. Маркс неоднократно критиковал (особенно в «Святом семействе»).

¹ По-своему, идеалистически, это, конечно, тоже выражает отношение системности, подмеченное в объективном мире и мистифицированное в духе объективного идеализма. Но при всем том труды Гегеля, несомненно, содержат много интереснейшего мыслительного материала по проблемам системности. См. об этом, например: *Мотрошилова Н. В.* Путь Гегеля к «Науке логики». М., 1984.

В этом и состоит первое коренное отличие идеалистической диалектики от материалистической, или, как говорит К. Маркс, отличие и противоположность его метода гегелевскому *по самой своей основе*¹. Отсюда следует, что материалистическая диалектика, в основе которой лежит изучение конкретных процессов и явлений объективного мира — природы, общества и мышления, должна была дать (и действительно дала) материалистический «прирост» прежде всего за счет изучения *специфических* закономерностей развития различных сфер, областей и систем действительности. Этот процесс продолжается и по сей день. Достаточно вспомнить, что за последние десятилетия в нашей философии выделились и фактически сложились в относительно самостоятельные ее разделы диалектика общественного развития, диалектическая логика, философские вопросы естествознания (диалектика живой и неживой природы).

Да и надо ли сегодня специально доказывать, что формы существования, функционирования и развития явлений неорганической природы, живой природы и общества весьма специфичны. За каждой из них стоят различные, характерные для каждой из систем формы причинности, качествообразования, структур, связей, оснований, взаимодействия с внешним миром, формы прогресса, типы сложности и т. д. И если в диалектике оставить только то, что составляет багаж всеобщего, т. е. охватывающего все явления, независимо от какой бы то ни было конкретной связи с материальной действительностью, и выбросить все *особенное*, свойственное только отдельным сферам (например, живой природе, социальной жизни и т. д.), то такая гипертрофия всеобщности на деле весьма и весьма обеднила бы диалектику как метод и инструмент научного познания. Материалистическая диалектика тем и отличается от идеалистической, что она охватывает природу, общество и мышление не только в их всеобщности, но и в их особенностях, выступая при этом не только как диалектическая логика, но и как теория развития объективной действительности, «последнее слово научно-эволюционного метода»².

Все это не отрицает, конечно, первостепенной важности и теоретико-познавательного значения диалектики всеобщего. Но диалектика специфического как бы подстраивает

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 241.

под нее первый этаж, создает единое здание диалектического метода, реальный базис действительного прогресса научного знания, его материалистический фундамент. Отсюда, в свою очередь, вытекает необходимость еще более углубленной разработки диалектической логики, повышения ее роли как философского основания современной общенаучной методологии.

Соединение материализма и диалектики было выдающимся событием истории XIX в. Благодаря ему научное мировоззрение и методология получили широкое и адекватное научному познанию основание, которое с тех пор стало фундаментом всякой подлинной науки. Прогрессивная наука прошлого века разоблачала невежество догматов веры, разрушала вековые абсолюты идеализма и метафизики, в борьбе с религией утвердила свой суверенитет и во многих областях знания впервые перешагнула границу, разделяющую пранауку и науку в ее современном понимании. В центре внимания науки прошлого века оказалось материалистическое и диалектическое миропонимание, проблемы *развития* в природе и обществе, *взаимодействий* различных явлений, внутренних *противоречий* и объективных *законов*.

В наше время большинство проблем, за материалистическое решение которых в прошлом веке передовым ученым приходилось подвергаться общественному ostrакизму, стали уже школьными и университетскими истинами. Вместе с тем научное знание не стоит на месте: овладев одним слоем проблем и ассимилировав их, оно выдвигает новые задачи и проблемы, ищет пути решения новых актуальных теоретических «узлов».

Современное научное познание, колоссально разросшееся и дифференцировавшееся, разделилось на множество научных дисциплин, отраслей, направлений, комплексных проблем, аспектов и уровней. Резко вырос объем и удельный вес экспериментальной и прикладной науки. Наука как целое ныне представляет собой нечто совсем иное, чем в прошлом веке. Охватить современную науку и даже какую-то ее отдельную отрасль единым теоретическим взглядом становится все труднее. В связи с этим повсеместно начинает сказываться дефицит в развитии общетеоретического и методологического звена науки. Взоры ученых в самых различных дисциплинах все чаще обращаются к тем научным методам, которые дали положительный эффект в каких-то иных областях знания. Ширятся попытки развития междисциплинарных областей и направлений

исследования, математизации и кибернетизации научного знания, применения системного, структурного, функционального подхода, комплексной разработки пограничных областей, более широкого исследования микропроцессов и т. п.

Современная наука главные свои трудности видит в *синтезе* научного знания, в познании *сложных объектов* (систем), в разработке универсальной *общенаучной методологии*. По сравнению с тем, что видела в своих объектах наука XIX в., современные исследователи усматривают в них объекты, на несколько порядков более сложные. Именно эта сложность и является сегодня фокусом, в котором скрещиваются все трудности познания. Как ее адекватно исследовать, как согласовать полученные знания, как все это слить в единую картину? В связи с поисками ответа на эти вопросы в наше время интенсивно развиваются многоуровневое знание, многофакторный анализ, многоаспектное изучение, комплексные исследования, представления о многокачественности, многомерности, многосистемности и т. д.

Естественно, что и диалектический материализм как общая методология научного познания живет сегодня этими проблемами. Усложняется картина мира, рисуемая им. Форсируются исследования по методологии научного познания. Получает дальнейшее развитие категориальный аппарат диалектики. Ныне, например, качественный, количественный и мерный анализ сложных явлений, как правило, опирается на структурный, вероятностный, функциональный и системный анализ, включает в себя рассмотрение макро- и микроуровней изучаемых явлений, активно использует математические и другие формальные средства. В связи с этим вокруг «классической» системы категорий материалистической диалектики вырастает обширный новый слой методологических понятий, без которых уже сегодня наука обходиться не может. Большинство этих понятий не имеет родового (категориального) статуса всеобщности, но заключает в себе мощь породивших их методов научного познания. Само взаимодействие категорий и понятий становится все более сложным и нетрафаретным.

Такое положение требует нового осмысления функционирования всей системы философских категорий и методологических понятий, рождает новые «болезни» теоретического познания, среди которых самой распространенной является *гипертрофия отдельных методологических подходов*,

непонимание ограниченности каждого отдельного методологического средства.

Успехи в разработке отдельных методологических принципов, основанные на раздельном изучении некоторых сторон действительности и различных ее состояний (статика и динамика, системы и структуры, функционирование и развитие, специфика микро- и макропроцессов, нелинейных зависимостей и взаимодействий и т. п.), сами по себе автоматически не ведут к решению проблем общей методологии и не обеспечивают правильного выбора научной стратегии на том или ином участке исследований. Между тем узкая специализация научного знания порождает у некоторых представителей конкретных наук иллюзии, будто они, полагаясь на тот или иной адекватный их области и задачам метод, могут обойтись без общей методологии. Однако исторический опыт и практика теоретической работы показывают, что рождение принципиально новых теоретических решений, как правило, связано с преодолением традиционной методологической односторонности, с введением новых принципов и методов анализа действительности, с умением осуществить синтез разнопорядковых данных.

Роль философской методологии, диалектического материализма как раз в том и состоит, чтобы методологически объединить на фундаментальном теоретическом базисе, которым он располагает, все новейшие достижения конкретных наук, активно разрабатывать и обновлять средства научного поиска, совершенствовать теорию и методологию научного познания. С позиций такого, проверенного опытом науки, представления о методологической роли диалектического материализма мы получаем возможность адекватной оценки любых современных методологических направлений и, в частности, возможность более точно определить место системного подхода с точки зрения философии марксизма-ленинизма. Кратко эту оценку можно свести к следующим моментам:

диалектический материализм — это целостное мировоззрение, научная теория и методология, а системный подход — только одна из их граней;

исторический материализм, помимо того, что он *содержательно* есть всеобщая теория общественно-исторического процесса, с *методологической* стороны является, несомненно, системной теорией в самом своем существе. Открытие К. Марксом закономерностей общественно-экономических формаций, базиса и надстройки, феноменов совокупного

системного качества, множественности и полиструктурности реальных оснований общественных систем, развития социальных систем в целостность и, наконец, места системных представлений в общей структуре научного познания — это фундаментальный вклад в развитие диалектико-материалистической теории, а вместе с тем и в разработку принципов системного подхода;

законы и категории материалистической диалектики по самой своей сути сформулированы таким образом, что заключают в себе критерии самого высшего порядка сложности (всеобщее развитие, всеобщее, в том числе нелинейное, взаимодействие, сущности различных порядков, различные типы опосредования и т. п.), выражают требования, характерные для анализа самых сложных систем объективной действительности.

Из этого следует, что разработка принципов системного подхода есть по существу развитие *одной из граней* теории и методологии диалектического и исторического материализма, а потому, безусловно, системный подход ни в коей мере не может заменить или подменить методологию диалектического материализма в целом. Такие рассуждения, если они и встречаются (главным образом в работах буржуазных авторов), могут быть только продуктом явного недомыслия. Как часть не может заменить целого, так системный метод не может заменить общей методологии диалектического материализма.

Марксистско-ленинская методология включает в себя и увязывает в единое целое десятки научных методов, каждому из которых научное познание находит свое место при анализе тех или иных объектов, процессов природы, общества и мышления. К. Маркс неоднократно указывал на то, что высшим искусством ученого является умение при изучении того или иного предмета использовать адекватные предмету методы познания, постоянно помня при этом, что у каждого из них есть границы правильного, разумного применения и в этом смысле — своя ограниченность. Гипертрофия любого из методов неизбежно влечет за собой деформации научного знания, неточное изображение объективной действительности. И, наоборот, детальная разработка каждого из методов, гносеологических процедур их уместного применения и взаимодополнения обогащает марксистскую теорию и методологию, расширяет ее влияние как мировоззрения, общепhilософской теории и научной методологии.

Результаты проведенного исследования позволяют нам сделать следующие выводы:

1. Утверждение в XIX в. материалистического понимания истории (Маркс, Энгельс) и раскрытие закономерностей эволюции живой природы (Дарвин) уже несли в себе такие основные параметры системного знания, как различение форм индивидуального и «видового» бытия, индивидуального и «видового» развития. Благодаря этим представлениям изменилась научная картина реальности и масштаб представлений о мире. Наука теперь отчетливо различает макросистемные, предметные и элементарные объекты, и на этой основе складывается более широкое и расчлененное представление о действительности. Образно выражаясь, она предстает теперь перед человеком не «миром предметов», а «миром систем», притом развивающихся систем. Все это имеет огромное мировоззренческое значение, становится важным компонентом диалектико-материалистической картины мира.

2. Сравнительный анализ понимания форм и ступеней теоретического познания Марксом и Гегелем показал преимущества материалистической гносеологии, дал возможность сформулировать представление о содержательных различиях предметного, макросистемного и метасистемного знания. Учет специфики различных форм теоретического познания и вычленение системного знания как конкретной формы и определенной «призмы» видения действительности позволяет определить место системного знания в ряду других форм и его преемственность с прежними формами сущностного знания, устранить мистику идеалистических представлений о «высших субстанциях», а вместе с тем способствует преодолению расширительного толкования роли системного подхода и его места в арсенале методов науки.

3. К. Марксу принадлежит открытие и конкретно-научное доказательство существования особого класса качественных определенностей — системных («общественных»). Философско-методологический анализ экономической теории Маркса, в частности теории стоимости, денег, товарного фетишизма, двойственного характера труда, морального износа техники, позволил вычленить фактически лежащее в их основе представление о «совокупных системных качествах», характеризующих интегральные свойства вещей и явлений. Точно таким же образом философско-методологи-

ческий анализ исследования Марксом специфики капиталистической собственности, форм товарного производства, законов народонаселения и т. п. позволил вычленить специфические макросистемные качества, раскрывающие «формационную» (феодальную, капиталистическую и т. д.) качественную специфику явлений, их социально-экономический системный тип. Без отчетливого методологического понимания этого открытия Маркса трудно раскрыть действительную природу сложных общественных явлений, законы их детерминации и субординации, трудно преодолеть упрощенчество, механицизм, редукционизм в их изучении.

4. Выявление использованных К. Марксом в «Капитале» методологических приемов исследования общества как системы позволяет глубже понять саму общественно-историческую теорию Маркса, обогащает арсенал методологических средств, используемых в общественных науках, открывает путь к введению в широкий научный оборот ряда таких приемов и методов исследования, которые до сих пор отчетливо не осознавались. Все это дает возможность более правильно и четко осмыслить историю становления общества, множественность оснований и разнопорядковость его структур, качественные изменения общества в процессе его исторического развития, диалектику производительных сил, в том числе их современного этапа, взаимодействие системных критериев в управлении обществом и т. п. Специфика системного изучения общественных явлений и процессов заключается в том, что фокусом исследования, его логическим центром становятся закономерности общества как целостного организма, как системы, а также системные функции, основания и структуры, внутрисистемные взаимодействия и системообразующие факторы. Вместе с тем системный подход предполагает также отдельный качественный анализ различных компонентов целого, различных линий детерминации и закономерностей субординации явлений. В целом системный подход выступает в рамках диалектического и исторического материализма, научного коммунизма как преемник сущностных форм исследования, как высшая форма современного качественного анализа.

5. К. Маркс предстает перед нами как основоположник научных представлений о системности общественных явлений, как ученый, впервые осуществивший широкую конкретно-научную разработку принципа системности. Материалистическое понимание истории, учение об обществен-

но-экономических формациях, базисе и надстройке, стоимости, двойственном характере труда, заключенного в товаре,— таковы лишь некоторые наиболее яркие проявления успешного применения системного подхода Марксом. В целом системный подход выступает как одна из граней диалектико-материалистического мировоззрения, марксистско-ленинской теории и методологии.

Философско-методологический анализ творчества К. Маркса, ставящий своей целью вычленение тех или иных теоретико-познавательных приемов его исследования (в данном случае системного подхода) и более универсального их формулирования и использования, дает им как бы вторую жизнь в виде философского и методологического знания; он призван помогать исследователям глубже осваивать современные процессы общественного развития с позиций марксистско-ленинской методологии.

Раздел II

**Системный анализ
процессов современного
общественного
развития**

Системные критерии в управлении социалистическим обществом

При социализме человечество впервые в мировой истории овладевает не только природными, но и общественными условиями своего существования. Этот факт имеет кардинальное значение для понимания сущности социализма, системы его общественных институтов, структуры общественного управления. История овладения человеком силами природы насчитывает многие тысячелетия. Что же касается сознательного управления обществом, то человечество получает возможности для этого только в условиях социализма и коммунизма, ибо такое управление предполагает прежде всего качественно новые социально-экономические основания жизни общества.

Социально-экономический фундамент социализма начинает закладываться уже в ходе социалистической революции и в переходный период. Ликвидируя капиталистическую частную собственность и соответствующую ей систему общественных отношений, социализм тем самым освобождает развитие производительных сил от оков буржуазного строя. Снимаются обусловленные природой капитализма ограничения в развитии общественного производства. Устраняются такие разрушительные для производительных сил явления, как анархия, периодические кризисы и спады, милитаризм, хроническая безработица. Ликвидируются деформации в развитии хозяйства, науки, культуры и образования, порождаемые частнособственническим их использованием. Уничтожаются основы социального неравенства, узаконивающие их политико-правовые нормы, а также осуществляющий диктатуру буржуазии аппарат насилия. Уже в этот период выступают преимущества нового общественного строя, которые множатся и совершенствуются по мере развития социализма на его собственной основе.

Главными устоями социалистического общества являются, как известно, общественная собственность на средства производства, социалистические общественные отношения, основанные на социальном равенстве и единстве коренных интересов трудящихся, государственный строй, обеспечивающий подлинное народовластие, партия рабочего класса, осуществляющая политическое руководство обществом на пути социалистического и коммунистического строительства. Именно в опоре на эти устои социализм получает возможность перехода от стихийного к сознательно управляемому типу общества. Благодаря общественной собственности на средства производства при социализме открывается путь к организации жизни общества по единому народнохозяйственному плану, к обеспечению пропорциональности общественного производства. Сама *целостная* организация общества и плановое, централизованное ведение хозяйства дают социализму огромные преимущества, позволяют широко и всесторонне применить науку к решению всех народнохозяйственных проблем, рационально сочетать задачи экономического и социального развития. Всеобщая тенденция к усилению концентрации и планомерности общественного производства и управления, имеющая своей главной общественной основой все возрастающую степень обобществления производства, разделения труда и концентрации общественного богатства, именно при социализме получает соответствующую ей социально-экономическую базу и подлинный простор для своего развития.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что единство и целостность социалистического общества не сводятся только к большей, чем при капитализме, производственно-экономической целостности. Качественно новый тип целостности социалистического общества определяется прежде всего тем, что она всеобща. Здесь наряду с *производственно-экономической* общностью людей и целостностью общества достигаются и другие типы общности и целостности — *социальная* (на базе единства коренных интересов всех трудящихся), *политическая* (на базе единой идеологии и единой системы политического руководства обществом) и, наконец, *духовная* (на базе единства культуры, образования, духовного климата общества и образа жизни социалистических тружеников). Так впервые в человеческой истории действительная социальная общность людей становится реальностью и важнейшим программным требованием коммунистического строительства.

Было бы, однако, упрощением считать, что закономерности социализма осуществляются сами собой, так сказать, автоматически. Мы не случайно говорим о *строительстве* социализма и коммунизма, ибо альтернативой стихийного процесса общественной жизни может быть только ее сознательное регулирование. Используя определенные факторы и условия, возникающие при социализме и им порожденные, опираясь на присущие ему закономерности, партия, государство, трудящиеся массы строят, создают органы социалистического общественного управления, вырабатывают экономические и политические механизмы, регулирующие социальную жизнь, устанавливают пропорции общественного производства и потребления, обеспечивают концентрацию сил на решении важнейших задач и т. д.

Ведущей идейно-теоретической, политической и организационной силой всей этой огромной работы по формированию нового общества является Коммунистическая партия, руководствующаяся марксистско-ленинской теорией и опирающаяся на опыт и творчество широких народных масс. Она выступает главной руководящей политической силой общества и носителем коммунистической программы его развития. В силу этого высшие органы партии являются в структуре нашего общества высшими политическими органами страны.

В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», говоря о международном значении опыта большевизма и его «общеприменимых, общезначимых и общеобязательных» чертах, подчеркивал, что «ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии»¹. Все мы хорошо знаем, что в нашей стране это ленинское требование неукоснительно соблюдается. И тот кардинальный факт, что у нас построено, планомерно развивается и совершенствуется социалистическое общество с отлаженными политическими, экономическими и социальными механизмами его функционирования, является прежде всего результатом творческой деятельности Коммунистической партии. За этим стоят решения съездов партии, ее Центрального Комитета и других партийных органов. Каждое такое решение аккумулирует в себе политический и хозяйственный опыт управления страной,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 30—31.

профессиональные знания специалистов, творчество трудящихся масс, передовые достижения науки. Вся эта гигантская творческая и организационная работа партии по своим масштабам и глубине не имеет прецедента в истории.

«Сила партии в том,— подчеркивалось на XXVII съезде КПСС,— что она чувствует время, биение пульса жизни, всегда действует в гуще масс. И всякий раз, когда перед страной встают новые задачи, партия находит пути их решения, перестраивает, видоизменяет методы руководства, демонстрируя способность быть на высоте исторической ответственности за судьбы страны, за дело социализма и коммунизма»¹.

Закономерное возрастание роли Коммунистической партии при социализме определяется характером и содержанием общественно-исторического прогресса, требующего все более развитых и сложных форм управления обществом. Образно этот процесс можно сравнить с возрастанием роли и значения нервной системы и высшей нервной деятельности в процессе органической эволюции. Чем выше уровень организации жизни, тем сложнее становится высшая нервная деятельность и тем в большей мере ее универсальность и совершенство олицетворяют прогресс всей системы.

Исторические решения съездов партии, определяющих генеральную перспективу и реальные планы развития экономической, политической, социальной и духовной жизни общества, являют собой яркий образец такого многопланового и универсального политического руководства обществом, которое, опираясь на теорию марксизма-ленинизма, на достижения науки и общественной практики в целом, дает соразмерную оценку всего многообразия потребностей различных сфер общества на основе высших социальных критериев. Сила партии, однако, заключается не только в том, что она определяет программу развития, но и в том, что она одновременно является той реальной политической организацией, которая, опираясь на коммунистов, трудящиеся массы, систему государственного и общественного управления, обеспечивает выполнение намеченных ею программ.

Являясь главной интегрирующей силой социалистического общества, партия, как указывается в новой редак-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 77.

ции ее Программы, «заботится о том, чтобы в управлении обществом и государством последовательно проводились принципы социалистического самоуправления народа, то есть чтобы управление не только осуществлялось в интересах трудящихся, но и закономерно, все в большей степени становилось непосредственным делом самих трудящихся, не знающих над собой, по словам В. И. Ленина, никакой власти, кроме власти их собственного объединения»¹.

При социализме впервые возникает ситуация, когда общество может развиваться как единый, слаженный, разумно управляемый организм. И соответственно впервые возникает потребность в таком универсальном руководстве, которое объединяет и направляет к единой цели работу всех звеньев общественной системы, обеспечивает выбор оптимальных путей развития, программирует процессы экономического, социального и культурного строительства, обеспечивает реальное политическое руководство.

Ныне преимущества советской системы общественного управления признаны во всем мире, и зачастую не только нашими друзьями. Если на первом этапе строительства, в переходный период, некоторым казалось, что необходимость такой системы обусловлена чисто политическими требованиями осуществления функций диктатуры пролетариата, то теперь стало очевидно, что структура управления, при которой во главе всего общественного управления находится программирующая развитие общества Коммунистическая партия, является наиболее эффективной. Это обусловлено многими экономическими, политическими, социальными и духовными факторами. Истоки принципиально новой системы общественного управления заложены в самой природе социализма, в социально-политическом и идейном единстве нового общества, в радикально изменившихся целях общественного производства и социальной политики. Эта система управления есть естественное порождение потребностей нового общественного строя, который коренным образом отличается от буржуазного строя, в том числе и по типу социальной политики.

В условиях капитализма полное и всестороннее использование достижений экономики, науки и культуры в

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 158.

интересах всего народа невозможно, ибо оно вступает в коренное противоречие с исходными принципами этого общества, ограничивается его социально-экономическим устройством. Капитал может доступными ему средствами форсировать развитие производительных сил и даже эффективно использовать для этого науку. Но в обществе, где все подчинено законам наживы, наука и культура независимо от их собственного содержания становятся в руках капитала средством материального и духовного порабощения трудящихся, противостоят им как чуждая общественная сила. Это ограничивает свободное и прогрессивное развитие общественного производства, науки и культуры в условиях капитализма, определяет предел внутренних возможностей этого строя.

По самой своей эксплуататорской природе капитал не может в сколько-нибудь широких размерах использовать *социальные факторы* развития общественных производительных сил, не может действовать во имя удовлетворения разнообразных общественных потребностей и стремиться к всестороннему развитию личности. А именно в этом в конечном итоге заключается, по мысли К. Маркса и В. И. Ленина, существо и главные потенции как общественного, так и научно-технического прогресса. Вопреки утверждениям буржуазных идеологов, усматривающих в научно-технической революции средство «автоматической» ликвидации социальных противоречий и установления «классового мира», нынешний подъем в развитии производительных сил обостряет основные противоречия капитализма. И совершенно очевидно, что никакой научно-технический прогресс их разрешить не может, пока и поскольку общество основано на эксплуатации чужого труда.

Социализм, ликвидируя эксплуатацию труда, подчиняет общественное производство целям удовлетворения материальных и духовных потребностей трудящихся, использует создаваемый ими продукт на нужды общества, «инвестиции в человека». Тем самым обеспечивается освобождение труда, снимаются ограничения, сковывающие производительные силы, подготавливается такой высокий уровень их развития, который позволяет превзойти уровень, достигнутый путем буржуазных средств экономического принуждения и стимулирования.

Социалистический строй, опирающийся на общественную собственность, социальное равенство и подлинное народовластие, впервые в истории обеспечивает полный

простор развитию производительных сил, науки, культуры и образования, создает общественные отношения, достойные человека. Именно поэтому при социализме подлинная свобода и всестороннее развитие человека, его действительное овладение наукой и культурой становятся важнейшим условием развития всего общества, важнейшим резервом роста общественной производительности труда.

В. И. Ленин говорил по этому поводу, что только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталом, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия.

Поскольку сами цели капиталистического и социалистического производства противоположны, то соответственно противоположна политика, осуществляющая эти цели. В связи с этим весьма важно правильно понять и оценить объективную роль, возможности и задачи социальной политики в условиях капитализма и социализма.

Буржуазное общество целиком подчинено одному принципу. К. Маркс выразил его так: «Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства»¹. В капиталистическом обществе полностью и безраздельно господствуют частнособственнические экономические отношения, они определяют в конечном итоге все: и пропорции общественного производства, и характер общественных отношений, и культуру, и науку, и духовную жизнь общества, а в значительной мере даже семейные и личные отношения людей. На всем лежит печать чистогана и выгоды. Об этом ярко и убедительно писали К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии», и вся история капитализма это убедительно подтверждает. Политика правящих классов буржуазного общества при абсолютном господстве частнособственнического начала неизменно направлена на обеспечение интересов класса капиталистов, на укрепление его экономических и социальных позиций.

Понятно, что всякие демократические прожекты «социальной политики», периодически провозглашаемые буржуазными политическими деятелями в виде планов борьбы с нищетой, расовой и другими формами дискриминации, строительства дешевого жилья для народа, развития образования, науки, культуры и т. д., — все это не имеет

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 632.

под собой твердых экономических оснований. Как правило, такая политика, если она и реализуется, то лишь в своей незначительной части — в виде необходимых уступок капитала перед лицом классовой борьбы трудящихся. Между тем, чтобы последовательно осуществлять демократическую, а тем более социалистическую программу развития общества, ее необходимо заложить в саму социально-экономическую структуру общества, установить и конституировать ее как структуру собственности и общественных отношений. Другого пути нет. И потому всякие попытки «органически соединить» интересы капитала с интересами труда без изменения структуры общества есть либо социальная демагогия, либо социальная утопия.

В коммунистической формации в корне меняется структура общества, общественных отношений. Решение коренных социальных проблем и всестороннее развитие человека — принципиальная программа этого строя. В этом смысле социальный фактор становится ведущим фактором. Такова природа нового строя. Разумеется, что как биологическая жизнь людей всегда остается первой предпосылкой их социальной жизни, так и «экономическая жизнь» (материальное производство) всегда остается первой предпосылкой всех других потребностей и форм деятельности (социальных и духовных). Вместе с тем общество, сознательно строящее социализм и коммунизм, активно *использует экономику* для решения социальной программы, начертанной на его знаменах¹.

Именно поэтому нахождение оптимального соотношения, правильной меры сочетания экономических и социальных критериев решения народнохозяйственных вопросов составляет важнейшую и труднейшую задачу научного управления социалистическим обществом. Бесспорно, эти вопросы выходят за рамки чисто хозяйственного управления, и здесь всякий раз требуется высшее, политическое решение проблемы.

Роль политики, политического руководства обществом при социализме принципиально меняется, ибо политиче-

¹ Для всех марксистов очевидно, что роль экономики первостепенна. Говоря словами В. И. Ленина, «мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически» (Полн. собр. соч., т. 38, с. 179). Коммунизм, отмечал К. Маркс, как «царство свободы», расцветает на основе высокоразвитой экономики, составляющей его базис (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387). Однако в данном случае анализируется и выделяется не эта, а другая сторона дела — вопрос о роли социальной политики и социальной программы в коммунистическом строительстве.

ское руководство распространяется и на сферу управления централизованной общественной экономикой. Политика социалистического государства всесторонне учитывает потребности экономики, обеспечивает контроль над экономикой и ставит ее на службу интересам коммунистического строительства. Это позволяет осуществлять действительную социальную программу в интересах трудящихся масс, решать коренные проблемы нового общества.

Такова объективная возможность, вытекающая из самой природы нового общества. Однако ее реализация — дело непростое. Для этого требуется, с одной стороны, знание научно обоснованных принципов социалистического, коммунистического строительства, а с другой — развитые средства и органы общественного управления, эффективно действующая политическая организация передового класса общества, способная в центре и на местах осуществить политику и социальную программу в интересах трудящихся. История доказала, что решить эту задачу может только партия рабочего класса, руководствующаяся марксистско-ленинской теорией.

Исторический путь Советской страны необъясним с точки зрения только экономической эволюции. Более того, ни темпы роста экономики, ни коллективизация сельского хозяйства и индустриализация страны, ни выравнивание уровней экономического и культурного развития различных республик и районов, ни прогресс науки, системы образования, здравоохранения и социального обеспечения, ни преодоление противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом — ничего этого нельзя понять вне теории марксизма-ленинизма, вне социальной политики партии, направленной на активную реализацию программы социалистического переустройства общества.

Утверждение нового общества есть особое, социалистическое по типу государственное строительство, гармонически сочетающее задачи экономического, социального и культурного развития. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют огромные ассигнования государства на народное образование, науку, культуру, здравоохранение, жилищное строительство, детские учреждения, социальное обеспечение, получившие большое развитие фонды общественного потребления и т. д.

Такая политика осуществлялась Советской властью даже в самые трудные годы, во время хозяйственной разрухи и острой нехватки материальных средств. На всех

этапах своей истории наше государство делало и делает все возможное для удовлетворения потребностей трудящихся — этой главной производительной силы общества и потребителя всех материальных и духовных благ, которыми оно располагает. Социализм делает все во имя человека и для блага человека.

Некоторые ревизионистские теоретики (Фишер, Шик и другие) обвиняют советских коммунистов в «отходе» от учения марксизма-ленинизма, в «несоблюдении» его положений об отмирании государства и политической власти вообще. Они призывают уже теперь отказаться от политических форм управления обществом, дать простор рыночным отношениям, в соответствии с чем, мол, будут складываться и «рациональные» формы решения социальных проблем.

В нашей литературе подробно проанализированы такого рода концепции, показаны их теоретическая несостоятельность, политический вред. Стихийно-рыночная экономика имеет свою логику развития, она неумолимо привела бы к отказу от принципов социализма, от последовательного проведения марксистско-ленинской программы социальной политики.

К. Маркс подчеркивал, что коммунизм в самом кратком смысле слова есть положительное выражение упразднения частной собственности¹. И если в результате революции рабочий класс и его политическая партия создают важнейшие социально-политические предпосылки для строительства нового общества, то требуется длительный период созидания социализма, для того чтобы полностью построить социалистический дом, в котором социалистическими были бы и фундамент, и пол, и стены, и крыша.

Теперь мы построили этот дом, где нет эксплуатации и безработицы, где есть социалистические общественные отношения, правопорядок и система оплаты по труду, где ничто не побуждает человека стать частным собственником, ибо общество гарантирует ему право на труд, создает бесплатную систему образования, здравоохранения и социального обеспечения, предоставляет оплаченный отдых, дешевое жилище и детские учреждения, обеспечивает ему право на пользование достижениями культуры. Иными словами, основные жизненные потребности каждого члена общества удовлетворяются по-социалистически, и этим в значительной мере подрубаются са-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 114.

мыс корни психологии частнособственнического индивидуализма. Человек в этих условиях приобретает твердую уверенность в завтрашнем дне, социальную устойчивость, оптимизм.

Такой социальный результат стал возможным благодаря последовательному проведению марксистско-ленинской социальной политики. Глубоко научное политическое руководство при социализме, осуществляемое Коммунистической партией,— это объективная необходимость и основная гарантия неуклонного претворения в жизнь марксистско-ленинской программы строительства социализма и коммунизма.

Буржуазные критики социализма обычно упрекают его за политизацию жизни общества и выдвигают такие проекты социального строительства, согласно которым партия и государство не должны вмешиваться в дела экономики, науки, культуры, «навязывать» им свои социально-политические критерии. Надо сказать, что авторы подобных теорий полностью игнорируют реальный опыт и потребности социалистического строительства. Они не понимают того, что общество, впервые при социализме становящееся подлинно целостным в экономическом, социально-политическом и духовном отношениях, кровно заинтересовано в таком социально-политическом руководстве, которое, с одной стороны, выступало бы носителем коммунистической программы его развития, а с другой — было бы политической силой, способной и полномочной решать все проблемы социального характера.

До сих пор больше говорилось о природе политического руководства при социализме, его основах и принципах. Но для того, чтобы полнее представить себе сложность и высокую ответственность конкретных политических решений, целесообразно рассмотреть и механизм их принятия.

Одними из наиболее сложных вопросов государственной власти вообще, политики Коммунистической партии в социалистическом обществе в особенности являются вопросы о высших общественных критериях, о соотношении интересов различных сфер народного хозяйства, об обеспечении интересов общества как целого, слаженно функционирующего организма.

Разумеется, всякое общество представляет собой известное единство, целостность, и уже в этом смысле оно *системно*. Однако степень целостности общества не есть нечто раз и навсегда данное и сама по себе еще не явля-

ется показателем его социального единства. В процессе исторического развития человечества элементы целостности накапливаются и по линии общественного производства, экономики, хозяйства, и по линии культуры, и по линии различного рода социальных образований (политических, национальных, интернациональных). В досоциалистических обществах все эти различные формы и элементы целостности носят противоречивый характер, они не связаны еще в органическое единство. Известно, что некоторые буржуазные идеологи пытаются из факта определенной производственно-экономической или государственной целостности капиталистического общества механически вывести его социальное единство, затушевать реальные классовые антагонизмы. Но тщетность этих попыток давно доказана и совершенно очевидна. В действительности только при социализме утверждается глубокая и всесторонняя социальная общность людей, а вместе с ней и действительная целостность общества. Ибо именно здесь на основе реальной общности коренных интересов всех членов общества и его принципиально новом базисе все компоненты и аспекты общественной жизни органически связываются воедино. Благодаря этому впервые в истории общество становится единым и целостным всесторонне.

В этом смысле социалистическое общество представляет собой целостную систему значительно более высокого порядка, нежели общество любого другого социально-экономического типа. Соответственно системность общественной жизни и общественного управления развита здесь в значительно более высокой степени и обладает некоторыми особыми основаниями и критериями, присущими именно данному общественному строю.

В чем же они заключаются?

Важнейшим основанием такой общности, целостности, системности социальной жизни при социализме является *общественная собственность* на средства производства и базирующееся на ней единое плановое народное хозяйство. Вместе с тем социалистическая природа нового строя обеспечивает *единство коренных интересов* всех трудящихся, составляющее неотъемлемую черту новых общественных отношений. И то и другое выступает в качестве системообразующих факторов и реальных предпосылок более высокого уровня организации народного хозяйства, его всеохватывающего характера, пропорциональности и комплексности развития, а в конечном

счете экономического и социально-политического единства общества.

Другим специфическим основанием и критерием системности, вырастающим из самой природы социалистического строя, является доминирование социального содержания, которое выступает как примат социального начала и отражает закономерности социалистического базиса. Если в условиях капитализма вся общественная жизнь подчиняется законам наживы («таков абсолютный закон этого способа производства»), то при социализме все подчиняется решению фундаментальных социальных проблем, построению общества свободных и равноправных людей и народов, целям и задачам коммунизма.

Главная историческая миссия социализма и коммунизма состоит в разрешении коренных проблем социального устройства общества. Вместе с тем социализм и коммунизм есть общество коллективистское, в котором люди, преобразуя действительность, преобразуют и самих себя, все более полно овладевают общественными условиями своего существования. Здесь образуется особая социальная система отсчета, особое социальное измерение всех явлений, которое становится обязательным атрибутом всей практики социалистического и коммунистического строительства¹. Каждое явление здесь должно доказать свою целесообразность, соответствие и качество не только по отдельным специальным параметрам (например, по техническим, экономическим, культурным, моральным и т. д.), но вместе с тем обязательно и по параметрам общесистемным. Это социальное измерение выступает как критерий системно-социалистический или системно-коммунистический. Определение этого системного отношения,

¹ Очевидно, что определенное социальное «измерение» явлений на соответствие с данной общественной системой имеет место не только при социализме, но и в обществах других типов. Однако во всех предшествующих социализму формациях социальные «мерила» на деле оказывались узкими и ограниченными мерками господствующего класса, который выступал от имени общества, но полностью и адекватно осуществить общественные интересы не мог, ибо его собственные классовые интересы находились в антагонизме с интересами огромного большинства общества, с интересами трудящихся. Специфика социализма состоит в том, что здесь устанавливаются строй и общественные институты, служащие интересам всего народа, а потому «социальное соответствие» становится общественной нормой и высшим критерием целесообразности и сама процедура установления социальных или социально-политических параметров явлений приобретает отныне сознательный, целенаправленный характер.

как бы вскрывающего основной закон и цель данного общественного строя, чрезвычайно важно, ибо оно не только идеально, но и реально становится высшим критерием всей общественной жизни. Именно в соответствии с этим системным принципом В. И. Ленин, например, в своей речи на III съезде комсомола определил цель и основное содержание коммунистической нравственности. В этой последней он видел не просто нормы поведения человека в обществе, а рассматривал ее прежде всего с позиций новой социальной системы — как борьбу «за укрепление и завершение коммунизма»¹.

Одним из важнейших специфических оснований и критериев системных решений в сфере управления при социализме является также пролетарский интернационализм, *международная солидарность трудящихся*. Коммунистические и рабочие партии всего мира, Советский Союз и другие братские социалистические страны являются национальными отрядами «всемирного братства трудящихся». Осознав свое положение и вооружившись передовой социальной теорией — марксизмом-ленинизмом, они образуют определенную *классовую систему* и действуют в ее интересах, т. е. соответствующим системным образом.

Таковы некоторые основные специфические системные основания социалистического развития общества. Вся проблема системных отношений и соответствующих критериев, естественно, к ним не сводится. Имеется много других моментов и отношений, которые требуют самостоятельного анализа под этим углом зрения. Но в данном случае нам важно было наметить общую методологическую линию их исследования.

В практике общественного производства и управления при социализме есть множество задач, которые носят интегральный общесистемный характер. Таковы, в частности, по самой своей природе единое и комплексное народнохозяйственное планирование, народнохозяйственные материальные и финансовые балансы, призванные охватить весь общественный организм, предусмотреть его пропорциональное, гармоничное развитие.

Общественная собственность на средства производства как основа новой структуры экономической жизни общества приводит к тому, что социалистическое общество определяет условия производства, потребления, учета общественно необходимых затрат труда и их распределе-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

ния по различным отраслям, а также распределения совокупного общественного продукта¹ и т. д. Словом, на этапе социализма государство как выразитель общественных интересов осуществляет всю «бухгалтерию и расчеты для совместно работающего общества»². Такое общественное управление есть сознательно регулируемый процесс функционирования и развития производства, где стихийные механизмы буржуазного рынка уничтожаются и заменяются плановым, социалистическим управлением процессами производства и распределения. В этом процессе управления социалистическим обществом возникают системные задачи различных уровней сложности.

Скажем, в практике социалистического хозяйствования существуют системные задачи такого типа: как обеспечить потребности всей страны, например, в стали и хлебе; как распределить между предприятиями страны производство различных промышленных изделий и т. п. Такие задачи можно представить как системные задачи одного разряда сложности. Другие системные задачи, которые связаны, к примеру, с решением вопросов об установлении неодинаковых темпов развития для различных отраслей промышленности (имея в виду потребности технического прогресса всего народного хозяйства) либо о развитии производств, требующих больших ассигнований и строящихся длительные сроки и т. п., выступают как задачи уже иного разряда сложности. Они требуют для своего решения учета значительно большего количества разнопорядковых, но в конечном счете взаимосвязанных критериев. Сколько, например, разнопорядковых системных критериев надо учесть и соотнести с фактическими возможностями общества, чтобы решать вопросы выравнивания уровней экономического развития высоко развитых и менее развитых районов страны или вопросы распределения национального дохода на фонды потребления и фонды накопления, установления пропорций, в которых на данном этапе следует выделять средства на культуру, науку, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, жилищное строительство, детские учреждения, наконец, на оборонные нужды страны. Конечно, все это не выводится только из самодовлеющих нужд экономики. Здесь требуется принципиальное согласование социальных, политических и экономических критери-

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 17.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 98.

ев и соответственно необходимы особые социально-политические решения, опирающиеся на глубокие марксистско-ленинские исследования.

Известно, что в условиях социалистического общества отрасли или сферы народного хозяйства не только функционально связаны друг с другом, но и в известной мере становятся относительно самостоятельными организмами. Каждая такая сфера стремится быстрее и лучше решить свои проблемы, лучше удовлетворить своей продукцией или услугами общество, и сообразно этому она проектирует потребности своего дальнейшего развития. Однако выдвигаемые таким образом потребности суммарно значительно превосходят имеющиеся в обществе возможности их удовлетворить. В такой ситуации решение проблемы на основе только специальных ведомственных мерок уже невозможно. К тому же здесь на одних весах оказываются и хозяйственные, и социальные, и политические, и культурные, и оборонные потребности, каждая из которых, в свою очередь, должна быть рассмотрена как во внутреннем, так и во внешнем плане, как по состоянию на сегодня, так и в перспективе.

В этих условиях вопрос о пропорциях, о распределении национального дохода, о необходимых точках роста приобретает общесистемное значение и требует для своей оценки *высших общественных критериев*, так сказать, высшего политического арбитража и соответственно единого политического руководства, решающего все эти сложнейшие задачи. Притом не только решающего их принципиально, но и обеспечивающего их выполнение силами всей партии, всего народа.

Решения XXVII съезда партии, июньского (1986 г.) Пленума ЦК КПСС показали всю сложность этих вопросов и необходимость высшего политического их решения, правильно, марксистски сочетающего задачи экономического и социального развития общества.

Конкретный, научно обоснованный характер политики партии и социалистического государства в том и состоит, чтобы учесть своеобразие каждого периода, уметь измерить конкретно-историческую ситуацию общесистемным социальным масштабам. Принципиальная сторона проблемы заключается именно в том, как определить оптимальное практическое сочетание решения задач экономического и социального развития на каждом конкретном этапе. Такого рода системные задачи можно было бы назвать задачами высшего разряда сложности, ибо они многофак-

торны и требуют приведения к общему знаменателю совершенно разнорядковых условий, интересов.

Большой класс сложных системных задач, решаемых в практике государственного и общественного управления социалистическим обществом, методологически имеет своей основой различие отраслевых и государственных, профессиональных и социально-политических — словом, специальных и общесистемных критериев. Такие ситуации свойственны всем сферам народного хозяйства и культуры. Однако они не становятся легче от того, что типичны. Их решение всегда требует от центрального управления и местных органов глубоких научных знаний, высокой практической квалификации, серьезной марксистско-ленинской подготовки.

Рассмотрим в качестве примера систему заочного и вечернего образования. Наше государство готовило и готовит через эту систему значительную часть специалистов с высшим образованием и большое количество работников, получающих среднее образование. Значение этой формы учебы в жизни нашего общества велико. Через эту «школу» прошло огромное количество руководителей производства всех рангов. И большинство из них объективно не имели другой возможности получения образования. Многие годы от этой формы подготовки кадров в большой мере зависел успех технического прогресса в народном хозяйстве. Вместе с тем эта практика разрешала и проблему социального равенства в получении образования для значительной части населения страны.

Все это бесспорные истины, но речь пока шла об оценках преимущественно социальной и народнохозяйственной сторон дела. А ведь кроме них существует еще и профессиональный аспект вопроса. С профессиональной точки зрения заочная и вечерняя школа, заочное и вечернее высшее образование не всегда, как известно, находятся на уровне дневного, очного обучения. Здесь следовательно, налицо объективное противоречие. Общественно важны в данном случае и первое, и второе, и третье требования — и выпуск необходимого количества специалистов для народного хозяйства, и возможность для каждого члена социалистического общества практически осуществить свое право на образование, и высокий уровень подготовки кадров. В каждом из этих трех общественных критериев — народнохозяйственном, профессиональном, социальном — находят выражение интересы социалисти-

ческого общества, но полная истина выражается только их совокупностью. Достаточно один из них применить как *единственно верный*, и государственное решение будет неправильным. Чаще всего общественному управлению приходится решать эту проблему при наличии противоречия между двумя, а то и всеми тремя факторами, критериями и системами оценок.

На первый взгляд кажется, что проще всего и наиболее рационально для народного хозяйства поставить во главу угла народнохозяйственный и профессиональный критерии. Но социалистическое государство не может игнорировать, даже временно, социальный критерий. Оно прежде всего должно обеспечить коренные потребности трудящихся, осуществление принципов социалистического общественного строя, даже если это может привести к некоторым издержкам по профессиональному критерию. Конечно, профессиональные издержки в подготовке кадров тоже нежелательны.

Но если на одной чаше весов оказываются возможные социальные издержки, а на другой — возможные профессиональные издержки, то «более общесистемную» роль играет требование социально-политическое. Так в практике складывается определенная субординация общественных системных критериев — социально-политического, народнохозяйственного, профессионального. Понятно, что соотношение этих критериев очень подвижно. Их субординация, взаимозависимость и мера соотношения определяются в конечном счете с учетом конкретно-исторических условий и практических обстоятельств. Разумеется, издержки во всех случаях носят временный характер и политика Коммунистической партии и социалистического государства направлена на то, чтобы находить пути оптимального решения проблем управления обществом, сводя к минимуму издержки подобного рода.

В истории нашего государства можно найти и такие примеры, когда, так сказать, «верховным» критерием становился народнохозяйственный или даже профессиональный. Можно, в частности, говорить о возрастании роли профессиональных критериев в условиях высокого уровня обеспеченности народного хозяйства специалистами и принципиальной решенности проблемы социального равенства в сфере образования. Все это практически важно и требует специального содержательного анализа. Здесь же хотелось бы подчеркнуть другую сторону дела — новую, специфическую роль политического руковод-

ства социалистическим обществом, руководства, которому надо наряду с функциональными задачами (в нашем примере — народнохозяйственные, профессиональные требования и соответствующие критерии) одновременно решать и кардинальные социальные задачи, уметь находить в любом деле социальный аспект и, что не менее важно, правильно соотносить и согласовывать его с другими системными критериями. Решение таких системных проблем требует буквально филигранной общественно-политической работы, которую партия и государство выполняют, опираясь на науку, специалистов на местах и в ведомствах.

Естественно, что такие задачи социалистического общества требуют и более развитой политической системы, способной учесть всю сложность явлений, многозначность и разнопорядковость действующих общественных критериев и в практическом руководстве страной осуществлять правильное их сочетание.

Необходимость всестороннего учета различных общественных требований — дело, типичное для практики управления социалистическим обществом. Возьмем ли мы проблемы подготовки кадров, развития науки, оценки произведений литературы и искусства, совмещения социальных, художественных и финансовых требований к кинопрокату и т. п., всюду приходится четко анализировать различные системы требований, потребностей, определенные виды общественных, отраслевых и профессиональных критериев, устанавливать их соподчинение, находить точное конкретно-историческое и содержательное соотношение этих критериев для оценки состояния и развития явления. Таких проблем немало. Они есть в экономическом, социальном и культурном строительстве, они есть в науке, идеологии, издательском деле. На страже правильного социально-политического их решения стоит партия, которая выступает с позиций «надотраслевых», с позиций общества в целом, исходя из коммунистической перспективы его развития.

Таким образом, чтобы решать сложные практические вопросы управления социалистическим обществом, нужны не только профессиональные знания и соответствующий опыт, важно овладеть многоплановым, диалектико-материалистическим (в том числе системным) видением проблем, научной методологией, надо знать и уметь применять учение марксизма-ленинизма, ибо оно, и только оно, дает прочные теоретические основания и принципы

для определения правильности вырабатываемых обществом решений.

Разнообразие «системных» задач, решаемых в практике управления социалистическим обществом, очень велико. Такие задачи лежат в основе планирования и прогнозирования развития социалистического народного хозяйства, составляют существенную сторону работы центральных ведомств и организаций, являются предметом постоянной заботы органов управления, занимающихся согласованием региональных и общесоюзных интересов, и т. п. Подобного рода задачи системны по самому своему существу, хотя в практике хозяйственного и политического руководства их так обычно не называют. Но дело, конечно, не в том, чтобы содержательные задачи определенного рода изложить на языке системного подхода, в этом нет практической нужды. Действительная нужда состоит в том, чтобы было выработано более глубокое понимание реальной диалектики общественного развития, чтобы методологические положения и ориентации, установленные наукой, стали достоянием специалистов-практиков.

Необходимо, например, чтобы специалисты конкретных областей знания и различных сфер практической деятельности имели четкие представления о соотношениях системных критериев — отраслевых и народнохозяйственных, экономических и общественно-политических, социальных и профессиональных, умели выявлять постоянные и переменные зависимости в рамках этих соотношений, видели конкретно-исторический характер их различных сочетаний и не абсолютизировали каких-то отдельных принципов и сторон. Наконец, существенно, чтобы они не только приобрели общее представление о системном подходе, но и умели практически анализировать с этих позиций, с позиций марксистско-ленинской методологии в целом любую конкретную ситуацию.

Становление и развитие коммунистической общественной формации

Принятая XXVII съездом КПСС новая редакция Программы партии ввела в оборот социально-политического мышления ряд новых и важных теоретических положений. Одно из них — это положение о формировании и укреплении общекommунистических начал в процессе строительства нового общества. Оно позволяет, пользуясь макромасштабными представлениями о коммунистической общественной формации, лучше выявить всю линию преимущественности социалистического и коммунистического строительства, не огрываясь от реальных проблем реального социализма, точнее определить актуальные и перспективные программы, осуществить более глубокую теоретическую проработку оснований и целей будущей социальной политики.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркнул, что «достигнутый уровень развития, масштабы новых задач выдвигают потребность в долговременной, глубоко продуманной, целостной, сильной социальной политике, охватывающей все стороны общественной жизни»¹.

Разработка такой политики и комплексной социальной программы в современных условиях — дело чрезвычайно важное и ответственное, она предпринимается в обстановке крайнего обострения и усложнения мирового экономического и политического положения и фактически выражает линию защиты позиций социального прогресса, линию последовательного осуществления коммунистических идеалов и программ.

В данной главе рассматривается процесс формирования общекommунистических начал как один из аспектов

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 45.

становления и развития коммунистической формации. Разработка этой проблематики только начинается. Настоящий анализ также носит постановочный характер и отнюдь не претендует на законченность и полноту.

Становление и развитие коммунистической общественной формации, рассматриваемое как макросистемный процесс, имеет множество различных сторон. Здесь имеется в виду рассмотреть его, во-первых, как главную тенденцию современного общественного развития, во-вторых, как процесс формирования общекommунистических начал и, наконец, в-третьих, как коммунистическую направленность современного социально-экономического развития.

1. Главная тенденция общественного развития и его современный этап

Каждая общественно-экономическая формация представляет собой, согласно теории К. Маркса, определенную историческую ступень прогресса в развитии общественных производительных сил, имеет свое главное основание, свои специфические источники развития. Так, рабство превосходило первобытнообщинный строй применением массового подневольного труда. Феодализм превосходил рабство большей заинтересованностью производителя в результатах своего труда. Капитализм создал высокоэффективную систему крупного машинного производства, основанную на эксплуатации наемного труда. И, наконец, возникающие на базе всего предшествующего развития производительных сил социализм и коммунизм главным основанием прогресса имеют общественную собственность на средства производства и «освобожденный труд» — труд свободного, высокоразвитого человека.

Анализируя историческое развитие человечества в плане прогресса производительных сил, буржуазную формацию можно было бы, пожалуй, назвать обществом по преимуществу «экономическим», в котором все подчинено извлечению прибыли и повышению эффективности производства ради увеличения прибыли. В отличие от этого формацию коммунистическую следует по праву считать обществом по преимуществу «социальным», в котором все прямо или опосредствованно подчинено решению социаль-

ных и гуманистических проблем. Социализм и коммунизм ликвидируют эксплуататорский принцип буржуазной экономики («кражи чужого рабочего времени»¹) и заменяют его фактически обратным принципом — принципом «инвестиций в человека», вложения всех возможных средств общества в развитие и обогащение социальных условий жизни людей², в науку и культуру, что в итоге и создает условия для более полного и широкого прогресса производительных сил, для развития общества в его собственном и истинном смысле слова.

При социализме реальные общественные отношения развиваются в направлении достижения «действительной общности» людей³, они становятся все более равноправными, человеческими, культурными. Напротив, в буржуазном обществе, главным законом которого является производство прибавочной стоимости или нажива, все общественные и в значительной части даже личные отношения людей в решающей мере подчиняются извлечению выгоды, прагматизируются, несут на себе печать чистогана экономических зависимостей.

Социализм и коммунизм, на знамени которых написано: «Все во имя человека, все для блага человека», ликвидируют это буржуазное «угнетение» социального начала и делают социальную программу развития человека и общества *самоцелью* всего общественного развития. Именно это имел в виду К. Маркс, говоря, что буржуазной общественной формацией завершается предыстория человечества и с победой социализма начинается собственно человеческая история⁴, когда общество, опираясь на высокий уровень развития производительных сил, сознательно создает достойные человека условия социальной жизни.

Словом, историческое предназначение социализма и коммунизма в том и состоит, чтобы решить основные социальные задачи человеческого общежития, чтобы обратить все достижения ума и рук человеческих, возможности общественного производства на развитие человека, *всех* членов общества, на обогащение коллективных условий их жизни и деятельности, на создание такого общественного устройства, при котором свободное развитие каждого и свободное развитие всех взаимно обуславливают

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 214.

² См. там же, т. 4, с. 439.

³ См. там же, т. 46, ч. I, с. 105.

⁴ См. там же, т. 13, с. 8.

друг друга¹. Это развитие творческих сил человека, так же как и выработка передовых форм общественных отношений и социального устройства, становится вместе с тем источником свободного, ничем не стесненного, прогрессивного и универсального развития производительных сил². Такова *основная историческая тенденция общественного развития*. Такова «формационная» специфика общественного развития при социализме и коммунизме. Таковы цели, которым подчинена практика социалистического и коммунистического строительства.

Однако история свершается отнюдь не прямолинейно. Начиная с Великой Октябрьской революции в России, большинство социалистических революций происходило в странах со средним и низким уровнем экономического развития — там, где сильнее гнет и больше, так сказать, «пороха» для социальной революции, где соединение колониального, феодального и буржуазного угнетения делает его поистине невыносимым для народных масс.

Такое развитие дает несомненное ускорение исторического прогресса в целом, ведет к более быстрому становлению новой общественной формации, но вместе с тем здесь же вступают в действие и два условия противоположного свойства — фактор относительной отсталости производительных сил и фактор активного противодействия международной капиталистической системы.

Социализм, который по теоретическим прогнозам должен возникнуть на базе довольно высокого промышленного развития и развитого сельского хозяйства, в странах, не достигших этой ступени, вынужден после революции прежде всего достраивать свою экономику до уровня высококоразвитой, мобилизовывать свои силы на решение задач индустриализации, а также, конечно, обеспечивать защиту своих завоеваний от посягательств мирового империализма. Все это объективно задерживает, ограничивает или суживает реализацию социалистических программ социального развития, не дает возможности в полной мере широко и свободно строить новое общество, новые отношения.

Поистине героическими были усилия первой страны социализма и группы первых социалистических стран, которые в большинстве своем находились в такого рода исторических тисках и вместе с тем выкраивали из своего

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 447.

² См. там же, т. 46, ч. II, с. 33.

ограниченного национального бюджета средства на самые неотложные социальные программы: всеобщего бесплатного образования и бесплатного здравоохранения, социального обеспечения, строительства дешевых жилищ и детских учреждений, развития учреждений науки и культуры и т. п. Конечно, по мере укрепления экономики нашего государства (и других социалистических стран) ассигнования на социально-культурные нужды, включая науку, постоянно росли, увеличивалась их доля в национальном бюджете.

Этот героический путь ликвидации исторической отсталости и построения прочных социально-экономических, социально-политических, социально-культурных оснований социализма мы прошли. Мы построили надежный материально-технический базис социализма, стали могучей индустриальной державой мира, создали свою советскую социалистическую социально-политическую систему, выровняли уровни экономического и социального развития различных регионов страны, добились высоких результатов во всех сферах образования, науки и культуры, в расширении и обогащении духовной жизни общества в целом¹.

Достигнув высокого уровня социально-экономической зрелости, мы вступили в новую фазу общественного развития, и перед нами естественным образом встали теперь как очередные задачи — задачи всестороннего совершенствования социализма, борьбы за коммунизм.

Вступая на этот путь, мы должны отчетливо себе представлять как то, что лежит впереди, так и то, что осталось незавершенным от прошлых этапов строительства социализма, должны точно выверить свое теоретическое и практическое оружие, проверить адекватность действующих в управлении обществом механизмов и стереотипов, а по многим вопросам выработать принципиально новые меры, приемы и критерии. Работа, скажем прямо, не простая, но крайне необходимая для успешного продвижения вперед.

В наших сегодняшних представлениях о действительности фактически начинают действовать две взаимосвязанные системы ее оценок и измерений: одна — базирующаяся по преимуществу на представлениях нашего прошлого и настоящего, другая — обращенная в будущее, к

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 125—128.

новому этапу и новым задачам коммунистического строительства.

Согласно представлениям всего предшествующего периода развития нашего общества с его суровыми критериями борьбы за выживание, мобилизации всех сил и средств на построение могучей экономики, достижение быстрых темпов развития производства, и прежде всего производства средств производства, обеспечения обороноспособности страны и т. п., сделанное нами в решении социальных вопросов весьма значительно, фундаментально и в определенном смысле завершено.

Однако это верно лишь в рамках и по отношению к пройденному этапу развития. Что же касается современного и грядущего этапов развития, достигнутый ныне уровень, объем и широта решения социальных проблем являются, конечно, только основанием и исходным пунктом дальнейшего движения вперед, ибо новые программы социального строительства должны многократно превзойти все до сих пор созданное и по широте, и по сложности, и по фундаментальности.

Страна в течение долгого исторического периода развивалась так, что в ней преобладали программы экономической достройки материального базиса социализма и обеспечения защиты его завоеваний. Соответственно она создавала и решала свои социальные программы на вынужденно суженной основе, чаще всего в условиях большой нужды и острой конкуренции с другими приоритетными задачами. Можно сказать, что сама жизнь заставляла нас до сих пор больше внимания уделять выполнению производственно-экономических, нежели социальных и социально-культурных программ. Несомненно, что все возможное в прежних исторических условиях Советским государством для своего народа было сделано.

Теперь мы вступили в иной этап жизни нашего общества — этап *«всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны»*¹. Ныне благодаря успехам экономики, с одной стороны, и росту культуры и благосостояния населения — с другой, расширяется круг социальных потребностей. В результате многие проблемы, которые на прошлом этапе казались принципиально решенными и удов-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 122.

летворяющими общественные нужды, по новым меркам социально-экономического развития выглядят уже недостаточными, обнаружались новые слои запросов и проблем, требующих качественно новых подходов. Ныне порою кажется, что социальные проблемы и социальные аспекты проблем встречаются нас повсюду. И это закономерно. Пришло историческое время, когда их решение действительно становится самоцелью развития не только по генеральной идее, не только в принципе — как конечная цель социалистического преобразования общества, но как конкретно-историческая и практическая цель настоящего и ближайшего будущего, как рубежи и программы, без осуществления которых сам переход к коммунизму просто невозможен.

И дело тут даже не только и не столько в уровне асигнований на социальные нужды (эта величина зависит от конкретно-исторических возможностей общества), а в самом отношении к этому делу, в умении видеть и решать социальные вопросы, в понимании соотношения социального и экономического факторов на данном этапе, в глубоком осознании их современной роли и в конечном счете в понимании примата («высшего приоритета») социального начала в реализации коммунистических программ.

Этот вопрос ныне разворачивается во всю ширь, и на новом историческом этапе он приобретает новое содержание и во многом иные параметры и измерения, нежели на предыдущем.

К. Маркс в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», объясняя основные требования научного метода политической экономии, показал на примере труда, что «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и *обладают полной значимостью* только для этих условий и в их пределах»¹.

Аналогично дело обстоит и в данном случае. Современный этап развития коммунистической формации представляет собой такие исторические условия, когда решение социальных проблем (несомненно, и ранее решавшихся по мере возможности на всех этапах развития общества) становится одной из главных и самых актуальных обще-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 42. (Курсив мой.— В. К.)

ственно-исторических задач. В этих условиях социальное развитие по самой логике исторического прогресса, логике становления новой формации должно осуществляться наиболее широко и многосторонне, ибо само оно во все большей мере становится важнейшей *предпосылкой* коммунистического решения всех вопросов жизни общества, в том числе развития производства и повышения его эффективности. Именно для этих исторических условий категории социального развития обладают «полной значимостью», ибо только теперь может и должно быть обеспечено максимально широкое развитие этих процессов.

Конечно, само возрастание роли социальных факторов в историческом развитии, в чем наиболее адекватно выражается прогресс коммунистического строительства, становится возможным лишь на определенном экономическом базисе. Провозглашенная XXVII съездом КПСС стратегия ускорения социально-экономического развития как раз и подчеркивает то обстоятельство, что у самой исторической необходимости социального прогресса есть и более глубокие экономические основания. Только в случае обеспечения достаточного развития этих оснований могут быть успешно осуществлены и назревшие социальные программы¹.

Таков исторический период, в который мы вступили, который мы должны полностью осознать, и соответственно таковы в своей специфике программы общественного развития, которые нам предстоит разрабатывать и реализовывать на практике.

2. Становление и развитие общекommунистических начал

Сложность изучения становления и развития коммунистической общественной формации состоит в полисистемности самого этого процесса, а соответственно в необходимости его рассмотрения в разных системах координат. Если мы рассматриваем его через призму «стадиальную», т. е. через систему представлений о двух самостоятельных, сменяющих друг друга стадиях, ступенях, фазах социально-экономической зрелости общества, то мы фиксируем свое внимание на исторической специфике и различиях этих фаз между собой. Типичные гносеологиче-

¹ См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985, с. 70.

ские погрешности такого рассмотрения — невольное разъединение, обособление фаз, при котором вся линия преемственности фаз либо опускается, либо принижается.

Наоборот, если мы фокусируем познание на макросистемном процессе, на утверждении оснований, становлении и развертывании законов коммунистической общественной формации, то на первый план выступают базовые коммунистические качества и сущность всех основных процессов и явлений, а их особенности и конкретная совокупность составляющих их элементов на различных исторических ступенях воспринимаются уже как промежуточные качественные и количественные характеристики в пределах коренного качества данной общественной системы.

Фактически оба способа рассмотрения процесса становления коммунистической общественной формации выявляют различные ее аспекты, и в этом смысле каждый из них — неполный, односторонний. Соответственно для получения полной и объективной картины становления коммунистического общества нужна комплексная система знаний, органически их соединяющая. При этом следует иметь в виду, что на практике при рассмотрении явлений ранних ступеней развития социализма «стадиальная» призма видения использовалась до сих пор как преимущественная, а в обыденном сознании — даже единственная. Это практически было вполне допустимо, но, говоря строго теоретически, такая трактовка вопроса является неполной, содержит отпечаток одноаспектного познания. По мере же поступательного развития социализма и более широкого осмысления путей перехода к коммунизму рассмотрение явлений в разрезе «формационном» становится все более актуальным. Теперь уже на практике важнейшими методологическими требованиями становятся самостоятельное рассмотрение макросистемного, «формационного» процесса и создание системы знаний, объединяющей оба аспекта научного познания действительности.

С этой точки зрения весьма важно и очень симптоматично включение в новую редакцию Программы КПСС понятия «общекмунистических начал». Оно как раз и подчеркивает вторую, общесистемную сторону процесса становления коммунистической формации.

Согласно марксистско-ленинскому учению, системой, сменяющей капитализм, является коммунизм. А социализм есть лишь ступень (фаза) в процессе исторического становления коммунистической общественно-экономической формации, ступень, которую К. Маркс называл «пер-

вой» фазой коммунизма¹. Иными словами, выражаясь философски, различия социализма и коммунизма как ступеней и фаз есть различия форм существования в пределах единой коммунистической сущности процесса².

Соответственно существуют общесистемные законы (принципы) коммунизма и закономерности отдельных фаз становления общественной системы.

При анализе социалистического общества чаще всего подчеркивается именно социалистическая специфика общественных форм. Она есть и очень важна для понимания явлений, ибо отражает стадильную системность. Однако знание других — общесистемных, общекommунистических начал всех главных процессов строительства нового общества не менее важно для понимания закономерностей развития социализма и становления коммунизма, особенно на этапах высоких ступеней развития социализма. В данном случае мы будем анализировать по преимуществу этот макросистемный, или «формационный», процесс.

Победа социалистической революции устраняет буржуазный общественный строй и политически конституирует новый тип общественных отношений. На этой основе в процессе исторического становления социализма и коммунизма происходит коренное изменение отношений собственности, ее господствующей формой становится общественная собственность, ускоряется развитие производительных сил, качественно изменяются общественные отношения и социальная структура общества. На новой социально-экономической основе преобразуются формы распределения, характер труда, системы управления, постепенно устраняются последствия буржуазных и добуржуазных форм разделения труда: противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом, между развитыми и слаборазвитыми регионами. Постепенно и поэтапно реализуются главные цели строительства нового общества, основанием которых являются высшие принципы и идеалы коммунизма — социального

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 19, с. 19; *Ленин В. И. Поли. собр. соч.*, т. 33, с. 98.

² М. С. Горбачев, выступая на октябрьском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, подчеркивал: «Мы твердо держим курс на коммунизм, исходя из того, что между двумя фазами единой коммунистической формации нет и не может быть резкой грани. Нельзя, минуя социализм, непосредственно перейти к высшей фазе коммунизма, равно как неправильно представлять социализм в качестве самостоятельной формации» (Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 года. М., 1985, с. 7).

равенства и свободы, социальной справедливости, коллективистского характера общественных отношений, возвышения человеческих потребностей, всестороннего развития личности, действительной социальной общности людей.

Процесс этот сложен и двуедин¹. С одной стороны, его развитие протекает стадияльно, в частности, социалистически, а с другой — общеформационно.

Понимание этой сложности и двуединства ныне становится все более важным для правильной разработки практических программ нашего общественного развития. Поэтому нам представляется целесообразным несколько подробнее остановиться на методологической стороне вопроса.

Надо еще раз подчеркнуть, что «стадияльные» и «формационные» подходы и представления являются разноуровневыми и взаимодополняющими, а потому ни в коем случае не должны противопоставляться. Это было бы вредно для дела. Ибо в терминах и понятиях «стадияльной» системности раскрывается ныне течение большинства реальных процессов социалистического строительства.

«Формационная» же призма видения необходима нам для того, чтобы набирающие силу новые социально-экономические процессы и явления, ориентированные на решение проблем будущего, анализировались в соответствующей системе координат. Чтобы критериями их оценки выступали адекватные им общекommунистические принципы, а не только специфически социалистические нормы, которые в этом случае могут оказаться узкими и недостаточными.

В нашей учебной, а нередко и в специальной литературе, рассматривая уже пройденный путь строительства нового общества и его современные процессы, мы исходили из «стадияльных» (социалистических) характеристик. И в целом это оправдано, поскольку большинство изучаемых социально-экономических процессов и явлений были таковыми. А процессы и закономерности, реализующиеся как собственно коммунистические, в конце концов тоже пока несут на себе отпечаток социалистического исторического этапа, на котором они свершаются.

¹ Наука знает немало примеров сложных двуединных явлений, например онтогенез и филогенез в биологии, когда предмет или индивид является одновременно носителем двух разнопорядковых качеств бытия (здесь: индивидуального и видового), которые тем не менее изучаются раздельно.

Такая «одномерная» методологическая позиция допустима, пока общество не достигло высоких ступеней социально-экономической зрелости и пока мы не обращаемся к перспективным проблемам и задачам, ибо искажения, которые в этом случае с ней связаны, незначительны. Однако, вступая в исторический период, когда вопросы совершенствования социализма и перспективные вопросы коммунистического строительства встают в порядок дня, становятся очередными вопросами строительства нового общества, с таким неполным представлением мириться уже нельзя. Теперь законы становления коммунистической общественно-экономической формации — главные ее системные законы — надо рассматривать специально, но опять-таки, конечно, вместе с действием законов и задачами социалистического («стадиального») развития.

С точки зрения методологии здесь важно обратить внимание на то, что одни процессы являются социалистическими и по содержанию и по форме, другие являются по сути своей общекommуннистическими, то есть и коммунистическими и социалистическими. Этот феномен нам далее придется анализировать специально на примере ряда конкретных процессов и явлений.

Рассмотрение явления в двух системах координат глубже, богаче и правильнее одномерного. Оно позволяет легче и точнее представить разнокачественные моменты бытия, избавиться от болезней «зацикливания» в кругу рассматриваемых качеств, адекватнее выявить линию перспективы — развертывания сущности явлений, как сказал бы Гегель, или развертывания потенциалов, для которых оно «дает достаточно простора»¹, как говорил К. Маркс.

Итак, чтобы получить методологически правильную, так сказать, «объемную» картину становления коммунистической общественной формации, нам надо рассмотреть этот процесс как двуединый: стадиальный и формационный. Тогда, с одной стороны, он предстанет перед нами в виде социального организма определенной «ступени экономической зрелости»². Это очень важная призма (аспект) рассмотрения предмета, поскольку она позволяет нам увидеть и понять специфические черты данного социального организма, а также познать особенности каждого из исторических этапов. Однако, если стадиальное

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 98.

рассмотрение станет единственной формой познания явлений, то в силу чисто гносеологических причин может произойти невольная абсолютизация различий между фазами, их неправомерное обособление, будет затруднено понимание единого строя системных закономерностей коммунистической общественно-экономической формации.

Вторая призма видения, другой аспект познания — рассмотрение фундаментальных начал общественной формации, их становления и развития в процессе поступательного исторического процесса — помогает более точно раскрыть картину накопления оснований и элементов коммунизма, становления коммунистического качества жизни, раскрыть противоречия этого процесса на этапе перерастания одной стадии в другую, выявить закономерности становления системы целостностью¹.

Конечно, в жизни, в действительности оба эти процесса совершаются одновременно и нераздельно: строится социализм и прорастает коммунизм. Но научное познание, специализируясь и углубляясь, дифференцируется, обособляет изучаемые предметы. А потому, специализируя одни формы познания на изучении одних аспектов бытия, оно вынуждено дополнять его другими формами, специализированными на изучении других аспектов. Так, знание о предмете на нынешнем этапе развития научного познания становится более сложным, превращается в систему знаний о нем, состоящую из данных различных форм и приемов познания.

Готовясь к Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин детально штудировал теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу о социализме и коммунизме. Особенно подробно он проанализировал их труды в работе «Государство и революция». В подготовительных материалах к книге он следующим образом резюмировал их учение о двух фазах будущего общества:

«Итак:

I «долгие муки родов»

II «первая фаза коммунистического общества»

III «высшая фаза коммунистического общества»...

Итак, здесь ясно, отчетливо, точно различаются две фазы коммунистического общества:

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 229.

ни з ш а я («первая») — распределение предметов потребления «пропорционально» (567) количеству труда, доставленного каждым обществом. Неравенство распределения еще сильно. «Узкий буржуазный горизонт права» еще не вполне превзойден. Это *NB!!* С (полубуржуазным) правом явно не вполне еще исчезает и (полубуржуазное) государство. Это *Nota Bene!!*

Тоже форма принуждения: «не работает так не получит и есть»

NB

«вы с ш а я» — «каждый по способностям, каждому по потребностям». Когда это возможно? Когда (1) исчезнет противоположность умственного и физического труда; (2) труд делается *первейшей жизненной потребностью* (NB: привычка трудиться станет нормой, без принуждения!!); (3) производительные силы высоко разовьются и т. д. Явно, что *полное* отмирание государства возможно лишь на этой высшей ступени. Это NB»¹.

Работа стала потребностью, нет принуждения никакого

В книге «Государство и революция», анализируя известные положения Маркса в «Критике Готской программы», Ленин писал: «Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), *Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма*»².

Ленин прослеживает различия некоторых специфических экономических и социально-политических процессов, характерных для низшей и высшей стадий развития коммунизма. При этом он подчеркивает объективную обусловленность стадильности этого процесса. «Разбивая мелкобуржуазно неясную фразу Лассалья о «равенстве» и «справедливости» вообще,— пишет он,— Маркс показы-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 185, 187.

² Там же, с. 98. (Курсив мой.— В. К.)

вает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)»¹. В таком же ключе он пишет об отмирании государства, которое станет возможным только на высшей ступени, об обязательности (и известной принудительности) труда при социализме, прежде чем труд станет первой жизненной потребностью; о контроле за мерой труда и потребления, прежде чем труд станет свободной безвозмездной работой на общественную пользу, не учитывающей индивидуальных различий, и т. д.

Во всех этих случаях стадии решения тех или иных генеральных задач строительства коммунизма отражают исторические ступени социально-экономической зрелости строящегося общества, и вместе с тем они как бы обозначают ступени развертывания потенций нового общественного строя, превращения возможного в действительное.

Вместе с тем Ленин подчеркивает не только стадийность и последовательность социалистических и коммунистических преобразований, но также и их принципиальное единство, *целостность всего процесса*. По сути дела, перед нами раскрываются два вида, или среза, системности. Один из них — стадийный, раскрывающий закономерности функционирования и развития подсистемы социализма. Другой — «формационный», охватывающий процесс формирования предпосылок, оснований и закономерностей всей общественной формации.

Становление коммунизма как общества социальной справедливости и свободы, общества, основанного на принципах коллективизма, сознательности и организованности, общества разума, высокой социальной и духовной культуры, ассоциации всесторонне развитых людей можно рассматривать в целом как единый процесс развертывания его социальных потенций, где различные ступени имеют значение его определенных градаций. Это возможный и верный взгляд на формационный процесс становления нового общества. Однако для того, чтобы правильно схватить более дробные процессы социалистического развития, следует обратить внимание на то, что одни из этих процессов (например, формы распределения, формы поли-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 93.

тического управления и т. п.) формируются и качественно преобразуются медленнее. На первых этапах они отчетливо выступают в своих стадийных социалистических формах, затем качественно преобразуются или же отмирают. Другие же процессы имеют более выраженный «сквозной характер», они сразу выступают как формируемые общекommунистическими принципами (kommунистическое мировоззрение, kommунистическое отношение к труду, kommунистическая нравственность и т. п.). И Ленин не случайно уже в первые годы Советской власти отмечает их как ростки нового, как «фактическое начало коммунизма», хотя они, конечно, тоже формируются и накапливаются постепенно.

Рассмотрим некоторые из этих авангардно формируемых общекommунистических оснований и действующих принципов, которые в новой редакции Программы КПСС удачно и емко названы процессом укрепления «общекommунистических начал», означающим действительное движение общества к коммунизму¹.

Общественная собственность на средства производства. Классики марксизма-ленинизма многократно отмечали фундаментальность фактора общественной собственности на средства производства как главной (наряду с завоеванием политической власти) предпосылки становления kommунистической общественно-экономической формации.

Вот только некоторые их высказывания по этому поводу: «*Пролетарская революция*, разрешение противоречий: пролетариат берет общественную власть и обращает силой этой власти ускользящие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества. Этим актом он освобождает средства производства от всего того, что до сих пор было им свойственно в качестве капитала, и дает полную свободу развитию их общественной природы. Отныне становится возможным общественное производство по заранее обдуманному плану»². «Только устройство крупного общественного, пла-

¹ См.: Материалы XXVII съезда Kommунистической партии Советского Союза, с. 138.

Рассматриваемые ниже общекommунистические основания и принципы берутся только как отдельные примеры для иллюстрации логики развиваемых здесь идей. Их содержательная классификация потребует, несомненно, более многогранного рассмотрения их самих и существующих между ними связей и зависимостей.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 229.

померного хозяйства, при передаче собственности на все земли, фабрики, орудия рабочему классу, в состоянии положить конец всякой эксплуатации»¹.

Очень характерно также замечание Ленина, которое он делает по поводу употребления Марксом понятия первой фазы коммунизма и о значении общественной собственности в ряду предпосылок коммунизма. «То, что обычно называют социализмом,— писал Ленин,— Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм»².

Конечно, полная смена структуры собственности, присущей буржуазному или феодально-буржуазному обществу, на новую, присущую социализму, совершается не в один миг. При социализме на ранних ступенях его развития еще сохраняется определенная многоукладность экономики. Однако после социалистической революции господствующей становится общественная собственность на средства производства (государственная и кооперативная). Определенное историческое время может существовать и мелкая частная собственность.

Процесс этот неоднозначно по формам и темпам обобществления развивается в различных социалистических странах, однако его движение в направлении установления господства общественной собственности на средства производства есть решающий показатель движения к социализму и коммунизму. Поэтому и показатель радикальности этого процесса, осуществляемого в ходе пролетарской революции и в период социалистического строительства, является, естественно, важнейшим показателем создания коренных формационных предпосылок нового строя. Наша страна решила эти вопросы сравнительно быстро. Основной вклад в это был сделан национализацией земли, банков и крупной промышленности, совершенной в процессе революции. К 10-летию Советской власти (1928 г.) удельный вес социалистического хозяйства составлял в национальном доходе страны 44 процента, в том числе в промышленности — 82,4, в сельском хозяйстве — 3,3, в розничном товарообороте — 76,4 процента. А к 20-летию Советской власти (1937 г.) социалистический

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 124.

² Там же, т. 33, с. 98.

общественный сектор уже составлял 99 процентов национального дохода ¹.

Передача средств производства в общественную собственность — решающее условие построения социализма и коммунизма. И именно общественная собственность, конечно, представляет собой фундаментальнейшую предпосылку развития нового общества «на собственной основе».

Установлением общественной собственности сделан решающий шаг в создании общекоммунистических начал, в установлении реального равенства работников в отношении средств производства, в устранении эксплуатации человека человеком, утверждении всеобщности труда и трудовой основы распределения ².

Вместе, параллельно и неразрывно с изменением структуры собственности происходили и процессы коренной перестройки классовой структуры общества, ликвидации эксплуататорских классов и всех форм социального и национального неравенства, утверждения нового типа общественных отношений. Это, несомненно, является такой же фундаментальной предпосылкой развития нового общества «на собственной основе».

Особую группу предпосылок коммунизма составляют его *социально-политические и идейные предпосылки*. Они действуют на всех ступенях становления коммунистического общества, действуют как высокие эталоны настоящего и будущего. В их применении к процессам эпохи, конечно, можно проследить и выделить историческую специфику, но при формационном рассмотрении она окажется на втором плане, а первичной выступает их высокая общекоммунистическая суть.

Коммунистическое отношение к труду. В работе «Великий почин» В. И. Ленин показывает, что рожденные инициативой революционных рабочих коммунистические субботники являют собой пример и образец коммунистического отношения к труду, того самого отношения, которое, развившись во всю ширь и став всеобщим, станет важнейшим основанием нового общества. Так, уже на первых этапах строительства социализма самой жизнью рождается и начинает практически действовать всеобщий принцип коммунизма, начинают формироваться начала коммунистического отношения к труду.

¹ См.: Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977, с. 9.

² См.: Куликов В. Общекоммунистические начала социализма и экономическая стратегия партии.— Коммунист, 1985, № 18, с. 25.

«Коммунистическая организация общественного труда,— пишет Ленин,— к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов...

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих. Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как *фактическое* начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь *первые шаги* к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик»¹.

Ленин справедливо видел в коммунистических субботниках *«фактическое начало коммунизма»*. Позже были полные революционного энтузиазма довоенные пятилетки, годы Великой Отечественной войны, годы восстановления и развития народного хозяйства — гигантское множество свершений, полных трудового героизма миллионов советских людей. Свои образцы коммунистического труда вписали в летопись становления нового общества строители Магнитки, Турксиба, Комсомольска-на-Амуре, Днепродзержинска и многих других больших и малых строек этого великого времени. Массовый героический труд в трудных условиях становился жизненной нормой людей на долгие месяцы и годы.

Рожденные в созидательном труде советского народа движения ударничества и новаторства, различные формы социалистического соревнования и соревнования за коммунистический труд — все это укрепляло, умножало и продвигало эти социальные процессы дальше и глубже, делало их более сознательными и массовыми, как и пред-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 14, 22.

видели классики марксизма, формулируя принцип, известный как «закон масс»¹. Коммунистическое отношение к труду, зародыши которого Ленин наблюдал в первых субботниках, становилось устойчивой тенденцией всего социалистического строительства. И это постепенно расширяло и укрепляло начала коммунистического отношения к труду².

И хотя подлинно коммунистическое отношение к труду и сейчас составляет пока лишь часть общей картины, но эта часть — уже значительная, непрерывно нарастающая, динамичная, выступающая действенным общественным эталоном строительства нового общества.

Коммунистическое воспитание. Коммунистическая нравственность. Столь же универсально, как действующий принцип коммунизма, как одно из общекommунистических начал, В. И. Ленин понимает коммунистическое воспитание и коммунистическую мораль. Выступая на III съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи (1920 г.), он призывал учиться коммунизму, настойчиво овладевать знаниями, высокими достижениями науки и ценностями культуры, призывал молодежь учиться соединять свое учение с трудом рабочих и крестьян.

«Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата...

В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму»³.

Из этих знаменитых высказываний Ленина хорошо видно, что принципы коммунистического воспитания и коммунистической нравственности в ленинской программе строительства нового общества также выступают прежде всего в своей всеобщности и целостности, как универсальные требования воспитания масс. И вообще в учении Маркса, Энгельса, Ленина нет принципиального деления

¹ «Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 90).

² См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 164.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 309, 313.

на воспитание социалистическое и коммунистическое, на формирование морали сначала социалистической, а затем коммунистической. При всех фактически существующих исторических различиях сами требования эти едины, они всегда выступают как высокие общекommунистические принципы¹.

Рассматривая вопрос с методологической стороны, следует отметить, что в реальной практике строительства нового общества в качестве определяющих, главных критериев всегда берутся общие коммунистические принципы, а этапные, социалистические установки и цели рассматриваются как частные, неполные.

Здесь, как и в формировании всех других коммунистических отношений, конечно, нужно отчетливо различать действующие в обществе «коммунистические эталоны» и социально-исторические показатели всеобщности и полноты этих процессов. Понятно, что достижение полноты преобразований, их завершенность придет позже, когда коммунистической станет вся система общественных отношений. Но это ни в коей мере не принижает реальности и значения той действительной коммунистичности, пусть еще не полной, которой в своей революционно-созидательной борьбе достигают массы на каждом этапе строительства нового общества.

«В условиях постепенного продвижения к коммунизму.— говорится в Программе КПСС.— все полнее раскрывается творческий потенциал коммунистической морали — самой человеческой, справедливой, благородной, основанной на вечности целям революционной борьбы, идеалам коммунизма. Наша мораль впитала в себя как общечеловеческие нравственные ценности, так и нормы поведения людей и отношений между ними, которые рож-

¹ Здесь следует отметить следующее. Маркс, Энгельс и Ленин в своих трудах, как правило, употребляют термины «социализм» и «коммунизм» как однозначные понятия и имеют в виду при этом коммунистическую формацию в целом, ее законы, принципы, основания. Четкое и последовательное различение социализма и коммунизма как «первой» и «высшей» фаз имч проводится только в «Критике Готской программы» Маркса (1875 г.) и в книге Ленина «Государство и революция» (1917 г.). В небольшом количестве случаев они подчеркивали, что речь идет о полном коммунизме, его высшей фазе. Как правило, это делалось в связи с обсуждением вопросов об отмирании государства и политических форм вообще, превращении труда в первую жизненную потребность, осуществлении принципа распределения по потребности и т. п., т. е. тогда, когда они хотели подчеркнуть, что речь идет о намерениях самой дальней коммунистической перспективы.

дены народными массами в многовековой борьбе против эксплуатации, за свободу и социальное равенство, счастье и мир»¹.

Коммунистические теория, мировоззрение, идеология. Переход от капитализма к социализму и коммунизму — процесс революционный. Он предполагает наличие передового революционного класса, каковым является пролетариат, его авангардной политической партии, распространение революционного сознания в широких массах.

Коммунистические теория, мировоззрение и идеология — необходимые предпосылки формирования всех революционных процессов, они являются системообразующими (вместе с другими) факторами становления коммунистической общественной формации *на всех его исторических этапах.*

Коммунистическое учение Маркса, Энгельса и Ленина раскрыло законы общественно-исторического развития и выявило его движущие силы. Сами классики марксизма-ленинизма об этом говорили так:

«Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор»².

«Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества»³. «Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она *вырастает* из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 164.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 350.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 1.

стран света. И такая теория *выросла* со 2-ой половины XIX века. Она называется марксизмом»¹.

Коммунистическое учение, возникнув, овладевает массами, становится руководством к революционному действию.

«...Теория,— писал К. Маркс,— становится материальной силой, как только она овладевает массами»².

«Без революционной теории не может быть и революционного движения... *Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*»³.

В условиях социалистического общества марксистско-ленинское учение о социализме и коммунизме становится господствующим миропониманием и идеологией, основой всех форм образования и воспитания советских людей, формирования их политического сознания. Принципы передовой социальной теории стали у нас общепризнанными устоями общества, нашли свое воплощение в общественных отношениях, нормах коммунистической морали, советской законности, являются основаниями социалистического образа жизни.

Формирование коммунистического сознания масс — одна из главных составных частей коммунистического строительства. Эта социально-политическая работа осуществляется непрерывно, как непрерывен процесс общественной жизни. На смену одним поколениям людей приходят другие, и они в новых исторических условиях на своем собственном опыте должны усвоить учение о коммунизме и стать активными борцами за построение нового общества. «...Государство,— говорил Ленин,— сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»⁴.

Коммунистическая теория, мировоззрение и идеология играют в революционно-созидательном процессе становления коммунистического общества авангардную роль. В них заключены принципиальная программа строительства нового общества, метод революционных преобразований. Вооруженные коммунистическим учением, трудящиеся массы активно творят общественную историю. В. И. Ленин, подчеркивая практическое значение револю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 11.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 422.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 24, 25.

⁴ Там же, т. 35, с. 21.

ционной теории и идеологии, коммунистического воспитания масс на примерах конкретного строительства новой жизни, требовал: «Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое»¹.

Вот главная, по Ленину, социальная установка — насколько коммунистично то, что мы строим. В этом требовании заложены, как мы видим, самые высокие критерии — строить новую жизнь, всегда руководствуясь принципами и идеалами коммунизма. Конечно, качество коммунистичности, о котором говорит Ленин, понятие очень широкое, оно охватывает явления всех ступеней становления и развития коммунистической формации, начиная с первых ступеней строительства социализма, но это как раз и подчеркивает их принципиальное единство в сущности, их органическую преемственность и единородство в формах.

С особой силой Ленин подчеркивает единство коммунистической теории и революционно-созидательной практики, решающую роль непосредственного участия масс в общественных преобразованиях. Он всегда говорил и писал, что живое, творческое дело строительства социалистического и коммунистического общества — это и есть вместе с тем великий процесс превращения его создателей в людей новой формации. Все большая их коммунистичность не сваливается с неба и не приходит просто из книжки, она вырастает из новой совокупности общественных условий и их собственного практического участия в этом созидательном процессе. Именно потому Ленин любил повторять, что «коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело»², стать делом их обыденной жизненной, социальной и производственной практики.

Общественные фонды потребления. Вместе с тем «коммунистические компоненты» социалистического строительства в реальности представлены не только идеально — в виде принципов коммунистической идеологии, коммунистического воспитания, коммунистической морали, коммунистического отношения к труду и т. п. Они с первых же ступеней социалистического строительства как «ростки коммунизма» вводятся и в материализованных формах:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 91.

² Там же, т. 41, с. 408.

- всеобщего бесплатного народного образования;
- всеобщего бесплатного здравоохранения;
- всеобщей системы социального обеспечения в старости и по болезни, социального страхования.

Пользование всей этой огромной, непрерывно увеличивающейся и совершенствующейся системой общественных фондов *изначально* строится на принципах по образу своему коммунистических, обеспечивающих равный доступ членов общества к ним «по потребности» (конечно, при исторически возможном качестве их удовлетворения).

И это далеко не все. Фактически на тех же принципах (с некоторыми социалистическими «ограничениями») строятся и системы:

- дешевого *жилья* для трудящихся (без включения стоимости капитального строительства и т. п.);

- дешевых (и частично бесплатных) *детских учреждений*;

- дешевых (и частично бесплатных) *учреждений для отдыха* трудящихся;

- дешевого (или бесплатного) доступа в *учреждения культуры* и т. д.

Все это «работает» на выравнивание возможностей, которые предоставляет социалистическое общество *всем своим членам* для их жизни, социально-культурного развития, воспитания детей. Тем самым и при социализме (с его господствующим экономическим принципом распределения «по труду») сознательно усиливаются авангардные, коммунистические тенденции «по потребности». И чем дальше, тем больше.

Ниже приводятся данные о динамике роста выплат и льгот, полученных населением СССР из общественных фондов потребления в 1940—1984 гг.

	1940 г.	1960 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1984 г.
Выплаты и льготы — всего, млрд. руб.	4,6	27,3	63,9	90,1	117,0	140
Выплаты и льготы в расчете на душу населения, руб.	24	127	263	354	441	510

Из общественных фондов потребления населению обеспечиваются бесплатное образование и повышение квалификации, бесплатная медицинская помощь, посо-

бия, пенсии, стипендии учащимся, оплата ежегодных отпусков, бесплатные и по льготным ценам путевки в санатории и дома отдыха, содержание детей в дошкольных учреждениях и ряд других выплат и льгот. В 1984 г. из общей суммы выплат и льгот более 50 процентов составили денежные выплаты.

Расходы государства на одного учащегося в расчете на год составляют: в общеобразовательных школах — свыше 200 руб., в средних специальных учебных заведениях — свыше 750 руб., в высших учебных заведениях — около 1200 руб.

В 1984/85 учебном году три четверти учащихся дневных отделений средних специальных учебных заведений и студентов дневных отделений высших учебных заведений получали стипендию.

На содержание одного ребенка в детских яслях в год расходуется свыше 600 руб., а в детских садах — свыше 500 руб., при этом 80 процентов этих расходов оплачивается государством. На содержание одного больного в день государство выделяет около 11 руб.¹

Сегодня социализм, построенный в СССР, уже нельзя себе реально представить без этих «коммунистических компонентов» и непрерывного процесса их нарастания. Этим в решающей степени определяются и качество жизни советских людей и сами общественные отношения.

Несомненно, великим примером социалистического и коммунистического преобразования общества потомки будут называть *решение национального вопроса в СССР* и, в частности, беспримерный подвиг русского, украинского и других народов нашей страны, взявших на себя главную тяжесть выравнивания уровней экономического и социально-культурного развития бывших «отсталых национальных окраин».

Под руководством Коммунистической партии в СССР на деле обеспечено фактическое равноправие более ста наций и народностей страны. На всех этапах социалистического строительства партия и государство обеспечивали его политически, экономически, идеологически, социально и культурно. И только таким путем, действуя революционно, системно, руководствуясь самыми высокими коммунистическими принципами и мерками, они сделали возможным это социальное чудо. Самый трудный из всех

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1984 г. Статистический ежегодник. М., 1985, с. 425.

социальных вопросов, сотканный из многовековых традиций, сложнейших исторических наслоений и предрассудков, стал успешно решаться на единой пролетарской классовой основе, и, конечно, никакие полумеры такого результата дать не могли бы. Национальное строительство в СССР с самого начала было последовательно революционным, коммунистическим по существу своему и по радикальности процесса, и по методам его осуществления. В тех странах, где пытаются решать национальный вопрос без радикального решения проблем выравнивания уровней социально-экономического и социально-культурного развития, знают, что таким путем он решается только частично и значительно медленнее.

Итак, даже из этого краткого анализа «элементов коммунизма» в социалистическом строительстве наглядно видно, что социализм в своих главных чертах есть становящийся коммунизм, результат действия общих законов и принципов коммунистической общественной формации. Рассматривая его качественную эволюцию, можно сказать, что как социализм он тем полнее, чем больше в нем развито и действует общекоммунистических начал. И, наоборот, чем менее радикально с коммунистической точки зрения решены в этом обществе проблемы собственности, общественных отношений (включая национальные), преобразования классовой структуры, идейно-политического воспитания масс, тем менее зрело это общество, несмотря на достигнутый уровень благосостояния.

Из приведенного анализа видно, что сосредоточение внимания на процессах формирования «общекоммунистических начал» имеет существенное теоретическое и практическое значение. Такая фокусировка познания более выпукло показывает всю линию становления формационных оснований. При этом продвинутость коммунистического процесса представляется нам большей, чем при рассмотрении вопроса сквозь призму чисто стадияльных представлений о социализме и коммунизме. И это не просто эффект гносеологических различий (хотя таковой есть). Здесь со всей очевидностью выявляется, что в реальной действительности социалистическое и коммунистическое начала более органично связаны между собой, что по многим параметрам становления «коммунистичности» их единство и реальное взаимодействие являются правилом, а не исключением. Таковы, по крайней мере, становление общественной собственности и общественных фондов потребления, формирование коммунистического

мировоззрения и идеологии, коммунистического отношения к труду, коммунистического воспитания, развитие форм общественного самоуправления и т. д.

Учитывая разноаспектность рассмотрения вопроса, видимо, необходимо подытожить наш анализ.

Строительство коммунистического общества — процесс сам по себе весьма длительный, поскольку для полной своей реализации он предполагает высочайшее развитие производительных сил, глубокую и принципиальную перестройку всего общественного организма. Кроме того, несомненно, что темпы этого строительства существенно зависят от того, насколько ему благоприятствуют общие условия мирового общественно-исторического развития.

Становление и развитие коммунистической общественной формации имеет, естественно, ряд исторических этапов — ступеней восхождения от состояния переходного периода к состояниям различных степеней зрелости социализма и все более полно коммунистическим. Абсолютных граней между ними, как это неоднократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма, нет. И дело тут не только в постепенности перехода от одной стадии к другой, но и в изначальной комплексности всего этого процесса, сквозной преемственности большинства его форм.

Правильное, так сказать, «объемное» представление об этом — сложно, и его следует рассмотреть в различных системах координат. Обычная, привычная нам форма описания данного процесса склоняет нас к мысли, что каждая фаза есть законченный социальный организм со своей особой структурой и системой функционирования. Это верно, однако такой взгляд освещает только одну сторону процесса и, соответственно, только часть истины. Другая сторона состоит в том, что социализм и коммунизм имеют *общее основание* и являются единой формационной системой, в строительстве которой преобладают не принципиальные различия, а преемственность форм и накопление качеств коммунистичности, ее общекommунистических начал (оснований). Притом процесс этот в формировании различных экономических, политических, социальных и культурных структур общественной жизни свершается неоднозначно. В одних из них накопление оснований будущего общества происходит более эволюционно и постепенно, в других, наоборот, более революционно и скачкообразно. Аналогично дело обстоит и в смысле действующих в общественной жизни критериев. В одних случаях наблюдается некая историческая раздвиг-

нутость и разведенность социалистических и коммунистических критериев и норм, а в других, наоборот, они выступают почти всегда вместе, в единстве и нераздельности. В результате фактически и продвинуто процесс коммунистического строительства, его вызревание далеко неравномерны в различных сферах общественной жизни.

Итак, совершенно очевидно, что строительство коммунизма есть процесс, имеющий две разноуровневые линии качественного развития, совершающиеся в органическом единстве. Одна из них характеризует этапные качественные формы сменяющих друг друга исторических состояний становящегося общества: переходный период, строительство основ социализма, построение социализма в основном, полной и окончательной победы социализма, развитого социалистического общества. Этими качественными определениями схватываются некие суммарные характеристики достигнутого этапа зрелости общественного организма, его, если можно так выразиться, «возрастная» системность.

Другая «формационная» линия качественной определенности характеризует процесс коммунистического строительства, взятый в целом как видо-родовой процесс. У него своя системность и свои системообразующие факторы. А та конкретно-историческая специфика развития, которая при рассмотрении отдельных стадий и фаз несколько абсолютизировалась, возводилась в ранг главных системных качеств, здесь, при более широком масштабе рассмотрения проблемы, выступает как момент этого процесса.

В фокусе данного рассмотрения вопроса находятся глубинные процессы формирования материальных, социальных и духовных оснований и движущих сил коммунистической общественной формации. При этом формирование качеств коммунистичности, будь то общественная собственность, общественное устройство и социальные отношения, социальное равенство, формирование коммунистической идеологии и морали, всестороннее развитие личности, рассматриваются как *всеэтапные* процессы последовательного накопления соответствующих черт, а отнюдь не как дело и задачи только высшей фазы строительства нового общества.

И последнее соображение. «Формационный» метод рассмотрения процесса становления и развития коммунистической общественной формации, несомненно, дает нам

весьма важную научную информацию и аргументацию. Однако было бы неверным трактовать его как призванный заменить существующие «стадиальные» представления о функционировании и развитии социалистического общества. Отнюдь нет. Нам представляется, что его действительная роль может заключаться в следующем.

Во-первых, полученное формационным методом знание будет существовать как второе, другого уровня знание об изучаемом предмете, что в целом, в итоге, создает более богатую систему представлений о нем.

Во-вторых, сам по себе «формационный» метод рассмотрения этих процессов, видимо, окажется наиболее адекватным при крупномасштабном рассмотрении проблем будущего, изучении полисистемного взаимодействия разнопорядковых явлений, перспективном планировании программ социального развития. В других случаях, особенно при изучении конкретно-исторического взаимодействия явлений на отдельных этапах развития, он, вероятнее всего, будет играть подчиненную роль.

В целом же можно предположить, что его значение по мере продвижения общества к коммунизму будет возрастать.

3. Коммунистическая направленность современного социально-экономического развития

В предыдущих разделах говорилось о коммунизме как о генеральной тенденции общественно-исторического процесса, о становлении и развитии общекommунистических начал. Теперь необходимо рассмотреть следующую группу вопросов — о коммунистической направленности современного и будущего социально-экономического развития.

Данная тема методологически продолжает анализ «формационного» процесса, но рассматривает его более конкретно — на примере реальных современных процессов и актуальных установок социального развития, ставит в фокус своего исследования практический ленинский вопрос — насколько коммунистично то, что мы строим¹.

В новой редакции Программы КПСС говорится: «Пар-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 91.

гим постоянно соотносит с коммунистической перспективой свою политику, экономическую и социальную стратегию, задачи организаторской и идеологической работы»¹. В этом исполненном глубокого смысла положении заключена целая программа теоретической и практически-политической работы партии, постоянно выверяющей свой политический курс на соответствие с коренными принципами и идеалами коммунистического учения, повседневно работающей над формированием текущих, среднесрочных и долгосрочных планов и программ социально-экономического развития².

Мы живем в такое время, когда будущее становится насущной заботой сегодняшнего дня задолго до его фактического претворения в жизнь. Это теперь уже стало правилом и никого не удивляет. Так, работы по овладению термоядерной энергией, положительные итоги которой предварительно ожидаются в начале третьего тысячелетия, ведутся уже более 30 лет; методы и технологии освоения Мирового океана, транспорт и связь будущего, средства биотехнологии, победы над тяжелейшими болезнями, например над раком,— все это разрабатывается в лабораториях ученых уже несколько десятилетий. Большинство результатов этих исследований придет в нашу жизнь примерно к 2000 г. (а может быть, и позже), но они придут многократно испытанные, проверенные, в наиболее эффективном и экономичном виде.

Словом, будущее рождается сегодня. И, конечно, не менее важно и не менее неотложно, чем разработка перспектив энергетики, транспорта и связи, проектирование будущего в сфере общественной жизни.

Попробуем же рассмотреть в проекции будущего несколько массовидных процессов, например, таких, как строительство жилья, отдых трудящихся, проблемы роста благосостояния, развития и возвышения потребностей в связи с процессом формирования коммунистических общественных отношений.

Развитие социализма с неизбежностью предполагает постоянный рост материального благосостояния народа. Однако сам по себе рост благосостояния не тождествен росту коммунистического качества жизни общества.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 141. (Курсив мой.— В. К.)

² См.: Федосеев П. Н. Диалектика в современном мире.— Вопросы философии, 1986, № 5.

Классики марксизма представляли социализм и его коммунистическую перспективу как «общество, основанное на началах коллективизма»¹. Но сейчас находится немало «идеологов» мелкобуржуазного социализма, различных форм рыночного социализма, ориентирующихся на широкое и даже преимущественное развитие индивидуальной собственности и индивидуалистических схем жизни. Культивируется даже особая потребительская программа такого рода: *собственный дом* (квартира), *собственная дача*, *собственная машина*, *собственная яхта* и т. п. Социализм все это допускает. И в каких-то формах и в каком-то количестве они существуют и, видимо, будут существовать. Но возникает вопрос: может ли такой «потребительский идеал» быть принят и признан генеральным направлением развития форм коммунистического потребления?

А если нет, то каков должен быть главный путь их развития и как общество будет действовать, обеспечивая ему необходимые социально-экономические приоритеты, чтобы двигаться в направлении «общества, основанного на началах коллективизма», а не в сторону «общества, основанного на началах индивидуализма»?

Возьмем, к примеру, проблему *жилья*. В СССР уже давно осуществляется курс на строительство дешевого жилья и постепенного обеспечения всех трудящихся общественным жильем. Сразу это сделать, конечно, нельзя. Но многие десятилетия интенсивного жилищного строительства привели к тому, что в 1984 г. государственные и общественные фонды жилья в СССР составляли в городах 77, а на селе 28 процентов². Право трудящихся на жилье записано в Советской Конституции (статья 44). Большая часть городского населения страны — свыше 80 процентов — уже имеет отдельные квартиры. Такой курс проводится в жизнь с 1957 г. Стремление дать каждой семье отдельную квартиру в принципе прогрессивно и правильно. Однако обратной стороной медали оказалось определенное разъединение людей по «сотам» семейных квартир. Жизнь в отдельных квартирах, дающих много положительного, имеет и отрицательные социальные последствия (особенно ощутимые для бывших жильцов больших коммунальных квартир): уменьшается в известном

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18. (Курсив мой — В. К.)

² См.: Народное хозяйство СССР в 1984 г. Статистический ежегодник, с. 440.

смысле сфера общения людей, обнаруживается тенденция к росту индивидуализма, сокращается сфера действия до-мового общественного мнения и т. п.

И с точки зрения воспитания коллективизма это поте-ри ощутимые и нежелательные. Но не возвращаться же опять к коммунальным квартирам? Нет, конечно. Пробле-му надо решать на новом уровне и в новых формах.

Современная практика градостроительства в нашей стране и за рубежом уже породила идею *этажа коллек-тивных служб*. Они уже существуют в реальности. В од-них случаях это элементарно необходимые комнаты для хранения велосипедов, санок, колясок, лыж, рабочей одежды, детских уличных игрушек и т. п., в других — это помещения для стирки и сушки белья, финские бани, гимнастические помещения, телевизионно-клубные залы, комнаты для детских игр и т. п. Несомненно, что при на-личии таких общих служб и помещений для совместного отдыха в доме и на близлежащих спортивных площадках люди встречаются чаще, объем общения их возрастает, общественное мнение становится более значимым факто-ром их жизни. Словом, жизнь их обретает больше черт коллективизма, что небезразлично для строительства но-вых общественных отношений.

И если это обществу очевидно, то, видимо, уже теперь можно давать «социальный заказ» архитекторам, строи-телям и плановикам на проработку таких проектов буду-щего жилья для трудящихся, которое бы, в свою очередь, всемерно способствовало воспитанию у них духа коллек-тивизма. Понятно, что не жилье играет в этом первую роль. Но и жилье тоже должно способствовать этому. В больших домах это, может быть, окажется «этаж кол-лективных служб», а при малоэтажном строительстве — какие-то другие формы. И дело, конечно, не столько в формах (их разнообразие может быть очень велико), а в том, чтобы такая проколлективистская, коммунистиче-ская направленность сознательно продумывалась, насаж-далась, планировалась и чтобы эта социальная установка последовательно и повсеместно осуществлялась¹. И пусть жилье станет дороже, скажем, на 10 процентов, но по

¹ Этот принцип был еще раз подчеркнут на XXVII съезде пар-тии. В резолюции съезда говорится: «Совершенствуя социалисти-ческий образ жизни, необходимо создавать максимум возможно-стей для утверждения коллективизма и развития личности» (Ма-териалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Сою-за, с. 106—107). (Курсив мой.— В. К.)

своим потребительским качествам оно станет значительно лучше и по своим социальным качествам будет значительно больше соответствовать требованиям коллективизма.

Рассмотрим в таком же плане проблему *отдыха*. Итак, индивидуальные или коллективные формы отдыха должны преобладать и поощряться? Что должно получить большее развитие — собственные, индивидуальные дачи или пансионаты, курортные и туристские гостиницы, кемпинги?

В СССР немало сделано в плане развития коллективных форм отдыха. Это система санаториев и домов отдыха, пансионатов, туристских гостиниц и баз, где ежегодно отдыхают и лечатся более 60 млн. человек (1984 г.). Это и система летних пионерских лагерей, где ежегодно отдыхают свыше 28 млн. детей. В некотором смысле это и система коллективного садоводства, охватывающая миллионы людей и т. п.¹

Как видим, сделано уже много. Но и этого для всех не хватает. Стремление граждан иметь гарантированную возможность отдыха для себя и членов семей понятно. Понятно и другое, что социалистическое государство, продолжая развитие всех этих систем коллективного обслуживания отдыха трудящихся (как правило, предоставляемого им за небольшую часть их реальной стоимости), в обозримый исторический период времени не сможет взять на себя расходы по строительству учреждений отдыха, которые необходимы для полного удовлетворения всех потребностей населения. Этого пока сделать нельзя, не забегая мысленно слишком далеко вперед.

Думается, что выход из этого положения состоит в том, чтобы наряду с дальнейшим развертыванием бесплатных и частично оплачиваемых систем отдыха шире развивать системы платного отдыха, т. е. строить курортные гостиницы, дачные кооперативы, пансионаты, кемпинги, работающие на полном хозрасчете. Притом делать это надо повсеместно, а не только в основных курортных зонах страны. Тогда обе системы, взятые вместе, полнее и лучше удовлетворят существующие потребности населения, будут взаимодополнять друг друга.

Иными словами, стремлению людей иметь собственную дачу (являющуюся, как известно, делом хлопотным,

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1984 г. Статистический ежегодник, с. 470.

дорогостоящим, требующим, как массовидный процесс, (отвлечения немалой части государственного земельного фонда) надо противопоставить предложение более рациональных с точки зрения общества и на деле более удобных населению форм коллективного отдыха.

Экономические возможности государства, строящего новое общество, на различных этапах могут быть различными, но генеральная (по своим социальным параметрам) линия всего коммунистического строительства должна быть единой — способствовать развитию начал коллективизма и противостоять всему, что порождает индивидуализм, ибо последний является антагонистом первого.

И это тем более актуально теперь, на более высоких ступенях развития социализма, ибо непрерывно возрастающее богатство общества и неизбежно сопровождающий его процесс индивидуализации потребления¹ создают потенциальную возможность для извращенного толкования коммунистических идеалов или попросту подмены их мелкобуржуазными идеалами.

Все это становится особенно очевидным, когда обращаешься к такому коммунистическому принципу, как *развитие и возвышение человеческих потребностей*.

Коммунистическое учение Маркса — Энгельса — Ленина исходит из того, что структура потребностей личности по мере роста образованности и культуры, развития социальной активности, повышения благосостояния будет изменяться в сторону возрастания роли высших духовных и социальных потребностей.

В целом это, несомненно, так и есть, особенно когда речь идет о нормальном процессе роста образованности и культуры людей. Здесь расширение круга духовных потребностей происходит в значительной мере параллельно росту образованности.

Сложнее обстоит дело, когда речь идет о качественном совершенствовании структуры потребностей, особенно о взаимодействии и единстве духовных и социальных потребностей. Простой рост духовных потребностей автоматически еще не дает коммунистические качества лично-

¹ Индивидуализация потребления и индивидуализм потребления не одно и то же. Первое не противоречит принципам коллективизма и коммунизма, ибо только выявляет многообразие потребностей и является характеристикой богатства как общества, так и личности. Второе же — индивидуализм — обособляет сам процесс потребления, ведет его к накопительству, созданию излишних количеств материального богатства в сугубо индивидуальном пользовании.

сти, для этого высшие социальные и духовные потребности должны быть перемножены друг на друга и выступать в органическом единстве. Именно такое их сочетание и предполагает коммунистическое учение. Соответственно, только таким образом становятся понятными законы формирования самых фундаментальных для становления коммунизма потребностей: коммунистического отношения к труду и превращения труда в первую жизненную потребность, всестороннего, гармоничного развития личности, высокой коммунистической нравственности.

Классики марксизма всегда подчеркивали это единство социального и духовного, сознания и поведения, теории и практики строительства социализма и коммунизма.

Так, разъясняя формулу всестороннего развития личности, К. Маркс писал, что в обществе будущего производственный труд подростков будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как средство увеличения производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей¹.

В. И. Ленин, выступая на съезде комсомола, подчеркивал, что «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»².

Ясно выраженная *коммунистическая ориентация* в данных вопросах, а теперь уже и практическая разработка в этом русле многих конкретных проблем воспитания, общественного управления, социального законодательства и т. п.— важнейшее условие ускорения процессов социального строительства. И, наоборот, неразработанность или отсутствие четких теоретических позиций по ряду вопросов социалистической собственности, социального равенства и справедливости, общественных приоритетов, привилегий и ограничений может приводить к шатаниям, неразборчивости, критически неосмысленному распространению псевдосоциалистических взглядов.

Проблема роста и формирования потребностей и стара и нова. Она имеет свои внутренние и внешние аспекты. Правильное ее решение принципиально важно, поскольку сами эти вопросы являются предметом социально-классовых отношений и идеологической борьбы. Внутреннее содержание проблемы развития потребностей в свое время очень удачно описал К. Ушинский в своей знаменитой речи о труде. Он писал: «Богатство растет безвредно для

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 495.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

человека тогда только, когда вместе с богатством растут и духовные потребности человека, когда и материальная, и духовная сфера разом и дружно расширяются перед ним. Большая разница в том, понадобится ли разбогатевшему крестьянину книга, рояль, картина или тонкое сукно и тонкое вино; захочет ли он дать хорошее образование своим детям, или заведет себе любовницу; будет ли побуждать его к новому труду желание расширить сферу своей общественной деятельности, или желание затащить еще тысячу в свой сундук. Вот почему, по крайней мере, царские заботы о политической экономии добывать бархат, тончайшие сукна и золотые кисеи, должны идти заботы об умственном и нравственном развитии народа, о его христианском образовании, — иначе все эти кисеи и бархаты не принесут массы счастья, а напротив — уменьшат ее. Но для чего же вся эта промышленная сумятица, если не для счастья? Не для того же, чтобы доставить политэконому и статистику удовольствие считать число фабрик и тюки товаров»¹.

Конечно, проблема разумного, правильного, органичного сочетания материальных и духовно-нравственных потребностей является долговременной, можно сказать, вечной проблемой, касающейся всех народов. Но по существу и практически дело состоит в том, насколько тот или иной общественный строй способствует или не способствует прогрессу в этой области.

В условиях буржуазно-помещичьей России, о которых писал К. Ушинский, эта проблема фактически не имела перспектив для радикального решения, и его слова оставались лишь высоким интеллектуальным призывом, благим моральным пожеланием. Теперь же, в социалистическом обществе, мы отчетливо видим, как эта сложнейшая социальная проблема начала успешно решаться.

В буржуазном обществе радикальное решение этой проблемы невозможно в принципе. В нем существуют две святыни: нажива и потребление. Погоня за наживой составляет абсолютный закон жизнедеятельности этого общества². А потребление представляет собой культ торгового общества, его рекламу и самоцель. В капиталистическом обществе прокламируется, выражаясь словами Геге-

¹ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. М., 1903, с. 494.

² «Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 632).

ля, «дурная бесконечность» потребления, притом по преимуществу материального потребления. Бесконечная погоня за прибылью и стремление к ничем не ограниченному личному потреблению, даже потреблению чудовищно вредному для здоровья, предосудительному нравственно, отупляющему своим полуживотным характером. Словом, здесь утверждается полная свобода потребления фактически без должного общественного контроля. И нет в этом обществе никакого более высокого общего принципа, никаких, принятых в обществе, более высоких идеалов, зовущих всех граждан к возвышенным социальным и культурным целям, его высшие приоритеты — нажива и потребление. В условиях, когда господствует чистоган, удел большинства населения — индивидуализм, замкнутость, снижение уровня духовных запросов, насаждаемая дешевым бизнесом массовая примитивизация потребностей.

При социализме в самой структуре общественных отношений заложена забота о человеке. Здесь, как прозорливо предсказывали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», растущее богатство общества — это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих. И это реально происходит. Тяга населения ко все более высоким уровням образования, овладению ценностями культуры и искусства, участию в общественных делах очень высока и постоянно растет. Этот рост социально-культурных потребностей всемерно поощряется обществом. Социалистическое государство создает для этого самые благоприятные условия. Оно берет на себя большую долю расходов на образование, науку и культуру, делая их для населения либо бесплатными, либо только частично оплачиваемыми. Понятно, что в таких условиях рост культуры и развитие потребностей населения происходит во много раз быстрее, этот процесс охватывает значительно большие массы населения, что в конечном счете приводит к более глубоким социальным преобразованиям.

При этом новое, поистине коммунистическое качество процесса роста культуры населения и возрастания его социальных и духовных потребностей состоит в том, что они берутся в неразрывном единстве, взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга. Новая общественная жизнь, пронизанная духом коллективизма, гуманизма, равенства и социальной справедливости, свободы, демократии и интернационализма, делает иным и само понимание материальных и духовных потребностей людей, не

позволяет им замыкаться в индивидуальной скорлупе. Богатство личностей в обществе, строящем коммунизм, на деле становится богатством всей этой человеческой ассоциации, общим достоянием нового общества.

Однако утверждение, что все вопросы формирования социалистических и коммунистических потребностей у нас уже решены и никаких значимых проблем больше нет, было бы неверным.

Думается, что современная обстановка должна быть охарактеризована иначе. Мы, пожалуй, только вступили в тот исторический период, который может быть охарактеризован как уровень богатого общества¹. Это соответственно вызывает брожение. Многие общественные отношения и социальные институты начинают переживать процесс «испытания богатством». И именно в этом плане следует еще раз вернуться к вопросу о столкновениях двух различных точек зрения на проблему индивидуальной собственности при социализме.

Выше, в связи с рассмотрением коммунистических ориентаций по проблемам жилища и отдыха трудящихся, мы уже отмечали, что в самом подходе к этому вопросу обнаруживаются две различные системы взглядов и поведения людей. Внешне это выглядит обыденно. Просто одни граждане склоняются к одному пути, другие — к другому. Конечно, среди людей, мечтающих о собственном «гнезде», есть много вполне умеренных и разумных людей, понимающих все правильно, не противопоставляющих свои потребности интересам других членов общества. И таких даже, вероятно, большинство. Но есть и другие, которые не только мечтают, но и действуют во имя того, чтобы собственный домик был в 2—3 этажа, дача тоже не меньше, машин в семье лучше иметь несколько, яхту можно иметь и одну, но в перспективе хорошо бы и свой небольшой самолетик иметь, как у героя последнего зарубежного фильма. Как видим, здесь «количество переходит в качество» и эталон при этом берется явно буржуазный.

Нормальных доходов трудящегося в социалистическом обществе для осуществления такой мечты и таких планов явно недостаточно. И вот тогда-то начинается «предпринимательская» деятельность, как правило, нарушающая все каноны социализма. И такой собственник вступает в конфликт с социалистическим обществом.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 125.

А если таких лиц в обществе становится много? Тогда по логике классовой борьбы они начинают воевать против «ограничений» и за какой-нибудь вариант «демократического социализма» (без ограничений собственности и личного потребления!).

Глубоко прав был Ленин, когда говорил, что такого рода мелкобуржуазные типы «никогда не станут социалистами по убеждению, прямыми, настоящими социалистами. Они станут социалистами, когда увидят, что выхода нет»¹.

Словом, во всех этих случаях (много их или мало) мелкобуржуазная, частнособственническая идеология уже не просто сосуществует с другими видами идеологии, а выступает оппонентом коммунистической идеологии. Ее представители не против роста материальных и духовных потребностей трудящихся, но их почему-то не устраивает социальная детерминация потребностей, установление общественных мер личного потребления, требований, чтобы потребности личности были «разумными» и соответствующими уровню развития общества².

Вопросы эти назрели. Соответственно, требуется большая научная и научно-практическая работа по выработке конкретных коммунистических ориентаций в вопросах формирования и воспитания коммунистических потребностей, борьбы против всяческих попыток их мелкобуржуазной эрозии.

Вместе с тем надо отчетливо видеть и то, что проблема эта состоит ныне не только во все увеличивающемся влиянии возрастающего богатства общества и соскальзывании части людей на путь потребительства и снижения уровня социальных и духовных интересов.

Сегодня эта проблема имеет четко выраженную политическую сторону. Мировая буржуазия в своем глобальном противоборстве с социализмом и коммунизмом пытается повсеместно подсунуть рабочему движению в виде троцкого копия идеала и идеологию мелкой буржуазии. Конечно, это делается «просто так», в порядке «заботы о процветании социализма» и его «чистоте». Это противопоставление развитию социализма мелкобуржуазной идео-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 219.

² Ф. Энгельс в статье «Карл Маркс» писал, что при коммунизме общество увеличит производительные силы и создаваемые ими продукты до таких размеров, «что каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянно возрастающих размерах» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 113).

логии и социальных структур очень многообразно. В развитых капиталистических странах гипертрофированно развивается сфера обслуживания, охватывающая там ныне более половины самодеятельного населения. Таким образом, создается огромный социальный резервуар, где господствуют частнособственнические структуры и идеология. Буржуазия всячески подкармливает этот слой мелких собственников, используя его двойственную природу, стремится утвердить его своим социальным резервом, фактически противопоставляет его организованному рабочему классу.

Выступая на международной арене, империалисты используют все рычаги экономических зависимостей, политического давления, шантажа и прямого подкупа для всемерного поощрения развития частнособственнических тенденций, они целенаправленно поддерживают социальные группы и лидеров, исповедующих эту идеологию, подталкивают неустойчивых руководителей национально-освободительного и рабочего движения на путь правой социал-демократии и т. п.¹

Ленин многократно предупреждал пролетарских революционеров о мелкобуржуазной опасности, в мелкобуржуазных извращениях социализма он видел одну из главных опасностей революции и социалистического строительства. История в полной мере подтвердила это ленинское предвидение и предостережение.

Вопрос о коммунистической направленности современного социально-экономического развития, о формировании коммунистического уклада жизни, о развитии общекommуннистических начал очень широк и многогранен. Рассмотренные выше вопросы служат лишь некоторым первичным опытом постановки и анализа этой проблемы. Необходимо ее дальнейшее всестороннее и обстоятельное исследование.

¹ Представители мелкобуржуазных ориентаций внутри рабочего движения часто маскируются под «истинных социалистов», приверженцев «демократического социализма» и т. д., но лучшая объективная проверка для них — предъявление им коммунистических принципов и критериев. Как правило, они их не приемлют, предпочитая строить «свой» социализм и «только социализм». Так, конкретная разработка перспективной программы коммунистического строительства, с другой стороны, становится и мощным идеологическим оружием в борьбе против мелкобуржуазной фальсификации коммунистического учения.

Подводя итоги всему сказанному, следует остановиться на вопросе о том, для чего нам необходимы сегодня глубокое теоретическое понимание общекommунистических начал и все приведенные выше методологические соображения о «формационном» видении проблемы.

Это необходимо прежде всего для более активного и всестороннего использования социальных факторов в практике социалистического строительства, а также для разработки перспективной комплексной программы социального и духовного развития советского общества.

XXVII съезд партии всесторонне разработал стратегию ускорения социально-экономического развития, определил главные задачи современного этапа социалистического строительства, борьбы за коммунизм. Применительно к вопросам социальной политики съезд исходил из решения двуединой задачи: ускорения развития социальной сферы и активизации всех социальных, человеческих факторов в общественном развитии страны. Такой подход обусловлен тем, что мы стремимся полнее и лучше реализовать высшие цели нашего общественного строя, а также тем, что социальные, человеческие факторы на этой стадии развития стали одним из главных резервов роста общественной производительности труда. Неучет или недостаточно полный учет их реального действия в производстве, управлении, общественных отношениях, идеологии, воспитании, культуре, системах обслуживания чреват существенными потерями, ошибками и просчетами. Сегодня таких просчетов можно насчитать уже немало (самые типичные из них отмечались на XXVII съезде партии), а завтра их может стать еще больше, если не добиться повсеместного и обязательного рассмотрения и решения всех назревших социальных вопросов. А для этого соответственно необходимо их системно изучать и знать, иметь отлаженные общественные процедуры рассмотрения и решения такого рода вопросов, повсеместно включать их в планы социально-экономического развития, всей нашей организаторской и идеологической работы. Это существенная сторона борьбы за повышение эффективности, стратегии ускорения социально-экономического развития.

Вторая главная нужда в разработке этих проблем состоит в том, что объективно их решение попало в исторически сложное и трудное положение. По логике развития социализма как общественного строя социальные

проблемы на этой стадии уже созрели для ускорения их решения и соответственно для существенного развертывания материального базиса этого процесса. Однако, с другой стороны, логика исторического соревнования и борьбы двух противоположных мировых социально-экономических систем и появление ряда новых мировых процессов планетарного масштаба требуют от общества все новых и новых неотложных затрат, что, в свою очередь, стесняет те накопления, которые в более благоприятных условиях пошли бы на развитие социальной сферы и ускорение решения программных целей коммунистического строительства.

В этих условиях, когда острота неотложных нужд политического, экономического и научно-технического порядка постоянно нарастает, судьба выполнения социальных программ прямо зависит от их разработанности, общественного контроля за их исполнением, политической воли и настойчивости в их осуществлении. Пример такого подхода как раз и продемонстрировал XXVII съезд КПСС, который так определил темпы развития экономики страны, чтобы они были достаточными, непременно создавали бы необходимый резерв для неотступного и систематического решения очередных социальных программ.

Перед лицом возникших экономических трудностей мир капитала, конечно, пошел в наступление на завоевания трудящихся, капитаны и политики буржуазного бизнеса всеми правдами и неправдами стремятся сохранить свои высокие прибыли и урезать существующие социальные программы. Полную противоположность миру капитала демонстрирует в своем отношении к этим проблемам строй социализма. Социалистическое государство и не может вести другую политику, ибо в осуществлении широкой социальной политики в конечном счете заключены высшие цели его созидательной деятельности. Сознательное и последовательное проведение такой политики в сложившейся современной международной обстановке есть вместе с тем одна из важнейших линий защиты позиций социального прогресса в целом.

Твердая установка XXVII съезда партии на дальнейшее ускорение развития социальной сферы и активизацию всех социальных факторов в общественном развитии органически сопряжена с требованием всемерного усиления теоретической и научно-практической работы в этой области. Так, формулируя задачи в области общественных наук, Программа КПСС предлагает советским обще-

ствооведам сосредоточить свое внимание, в частности, на изучении *закономерностей становления коммунистической формации, путей и средств постепенного продвижения к ее высшей фазе*¹, подчеркивает как неотложную задачу общественных наук на современном этапе выработку надежных экономических и социальных прогнозов.

Мы уже привыкли к тому, что Академия наук СССР и Государственный комитет СССР по науке и технике совместно с заинтересованными ведомствами систематически разрабатывают комплексную программу научно-технического прогресса в СССР. Эта программа стала важнейшим предплановым документом, она существенно повышает уровень научности, полноты и комплексности нашего народнохозяйственного планирования, помогает заблаговременной проработке перспективных проблем, определению последовательности решения актуальных задач и правильному построению системы приоритетов. В этой комплексной программе содержится ряд важных социальных вопросов или социальных аспектов тех или иных проблем. Однако для того, чтобы получить о них развернутое и полное представление, их надо рассмотреть не только в контексте проблем научно-технического прогресса, но и самостоятельно. Тогда будут действительно выявлены все основные линии и факторы их развития и детерминации: экономические, политические, культурные, научно-технические, внутренние и внешние, текущие и перспективные. Только на таком широком фактическом и прогностическом материале возможно проверить правильность и актуальность подготавливаемых новых решений и программ.

Принятая XXVII съездом КПСС новая редакция Программы партии намечает социально-экономические преобразования советского общества до начала третьего тысячелетия. Нам все чаще и чаще придется задумываться не только над тем, насколько в принципе коммунистично то, что мы сегодня строим, но и над тем, каковы конкретно должны быть следующие рубежи этой коммунистичности в каждой сфере жизни нашего общества.

«Партия,— подчеркивается в ее Программе,— рассматривает социальную политику как мощное средство ускорения развития страны, подъема трудовой и общественно-политической активности масс, формирования нового чело-

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 168.

иска, утверждения социалистического образа жизни, как важный фактор политической устойчивости общества. Она исходит из того, что воздействие социальной политики на повышение эффективности экономики, на все стороны общественной жизни будет усиливаться. Неослабную заботу о решении социальных вопросов труда, быта, культуры, об удовлетворении интересов и нужд людей КПСС считает законом деятельности всех государственных и хозяйственных органов, общественных организаций»¹. Партия выдвигает в качестве *основных задач социальной политики* неуклонное улучшение условий жизни и труда советских людей; все более полное осуществление во всех сферах общественных отношений принципа социальной справедливости; сближение классов и социальных групп и слоев, преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней; совершенствование национальных отношений, укрепление братской дружбы наций и народностей страны.

Сегодня, какую сферу жизни общества ни затронь, всюду встают актуальные вопросы дальнейших социальных преобразований. Естественно, речь идет о развитии общества в духе реализации коренных принципов научного коммунизма, в направлении поступательного развития общекоммунистических начал.

Разработка перспективных проблем социального развития требует, во-первых, анализа процессов настоящего и планируемого будущего на соответствие главным («осевым») принципам и целям коммунистического строительства: развития форм общественной собственности, формирования новых общественных отношений, утверждения социально-экономического равенства, изменений характера труда по пути превращения его в первую жизненную потребность, развития форм общественного самоуправления, перерастающего из социалистического в коммунистическое; развития материальных и духовных потребностей, всестороннего, гармоничного развития личности и т. п.

Во-вторых, это требует конкретной проработки программ будущего развития, определения ступеней и последовательности решения актуальных социальных задач во всех и каждой в отдельности сферах жизни общества: производства и потребления, политической системы, обще-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 150.

ственных отношений, образования и воспитания, охраны здоровья, отдыха трудящихся и т. п.

В результате такой многосторонней проработки и будут получены исходные научные и социально-политические материалы для определения восходящих ступеней все более полной коммунистичности, все большего развития общекоммунистических начал, для дальнейшей разработки оснований перспективной социальной политики Коммунистической партии и Советского социалистического государства.

Наша партия, следуя ленинской традиции, постоянно заботится о том, чтобы вся деятельность по строительству нового общества всегда имела четкие коммунистические ориентиры. Она всемерно способствует развитию живых ростков коммунизма, укреплению и наращиванию общекоммунистических начал. В современных условиях, определяя главные направления социалистического строительства, партия твердо держит курс на коммунизм, постоянно соотносит свою политику с коммунистической перспективой, разрабатывает теорию становления коммунистической формации, пути и средства продвижения к ее высшей фазе.

Учения о социализме и коммунизме во всем этом постоянно идут рядом, имея общие основания, взаимопро- никакая и взаимодополняя друг друга. Соответственно и применяемая для анализа этих процессов методология должна иметь развитые средства их отдельного и комплексного рассмотрения. Именно этим целям и служат вышеприведенные методологические соображения.

Раздел III
Философские
ОСНОВАНИЯ
СИСТЕМНОГО
ПОДХОДА

Место системного подхода в современном научном познании

Исследованию мировоззренческих, методологических и прикладных аспектов системности ныне посвящено огромное количество работ, ведущихся во всем мире представителями всех наук. В связи с этим, естественно, возникают вопросы: чем же вызван такой интерес к проблемам системности, каким потребностям развития современного научного знания это соответствует, чем обогащает науку системный подход и как это «новое знание» соотносится с исторически предшествующими слоями научного знания?

Отвечая на эти вопросы, можно было бы проследить историю возникновения и развития философских, обществоведческих и естественнонаучных системных представлений от их первичных и разрозненных форм, встречающихся даже у древних мыслителей, до фундаментальных системных теорий XIX и XX вв. Но это особая тема, в плане которой кое-что уже сделано и еще больше предстоит сделать. Нам же в данной главе хочется больше сосредоточиться на некоторых существенных сторонах вопроса происхождения и развития системного подхода.

Системный подход и стар и нов. Такие его основные идеи, как соотношение целого и части, несводимость целого к сумме его частей, соотношение непосредственного и опосредствованного, отношения иерархии, субординации и т. п., в философии и других науках ставились и разрабатывались на протяжении столетий и даже тысячелетий. Однако само по себе это не приводило к выделению их в самостоятельный и повсеместно применяемый методологический принцип.

И если существование общих идей системности имеет довольно длинную историю, то потребность в их широком научном и практическом применении — продукт XX в. Это прежде всего и стимулирует активную разра-

ботку проблем и принципов системного подхода, наблюдающуюся в настоящее время.

Современное научное знание стало более глубоким и сложным, многоуровневым и многомерным. Именно этим его свойствам и вместе с тем актуальным потребностям развития методологии науки и соответствуют в настоящее время основные линии разработки системного подхода.

1. Роль системного подхода в углублении качественного анализа

а) Целостные системы и системные комплексы

Понятие «система» употребляется ныне очень широко. В науке накоплено множество самых разнообразных представлений о системах. Системы различаются по формам и типам бытия, по отношению к движению, по уровням, по строению, а также по многим отдельным параметрам. Все эти представления в принципе верно отражают ту или иную сторону действительности и вполне обоснованно выделяют те или иные системные формы. Но нас в данном случае интересуют не столько системные формы, сколько сама природа и общеметодологическая функция системного подхода.

Среди великого множества типологических и параметрических различий систем важнейшее сущностное значение имеют различия их объективной природы как материальных и идеальных, естественных и искусственных, неорганических, органических, социальных. И, несомненно, каждый исследователь, приступающий к системному изучению тех или иных явлений, должен считать первым основанием своего исследования знания о закономерностях, присущих соответствующим классам и родам объективной реальности. Эти различия принципиально важны для понимания самой природы конкретных системных закономерностей. Без этого «реального измерения» разговоры о системном анализе часто приобретают довольно абстрактный и поверхностный характер¹.

Понимание объективной специфики систем в определенной мере связано и с самим процессом познания,

¹ Исключение составляют, пожалуй, лишь специальные исследования теоретико-познавательных аспектов теории систем.

как правило, отдельно описывающего бытие и диалектику явлений, их «статичность и динамику», «структуру и функции», «строение и развитие». Только подлинное единство описания явления в его процессуальной и статической формах дает нам достаточно точное («объемное») представление о действительности, в том числе, конечно, и о системах. Всякие попытки вольно или невольно игнорировать это коренное требование научной методологии ведут к упрощению реальной картины, замыканию в рамках того или иного типа «аспектного» видения проблем¹.

Кроме названных различий систем есть еще одно, так сказать, «объектное» их различие, которое тоже имеет важное значение для классификации систем, понимания их природы и фокусировок процесса познания.

Существует непреодолимое желание исследователей найти единое (инвариантное) основание для определения всего разнообразия существующих в мире систем. И наиболее часто «главными» признаками систем называют структуру, целостность, объектность². Действительно, для большинства материальных систем объективного мира основой присущего им единства являются строение (структура), объектность и целостность. Это очень наглядно выступает в явлениях неорганической природы. Возьмем ли мы системы атомарного, молекулярного или макромолекулярного уровней — повсюду их строение (структура) уже обладает чертами устойчивого, внутренне сбалансированного целостного объекта, которому присущи определенного рода системные закономерности.

Несколько более сложную картину мы наблюдаем в живой природе. Здесь «представительным» системным уровнем является организменный, а не микроструктурный, как это по преимуществу имеет место в явлениях неорганической природы. Конечно, и у живых организмов налицо объектность, целостность и сложная структура. Однако структура организмов сама по себе здесь не имеет того определяющего значения, как в явлениях неоргани-

¹ Эти проблемы будут специально рассматриваться в последней главе.

² За этим стоят многообразные конкретно-научные представления о *качественных объектах* (функциональных, структурных, идеальных и т. п.), что, несомненно, значительно шире представлений об объектах, имеющихся в обыденном сознании. Подробнее об этом см. ниже.

ческого мира. Поистине важнейшим определением живых организмов является система их жизнедеятельности, их взаимодействия и взаимоуравновешенности с внешней средой. Живой организм — это «открытая система», которая ежечасно и ежедневно зависит от своих жизненных условий. Он, как правило, не может существовать без пищи — больше нескольких недель, без воды — больше нескольких дней, без воздуха — больше нескольких минут¹. И, конечно, глубоко прав был И. М. Сеченов, когда он писал, что «в научное понимание организма должна входить и среда, влияющая на него»².

По сути дела, на этой основе формируются новые системные представления, которые уже не могут быть достаточно полно рассмотрены в системе координат *моносистемы* и требуют новых методологических средств и характеристик, позволяющих анализировать *полисистемные образования*.

Если же мы обратимся теперь к другому классу систем, например к системам, отражающим явления биологического симбиоза, биогеоценозов, системам типа «личность и коллектив», «природа и общество», «человек и машина», то увидим, что само понятие системы здесь иного рода, ибо у этих систем нет ни монообъекта, ни структуры и целостности в их классическом понимании. Более того, предметом изучения здесь являются не столько сами материальные системы и их закономерности, сколько *системы взаимодействия*, существующие между различными разнокачественными объектами, связанными необходимым образом. По сути дела, их изучение есть изучение взаимодействующих систем или системных комплексов.

При рассмотрении этого класса систем мы имеем дело уже не с одним объектом, а с двумя или многими, в соответствии с чем само понятие системного объекта оказывается существенно иным. Понятие целостности в этом случае становится в значительной мере условным и, видимо, должно быть заменено более широким и менее определенным понятием единства. Понятие структуры тоже теряет внутренне присущую ему строгость, а в ряде случаев, например при анализе систем типа

¹ Исключения, в которых эти величины являются несколько большими, не опровергают самого принципа зависимости организма от жизненной среды.

² Сеченов И. М. Растительные акты в животной жизни.— Медицинский вестник, 1881, № 26.

«природа и общество» и т. п., выглядит не совсем адекватно, ибо эти отношения не носят строго закономерного и однонаправленного характера, а скорее складываются в виде стихийно действующего параллелограмма разнонаправленных сил.

Что же делать? Доказывать, что системные комплексы — это не системы либо «нечистые» или «неистинные» системы? Разделить ли всю системную проблематику на учение о целостных моносистемах и системных комплексах? Либо пытаться выразить основание всех систем через понятие «взаимодействие»?

Первое соображение просто несерьезно, ибо системные комплексы являются не менее распространенным явлением, чем целостные моносистемы, а точнее говоря, практически для каждого явления можно установить и первое и второе «состояние».

Второе соображение — относительно расчленения системной проблематики на учение о целостных системах и системных комплексах — вполне реально и даже целесообразно, но и оно не помогает выявить единое основание систем.

Третье соображение хорошо лишь как одно из определений, потому что понятие взаимодействия является определяющим для системных комплексов и отнюдь не главным для понимания сущности целостных моносистем.

Итак, даже самый общий взгляд на реально существующее разнообразие материальных систем показывает, что существует по крайней мере два их основных «объектных» типа: целостные системы и системные комплексы. В первом случае предметом изучения оказываются прежде всего их *структура*, законы соединения частей и некое структурное или функциональное целое, их внутренние механизмы и интегральные закономерности. Во втором же случае предметом изучения становятся *связи, взаимодействия* и отношения двух или нескольких объектов-систем, образующих полисистемный комплекс.

Разнопорядковость этих классов систем очевидна, и выразить их единство через общее основание кажется трудным. Однако это необходимо, ибо строгость теории систем теряется, если однозначно не определить общее основание всех систем.

Что же тогда является таким единым (без натяжек) основанием всех разнообразных систем — объектно-структурных и динамических, монообъектных и полиобъектных,

материальных и идеальных, естественных и искусственных?

Нам представляется, что выход из этого положения есть. И он заключается в том, чтобы определить общее основание всех систем через древнейшую и фундаментальнейшую категорию человеческого познания — категорию качества, точнее, через одну из его разновидностей — понятие *качественного объекта, единства (совокупности)*¹.

В действительности качество, определяемое в философии как «тождественная со своим бытием определенность», будучи отнесенным не к свойствам вещей, а к объектам, единствам, совокупностям, означает фактически то же, что и система. В свою очередь, понятие системы оказывается как бы объективацией разнообразных «качественных узлов». При таком рассмотрении все системы (будь то химическая молекула, целостный живой организм, общественно-экономическая формация, системы «человек и машина», «личность и коллектив» или, в идеальной сфере, система взглядов, система принципов и т. п.) получают определенное общее основание, по отношению к которому такие системные характеристики, как целостность, объектность, структурность, функциональность, рассматриваются в качестве дифференцированных системных показателей.

Здесь естественно возникает вопрос об отношении и соотношении системного подхода и качественного анализа.

При всем разнообразии форм качественного анализа он во всех науках имеет уровни, так сказать, «элементного анализа» и «анализа совокупностей». Первый фокусируется и специализируется на изучении отдельных качеств-свойств и объектов, являющихся «элементами» изу-

¹ Здесь следует уточнить, о каких качествах идет речь. Качество всегда является опорным пунктом, предметом и «единицей познания». Только в одних случаях человеческое познание концентрируется на изучении отдельных качеств — свойств явлений, связей, отношений. Они как бы вырываются познанием из явлений и изучаются сами по себе. И то, что при этом изучаются конкретные параметры качеств-свойств, их количественные и мерные характеристики, дела не меняет, ибо при всем этом здесь важен не целостный объект, обладающий данными свойствами, а сами они.

В других случаях «единицей познания», наоборот, становятся сами качественные объекты, единства или совокупности. Они обладают закономерно определенным составом, структурой, основаниями — словом, качественной определенностью и целостностью. Именно эти «единицы познания» и являются тем, что ныне общепринято называют системами.

ческих данной наукой явлений и процессов, второй — «анализ совокупностей» — фокусируется на изучении неких соединений, целостных организмов, макросистем либо полисистемных комплексов, на исследовании их интегральных, «кооперативных» качеств и закономерностей.

Конечно, в каждой науке эти формы качественного анализа тесно взаимосвязаны и даже переходят одна в другую. Но по своим общеметодологическим основаниям они различаются как «элементоцентрическая» и «системоцентрическая» точки зрения.

При этом методы «элементного анализа», как правило, очень специфичны и узконаправленны. Возможности их обобщения и переноса из одной сферы научного знания (неорганическая и органическая природа, общество) на другую ограничены. Иное дело средства качественного «анализа совокупностей». Они, как оказалось на практике, значительно больше поддаются общенаучному обобщению, обладают большим изоморфизмом. И именно на этой базе — анализа качественно определенных совокупностей, связанных необходимым образом, — собственно и формируется системный подход, если рассматривать его гносеологические корни. *В определенном смысле системный подход и является качественным анализом совокупностей, одним из разделов современного качественного анализа.*

На протяжении многих веков понятие качества существовало как не определяемая далее «данность». По мере прогресса науки и практики та часть качественного анализа, которая представляла собой «элементный анализ», все более срачивалась с количественными и мерными характеристиками явлений. Наряду с этим другая его разновидность, представляющая «качественный анализ совокупностей», во многом оставалась описательной и объяснительной.

В определенной мере неразвитости представлений качественного анализа способствовало засилье в прошлые века идеалистических концепций, всячески отделявших от качественного анализа сущностное знание (о природе явлений, их основаниях и законах), выдавая его за идеальную, сверхъестественную первосубстанцию мироздания. В связи с этим качество представлялось самой абстрактной и «бедной» категорией идеалистической логики.

Диалектико-материалистическая методология в противоположность идеализму соединила качественные и сущностные характеристики бытия в единый комплекс,

в котором знания о природе вещей, их основаниях и законах становились наиболее «богатymi» характеристиками их качественной определенности. Соответственно и все средства методологии, способствующие раскрытию закономерностей строения, функционирования и развития, стали служить обогащению качественного анализа природных и общественных явлений. Свое место в этом процессе находит и системный подход, который, несомненно, по своей родовой принадлежности относится к средствам качественно-сущностного анализа.

Итак, первая существенная характеристика системного подхода, по нашему мнению, должна состоять в общей (родовой) идентификации его с качественно-сущностным анализом. Это позволяет точнее определить его действительную гносеологическую природу и преемственность «старого» и «нового» знания, установить через понятие качественной совокупности единое первооснование всех систем.

б) Системный подход. Объективация «качественных узлов»

Имеются три ипостаси системного подхода, раскрывающие существенные феномены современного качественного анализа. Во-первых, он выступает как средство *объективации* (выделения в качестве объекта исследования) *целостных явлений* и системных комплексов; во-вторых — как характеристика общих механизмов *интеграции*; в-третьих — как раскрытие *качественной многомерности явлений*.

Итак, первое, что дает понятие «система», — это объективация определенного «качественного узла», представление его внутренне определенной целостностью или комплексом¹. Уже это создает некую гносеологическую уста-

¹ Объективацию предмета познания в системном подходе мы понимаем двояко: как универсальное понимание качественного объекта, а также как «выделение предмета из фона» и как рассмотрение его «вместе с фоном», в единстве с условиями его существования.

Первое. «Качественный объект» есть широкое, универсализированное его понятие. Это может быть и функциональный объект (скажем, система кровообращения или обмена веществ), и структурный объект (атом, молекула), и надывидуальный макрообъект (общественно-экономическая формация, вид животных), и идеально представляемый объект (система законодательства) и т. п.

повку («призму видения»), ставит исследователя в позицию необходимости изучения единого строя закономерностей данного явления.

Система, по определению, есть «объединение частей и целое», и соответственно должны быть выявлены законы объединения частей в целое (например, законы химического «сродства», состава и строения, единство принципов какого-либо учения, однородность законодательства и т. п.).

Вместе с тем система, по определению, есть и «само целое», а это значит, что должны быть выявлены ее базисные основания, законы ее структуры, функционирования, движения и развития.

Следует при этом отметить, что далеко не всякое единство, представляющееся внешнему наблюдению системой, реально является таковой. История науки хранит поучительные примеры того, как в поисках действительных систем, их оснований и законов они первоначально понимались ложно. Наглядными примерами тому являются геоцентрические представления Птолемея, существовавшие до гелиоцентрической теории Коперника. Или, например, концепции предшественников К. Маркса и Ф. Энгельса во взглядах на историю и движущие силы общества, само понимание ими «общественных организмов».

Так, при изучении социальной жизни чрезвычайно важно знать, что является системой (целостным организмом), по законам которой она функционирует, — общество

Условность такого обозначения (с точки зрения обыденной, внешне наблюдаемой объектности) не противоречит объективной реальности этих разнопорядковых явлений, а лишь приводит их к более обобщенному выражению качественного объекта, необходимому и удобному для практики научного познания.

Второе. По сути дела, все явления обладают определенными системными качествами, они и сами суть системы, и входят в более широкие родовые системы, и связаны условиями существования, которые образуют системы, и т. п. Предметом изучения, таким образом, могут быть как сами объекты-системы, так и системы отношений, системы оснований и детерминаций, подсистемы, суперсистемы и т. д. Познавая объективную действительность «по частям», человек выделяет «из фона» определенный конкретный «качественный узел» — объект и фокусирует на нем внимание, как бы центрирует его, рассматривая целостно, системно сам избранный для изучения объект. Вместе с тем определение предмета познания как системного объекта организует процесс познания таким образом, что сам предмет, его основания, условия его существования и взаимодействия с внешней средой берутся в комплексе. Все это — проявления характерных процедур системного подхода.

вообще или отдельная формация? От решения этого вопроса непосредственно зависит, какие законы «ищет» наука в обществе — то ли единые и «вечные» законы всех времен и народов, то ли конкретно-исторические законы каждой общественно-экономической формации. Как известно, именно в этом пункте заключено коренное различие марксистских и домарксистских взглядов на общественную историю. Аналогично дело обстояло и с теорией видов Ч. Дарвина, периодической системой химических элементов Д. Менделеева и т. п.

Таким образом, уже само нахождение реальной системы, определение ее как конкретного взаимосвязанного целого создает соответствующую логику и методологию ее качественного исследования, вырабатывает системно-центрический взгляд на явления. Такой взгляд («установка») на объект изучения способствует выявлению его действительных законов, обнаруживает его *differentia specifica*, его системную качественную специфику.

Два гносеологических аспекта качественного анализа. Человеческое познание всегда строится вокруг изучения некоего качества. Только в одном случае «единицей познания» является отдельно взятое качество-свойство (красный, зеленый, холодный, соленый, мокрый, прозрачный, возбудимый, смелый), а в другом — целостный предмет, совокупность, комплекс (конь, бактерия, стол, дом, машина, мозг, анализатор — зрительный, слуховой и т. д.).

Иными словами, в качественном анализе существуют как бы два различных гносеологических приема или принципа. В первом случае происходит вычленение отдельного качества-свойства, изучение его самого по себе или в контексте конкретного явления. Это, так сказать, «элементный аспект качественного анализа». Во втором случае познание фокусируется на целостном объекте, качественной совокупности или комплексе. Именно эти целостные «объектные единицы» и есть системы. В этом случае в поле изучения оказываются состав и структура объекта, взаимосвязи частей, его интегративные, «кооперативные» качества, общие законы. Это, так сказать, «качественный анализ совокупностей». Таким образом, системный подход непосредственно связан не со всем качественным анализом, а лишь с одной его формой. Он фактически и есть своеобразная форма качественного анализа целостных объектов, совокупностей, комплексов.

Система — универсальный качественный объект. Конкретное научное знание уже давно оперирует различными

качественными реальностями как «условными объектами», и в понятии «система» они получают лишь адекватную этому форму. Рассмотрим примеры этого.

1. Физиология: система кровообращения, система обмена веществ, нервная система и т. п. — функциональные объекты.

2. Физика, химия: атом, молекула, полимер — структурные объекты.

3. Биология: виды и популяции животных, экологические системы — надындивидуальные природные макрообъекты.

4. Политическая экономия, социология: общественно-экономические формации — социальные макрообъекты.

5. Философия, право: система законодательства, система принципов, система взглядов и т. п. — идеальные качественные объекты.

6. Психология, социология, экология: система «человек — машина», система «коллектив и личность», система «Солнце — Земля», система «природа — общество» — системные комплексы.

Понятие «система» как раз и выступает универсализированным обозначением качественного объекта, пригодным для описания любого «качественного узла», совокупности, целостности, комплекса. Оно дает им единую гносеологическую «рамку» и методологически нацеливает на изучение их по единой схеме целостного (интегрированного) объекта.

Итак, удовлетворяя современным потребностям качественного анализа, системный подход уже своим главным понятием обеспечивает универсализированное обозначение всего многообразия качественных объектов (функциональных, структурных, развивающихся; разномасштабных макро-, мезо- и микрообъектов; разноприродных естественных и искусственных, идеальных и материальных качественных реальностей, а также сложных системных комплексов).

Система как феномен «выделения предмета из фона». Рассмотрев роль понятия «система» как универсализированного обозначения самых разнопорядковых качественных единиц, мы убедились в том, что оно хорошо обслуживает эту потребность теоретического познания. Вместе с тем обратной стороной этой «объективации качественных узлов» является эффект «выделения предмета из фона».

В. И. Ленин писал в «Философских тетрадах»: «Перед

человеком *сеть* явлений природы» и наши понятия, «категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладеть ею»¹. И действительно, все явления обладают системными свойствами. Они сами суть системы и входят в более широкие системы, связанные условиями существования, которые образуют системы и т. п. Предметом изучения могут быть как сами объекты-системы, так и системы отношений, системы оснований, детерминаций, подсистемы и, наоборот, суперсистемы. Познавая действительность «по частям», человек «выделяет из фона» определенный качественный узел — объект и фокусирует на нем свое внимание, он как бы центрирует его, рассматривая целостно, системно избранный для изучения предмет.

Итак, определение системы дает четкую привязку к конкретному объекту, устанавливает ее качество, границы, меру, сущность, а вместе с тем выделяет ее из фона, из «сети» других явлений.

Системные комплексы. Самый общий взгляд на существующее в природе и обществе разнообразие систем показывает, что, кроме их различий как физических, химических, биологических, социальных и т. п., их принадлежности к классам материальных и идеальных реальностей, а также их «масштабно-уровневых» различий (макро-, мезо-, микро-), существуют еще особые объектные различия целостных и сложносоставных явлений, когда сама система состоит из двух или нескольких самостоятельных, но необходимым образом взаимосвязанных систем. Таким особым случаем являются «системные комплексы». Итак, между целостными системами (человек, конь, ель, автомобиль и т. п.) и системными комплексами (система «человек — машина», система «коллектив и личность», система «Солнце — Земля», система «природа и общество», системы-агломерации и т. п.) существуют сходство и различия.

В первом случае предметом изучения оказывается прежде всего структура системы, законы соединения частей в целое, ее внутренние механизмы и интегральные закономерности; во втором — связи, взаимодействия и отношения двух или нескольких объектов-систем, образующих полисистемный комплекс.

Проблемы первичного изучения систем («предмет как система») здесь как бы отходят на второй план, они при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

существуют в исследовании в снятом виде. В связи с этим происходят и определенные изменения в содержании самих понятий «системный объект», «целостность», «структура» т. п. Так, целостность комплекса — это уже не органическая целостность целостных объектов, а только единство взаимодействующих систем, например водителя и автомобиля, летчика и самолета и т. п. Понятие структуры в данном случае также теряет внутренне присущую ему строгость, оно фактически становится понятием «вторичной структуры», т. е. структуры взаимодействия спаренных объектов-систем. А это не одно и то же, здесь меняется многое: характер связей, тип закономерностей, количество степеней свободы и т. п. Такова еще одна сложная «качественная единица», которую мы ныне называем системой.

Итак, как мы видим, системные понятия уже работают в научном познании, они обслуживают актуальные потребности современного качественного анализа.

И даже если бы системный подход нес с собой только эти методологические установки: а) исследовать целое как целое, б) исследовать законы его образования, в) исследовать законы существования и развития данного целого, то уже одно это оправдывает его применение в качестве самостоятельного методологического средства, ибо мир хотя и состоит из разнообразных «элементов», но в то же время он как бы стянут в различные «качественные узлы», «сгустки материи», соединения, блоки взаимодействий, комплексы — словом, в различные микро-, мезо- и макросистемы. И эта, применяя гегелевское выражение, качественная «узловатость» есть необходимая и закономерная форма существования явлений природы и общества, проявление одной из существенных закономерностей объективной реальности, что, конечно, уже само по себе требует специального изучения.

Итак, человеческое познание всегда строится вокруг изучения некоего качества. Только в одном случае «единицей познания» является отдельно взятое качество, свойство или отношение, а в другом случае «единицей познания» является целостный предмет, совокупность или комплекс. Именно эти последние, так сказать, «объектные единицы познания» и называют ныне системами. Уже в такой познавательной направленности содержатся в скрытом виде и соответствующий подход к изучению явлений, его средства и типические приемы. Так, изучение отдельных свойств характеризуется по преимуществу феноме-

пологическим типом познания, а при изучении целостных явлений преобладает детерминистско-объяснительный его тип, что организует и направляет познание по определенной методологической схеме изучения системообразующих факторов, системных (интегральных) законов функционирования и развития целого, иерархии системных оснований и взаимодействий с внешним миром.

Фактически понятием «система» в широкий научный оборот вводится представление об универсальном качественном объекте, оно служит познавательной рамкой для изучения любых качественных единиц — предметов, комплексов, свойств, связей, отношений, взаимодействий, придавая их рассмотрению форму целостного (связанного необходимым образом в единство) объекта. Вместе с тем в одном аспекте системного изучения это понятие служит как бы «выделению предмета из фона», конкретизации и локализации его, а в другом, наоборот, с помощью этого понятия рассматривается объект «вместе с фоном», с его родовыми основаниями и условиями существования. Именно в этом свете прежде всего и надо оценить значение понятия «система», служащего необходимой гносеологической рамкой или призмой анализа различных «качественных узлов» объективной действительности и задающего вместе с тем их исследованию определенную системоцентрическую и полисистемную программу изучения.

В целом достигаемое с помощью системного подхода объективирование «качественных узлов» действительности — несомненное завоевание научного знания, оно методологически правильно ориентирует исследователей на выявление интегральных закономерностей, лежащих в основе всех целостных явлений и системных комплексов.

*в) Системный подход.
Интегральное измерение явлений*

Чтобы ответить на вопрос, что такое система, надо прежде всего знать, чем она отличается от несистемы. Возьмем для примера два объекта: кучу яблок и яблоко. Куча — это простая сумма, суммативное множество, и она, как таковая, системой не является. Яблоко же есть органическое целостное единство, интегральное объединение со-

ставляющих его элементов или компонентов¹. Таким образом, как мы видим уже из этого простейшего примера, различие суммативных и целостных множеств состоит в феномене *интеграции*.

Соответственно исходным, базовым признаком системы является интегральная целостность, или интегральное единство, а специфическим предметом изучения — интегральные свойства и закономерности объекта или комплекса.

И вообще, когда речь идет о системном подходе или системном анализе — *cherchez l'integration* (ищите интеграцию). В определенном смысле системный подход и есть методологическое средство изучения интеграции, точнее, интегрированных объектов и интегральных зависимостей и взаимодействий. Такова действительная тайна системного подхода. И не случайно, конечно, греческое слово «система» (*systema*), означающее целое, составленное из частей, объединение, и латинское слово «интеграция» (*integratio*), означающее полный, целый, объединенный в целое, связаны глубоким сущностным единством, ибо каждое из них раскрывается через другое. Конечно, каждое из них имеет свою специфику. Так, понятие «система» в большей мере фиксирует объективную форму целого, а понятие «интеграция» подчеркивает процесс и механизм объединения частей, приобретения целым или комплексом интегральных совокупных качеств и т. п. Но оба они исходят из того, что интеграция является общим параметром объективной действительности.

Вряд ли надо доказывать, что интеграция — феномен всеобщий и универсальный. В нашем мире просто нет вещей или явлений, которые бы не являлись продуктом интеграции и которые бы не были связаны внешними интегративными связями. Но само по себе это еще не дает оснований для того, чтобы считать интеграцию основой основ мироздания. Законы, управляющие миром, конечно, не сводятся только к интеграции и полностью ею не объясняются. Однако закономерности интеграции чрезвычайно существенны для понимания самого механизма действия любых законов — структурообразования,

¹ Конечно, этот простейший пример несколько упрощает действительность, ибо и в суммативном единстве можно найти некоторые системные черты и связи, но это не устраняет качественного различия между целостными и суммативными единствами (множествами), и потому такое упрощение допустимо.

функционирования, развития и взаимодействия. Еще большее практическое значение законы интеграции имеют в сфере искусственно создаваемых человеком систем.

Раскрытие феномена интеграции — весьма существенный момент качественного анализа и методологии вообще. Еще древние мыслители, сформулировавшие положение «целое больше суммы входящих в него частей», отмечали тот кардинальный факт, что всякое целое обнаруживает некий *прирост* качеств и закономерностей по сравнению с исходными, обнаруживает некий интегральный эффект¹. Примерами его являются описанные К. Марксом эффекты кооперации, мануфактуры, фабрики, трестов и монополий, а также в химии — разнообразные структурно-интегральные феномены, в технике — эффекты больших систем и т. п.

В процессе развития всех наук изучено множество системных законов соединения частей в целое и законов существования и развития самого целого, раскрывающих конкретные механизмы интеграции в явлениях живой, неживой природы и общества. Обобщение этих закономерностей представляет особую и весьма интересную самостоятельную задачу науки, которая, однако, не входит в план данного исследования. Нам же хотелось бы здесь обратить внимание прежде всего на те общие черты интеграции, которые непосредственно относятся к методологии качественного и системного анализа. Это проблемы

¹ Тот факт, что интегральные, «кооперативные» (системные) свойства той или иной системы не есть простая сумма свойств составляющих ее элементов, давно и хорошо известен. К сожалению, общепринятого в системном анализе символа, обозначающего это приращение свойств, пока никем (по-видимому) не предложено. Каждый автор, исследующий ту или иную систему (в неорганическом мире, в технике, в мире живой природы, в обществе), использует, как правило, свою символику. Так, например, при описании системных свойств организационных структур управления Н. Н. Боголюбов с соавторами (*Боголюбов Н. Н., Воронцова И. П., Овсиевич Б. Л.* Об одном подходе к выбору структур систем управления. — *Техническая кибернетика*, 1974, № 3, с. 150—155) использовали тот же символ, которым была обозначена организованность входящих в систему подсистем, но со звездочкой. Если символом $R(A)$ авторы обозначили организованность системы A , состоящей из подсистем B_1, \dots, B_m , то организованность взаимодействия между подсистемами B_1, \dots, B_m (системные свойства) они обозначили сим-

волом R^* , т. е. $R(A) = \sum_{j=1}^m R(B_j) + R^*$, где $R(B_j)$ — организованность подсистемы B_j . Аналогичным образом поступают и другие авторы.

качественной самостоятельности и интегрального единства элементов, образующих систему, а также двойственности их качественной определенности в рамках целого.

Проблема качественной самостоятельности элементов и интегральных свойств целого (системы) методологически чрезвычайно важна и требует, несомненно, особого исследования. Однако и здесь в самом общем виде следует отметить, что ее научное решение сталкивается прежде всего с двумя вопросами: относительностью всех и всяческих представлений об элементах действительности и различием степеней качественной самостоятельности элементов в интегрированном целом.

Первый вопрос имеет по преимуществу гносеологическое значение, ибо очень важно отчетливо себе представлять, что всякие составляющие целое элементы могут быть сами рассмотрены как целое (системы). Глубочайшее по своему общеметодологическому значению ленинское положение о том, что «электрон так же *неисчерпаем*, как и атом»¹, могло бы быть с успехом перефразировано применительно к понятию «элемент» в системном подходе. И означает это не релятивистскую трактовку понятий «элемент» и «система», а множественность и разнообразие предметов исследования, каждый из которых может быть изучен по *схеме целостного (интегрированного) объекта*. Таким образом, понятие «элемент» в системном подходе имеет, главным образом, соотносительный смысл — «части изучаемого целого, совокупности, системы».

Второй вопрос — о степени качественной самостоятельности элемента в составе целого — принципиально важен для понимания самого механизма различных форм интеграции. В реальной действительности их различия весьма велики. С одной стороны, имеются такие формы интегральных единств (особенно в микроявлениях неорганической природы), в которых элементы в рамках целого в значительной мере «теряют свое лицо», свое исходное качественное своеобразие. Общее, совокупное интегральное качество здесь как бы «забывает» проявление собственных свойств элементов. Полностью, однако, это не происходит никогда². И, чем выше мы поднимаемся

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 277.

² Каждое неорганическое и органическое химическое соединение, будучи системой химических элементов или молекул, обладает специфическими для него системными физико-химическими свойствами. Но в то же время каждому соединению присущи и такие качества, которые обусловлены свойствами входящих в него

по эволюционной лестнице, чем крупнее и сложнее мы берем объекты для изучения, тем все больше и отчетливее выявляются наличие и сосуществование двух рядов качественной определенности: части и целого, «элемента» и совокупности, предмета и системы, индивида и вида и т. п. И это явление — удвоение качеств существования — в конце концов обнаруживает себя как всеобщий закон интеграции, что с необходимостью дифференцирует качественный анализ, требует отчетливо различать уровни: интегральных качеств (и законов) целого и элементарно-предметный уровень его составляющих.

Итак, системный подход в значительной мере вызван к жизни потребностями адекватного отражения явлений и закономерностей интеграции (присущей целостным образованиям и внешне взаимодействующим объектам и факторам). Как уже отмечалось выше, понятия системности объективируют различного рода «качественные узлы», являющиеся в то же время «узлами интеграции», вооружают нас особой, приспособленной для их изучения призмой, фокусируют познание на раскрытии специфических закономерностей целостных образований и комплексов, их совокупных, интегративных качеств. Именно через эти совокупные качественные показатели и общие закономерности системы, явления (элементы), составляющие целое, и получают второй ряд качественных характеристик, вследствие чего природа и сущность явлений раскрываются в новом свете, как бы во втором, особом измерении.

Эта фундаментальная закономерность системного подхода, угаданная в самом общем виде еще древними мыслителями, по сути дела, впервые была научно раскрыта и доказана в XIX в. в исследованиях К. Маркса, который сделал это теоретически наиболее глубоко, последовательно и обстоятельно, не только исследовав природу,

элементов. Иными словами, входящие в систему элементы продолжают сохранять свои «элементарные» качества. Различия поваренной соли NaCl и соли калийной KCl обусловлены именно различиями элементарных свойств. Способность водорода поглощать ионизирующие излучения (свойство, широко используемое в технике) проявляется и в том случае, если водород входит в состав воды, и тогда, когда он входит в другие соединения, например в парафин. Еще одним примером проявления «элементарных» свойств систем являются оптические свойства соединений, индивидуальность спектров испускания и поглощения химических элементов и молекул, лежащие в основе широко разветвленного спектрального анализа (см.: БСЭ, т. 24, ч. 1, с. 297—300).

механизмы и закономерности интеграции общественных форм (систем), но и выявив методологический закон их понимания через эффект двойственной качественной определенности явлений, интегрированных в целостность. Этот принцип является работающим принципом методологии К. Маркса. Возьмем ли мы его учение о труде (конкретном и абстрактном), товаре (его потребительной стоимости и меновой стоимости), природных и социальных качествах вещей-товаров, о моральном и физическом износе техники и др.— все это и многое другое просто невозможно понять, не руководствуясь методологическими представлениями о двух рядах качественной определенности явлений и тем самым о способах раскрытия самого феномена и механизмов интеграции.

Вторая разновидность проявления этой двойственности качественной определенности и соответственно различия общих, системных, интегральных качеств и качеств — свойств элементарно-предметных — выявление К. Марксом конкретно-исторических, «формационных» свойств явлений. Исследование им природы буржуазной собственности, специфики капиталистического товарного производства, характера труда, форм кооперации, индустриализации, концентрации, монополизации капитала, наконец, особых законов народонаселения как раз и состояло в определении их содержания через общие закономерности капиталистической общественно-экономической формации, т. е. в выявлении их «формационной» специфики, или, как говорил К. Маркс, их «специфической сущности». Это фактически является второй линией раскрытия их качественной определенности. Здесь не просто один ряд качественных показателей заменяется другим (скажем, более точным, более глубоким и т. п.). Нет, здесь реально происходит *удвоение* знания: знание «предметное» (о предмете самом по себе) дополняется знанием макросистемным (о функционировании предмета в соответствии с законами большой системы). И отныне они совместно образуют новую, более богатую совокупность знания, представляющую собой понимание истины более глубокого порядка.

Так, если мы возьмем, например, такие общественные институты, как государство и право, системы образования, культуры и искусства, и рассмотрим их «предметно», с точки зрения их «общезыфункционального содержания», то, несомненно, окажется, что всякие юридические учреждения стоят на страже закона и всякое государство

осуществляет функции общественного управления и международных отношений, всякая школа учит «грамоте и счету», а культура и искусство художественными средствами отражают жизнь общества. Но если принимать во внимание только это функциональное содержание их деятельности и внутренней жизни, тогда их высшее общественное содержание, их социально-экономическая специфика останется непознанной и нераскрытой. А с точки зрения высшего «системного», в данном случае конкретно-исторического, их содержания они при различном строе общества (в различных общественно-экономических формациях) могут существенно различаться и даже быть диаметрально противоположными. Какие законы отстаивает и защищает право, какие общественные отношения утверждает государство и какую международную политику оно проводит, какие общественные идеалы утверждают в сознании своего народа школа, культура и искусство? Все это составляет содержание другого типа знания, раскрывающего интегральные характеристики или общесистемные качества, присущие данному общественному строю.

В этом примере отчетливо видно, что такие «формационные», общесистемные показатели, не заменяя первых, образуют вторую линию качественных характеристик социальных явлений. И это является второй существенной чертой системного подхода.

Человеческое знание в своем историческом развитии, восходя от познания «мира вещей»¹ к познанию «мира систем» и присущих им законов интеграции, углубляется и расширяется, оно образует, таким образом, более «богатые» и «объемные» многоуровневые системы знания и истин. Словом, двойственность качественной определенности, имеет ли она своим базисом реальную двойственность изучаемых явлений (например, биосоциальная природа человека, природные и социальные качества произведенных человеком вещей «второй природы»), являются ли ее основанием интегральные свойства макросистемы, или она возникает как интегральный эффект взаимодействия двух или нескольких разнокачественных объектов, связанных необходимой зависимостью или функциональной связью,— все это секреты сложной качественной

¹ Имеется в виду тот факт, что на ранних ступенях познания объективного мира, прежде чем становится возможным понять и освоить сложные надывидимые системы, человек сначала познает отдельные, изолированные явления.

структуры и качественной специфики явлений, точное выявление и определение которой есть принципиальный момент методологии и существенное условие успеха научных исследований.

Неучет этого порождаемого интеграцией двухкачественного эффекта неизбежно ведет к упрощению, к редукционизму (гиперредукции или гипоредукции), непониманию сложности. А эта сложность реальна. Она является проблемой века, и ее обнаружению и пониманию весьма удачно служат средства системного подхода, ибо в их основании лежат многокачественные и многомерные представления о действительности.

Итак, если качественный анализ совокупностей есть первая предпосылка системного подхода, то первой группой вскрываемых им закономерностей по самой логике системного исследования является раскрытие базисных механизмов интеграции целого.

г) Системный подход.

Многомерная картина действительности

Бурное развитие науки в XIX и XX вв. привело к образованию многих новых и новейших ее разделов, при этом не только изменилась «номенклатура» научного знания, но и качественно преобразилась сама его внутренняя структура. Прогресс науки в своей основе есть процесс познания все более фундаментальных оснований и детерминаций бытия, познания всеобщей взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности процессов и явлений объективного мира.

Традиционные предметы человеческого познания сегодня уже не могут рассматриваться только сами по себе, ибо их бытие, согласно современным научным представлениям, в значительной степени детерминировано *вне них* лежащими условиями и закономерностями. Соответственно, истина о них, взятых во взаимосвязи с другими явлениями, оказывается шире, объемнее и богаче прежних представлений о них.

На протяжении многих веков и даже тысячелетий в центре человеческого знания стояли единичные «предметы» и их внешне наблюдаемые множества. Соответственно, знание о мире было по преимуществу «предметоцентрическим», а истиной о предмете считалось прежде всего знание о нем самом, о его качествах и свойствах.

С открытием законов исторического развития в природе и обществе, объяснивших коренные закономерности макро-процессов и макрообъектов действительности (видов, популяций и экологических систем в биологии, общественно-экономических формаций в обществе, космогонических систем в неживой природе и т. п.), истина о явлениях приобрела как бы второе измерение.

Знание о «видах» и «родах» вещей, являвшееся на протяжении веков предметом гаданий и домыслов, чаще всего мистических, стало фундаментальным знанием современной науки и вместе с тем важнейшей составляющей совокупного знания об отдельных явлениях и процессах объективной действительности. С середины XIX в. научное познание становится все более и более «системно-центрическим», сознательно сфокусированным на раскрытие закономерностей существования, функционирования и развития различного рода систем.

Расширение границ научного знания в этот период активно шло и в другом направлении: по пути изучения глубоких закономерностей строения материи. На этой базе возник целый слой дисциплин и разделов научного знания, изучающих системы и явления микромира, что, кроме собственных огромных успехов в расширении и углублении наших знаний о природе явлений, послужило еще и методологическим примером для других наук (не связанных с изучением «глубокого строения материи») в изучении микрообъектов и микропроцессов, специфических для них. Так, по существу, постепенно складывался новый тип познания явлений объективного мира, имеющий свой масштаб, свою специфику, свои особые закономерности, и в силу этого он становится еще одним особым измерением действительности.

Таким образом, научное знание все более и более расширялось, образуя некую уровневую картину знаний о мире. Само по себе это общеизвестно и ныне никого не удивляет. Важно другое — теперь это становится исследовательской нормой и каноном научного познания, методологическим правилом, требующим как бы трехмерного уровневого изучения предмета — взятого самого по себе, взятого как элемент более широкой системы, а также в соотношении с микромасштабными представлениями о природе изучаемой действительности. Каждый из этих уровней выявляет особый круг зависимостей и отношений, закономерностей и детерминант. И именно расчлененное системное их представление позволяет точнее

выявить специфику каждого уровня, «развести» закономерности различного рода, не сваливать их в кучу без установления реальных соотношений и субординации, что в конечном счете способствует более полному и более правильному пониманию реального существования, функционирования и развития явлений. Этому в целом и соответствуют требования «принципа иерархичности» в системном подходе, который методологически предполагает, что у всякого исследуемого явления есть «вышестоящие» и «нижестоящие» уровни-основания, знания о которых с неизбежностью входят в совокупное знание о нем самом.

Вместе с тем современные представления об основаниях бытия имеют не только уровнево-масштабное измерение. Другой аспект проблемы, раскрывающий «принцип иерархичности», можно было бы обозначить как «лестницу» или «пирамиду» специфических и неспецифических оснований. Так, например, человек является социальным существом, и этим раскрывается высшая, специфическая сущность его бытия и развития, принадлежность его к социальной форме движения материи. Но наряду с этим он является и биологическим организмом, представителем рода *homo sapiens*, что также существенно для понимания его жизнедеятельности. И хотя взятая в соотношении с социальной жизнью человека его биологическая природа оказывается как бы неспецифическим основанием, так сказать, сущностью второго порядка, но само это соотношение относительно, оно значимо только в пределах выяснения специфических качеств. За этими пределами противопоставлять их было бы неверным, ибо биологическое бытие является первой материальной предпосылкой бытия социального.

Кроме того, человек, рассматривавшийся выше как социальное и биологическое существо, может быть рассмотрен и с точки зрения физических закономерностей. Ибо человек является физическим телом, и как таковой в земных условиях он обладает одними системными свойствами, а в условиях другой планеты (если представить его полеты туда) будет обладать другими системными физическими свойствами (например, марсианскими и т. п.).

Иными словами, в каждом из этих своих качеств человек подчиняется особым закономерностям соответствующих систем (социальных, биологических, физических). Анализ такой многокачественности и многомерности явлений принципиально важен для методологии познания объективной действительности, ибо законы, управляющие

социальным поведением, биологией и физическим существованием, не являются взаимозаменяемыми. Они должны быть поняты как таковые и изучены в каждом конкретном случае во взаимодействии. Системный подход позволяет лучше дифференцировать специфику каждого из этих измерений и вместе с тем представить их сложную многосущностную, многокачественную и многомерную структуру.

Особую группу измерений действительности составляет системный анализ внешних взаимодействий. Всякий предмет зависит в своем бытии от внешних условий существования и является элементом в системе всеобщей взаимосвязи (или, как говорил В. И. Ленин, в «сети» явлений объективного мира).

Системный подход и здесь проявляется как некая качественная объективация этой всеобщей взаимосвязи, его приемы и понятия помогают научному познанию представить ее в виде особой формы и тем самым в виде конкретного объекта изучения. Возьмем ли мы такие проблемы, как «процессы и условия их протекания» (физика, химия), «организм и среда» (биология), «человек и условия его формирования, воспитания, деятельности» (социология, психология, педагогика, экономика, право), — все это ныне «стандартные» формы изучения явлений реальной действительности, и системный подход не открывает их, а предлагает лишь своеобразную исследовательскую рамку, которая еще больше методологически организует и «стандартизирует» такого рода изучение.

Действительно, практически каждый предмет может быть рассмотрен в виде определенного качественного узла взаимодействия, в виде системы «предмет — среда (условия существования)», и такое рассмотрение раскрывает одну из существенных сторон истины о них. Аналогично этому в более широком плане рассматривается макромасштаб взаимодействий — «предмет в системе всеобщей взаимосвязи явления объективной действительности».

Выше уже рассматривались проблемы системного анализа феноменов интеграции. И здесь нет необходимости их повторять. Следует отметить лишь то, что они, несомненно, также являются в современном научном знании существенным элементом многомерного изучения действительности, ибо анализ феноменов и специфических форм интеграции составляет один из важнейших разделов истины об изучаемых явлениях.

Таким образом, качественная структура современного

научного знания усложняется прежде всего за счет более глубокого и более широкого познания оснований изучаемых процессов и явлений, познания законов их внутренней организации и внешних взаимодействий.

По сути дела, вокруг знания о предметах (явлениях) действительности складывается широкий круг знания о детерминантах их существования, развития и изменения. Средства системного подхода в этом всеобщем процессе развития научного знания выполняют некую познавательную-технологическую роль. Представляя некоторые всеобщие отношения в виде особенных и притом объектных форм (систем), они способствуют конкретизации их изучения и вместе с тем создают более широкие предпосылки для понимания и исследования многокачественной и многомерной картины реальной действительности.

В целом многомерное рассмотрение действительности, или рассмотрение систем «в полисистемном поле», есть один из важнейших и обязательных аспектов системного исследования. Следует при этом отметить, что системный подход, активно способствуя дифференциации представлений о качественной структуре явлений, выявлению их специфики и созданию многомерной картины, тем самым способствует более интенсивной разработке проблем взаимодействия и динамики соотношений разнокачественных структур и факторов. И хотя сам он не располагает всеми необходимыми средствами для полного и всестороннего изучения этих проблем — они наиболее адекватно решаются средствами диалектики,— но он создает важные предпосылки для того, чтобы такое изучение было плодотворным, ибо, прежде чем объяснять законы взаимодействия и диалектику соотношений, надо точно и «объектно» знать их составляющие и их полисистемную качественную структуру. Иными словами, системный анализ явлений объективной действительности углубляет, специализирует и систематизирует наши знания о ней и вместе с тем подготавливает условия для осуществления системного синтеза дифференцированных знаний.

2. Роль системного подхода в синтезе знаний и практической деятельности¹

а) Системный синтез «аспектного знания»

Одна из главных тенденций развития современного научного знания — его дифференциация. Она является следствием быстрого разрастания объемов научного познания, его углубления и специализации. Ныне этот процесс зашел столь далеко, что потребности объединения, синтеза обособившихся аспектов и drobных разделов научного знания стали важнейшим условием его дальнейшего развития и эффективного использования. Ныне синтез знаний становится также необходимой предпосылкой их истинности, по крайней мере в смысле полноты, глубины и всесторонности познания.

Всякое явление многокачественно и многомерно, оно может изучаться с разных сторон и в разных отношениях, притом его «многогранность» увеличивается, если оно рассматривается вместе с порождающими и определяющими его условиями. Таким образом реально и образуется многоаспектное видение предмета. Возьмем ли мы анатомию (морфологию), физиологию и эволюционное учение в биологии с доминирующими в них структурным, функциональным и генетическим подходами, будем ли мы анализировать явления живой природы в микробиологическом, организмическом, эволюционном или экологическом планах, станем ли мы изучать «стыки» и «пограничные зоны» науки, такие, как биофизика, биохимия, биогеография и т. п., повсюду с неизбежностью возникают проблемы синтеза разноаспектного знания, проблемы его комплексирования, сведения различных знаний о явлениях в системы знаний о них.

¹ В этом разделе почти неизбежно приходится кое в чем повторяться с предыдущим разделом, особенно с предыдущим параграфом о многомерности. В нем преобладающее место отводилось аналитическим аспектам системного подхода, а здесь преобладает системный синтез. При всех специфических гносеологических различиях системные анализ и синтез, несомненно, являются взаимодополняющими процессами и своей исходной базой имеют общие исторические процессы развития научного знания, что более всего и повторяется как иллюстративный материал.

Такое комплексирование дифференцированного знания и собирание его в «системы знаний» сегодня является одним из наиболее необходимых и плодотворных направлений дальнейшего развития науки. Весьма адекватным этому процессу оказывается системный подход, и он в этом своем применении выступает как синтезирующий метод, точнее как одно из эффективных методологических средств синтеза научных знаний.

Конечно, задачи синтеза научных знаний весьма различны и соответственно различны и применения системного подхода в этом процессе. Их, вероятно, можно было бы рассмотреть процессуально, с точки зрения адекватности и конкретной эффективности тех или иных приемов системного подхода при изучении различных объектов действительности. Однако эта интересная конкретная тема не входит в задачи данного исследования. Здесь же нам хотелось бы рассмотреть только самые общие направления применения системного подхода в синтезе научных знаний.

Существует много различных типов и способов синтезирования знания, но нас в данном случае интересуют следующие основные направления.

Во-первых, *синтез собирательный, преодолевающий узкое аспектовидение*, вызываемое предметной или методологической специализацией знания.

Во-вторых, *синтез, расширяющий предмет познания* за счет исследования все более глубоких оснований бытия и более системного изучения внешних взаимодействий.

В-третьих, *синтез прогностический*, являющийся в научно-практическом знании средством перспективного планирования, предвидения результатов практической деятельности, моделирования вариантов развития и их последствий и т. п.

Соответственно различному содержанию этих задач¹ различными оказываются и средства системного подхода, которые им адекватны.

В первом случае это — типичные задачи целостного видения и комплексного действия. Примером такого рода

¹ Конечно, в реальном процессе познания и практического освоения объективной действительности все эти процессы синтезирования знаний выступают во взаимодействии и единстве. Большая или меньшая развитость какой-то из сторон обычно обусловлена потребностями решения различных задач. Но это само по себе не меняет их специфической нацеленности, а потому в методологических целях особенности различных направлений системного синтеза знаний должны изучаться отдельно.

методологических установок могут служить выдвинутые партией требования комплексного подхода к воспитанию, органически сочетающего в себе задачи идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, а также создания территориально-производственных комплексов, наиболее эффективной формы интенсивного промышленного освоения новых районов.

Этого рода «системный синтез» является настоящей необходимостью современного научного познания и практической деятельности. Так, комплексный подход к проблемам воспитания позволяет не только органично соединить все виды идейно-воспитательного воздействия, но и, главное, способствует реализации усваиваемых личностью форм общественного сознания в ее практическом поведении и общественной деятельности, увязывает их в единую идейно-поведенческую систему. Естественно, что системное воздействие значительно эффективнее разрозненных действий. Этот интегральный эффект достигается как за счет полноты, адекватности и взаимодополняемости воспитательных мероприятий, так и за счет того, что результаты воспитания в силу самого системного принципа его организации более четко определяют конкретные социальные цели воспитания и его структуру, позволяют адекватнее судить о его результатах. Этим самым создается целенаправленная «система воспитания», коммунистическая по содержанию и целостная по форме, а комплексный подход при этом фактически выступает как принцип его системной организации.

Подобные задачи весьма типичны ныне и для развития общественных наук. Как только они обращаются к анализу реальных процессов социально-экономического развития в практическом плане, все более настоятельно возникает требование преодоления узкоаспектной специализации и соответственно требование комплексирования экономического, политического, социологического, исторического, психологического, правового и других видов знания, а также взаимокорректирующей проработки выдвигаемых различными науками критериев, рекомендаций, оценок.

Вместе с тем следует обратить особое внимание на то, что во всех случаях речь идет не просто о суммировании различных дифференцировавшихся видов знания, но прежде всего о значительно более глубоких объективных процессах соединения в целостность действительно разнородных или по крайней мере разнородно-

ванных процессов. Так, например, основные составляющие современного развития производительных сил — экономика общественного производства и научно-технический прогресс — имеют как общие, так и специфические основания и закономерности. И эти последние («специфические») не выводятся друг из друга, они имеют собственную внутреннюю логику развития и к тому же по особому детерминируются макросистемой. Таким образом, из-за этой как бы внешней операции «преодоления узкого аспектовидения» высвечивается необходимость специального исследования комплексных (сложных) закономерностей, например социально-экономических, природно-антропогенных, биосоциальных и т. п., которые не просто фиксируют вечную взаимосвязь и взаимозависимость этих факторов «согласно природе вещей», но и устанавливают их конкретно-исторические соотношения, доминантность, динамическую структуру взаимодействий.

Маркс, Энгельс и Ленин в свое время остро критиковали абстрактные антиисторические представления типа «общество вообще», «капитал вообще», «собственность вообще», «человек вообще» и т. п., показывая, что анализ «общего» без параллельного анализа «особенного» (без *differentia specifica*) не только не раскрывает их действительной природы, но и приводит к построению методологически порочных, метафизических в своей основе, концепций и теорий. На современном уровне научного знания эти «болезни» продолжают существовать не только в подобном виде, например теории абстрактного гуманизма и абстрактной демократии, но и как следствия специализации научного познания, результатом чего является опять-таки переоценка «постоянных структур и соотношений» при недооценке «переменных соотношений» (переменных структур, изменения роли ведущих факторов, пропорций, доминант, многоуровневых зависимостей и т. п.). Такого рода абсолютизации часто возникают на базе упрощенного понимания постоянства существующих соотношений факторов экономических и социальных в общественном развитии, природных и антропогенных в экологии, естественных, экономических и социально-культурных в демографическом развитии и т. п.

Суть проблемы как раз в этом и состоит. Если рассматриваемые факторы мыслятся только как постоянные и их соотношения как неизменные, то, однажды изучив их «в общем виде», мы приходим к тому, что все проблемы снимаются. Если же эти факторы представляются пе-

ременными и их соотношения изменяющимися, то тут и возникает та плоскость исследования действительности, которая составляет содержание комплексных (сложных) закономерностей их взаимодействия. Естественно в таком случае, что системный синтез разноаспектного знания становится на деле осуществлением одной из насущных потребностей развития науки — изучения полиморфных явлений, в частности изучения законов соединения факторов в целостность и функционирования их по законам данной диалектико-динамической системы (или системного комплекса).

Современные исследователи, понимая неизбежность дальнейшей дифференциации научного познания, вместе с тем все отчетливее сознают издержки узкоаспектного видения. В медицине, например, это обнаруживается как «тоска по земскому врачу», в технике — как «болезни узкопрофильной специализации» и т. п.

Принципиальное значение данная проблема имеет и для сферы методологии, ибо, чем шире номенклатура применяемых методологических средств и чем уже изучаемые объекты, тем чаще и больше появляется фактов методологических «блужданий»: расширительного толкования возможностей тех или иных специальных методов, противопоставления одних методов другим, непонимания сложности и многомерности действительности и ее познания, различного рода упрощений и т. п. Все это в конце концов снижает эффективность научных исследований, приводит к схоластическим дискуссиям, неоправданно узким исследованиям и их «заикливанию». Наука борется с подобными явлениями, применяя различные средства, в том числе строя новый этаж синтетического, комплексного, системного знания, усиливая разработки междисциплинарных направлений.

Задачи синтеза, преодолевающего узкое аспектовидение, очень многообразны. Выше уже говорилось о том, что синтез «аспектного знания» выполняет и функции его системной организации, и функции выявления комплексных (сложных) закономерностей, и функции преодоления издержек дифференциации конкретно-научного и методологического знания. При этом само целостное, системное видение проблемы фактически оказывается важнее всех специальных приемов и средств системного подхода. Таким образом, эвристическая ценность системного подхода и применение его как синтезирующего (по своей сути) метода есть одно из важнейших его предназначе-

пий. В этом в немалой степени и заключается секрет успеха данного метода и широкого применения его в современной науке. Комплексный подход при этом выступает как одна из разновидностей системного подхода в сфере синтеза научных знаний. Но комплексирование знаний в принципе не есть произвольный процесс, ибо реальная взаимосвязь явлений в природе и обществе поставляет этому отражательному процессу бесконечное количество «предметов изучения», реально существующих как системы и «системные комплексы».

*б) Системный синтез
«расширяющегося знания»*

Синтез, расширяющий предмет познания, или, иными словами, синтез многомерного понимания действительности,— ныне одно из основных направлений развития теории истины. И роль системного подхода в формировании этих представлений весьма велика. Конечно, поступательное развитие науки с неизбежностью порождает многоуровневое и многомерное представление о мире в целом, о предметах и процессах действительности. Но, пожалуй, осознание этого становится более четким, когда эта реальность качественно объективируется, отображается в общезначимых понятиях и образах разнокачественных систем.

Сама истина изучаемого предмета теперь предстает перед нами заведомо многомерной, совокупной и рассматриваемой в разных системах координат. Она, по выражению В. И. Ленина, «бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*»¹.

На протяжении многих веков само представление об истине фактически отождествлялось с непосредственным знанием о предмете как таковом. При этом «предметоцентрическом» в своей основе взгляде все в предмете рассматривается как индивидуальное проявление присущего ему качества, как выражение его «самости».

Открытие в XIX—XX вв. основных закономерностей развития в природе и обществе и законов функционирования таких надиндивидуальных макросистем, как биологические «виды» и экологические системы в живой при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

роде, общественно-экономические формации в обществе, а также аналогичные макросистемные представления в других науках, показали, что, помимо «индивидуального измерения», лежащего в основе непосредственного, так сказать, «предметоцентрического» знания, всякий предмет или явление имеет еще и свое «видо-родовое измерение». Этот в основе своей «системоцентрический» взгляд на вещи характерен принципиально иной призмой рассмотрения. Здесь все свойства и качества предмета анализируются прежде всего с точки зрения соответствия их «видо-родовым» качествам («роду» как системе), а также с точки зрения функционирования его как «элемента» в макросистеме.

Так произошло действительное расширение границ человеческого познания, и за «сущностью первого порядка» раскрылась «сущность второго порядка». Отныне «видо-родовое» или макросистемное измерение действительности становится обязательным компонентом истины, в том числе истины о явлении, а сам предмет познания неизбежно при этом усложняется и расширяется.

Ф. Энгельс еще в прошлом веке предвидел, что с каждым составляющим эпоху открытием материализм неизбежно должен изменять свою форму¹. И это реально происходит на наших глазах. Зона опосредованного знания о предметах действительности постоянно расширяется, а представления о сущности, детерминантах существования явлений и соответственно об их истине обогащаются все новыми и новыми «измерениями».

В связи с общим прогрессом научного знания и развитием системных представлений о мире все более актуальными становятся такие измерения действительности, как полисистемное (рассматривающее сложные совокупности системных закономерностей действительности); интегральное (вскрывающее системные закономерности интеграции); внешних взаимодействий (берущее предмет в комплексе с условиями его существования и рассматривающее сами эти взаимодействия системно).

Каждое из этих измерений имеет свой масштаб и структуру изучения явлений, свою «систему координат». Синтез этих разнопорядковых знаний и аспектов изучения действительности — насущная задача современного научного познания. При этом, конечно, происходит процесс расширения и углубления самого предмета изуче-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 286.

ния, ибо предмет, который берется *in vivo* (в жизни, как говорят биологи), т. е. во всей сложности его существования и развития, оснований и взаимодействий, раскрывается как истина многосущностная и многопорядковая, практически не имеющая предела познания.

Было бы неправильным утверждать, что все эти «измерения действительности», особые «разрезы» и «фокусировки» познания суть порождения системного подхода. В каких-то формах они существовали издревле, в иных действительно являются продуктом развития современного научного знания. Но в данном случае речь идет о другом. А именно о том, что эти принципы познания, достигнув зрелых форм в последнее столетие, становятся общеупотребительными методологическими формами, помогающими человеческому познанию «схватить» действительность в наиболее существенных ее чертах. Сегодня никого не удивляют такие понятия и понятийные конструкции: «предмет как целое», система «человек и общество», система «организм и внешняя среда», «системное качество», полисистемность и т. д. Понятия эти уже звучат обыденно, и мы не замечаем порой, что они несут с собой определенные и очень важные методологические идеи, которые ложатся в фундамент организации добываемого знания.

Так, существующие от века понятия целого и части, целостности и т. п. на протяжении веков оставались частноупотребимыми понятиями. И только изученные широко и обстоятельно, они раскрыли свою методологическую тайну, заключавшуюся прежде всего в том, что изучение «предмета как целого» предполагает раскрытие интегральных закономерностей целого, т. е., по сути дела, является средством и рамкой изучения интегральных суперкачеств и суперзакономерностей целого (данной совокупности «частей»). Сама целостность и системность начинают ассоциироваться с интегральным измерением, т. е. с раскрытием такого свойства и аспекта действительности, который является всеобщим.

Аналогично дело обстоит и с принципами полисистемности и внешних взаимодействий. Человек, познавая мир, конечно, обращал внимание на некоторые факты, обнаруживающие эти зависимости. Но на протяжении многих веков он был занят прежде всего познанием собственного, так сказать, «специфического» бытия предметов и явлений, а «неспецифические» аспекты их бытия он обычно относил к несущественным. Достигнув определенного

уровня познания явлений и закономерностей объективного мира, человек стал глубже понимать зависимости, существующие между «специфическими» и «неспецифическими» основаниями бытия (например, между природой и обществом, между явлениями, происходящими на Солнце и на Земле, и т. д.).

На сегодняшнем уровне развития научного познания уже невозможно поверхностно относиться к изучению «неспецифических» оснований и внешних взаимодействий, ибо уже накопленные знания свидетельствуют об их часто важной или порою даже решающей роли. Да и само различие их как важных и неважных, значимых и незначимых оказывается весьма условным и упрощенным¹.

Словом, наука уже достигла того исторического уровня своего развития и той зрелости, когда познание системы оснований и системы внешних взаимодействий становится активной зоной прироста нового научного знания и соответственно одним из основных параметров («аспектов», «измерений») совокупной истины о вещах окружающего нас объективного мира. Системный подход к изучению этих сторон действительности, несомненно, помогает изучить их целостно, «в системе», и вместе с тем вскрыть закономерности фундаментальных связей и взаимодействий.

Так реально происходит расширение самих предметов познания, ибо истина о них берется во все возрастающем количестве «срезов», раскрывающих главные детерминанты глобального устройства объективной действительности. Системный синтез этих знаний — одна из важнейших задач современной теории истины, она требует выработки соответствующих методологических средств, реально обеспечивающих единство существующего разнофокусного, разномасштабного и разноприродного знания.

¹ Конечно, ныне действительная научная задача состоит, как правило, не столько в определении «специфического» и «неспецифического», сколько в том, чтобы конкретно и точно выявить их связь, характер взаимодействия, субординацию, доминантность и т. п. — словом, выявить саму динамику взаимодействия этих факторов, без заведомого отбрасывания одного в пользу другого и попыток объяснить все одной лишь специфической детерминацией. Специфическая детерминация, естественно, является важнейшей и первостепенной, но не единственной.

*в) Системный синтез
прогностических знаний*

Роль системного подхода в синтезе знаний, обеспечивающих предвидение результатов практической деятельности, планирование социально-экономических процессов жизни общества, моделирование вариантов развития и их последствий, становится все более значимой и значительной.

В историческую эпоху перехода общества от капитализма к социализму и коммунизму, от стихийно развивающегося к сознательно управляемому типу общества прогнозирование и планирование общественного развития становятся необходимым условием реализации преимуществ социалистического строя и обеспечения свободного, ничем не стесненного, прогрессивного и универсального развития производительных сил.

В эпоху научно-технической революции значение синтеза знаний повышается в силу того, что темпы развития общественного производства во все большей степени зависят от развитости науки и правильного прогнозирования наиболее перспективных направлений научно-технического прогресса, от точного предвидения изменений глобальных условий существования человечества (это и запасы природных ресурсов, и производство энергии, продовольствия, и изменения экологических условий и климата, демографической обстановки и т. п.).

В целом значение системного синтеза прогностических знаний возрастает и социально, и политически, и методологически, ибо сам этот синтез становится все более сложным, выбор приоритетов развития — проблемой все более острой, а цена ошибок резко возрастает. Принятие решений по этим вопросам, непосредственно затрагивающим судьбы народов, требует глубокой и комплексной научной их разработки и высокого класса социально-политических решений. Особое значение все это имеет для социалистического общества.

При социализме человечество впервые в мировой истории овладевает не только природными, но и общественными условиями своего существования. Этот факт имеет кардинальное значение для понимания сущности социализма. История овладения человеком силами природы насчитывает тысячелетия. Что же касается сознательного управления обществом, то человечество получает

возможности для этого только в условиях социализма и коммунизма, ибо такое управление предполагает качественно новые социально-экономические основания жизни общества, требует более развитой, практически всеохватывающей системы социально-экономического прогнозирования, программирования и управления. И только на этих путях социализм избавляется от анархии капиталистического производства, массовой безработицы и неуверенности трудящихся в завтрашнем дне, предотвращает бессмысленную растрату общественных сил и средств, вызываемую кризисами и спадами. Сама целостная организация общества и плановое, централизованное ведение хозяйства дают социализму огромные преимущества перед капитализмом, позволяющие широко и всесторонне применить науку в решении всех народнохозяйственных проблем, рационально сочетать задачи экономического и социального развития.

Внутрисистемные отношения социализма, несомненно, значительно богаче, шире, тоньше и сложнее буржуазных. Социалистические общественные отношения развиваются в направлении достижения «действительной социальной общности» людей (Маркс).

Социализм и коммунизм делают всестороннее развитие личности *целью* общественного развития. Разумеется, при этом существенно меняется само соотношение экономической и социальной детерминации. Принципы экономии, конечно, и при социализме являются важнейшими условиями эффективности общественного производства, однако при распределении национального дохода всевластие экономических детерминаций ограничивается, и по мере развития общественного производства все большая часть произведенного продукта обращается на решение социальных программ.

Таким образом, в условиях социалистического строительства всякое явление изначально рассматривается как бы в двух системах координат — его производственно-экономической эффективности и его социалистической социальной значимости. Соответственно и решение вопроса при этом всегда оказывается комплексным — социально-экономическим. Уже одно это значительно усложняет сам процесс выработки планов и принятия высших политических решений, но зато дает результаты более высокого социального достоинства. Методология системного подхода по своему характеру и своим средствам адекватна решению таких сложных полисистемных задач со множест-

ном разнопорядковых детерминант и необходимостью установления их субординации.

За годы Советской власти наша система социалистического планирования и прогнозирования шагнула далеко вперед. Она прошла большой путь — от планирования основного промышленного производства двух-трех десятков отраслей до планирования единого народнохозяйственного комплекса, охватывающего сотни производственных и непроизводственных отраслей и десятки территориальных экономических районов. И это все при росте объема промышленного производства, увеличившегося за годы Советской власти в 292 раза (1984 г.). Ныне перед советским народнохозяйственным планированием встают новые грандиозные задачи, требующие многовариантного планирования пропорций промышленного и сельскохозяйственного производства, социального развития, личного и общественного потребления; разработки комплексных планов научно-технического прогресса, усиления регионального социально-экономического планирования (развития производительных сил, жизненного уровня, социально-демографического и социально-культурного развития); повышения роли перспективного планирования, в том числе учета в долгосрочных планах важнейших изменений планетарного масштаба: освоения недр земли и кладовых Мирового океана, производства энергии и продуктов питания, охраны природы и здоровья человека и т. п.

Множатся различные измерения действительности, которые социалистическое общество, сознательно планируя свое развитие, должно изучить, подсчитать, увязать друг с другом и свести все вместе в единый план. При этом надо учесть тысячи разнообразных потребностей, сотни различных балансов, множество различных экономических, политических, социальных и всяких других критериев, требующих согласования, установления приоритетов, определения оптимальных пропорций. Вместе с тем все это должно быть изучено с точки зрения форм и процессов, как функциональные и развивающиеся системы, в стабильных и динамических соотношениях, в расчетах на сегодня и прогнозе на близкую и далекую перспективу, при решении такого рода сложных задач мобилизуются все средства методологии, в том числе и системный анализ, ибо то, что не заложено в исследовании как обязательный методологический параметр, тщетно искать в его результатах.

Разработав системный анализ, наука серьезно обога-

тила арсенал средств и методов управления социалистическим обществом. XXVII съезд партии особо указал на необходимость шире использовать новые научные средства и методы на практике. На XXV, XXVI и XXVII съездах КПСС многократно было подчеркнуто требование комплексного подхода к решению важнейших проблем социалистического и коммунистического строительства¹.

Решения партии всегда несли с собой богатый спектр комплексных, системных представлений о социально-экономическом развитии огромной страны, целостного «социального организма» (как говорил В. И. Ленин) социалистического общества. Естественно, чем более мощным и высокоразвитым становилось наше государство и общество, тем более развитой, сложной и совершенной системы планирования, прогнозирования и управления оно требовало. И одним из ярких примеров такого всеохватывающего, многопланового руководства обществом, несомненно, являются решения XXVII съезда КПСС.

Конечно, упомянутые решения партии своей основой имеют теорию и методологию марксизма-ленинизма в целом. Системность в них — лишь одна из черт, но черт важных, отражающих реальные закономерности общественной жизни.

В целом в нашей стране процесс прогнозирования, программирования и планирования общественного развития имеет несколько уровней. Наиболее важные, принципиальные решения, определяющие общую программу социалистического и коммунистического строительства, экономическую стратегию и планы социального развития, принимаются съездами Коммунистической партии и пленумами ЦК КПСС. Конкретная проработка проблем текущего и долгосрочного планирования развития народного хозяйства ведется соответствующими учреждениями Совета Министров СССР. Научно-прогностическая работа осуществляется научными учреждениями Академии наук СССР, отраслевых академий, академий наук союзных республик, учеными высшей школы и отраслевых институтов.

Все это, вместе взятое, служит конечным целям научного предвидения результатов практической деятельности миллионов людей, повышению эффективности всей созидательной деятельности советского народа, осуществ-

¹ См., например: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 274, 276, 280.

включающего под руководством КПСС программу социалистического и коммунистического строительства. Страной накоплен огромный опыт плано-прогностической деятельности. Вместе с тем этап совершенствования социализма и дальнейшего продвижения к коммунизму требует более глубокого системного анализа социальных и экономических детерминант будущего развития общества, всестороннего изучения тенденций научно-технического прогресса и процессов взаимодействия природы и общества.

В современных условиях системный синтез прогностических знаний приобретает все большее значение, ибо только глубокая, точная, всесторонняя научная разработка прогнозов экономического, научно-технического, социального, культурного, а также международного политического развития, разработанных системно, каждый на своей собственной основе¹, позволяет осуществить полисистемный синтез высшего уровня, необходимый для принятия решений, определяющих политику социалистического и коммунистического строительства на ближайшую и далекую перспективу.

Человечество ныне переживает трудный период осознания необходимости ограничений и замен в связи с истощением некоторых природных ресурсов и удорожанием их добычи в более сложных условиях. Сейчас требуются большие затраты на восстановление природной среды и защиту здоровья человека от вредоносных воздействий токсичных отходов производства. Общество вынуждено уже теперь нести значительно большие «расходы на будущее» в связи с необходимостью отыскивания новых источников дешевой энергии, более интенсивных способов производства продуктов питания, опережающих поисков передовых технологий будущего, предотвращения нежелательных тенденций в демографическом развитии и т. п.

Все эти проблемы и «непредвиденные расходы», еще

¹ Важный системный феномен заключается в том, что разработка той или иной проблемы (и программы) на ее собственной основе существенно отличается от ее разработки в рамках (или на базисе) другой проблемы и программы, где она приобретает частный и зависимый характер, не выявляя себя полностью. Поэтому, чтобы получить объективную картину процессов, необходимо составляющие их факторы исследовать сначала «на собственной основе», а затем уже изучать в тех или иных ситуациях их взаимодействие, которое на разных стадиях и в различных условиях может быть весьма разным.

десяток лет тому назад четко не осознаваемые, ныне стали реальностью, которая уже существенно влияет на эффективность производства и характер экономического развития¹. Перед лицом этих глобальных мировых проблем, когда приходится искать все новые и новые резервы повышения эффективности общественного производства, особенно важной становится высокоразвитая прогнозическая деятельность, способствующая выбору наиболее рациональных путей экономического, научно-технического развития и повышению эффективности управления, обеспечивающая тем самым максимально благоприятные возможности для осуществления программ социального развития.

Итак, роль системного знания в нашем столетии существенно возрастает. И это определяется как новыми потребностями развития современного научного знания самого по себе, так и практическими потребностями более широкого плана — превращения науки в непосредственную производительную силу, в революционный элемент технико-экономического и социально-культурного прогресса, в важнейшее средство общественного управления. Накопление и углубление научного знания, его дифференциация и интеграция с неизбежностью ведут к более глубокому пониманию человеком действительности. Вместе с тем картина эта становится все более сложной, все более расчлененной и все более динамичной. Соответственно научная методология должна найти адекватные формы для выражения этих сложных структур, зависимостей и отношений, и в этом деле системные представления оказываются весьма адекватными, а порою просто незаменимыми.

Иными словами, системный подход уже сегодня является одним из действующих компонентов процесса научного познания. Системные представления и методологические средства отвечают потребностям современного качественного анализа, раскрывают закономерности интеграции, участвуют в построении многоуровневой и многомер-

¹ Существенным аспектом этих процессов в мировом социально-политическом развитии является борьба народов за мир, за разоружение и предотвращение мировой термоядерной войны, а также борьба развивающихся стран за свое национальное освобождение, против империалистического угнетения и эксплуатации, которые в современных условиях приобретают еще и большой экономический смысл, ибо и сокращение военных расходов, и ликвидация системы империалистической эксплуатации стран с невысоким уровнем развития экономики являются важнейшим резервом социально-экономического прогресса.

ной картины действительности, они играют существенную роль в синтезе и комплексировании научных знаний. Трудно однозначно определить сущность и содержание системного подхода — все вышеперечисленное составляет его различные черты. Но если все же попытаться выделить ядро системного подхода, его важнейшие грани, то таковым, на наш взгляд, следует считать *качественно-интегральное измерение действительности*. Ибо изучение предмета как целого, как системы, как комплекса всегда имеет в качестве центральной задачи познания раскрытие того, что делает его системой и составляет его системные качества, его интегральные свойства и закономерности. Это законы системообразования (интеграции частей в целое), системные законы самого целого (интегральные базисные законы его структуры, функционирования и развития). С другой стороны, методологические средства системного подхода выполняют весьма важную функцию, обслуживая общенаучные интересы, ибо все современное изучение проблем сложности опирается на системное многоуровневое и многомерное понимание действительности, дающее реальную совокупную картину детерминант явления, его взаимодействия с условиями существования, «включенности» и «вписанности» в них.

Различные типы системного знания и их гносеологические основания

Системный подход имеет немало специфических разновидностей. Однако рассматриваемые в целом, по характеру составляющего их знания, они образуют как бы два гносеологически различных направления. Одно из них своим основанием имеет по преимуществу общетеоретическое знание, другое — больше специально-научное и научно-практическое знание¹. Оба направления фактически стали развиваться во второй половине XX в. и оба усматривают причины интенсивной разработки системной методологии в формировании новых потребностей научного знания, которые они, однако, понимают по-разному.

Представители одного из направлений, обобщенно обозначаемого как «общетеоретическое», видят эти новые потребности познания прежде всего в кардинальных изменениях научной картины мира, сформировавшейся в XIX и XX вв.: в теориях макро-, мезо- и микростроения объективной действительности, требующих разработки полисистемных, многоуровневых моделей мироздания; в углублении познания явлений, стремящегося раскрыть

¹ Такое различие двух направлений разработки системного подхода — сугубо гносеологическое. Оно не выделяет каких-то специфических форм, а только указывает на основания, служащие теоретико-познавательным базисом отдельных видов системного знания. Следует также отметить, что принятое здесь деление системного подхода на два направления при более детальном анализе влияния родовых форм знания может быть дифференцировано далее. И последнее замечание. Употребляемое в данной главе (с известной долей условности) определение «общетеоретического» и «специально-научного» направлений системного подхода применяется нами в традиционно-философском смысле и служит лишь различительным признаком анализируемых форм, которые фактически образуют два взаимосвязанных уровня объяснений явлений системности.

все более фундаментальные основания вещей, законы их функционирования, развития, системно-структурной организации; и наконец, в соответствующем усложнении процедур научного анализа и синтеза. Все это обнаруживает множество проблем, где методологические средства системного подхода оказываются наиболее адекватными, а порою и просто незаменимыми.

Самыми яркими и фундаментальными образцами системного мышления второй половины XIX и начала XX в. представители этого направления считают социально-экономическую теорию К. Маркса и Ф. Энгельса, эволюционное учение Ч. Дарвина, теории Д. Менделеева, Н. Лобачевского, А. Эйнштейна и др. В целом они утверждают, что системный подход есть «законное дитя» прогресса научного мышления, однако как самостоятельное методологическое учение он сложился не сразу, а имел почти вековой период «внутриутробного развития», когда он существовал в виде одной из черт широких теоретико-методологических учений и научных теорий, например материалистической диалектики, материалистического понимания истории, эволюционного учения, периодической системы химических элементов, неевклидовых геометрий, неклассической физики и т. д.

Представители другого направления разработки системного подхода, обозначаемого здесь как «специально-научное» и «научно-практическое», связывают новые потребности познания, порождающие «системное движение», по преимуществу со специфическими потребностями научно-технической революции, математизацией, инженеризацией и кибернетизацией науки и производственной практики, разработкой новых логико-методологических средств. Исходные идеи этого направления в 40-х годах нашего столетия были предложены Л. Берталанди, а затем развиты в трудах М. Месаровича, Л. Заде, Р. Акоффа, Дж. Клира, А. И. Умова, Ю. А. Урманцева, Р. Калмана и др. На этом же основании была разработана общая теория систем. Представители данного направления заявляют, что их учение является не философским, а «общенаучным» или «специально-научным», и в соответствии с этим они разрабатывают свой (отличный от традиционных философских форм) понятийный аппарат.

Различие и контрастность этих позиций нас не должны особенно смущать. Ибо фактически, как мы увидим далее, обе концепции работают, раскрывая предмет с разных сторон и в разных аспектах, обе они нужны для объясне-

ния реальной действительности, и прогресс современного научного познания настоятельно требует их практического взаимодействия и определенного методологического синтеза.

Попробуем разобраться, в чем же состоят различия этих концепций с точки зрения их реальных гносеологических оснований?

Наука прошлых столетий и соответственно философия и методология прошлого века сложились в своих основных принципах на базе знаний о *естественных* и естественно-исторических процессах природы и общества. Еще в XIX в. такого рода представления составляли основание почти всего научного знания. Но в XX в. обстановка становится несколько иной. Меняется в определенной мере сам тип человеческой цивилизации и социально и научно-технически. При этом резко возрастает роль сознательной, целенаправленной, плановой, инженерной, управленческой — словом, разнообразной созидательной деятельности. Соответственно растет и удельный вес знаний обо всех этих вновь созданных предметах и процессах. Ныне знаниям об *искусственных* вещах, создаваемых трудом и гением человека, принадлежит, пожалуй, уже не менее значимая роль¹.

Современное общество реально стало обществом инженеров, архитекторов, строителей, плановиков и т. п. Теория и практика проектирования, конструирования, моделирования, прогнозирования, а также различные виды производственной и организационно-управленческой деятельности являются ныне самыми массовыми типами деятельности и мышления людей.

¹ Природное и социальное как сверхприродное, и в этом же основном смысле рассматриваемое здесь естественное и искусственное, в реальном мире существуют в неразрывном единстве, ибо второе не существует без первого, являющегося его материальным носителем. На этой основе возникает двойственность качественной определенности социальных явлений, столь четко методологически раскрытая в учении К. Маркса. Однако в данном случае эта сторона дела оказывается вне фокуса рассмотрения, и мы отсылаем читателя к соответствующему ее анализу (см. гл. III). В настоящей же главе в центре изучения находится специфика естественного и искусственного, которая здесь выступает как гносеологическая детерминанта соответствующих форм познания. Такое рассмотрение более выпукло показывает их особенности, но при этом несколько нарушает пропорции их обычного изложения: единство, взаимодействие, специфические различия. Следует иметь в виду, что такая акцентировка не имеет общего значения, она есть следствие специфической логики данного исследования.

Вокруг этого пояса знаний Большой инженерии, Большой экономики, Большой социологии, Экспериментальной науки и т. п. развиваются и связанные с ними дисциплины — соответствующие разделы математики, логики, прикладной методологии. Вскоре на этой почве стали возникать и свои абстрактные теории междисциплинарного характера — общая теория организации, общая теория информации, общая прогностика, общая праксеология, а также более конкретные теории — системотехника, исследование операций, теория игр и т. п. Именно таким образом и именно в этом ряду абстрактных междисциплинарных теорий возникает и *общая теория систем*, на базе которой ведется разработка системного подхода, характеризующего его создателями как «специально-научный», «нефилософский» и т. п.

Мы часто не задумываемся над тем, что у людей, занимающихся созидательными «инженерными», «плановыми» и организационно-управленческими видами деятельности, есть своя логика, свой строй мышления, по ряду параметров отличный от логики мышления людей, изучающих по преимуществу природные, «естественные» процессы. Так постепенно (и для общества не всегда осознанно) возникли системы знаний нового типа о мире *искусственных* вещей, сознательных процессов, произвольных действий. Конечно, при этом следует отметить, что общественное как сверхприродное включает в себя одновременно и естественное и искусственное, а инженерная деятельность и инженерное знание при всей их собственной специфике являются частью общественной деятельности человека. Однако ни неразрывное единство естественного и искусственного, ни наличие их смешанных форм не отменяют их собственной специфики. А именно специфика нас в данном случае и интересует. И, как мы увидим далее, именно она обуславливает появление новых форм знания и средств методологии.

Мышление человека, проектирующего что-то новое или воссоздающего некие природные явления искусственно, осуществляет композицию и декомпозицию предмета, моделирует его, предусматривает характер основных взаимодействий, действие реальных условий существования и т. п. Для всего этого оно нуждается в знании, так сказать, «первокирпичиков» изучаемой действительности, ее структурных элементов, компонентов и «блоков», форм организации и управления, типов связей и взаимодействий, механизмов функционирования и развития и т. д., с

тем чтобы, используя их как конкретные аналоги природных и общественных явлений, успешнее вести творческий процесс созидания. И характерно, что одним из главных приемов этого мышления становится принцип построения нового посредством элементов известного¹. Так, опираясь на феномены «изоморфизма», создаются как бы «лекала» эвристического моделирования и проектирования искусственно создаваемых вещей, их конструкций и образцов, а вместе с тем создается свой особый творческий познавательный инструментарий. При этом частные методологические средства, приемы и даже отдельные феномены различных наук интегрируются в так называемые междисциплинарные методы. А они, по сути дела, представляют собой некие методологические агломерации самых разнопорядковых приемов и теоретических фигур. Конечно, они плохо сравнимы с философскими принципами и методами, но они имеют свои несомненные достоинства и широко применимы на практике, а потому к их оценке надо подойти с мерками, соответствующими их природе и значению.

Несомненно, общая теория организации, общая теория управления и общая теория систем — это теоретико-методологические образования совсем иного рода, чем методы, принципы и понятия философского знания. Они действительно есть определенный продукт современных революций в науке, технике и производстве, продукт специфический, связанный в основном² с разработкой искусственных систем и соответствующих технологий. По своему характеру

¹ Конечно, этот принцип не нов, но в своем массовидном применении и детальной процессуальной разработке, пожалуй, в XX в. он становится явлением качественно нового порядка.

² Следует оговориться относительно роли системных разработок, возникших вокруг естественных систем, прежде всего биологических. Действительно, разработка принципов системного подхода в середине XX в. начинается биологами и математиками. Однако у биологов они явились следствием поиска принципов предметного моделирования как средства адекватного объяснения функционирования естественных систем, тогда как у математиков и инженеров они сразу становились компонентами различных вычислительных методов и теорий конструирования искусственных систем, орудиями практического познания и действия. Конечно, моделирование естественных процессов и конструирование искусственных систем имеют целый ряд общих позиций, но их детальное изучение вскрывает и существенные различия между ними. Логика данной главы заставляет нас в большей мере фокусировать свое внимание на факторах научно-технических, ибо именно им принадлежит ведущая роль в формировании новых эвристических систем.

и теоретико-методологическому статусу они ближе к научно-практическим методам, содержат в себе много очень конкретного методологического материала, непосредственно не относящегося к сфере философского знания. Между тем теоретическое и методологическое обобщение всего этого материала идет, продолжается также и его «стыковка» с философским знанием. Процесс это не простой, и в нем обе стороны (условно говоря «философская» и «нефилософская») должны проявить много мудрости и взаимного уважения, чтобы успешно синтезировать рациональное содержание обоих направлений разработки системного подхода. Это по-настоящему трудно, реальные пути такого объединения пока обстоятельно не разработаны, и фактически речь идет о стыковке, выражаясь словами К. Маркса, двух разных способов освоения действительности — «теоретического» и «практически-духовного»¹. И это надо постоянно иметь в виду, ибо сфера практического знания, имеющая, бесспорно, свое нефилософское содержание, вместе с тем имеет и свою очень важную философскую сторону, которая уже разрабатывается не одно столетие.

В целом нас не должно смущать то, что представители общетеоретического направления считают главными детерминантами системного подхода глобальные параметры научной картины мира и новые потребности теории познания, а представители другого направления разработки системного подхода считают его основными детерминантами прежде всего потребности специально-научного и научно-практического знания и действия. На самом деле действующими детерминантами является и то и другое. Серьезные философские представления о системном подходе помогают глубже понять его природу и гносеологические корни, а серьезные специально-научные и научно-практические представления о нем активно помогают сделать его живым, действующим, реально работающим. Все это важно знать тем, кто желает овладеть этим методом познания действительности и научиться применять его на практике.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 38.

1. «Философский» и «нефилософский» системный подход

Различение двух типов системного подхода — общетеоретического и научно-практического — схватывает существо их различий как концепций, одна из которых имеет по преимуществу мировоззренческую, философскую базу знаний, а другая — специально-научную и научно-практическую. Это важно отметить потому, что у каждого такого направления имеется свой строй базисных понятий, законов, теорий и в этом смысле своя «призма видения» действительности. Однако диалектика учит нас, что мало понять различия явлений, надо вместе с тем понять и их единство. Соответственно оперирование этими различиями как взаимоисключающими противоположностями, безотносительно к данной гносеологической потребности, было бы ошибочным.

Так, например, само абсолютное «включение» каких-либо представлений в философию и абсолютное «исключение» из нее относительно. Когда-то в древности философия — первая форма теоретического знания — обнимала почти все существовавшее тогда знание. Постепенно разросшиеся и дифференцировавшиеся сферы изучения природных явлений, а затем также социальное, моральное и психологическое знание полностью обособились. В нашем столетии один из древнейших разделов философии — логика рождает в союзе с математикой, естественными и техническими науками «нефилософскую логику». Думалось ли раньше, что такое возможно?

С другой стороны, в философии всегда происходили и происходят обратные процессы — философия по-своему ассимилирует «не-философию», например искусство, религию, естествознание, обществоведение и т. п., и соответственно развивает по ним особые разделы конкретного философского знания. Так появляются эстетика как философская теория искусства, философские вопросы естествознания, философские проблемы права, философия науки и т. п. Причем процессы такого рода происходили и происходят всегда. Так что противопоставление философских и нефилософских направлений в определенном смысле весьма относительно, и это важно иметь в виду.

Сегодня в структуре философии мы можем обнаружить такие направления исследований, как философские проблемы кибернетики, теории информации, космонавти-

ки, технических наук, глобальных проблем мирового развития и т. п. Есть среди них и разработка философских проблем «нефилософского» системного подхода. Она содержится в трудах таких философов, как И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин, Б. Г. Юдин, В. С. Тютин, И. Б. Новик и др. В целом взаимодействие философии с нефилософскими сферами знаний — процесс нормальный и постоянно совершающийся. И фактически при таком «обмене веществ» происходят три процесса одновременно:

— область философских исследований расширяется соответственно с общим разрастанием сферы научного знания;

— философское осмысление знания новых разделов науки помогает им более строго методологически и непротиворечиво мировоззренчески оформить свои теории;

— а в конце концов улучшается взаимодействие философской науки с естествознанием, обществоведением и техникой, укрепляется тот самый необходимый их союз, к которому призывал ученых В. И. Ленин. Процесс этот идет иногда более гладко и плодотворно, иногда менее гладко и плодотворно, но он весьма необходим обеим сторонам, так как философия в конкретных науках имеет свой познавательный фактологический базис, а конкретные науки в философии — свой общетеоретический и общеметодологический базис: теорию познания и общие концепции мировоззрения и методологии.

Итак, возвращаясь к теме, обозначенной в заголовке параграфа, надо сказать, что, видимо, не следует различие двух направлений системного подхода категорически определять как различие «философского» и «нефилософского» знания, ибо каждый из них в конце концов имеет свое философское содержание. Но при этом иметь в виду гносеологическую специфику каждого из них, несомненно, следует.

2. Естественный и искусственный мир

Выше мы установили, что изменение современной научной картины мира и соответствующие изменения структуры научного знания имеют самое непосредственное отношение к появлению и разработке новых средств методологии. Анализируемое нами соотношение «естественного» и «искусственного» в человеческом познании мира очень характерно в этом отношении. Попробуем же по-

глубже заглянуть в лабораторию человеческого знания о мире естественных вещей и процессов и о сфере искусственного созидания человеком своего рукотворного мира.

Человек, овладевая природными и общественными условиями своего существования, создает свою «вторую природу». Сей человеческий мир — мир общественного производства, культуры и социальной жизни людей — базируется на природе и вместе с тем составляет ту великую и своеобразную «прибавку», которая является исторически самой молодой и вместе с тем самой качественно сложной реальностью мироздания.

Десятки наук изучают различные законы общественной реальности, и из этого складывается общее представление о ее генеральной специфике и ее характерных чертах. А для общенаучной методологии такое обобщение принципиально важно. Ибо самым различием «естественного» и «искусственного» схватывается одно из коренных качественных различий *классов* явлений объективной действительности. А оно, как и другие определения классов (материальное и идеальное, природа и общество, неорганическое и органическое), образует фундамент всякого научного познания¹.

Проблема качественных различий мира естественных явлений и мира искусственных вещей не нова. В научной литературе она всегда как-то обозначалась и упоминалась, но специально, систематически и в целом она исследовалась мало. До известной поры это было возможно. Однако в эпоху научно-технической революции, в эпоху всеобщего применения науки во всех сферах жизни общества положение дел меняется. Как учит диалектика, «количество переходит в качество», и сама практика научного познания начинает требовать, чтобы закономерности знания об искусственном нашли свое адекватное отражение в научной картине мира и методологии.

Эти идеи в последнее время стали формулироваться

¹ Любое изучение явлений начинается с определения его качества, и так постепенно в процессе научного познания создается как бы многослойный качественный «портрет» предмета. И с каких бы простейших качественных характеристик ни начиналось изучение данного явления, в фундамент обобщенного научного знания о нем кладутся знания об основных законах и качественных спецификациях классов, родов и видов явлений, а затем уже (на базе и с учетом этого фундаментального знания) воссоздаются все детальные черты его конкретной жизнедеятельности. В процессе

все более обстоятельно и точно. Один из ярких примеров тому — книга Герберта Саймона «Науки об искусственном»¹. Написана она глубоко и эмоционально, как страстный призыв решить проблему создания общей теории наук об искусственном. На ее материале мы попробуем проанализировать саму современную постановку этих проблем.

Основные общетеоретические положения этой концепции, кратко говоря, таковы:

1. «Мир, в котором мы живем, в значительно большей мере является творением человеческих рук, чем природы, это гораздо более искусственный мир, нежели естественный мир»², — говорит Г. Саймон. Он обращает внимание на то, что в широком смысле этого слова сама человеческая цивилизация — язык³, сознание, культура, наука, производство — суть явления, так сказать, сверхприродные, то есть искусственные, созданные человеком и человеком.

2. Естественное выступает перед человеком как «непосредственное данное», оно *есть* и изучается, как такое, во всех его закономерностях, качествах, свойствах и отношениях. Искусственное же, прежде чем стать таким, *должно быть создано*, т. е. спроектировано и произведено. В нем реализуются цели человека, оно функционально обслуживает его разнообразные потребности. Таким образом, фокусом всей целенаправленной продуктивной деятельности человека (умственной и физической) является решение задач, *«какими должны быть вещи»* и, конечно, какими должны быть действия человека по достижению его целей. Уже из этого хорошо видно, как коренным образом различаются сами отношения человека к

развития науки знание о вещах становится все более глубоким и сложным, многослойным и многокачественным. И если некогда знание о «классах» и «родах» явлений казалось лишь их абстрактными «собирательными именами», практически не участвующими в реальном процессе научного познания, то на данной стадии развития наука уже не может обходиться без них, ибо они стали органической составной частью сложного научного знания, в котором предмет рассматривается многомерно, системно, как совокупное знание о явлениях и действительности, вместе взятых.

¹ См.: Саймон Г. Науки об искусственном. М., 1972.

² Там же, с. 10.

³ Тот «символический» язык, который великий русский физиолог И. П. Павлов называл «второй сигнальной системой» и искусственное происхождение которого отмечали еще древние греки (см.: Богомолов А. С. Диалектический логос. Становление античной диалектики. М., 1982, с. 198—209).

этим двум классам действительности, а соответственно различаются и его стратегии научного познания и деятельности в отношении их.

3. Между познанием человека, направленным на естественный объект, и познанием и деятельностью человека, направленными на *создание* искусственных вещей, есть существенное гносеологическое различие. В первом случае в нем преобладает *анализ*, во втором — *синтез*. «К инженерной области,— пишет Г. Саймон,— мы относим задачи «синтеза», в то время как наука занимается «анализом»¹.

Все многообразные виды созидательной деятельности человека: производственные, проектно-конструкторские, плано-прогностические, организационно-управленческие, а также педагогические, медицинские и даже такие, как сочинение музыки², имеют, согласно мнению Г. Саймона, то общее, что они используют различные по формам, но единые в своей сущности *процедуры синтеза целого*, собираемого из элементов, компонентов, блоков.

4. Самая общая, можно сказать, глобальная идея Г. Саймона заключается в том, что необходимо разработать некую универсальную теорию конструирования или основы методологии создания искусственного. Сам тип теории представляется ему подобным общей теории организации, общей теории управления или общей теории систем и т. д. Он верит, что эта теория и ряд ее более конкретных модификаций будут наконец разработаны и тогда станет возможным исправление того «флюса», который сейчас в нашем познании составляют естественнонаучные знания³. Он говорит: «...я призываю не к тому, чтобы игнорировать фундаментальные науки, а лишь к тому, чтобы наряду с фундаментальными основами естественных наук включить в программу (высшего образования.— В. К.) и фундаментальные основы инженерного иску-

¹ Саймон Г. Науки об искусственном, с. 13. Размышление Г. Саймона о естественных науках как представляющих анализ и науках об искусственном как представляющих синтез оригинально и в некоем «глобальном» смысле верно. Однако это предельно широкий и нетрадиционный смысл, который нельзя применять вместо основного философского понимания анализа и синтеза, где они выступают как взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга мыслительные процедуры. Несомненно, и Г. Саймон, вводя это общее характерологическое определение, совсем не помышлял о ниспровержении общеметодологических канонов науки.

² См. там же, с. 70, 92, 100.

³ См. там же, с. 71.

ва. В 30-е годы это не представлялось возможным, зато это можно сделать сейчас»¹.

Итак, Г. Саймон не просто призывает исправить диспропорции знания о мире. Он вполне обоснованно показывает, что данная проблема ныне вызрела для решения и объективно и субъективно. С одной стороны, она отражает самые новые, самые актуальные потребности научного познания — изучение сложности. С другой стороны, показывает, что достаточно вызрели и «технологические средства» решения этих задач. Он пишет: в прошлом «все, что мы знали о процессах синтеза и науках об искусственном, было интеллектуально рыхлым, интуитивным, неформализуемым и пригодным для преподавания лишь по принципу кулинарных рецептов»². Но за последнюю четверть века были разработаны эффективные вычислительные методы: теория линейного программирования, динамическое программирование, геометрическое программирование, теория массового обслуживания, теория автоматического управления; методы оптимизации, наиболее сильно развитые в рамках теории статистических решений и теории организационного управления; теория вероятностей и теория полезности; модальные логики и т. д. Большинство данных методов, по мнению Г. Саймона, ныне доведено до уровня, допускающего практическое применение. И все это стало реальностью современного научного и научно-практического познания в такой мере, когда, пожалуй, уже можно говорить о том, что естественнонаучное знание и научно-практическое знание «образуют два взаимосвязанных уровня объяснения...»³.

Подчеркивая с удовлетворением вызревание познавательной технологии практического знания, базирующегося на прикладной математике, символической логике и вычислительной технике, Г. Саймон вместе с тем отмечает незавершенность теоретического осмысления всей этой сферы, отсутствие целостной общей теории и призывает предпринять коллективные усилия по ее созданию. Сам он на многочисленных примерах анализирует процессы моделирования, адаптации, стратегии поиска, поиска альтернатив и оптимума, структуру синтеза, роль иерархических представлений, методы описания сложных систем и т. д. Во всем этом он пытается выделить характерные процессы и приемы «нашего мышления, суждений, при-

¹ Саймон Г. Науки об искусственном, с. 72.

² Там же, с. 71.

³ Там же, с. 68—69.

нения решений, выбора и созидания» и тем самым как бы зафиксировать определенные «константы» практического мышления.

Представляется, что в своей основной идее Г. Саймон прав. Теория о закономерностях создания и функционирования класса искусственных явлений должна быть систематически разработана и как раздел современной картины мира, и как часть теории познания и методологии, и как междисциплинарная теория инженерных наук.

Проблема эта весьма серьезная. В определенных своих моментах и вместе с тем в более широком плане она разрабатывалась и классиками марксизма в общем контексте их учения. Так, уже молодой Маркс, рассматривая процесс производства как процесс воздействия человека на природу и опредмечивания сущности и деятельности человека, говорил, что благодаря производству природа становится «антропологической природой»¹. Создавая новое мировоззрение, основоположники марксизма обратили особое внимание на роль практики, активное воздействие человека на условия своей жизни и деятельности, на процесс преобразования этих условий, на взаимосвязь изменений материальных условий жизни и оаих людей, на расширение сферы материальных условий жизни, которые созданы деятельностью людей, по сравнению со сферой первичных природных условий². Они исследовали диалектику целей и средств, роль познания, сознания, знания, науки в преобразовательной деятельности человека. В «Капитале» Маркс всесторонне исследовал диалектику процесса производства, его основных элементов: рабочей силы, средств труда, предмета труда и продукта труда; исследовал труд как целесообразную деятельность человека, преобразование самого человека под воздействием труда³, специфику и законы машинного производства. Интересно, в частности, наблюдение Маркса, что в ходе исторического развития происходит переход от примата естественного базиса общественного производства — земли, игравшего определяющую роль еще и при феодализме, к примату искусственного базиса — промышленного производства, становящегося главным при капитализме, и т. д. и т. п. Созданная основоположниками марксизма теория

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9-ти т., т. 2, с. 14—15, 22—25, 27—28.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 486; т. 23, с. 188, 195, 382—397; т. 42, с. 126.

коммунистического преобразования общества явилась важнейшей формой теории преобразования общественных отношений. Все эти научные достижения закономерно складываются в общую картину марксистской теории преобразования мира.

При этом К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин более глубоко и точно, чем многие современные исследователи, понимали специфику и взаимосвязь природного и социального, естественного и искусственного¹. Они всегда подчеркивали, с одной стороны, их качественное своеобразие и качественную специфику, а с другой стороны, их неразрывное материальное единство, их своеобразный симбиоз, ибо всякое искусственное своим материальным «носителем» имеет естественное, природное. Это некая всеобщая диспозиция, возьмем ли мы, например, сложнейшие электронно-вычислительные машины, построенные из природных материалов, или «естественные языки», фиксирующие нашу речь, где знаки второй сигнальной системы есть искусственные символы — коды языка, сложившегося естественноисторически, и т. д. Эти примеры можно продолжить. Различение природных и социальных качеств, выделение феномена двойственности качественной определенности — одно из величайших открытий Маркса.

Ныне на это различение качественной специфики предъявляется еще больший спрос, так как в структуре сложного, многоуровневого, многомерного знания каждый базовый качественный параметр выступает особой детерминантой. Соответственно качественные характеристики классов явлений, применяемые как исходные «блоки» всякого знания, сами должны быть точно определены. К сожалению, этого нельзя сказать пока о таких классах явлений, как «искусственное», «идеальное» и даже «органическое». И тут дело даже не в их общей неизученности, а в специальной, гносеологической и методологической неразработанности этого материала.

Таково состояние общеметодологической концепции, в фокусе которой будет проблема «искусственного». Она еще только предлагается к разработке. Но наука уже располагает рядом похожих и сформировавшихся междисциплинарных методологических концепций, в фокусе которых находятся проблемы «организации», «управления», «информации», «систем». Как же понять и правильно истолковать эти новые явления в сфере методологии?

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 242; т. 23, с. 415, 756; т. 46, ч. I, с. 99, 228; т. 46, ч. II, с. 19, 85, 112, 204.

Соглашаясь с тем, что в принципе это явления однопорядковые, и желая разобраться в самой их природе как методологических явлений, мы далее будем рассматривать их вместе.

Думается, что рождение этой и других подобного рода теорий само по себе есть определенное знамение времени. Оно означает, что наряду с естественными, так сказать, вербальными языками, образующими нашу общую понятийную систему, наряду с функционирующими в науке символическими языками логики и математики, составляющими ныне целые «библиотеки» стандартных формализмов алгебры, геометрии, теории множеств, топологии, всевозможных логик и т. д., образующих совместно как бы научно-технологические языки правил и процедур точного мышления, наряду со всем этим ныне рождается третий слой языков науки. Назовем их эвристическими языками. При всей их сегодняшней нестройности и при всем несовершенстве они несут с собой нечто такое, чему, видимо, также суждено свое будущее и самостоятельное место под солнцем.

Как и все на свете, новое рождается на базе старого; оно строится из наличного материала, опирается на теоретические достижения и методы существующих наук. Вместе с тем это новое не только повторяет «материнские структуры», но несет с собой и нечто свое, принципиально отличающееся от старых структур. Так, нынешняя эвристика существует и развивается в основном в лоне современной математики и логики (либо в тесной связи с ними), но ей там тесно, и она «пробует» наряду с математическими использовать и нематематические приемы и методы. В теоретико-методологических достижениях других наук она ищет и находит готовые формулы, принципы, законы, универсальные феномены, глубоко отражающие некие структурные формы объективной реальности, и из них как из «готовых блоков» пытается строить свое здание, оснащая его также своими собственными конструкциями и адекватной математикой.

Обратим на это внимание. Здесь появляются два новых момента. Во-первых, сам этот «новый язык» строится по несколько иной схеме и развертке, чем вербальные и логико-математические языки. Во-вторых, иным является и результат. Современные эвристические теории — в отличие от обычных монистических и моноструктурных по своей сути построений теории и методологии — строятся как некая не очень строгая (по составу и

внутренним связям) совокупность, как бы «агломерация» самых разнопорядковых частей, связанных порой лишь самыми общими теоретическими ориентациями и процедурами истолкования¹.

Несомненно, на всем этом лежит печать, так сказать, «инженерного подхода», методов проектирования и моделирования, для которых порою сами «инструменты» важнее «системы инструментов», в которую может быть включено все, что полезно для дела. Таков закон агломерации. В этом смысле весьма характерны попытки создать такую широкую, эвристическую по своему характеру теорию, будь то общая теория организации, общая теория управления, общая теория информации или общая теория систем,— все эти теории в значительной мере суммативны и даже включают друг друга в виде одного из своих элементов или подсистем. Но законы эвристики позволяют это, и, видимо, не надо их обязательно подгонять под общие принципы построения всех «настоящих» теорий. Они по-своему тоже настоящие, но другие по типу и пока еще только складывающиеся.

Ныне всем очевидно, что потребность в эвристике растет, но растет она прежде всего в сфере искусственного синтеза. Эффективное использование средств научной аналогии на деле возникает лишь при соединении возможностей принципов-универсалий (фиксирующих общие формы строения и развития) и действительных потребностей в них в практическом знании: в конструировании, моделировании, имитировании и т. п., где они используются как рабочий инструмент этого процесса, как своеобразные познавательные «лекала». И именно здесь — в практическом синтезе с его многоэтажной и поэлементной расчлененностью, с его базовой методологией, предполагающей постоянное манипулирование символами, использование адекватных логик и математических методов, вы-

¹ Понятие эвристики в современной научной литературе очень многозначно. Оно довольно специфично употребляется психологами, философами, математиками, физиками, социологами, биологами и другими специалистами. В примечании не место анализировать их сходство и различия. И следует оговорить лишь то, что в данном случае понятие эвристики употребляется в широком смысле. Здесь нам хотелось подчеркнуть, что методологические средства «поиска истины» очень разнообразны. Но при этом теории комплексного полиморфного знания (вроде теорий организации, управления, систем и т. п.), органически соединяющие в себе начала теоретического и практического знания, по самому своему характеру в наибольшей мере соответствуют статусу «эвристических».

работку стратегии поиска, подбор вариантов описания состояний и процессов, нахождение альтернатив и оптимальных решений, математический эксперимент,— эти принципы оказываются максимально полезными. Несомненно, они могут использоваться и в обычном естественнонаучном и обществоведческом анализе, но там они играют уже второстепенную и третьестепенную роль, ибо сила аналитического познания в адекватном отражении «непосредственно данного», его фактических реальных структур, процессов и связей, а не в комбинировании абстрактных моделей и эвристических схем, которые при этом используются лишь изредка.

Нам представляется, что методологический оптимизм по поводу «всеобщего» и «повсеместного» применения новых эвристических теорий, в том числе и общей теории систем, должен быть здравым и умеренным. Пока ясно одно, что в сфере практического знания (и инженерного знания, в частности) они полезны и эффективны. Аналогично они будут полезно работать «в паре» с разнообразными математическими, логическими методами, особенно при машинном моделировании, где бы они ни применялись. Что же касается других сфер и других потребностей научного познания, то применение здесь новых эвристических теорий, видимо, будет меньшим, а адекватные познавательные формы в значительной мере иными, скорее всего более традиционно философскими и естественнонаучными. Здесь мы невольно возвращаемся к соотношению двух разновидностей системного подхода, к проблемам специфических различий и единства этого методологического знания.

Итак, мы установили, что в самом «подходе к делу» естествоиспытателя и инженера наряду с общими универсальными основаниями есть и существенные различия. Естествоиспытатель призван предельно точно понять и воспроизвести в знании изучаемую им действительность, по возможности глубже исследовать ее детерминанты. Соответственно его гносеологическое оружие сродни философскому и в значительной мере базируется на нем. Ему нужны четкие мировоззренческие представления о системе и структуре окружающего мира и четкие, выверенные философские представления о канонах методологии, руководствуясь которыми он ищет в исследуемом объекте его специфические формы движения и развития, изменчивости и устойчивости, особые виды связей и взаимодействий, его структурные формы и т. д.

В решении проблем созидательной деятельности философия нужна, конечно, не менее, чем в естествознании. Вместе с тем инженеру, чтобы конкретно строить новую действительность, только «всеобщих ориентаций», может быть, и мало; для обеспечения своей деятельности он должен иметь «под рукой» познавательные инструменты самых различных форм, порядков, масштабов¹. А главное, он должен иметь возможность, прежде чем строить в действительности, развернуто и детально построить все это идеально, создать свой предмет в виде проекта и быть уверенным при этом, что его проекты и конструкции, став материальными, будут жить и нормально исполнять свои функции, а не окажутся несостоятельными. А потому в разработочной фазе его замысла ему прежде всего нужны адекватные средства *мысленного эксперимента* и моделирования, которыми в действительности и становятся прежде всего специфические языки математики и логики, а также средства эвристики.

Конечно, инженер, как правило, не добывает фундаментальных знаний «о природе вещей», но он добывает фундаментальные знания «о синтезе вещей». Вряд ли можно сказать, что эти знания менее важны, чем первые, ибо конечная цель всякого человеческого познания — овладеть законами природы и общества в такой мере, чтобы иметь возможность воспроизвести их действие в реальном эксперименте и промышленном производстве, заставить их служить человеку и человечеству. Иными словами, успешный «синтез вещей» уже сам по себе выступает критерием практики и важнейшим бесспорным доказательством действительной мощи человеческого познания.

Таким образом, на этом примере мы видим, что на современном этапе развития научного познания вместе и параллельно с философским методологическим знанием развивается целый слой более дробных и более инструмен-

¹ Некоторое различие гносеологических потребностей естествоиспытателя и инженера, проводимое в данной главе, конечно, весьма условно. Есть немало случаев, когда естествоиспытатель или обществовед должен решать задачи, которые по сути своей являются инженерными, и, наоборот, когда инженеры ищут методологию решения своих задач в теоретических арсеналах естествознания и обществоведения. В реальной практике научного познания и те и другие пользуются общефилософским понятийным аппаратом, теоретико-познавательными установками своей отрасли знания, а также могут использовать «любой» методологический инструментарий, существующий в других науках. Все это так. И тем не менее специфические различия между ними есть, и они требуют своего осознания и изучения.

тальных, чем философские, методологических знаний. Именно это вполне объективное обстоятельство и лежит в основе различия двух типов системного подхода, один из которых развивается по преимуществу на общетеоретической, философской базе знаний, а другой — на специально-научной и «инженерной» базе знаний. Конечно, их сущностные основания едины, но формы и конкретный познавательный инструментарий могут значительно различаться. По сути дела, они должны взаимодополнять друг друга, и реальные научные достижения каждого из них должны в той или иной форме ассимилироваться «другой стороной». Вместе с тем различные группы ученых должны четко себе представлять и применять те разновидности методологического знания, которые наиболее соответствуют изучаемым ими объектам и господствующим у них типам познания. Так, например, логика «инженерного синтеза» — самая инструментально вооруженная — вряд ли может оказаться столь же эффективной в вопросах естественнонаучного анализа. Хотя, конечно, и в естественных и в общественных сферах современного научного знания ныне имеется свой пояс инженерных дисциплин (инженерная психология, генная инженерия, техническая физика, экономико-математическое моделирование и т. д.) и просто прикладных проблем, где логика «инженерного синтеза» и средства математического эксперимента будут абсолютно адекватными.

Современное научное познание получило благодаря широкой разработке прикладной математики, применению цифровых вычислительных машин и методов машинного моделирования и эксперимента *универсальное технологическое средство познания*, которое (в этом смысле) буквально удесятеряет его практические возможности. Компьютеры сегодня выступают как управляющие машины и блоки управления сложнейших технических систем, и только с опорой на них становится реальной автоматизация производства. В науке, планировании народного хозяйства они позволяют рассчитывать сложнейшие варианты решений, заглядывать в будущее, вести автоматизированный контроль. Уже сегодня они берут на себя монбланы рутинной счетной работы и вместе с тем учатся управлять роботами, переводить тексты на другие языки и даже делать скульптурные портреты. Это настоящая революция во всей сфере практического знания, а порой и кардинальное изменение самого строя научного мышления. И всем «не инженерам» это еще предстоит глубоко

осознать и научиться этим пользоваться в порядке «всеобуча». Думается, что и развитие нефилософского методологического знания, в том числе новые эвристические теории, будет стимулировать развитие философской мысли в сторону увеличения разнообразия познавательного инструментария. Словом, все находится в процессе исторического развития, в том числе и оба типа или направления системного подхода; сегодня они одни, завтра будут уже в чем-то другими, в процессе расширения и обогащения научного познания они взаимодействуют, взаимообогащаются, совершенствуют свои формы, становятся общей системой знаний о системности явлений и объективного мира в целом.

3. Родовые формы знания и их влияние на специфику форм системного подхода

До сих пор мы укрупненно анализировали проблему гносеологических детерминаций различных направлений системного подхода. И это в принципе возможно и необходимо, когда определяется их основное различие. Однако при более детальном и дробном анализе оказывается, что системный подход, развивающийся в рамках той или иной специфической системы научного знания (философского, естественнонаучного, математического, инженерного, обществоведческого и т. п.), неизбежно несет на себе печать его родовых форм, познавательных приемов и методологических средств. И это следует анализировать дополнительно и особо. Такой анализ не отменяет укрупненного, но уточняет и обогащает его подробностями. В данной главе специальное исследование этой проблемы не предусматривается. Она здесь берется только для примера.

Рассмотрим в данном случае особенности *философского знания*. Философия как наука нацелена на то, чтобы в огромном море разнообразных знаний о природе, обществе, человеке и его мышлении отыскать наиболее общие, устойчивые, по возможности вечные и непреходящие истины о процессах, связях и закономерностях объективной реальности. Ее главная цель — познание основ мироздания, и соответственно она рассматривает мир укрупненно, рассказывает о мире на языке широких обобщений. Ос-

повными единицами философского знания являются предельно широкие родовые абстракции (обобщения) реальных явлений, процессов, отношений.

Под таким углом зрения философия и изучает все. Например, в своем составе она имеет учение о качестве, количестве и мере вещей. Но это не учения о конкретных и специфических качественных, количественных и мерных показателях реальных вещей, а учение о соответствующих категориях, т. е. о всеобщих чертах объективной действительности, их существовании, понятиях, закономерностях познания.

Именно в силу этого сущностного начала сердцевинной философского знания и является учение о категориях, всеобщих законах, а также об общих принципах теории познания, логики и методологии. Сущностный, категориально-понятийный стиль науки с неизбежностью предопределяет и основную стратегию философского познания. Оно создает всеобъемлющие понятийные модели действительности и ее познания, разрабатывает методы, которые, отражая всеобщие черты объективной реальности, выступают здесь в своем наиболее широком, универсальном виде, например, как методы диалектический, исторический, структурный и т. д.

Соответственно сущностной природе философского знания и системный подход, развивающийся на этой базе знаний, строится прежде всего вокруг:

а) разработки категориально-понятийных гнезд (целое — целостность — часть и целое — система; система — моносистема — полисистема — системный комплекс; система — интеграция — структура — закон и т. д.);

б) изучения всеобщих черт системного знания, его предпосылок и форм в истории познания;

в) выявления и обобщения характерологических черт системных законов различных видов, родов и классов реальной действительности.

Естественнонаучное знание. Естественнонаучное знание значительно более конкретно, чем философское; оно нацелено на анализ и изучение реальных свойств конкретной материальной действительности. Естествоиспытатели множеством различных способов и с помощью различных орудий познания изучают реальные качественно-количественные характеристики той или иной материи, ее макро- и микропроцессы, формы, структуры, типы взаимодействий и отношений, конкретные специфические законы существования.

Понятно, что в фокусе этого «познания материи» находятся операции по ее всестороннему анализу, описанию и объяснению форм и механизмов, структурной декомпозиции, выявлению элементов, установлению качественно-количественных значений, границ, мер, оптимальных и критических условий существования, взаимодействия со средой и т. д. Соответственно характер системного знания, сопутствующего этим слоям научного познания, несколько иной, чем в философии. Здесь на первый план выдвигаются не обобщенные категориально-понятийные формы, а описания:

а) типичных системных механизмов, встречающихся в природе, вроде «гомеостаза», «доминанты», «динамического стереотипа», «устойчивых и малоустойчивых структур» и т. д.;

б) специфики реальных микро- и мезосистем живой и неживой природы (атом, молекула, бактерия, организм, популяция, экосистема и т. п.);

в) специфики природных макросистем (Вселенная, Солнечная система, другие звездные и планетные системы, биосфера, природа в целом).

Общественное знание. Общественное знание наиболее сложно по своей качественной структуре. Это связано, во-первых, с исходной двойственностью качественной природы социальных явлений. Имея своим носителем природную материю с ее качественными показателями, общество выстраивает над ней свой собственный ряд качеств. В отличие от природных эти качества создаются человеком. Во-вторых, отношения социального явления с детерминирующими его общественными макросистемами (государство, нация, класс, коллектив и т. д.) более многообразны и динамичны, чем это имеет место в природе. В-третьих, реальности общественной жизни имеют огромную палитру качеств-свойств: политических, экономических, собственно социальных, культурных, моральных, социально-психологических, эстетических и т. п., бесконечно расширяющих число качественных параметров и их сложных сочетаний и образующих в конечном итоге реальную полисистемность общественных явлений. В-четвертых, социальные явления представляют собой неразрывное единство объективного и субъективного.

Все это, естественно, отражается в специфике общественного системного знания. Его методологический аппарат должен обладать адекватными средствами познания. И соответственно на первый план здесь выдвигаются

такие системно-методологические формы и приемы познания, как:

а) раскрытие многомерной, многоуровневой картины действительности, моносистемный и полисистемный анализ, качественный анализ совокупностей, системные феномены интеграции и т. д.;

б) изучение системных качеств, системных оснований, системных структур, включая сменные структуры, системных критериев, системных комплексов, диалектики системно-качественных форм функционирования, развития и динамики социальных явлений, синтез системного знания;

в) установление специфики и закономерностей различных макро-, мезо- и микросоциальных систем (например, исторических цивилизаций, общественно-экономических формаций, племен, народов, наций, классов, стран, государств, мировых социальных систем государств, республик, городов, сел, коллективов, групп).

Инженерное знание. За несколько тысячелетий писаной истории человечества сущностное философское знание и знания естественных и общественных наук в значительной мере срослись, и их специфические методологические различия нам не особенно бросаются в глаза. Этого не скажешь об инженерной или инженерно-технической системе знаний, которая хотя по элементам и существует давно, но в самостоятельную и всеохватывающую сферу развилась сравнительно недавно. Выше, где говорилось о естественном и искусственном мирах, данная тема анализировалась подробно, а потому здесь мы коснемся ее вкратце, лишь применительно к системному подходу.

Инженерное знание в данном случае нами рассматривается значительно шире его собственной профессиональной сферы, а именно как всякое знание об искусственных явлениях и процессах, если его основным содержанием является конструирование, планирование, композиция, строительство и т. п. — словом, создание нового посредством элементов и компонентов известного.

Специфика системного знания этой сферы, конечно, прежде всего включает в себя:

а) методы описания сложных искусственных систем;

б) процедуры анализа и синтеза целого, их набор, последовательность, обратную связь, контроль;

в) методы моделирования и конструирования систем. Теории и методы, обеспечивающие выбор альтернатив, нахождение оптимума, поиск и принятие решений. Исчисление разнопорядковых природно-системных критери-

ев: устойчивости, адаптации, изменчивости, а также различных социально-системных критериев: полезности, экономичности и т. п.

Системное знание этой огромной и разнопорядковой сферы познания очень многогранно. На этом «поле» создаются и будут созданы десятки новых познавательных разновидностей системного подхода, обслуживающего конструкторские, системотехнические, управленческие, информационные, кибернетические, прогностические и т. п. классы задач науки, техники и производства. Вероятно, будут созданы и свои укрупненные теории созидательной деятельности, включающие в себя соответствующие разделы системного анализа и системного синтеза.

Иными словами, различия, так сказать, «общетеоретической», «специально-научной» и «научно-практической» разновидностей системного подхода так же, как и определенные модификации его применительно к основным родовым формам научного знания, имеют место, но эти различия и модификации носят скорее «технологический» и «аспектный» характер, чем принципиальный. Учитывать их в реальном процессе научной работы, несомненно, надо, так как этим обеспечивается бóльшая адекватность конкретных познавательных средств, бóльшее соответствие и «пригнанность» их к изучаемым объектам и процессам, более осознанное их применение. И это важно, так как одних всеобщих средств познания глубокому и обстоятельному изучению действительности мало. Во всем же остальном все виды и разновидности системного подхода (упомянутые и не упомянутые в этой статье) взаимодополняют друг друга; они образуют, точнее сказать, должны образовать строгую и последовательную совокупность знаний о данном методе, его вариантах и применениях, его месте среди других методов, его роли в современном научном познании.

Итак, современное состояние разработки системного подхода как одного из методов научного познания пока, видимо, может оцениваться лишь как состояние начального периода. Ученым всех отраслей знаний предстоит сделать еще очень многое и для его глубокого и точного философского осмысления и для систематизации его конкретного методологического богатства, накапливаемого естественными, общественными, техническими и математическими науками, и, наконец, для обобщения позитивного опыта его практических применений. В условиях научно-технической революции, гигантского роста, диф-

дифференциации и усложнения научного знания качественным образом возрастает роль всех средств методологии, в том числе, конечно, и системного подхода. Этот процесс дополняется другим. Человечество на данном этапе своего исторического развития в существенно новой мере овладевает наукой и ставит ее достижения на службу своим интересам, на службу практике производства, управления, развития социальной и духовной жизни общества. И эта всеобщность в применении науки, так сказать, «прагматизация» научного знания ныне также требует разработки и применения новых методологических средств соответствующего уровня и конкретности. Такова общая обстановка. Таковы актуальные потребности развития сложного знания и практического знания. Системный подход включается в оба эти процесса современной общественной и научной жизни, и именно здесь ему и предстоит доказать свою жизненность, свою действенную силу.

Принцип системности в методологии диалектического и исторического материализма

Отношения диалектики и системного подхода могут быть рассмотрены в разных планах, в том числе в историческом, сущностном и конкретно-методологическом. В первом случае, изучая вопрос исторически, пришлось бы рассмотреть предысторию системных идей как соответствующих «вкраплений» или элементов в составе других философских и естественнонаучных теорий, особенно в рамках развитых диалектических учений, а затем уже и их современную историю как методологического средства (подхода, принципа, типа анализа), обособливающегося в XX в. в самостоятельное научное направление. Во втором случае, изучая вопрос с позиций общих оснований методологии, — рассмотреть их в соотношении «методология и метод» (т. е. система методологии и отдельное методологическое средство), а также по различию базовых теоретико-познавательных специализаций принципа развития и принципа системности. В третьем случае, конкретно-методологическом, — раскрыть системные черты диалектического и исторического материализма, провести сравнительный анализ того, как различные теоретико-познавательные сюжеты отображаются в понятиях диалектики и представлениях системного подхода, выявить несостоятельность расширительного толкования роли и возможностей системного подхода, попыток изобразить его в виде основы методологии, как это утверждается в ряде зарубежных исследований. Всего этого хватило бы на большую самостоятельную книгу. Здесь, при кратком постановочном изложении вопроса, мы не располагаем этой возможностью. А потому, в соответствии с уже принятой (в десятой главе) точкой зрения, мы рассмотрим только самые общие отношения диалектики и системного подхода, предпослав этому краткий исторический экскурс.

1. Исторические предпосылки развития системного знания

Системный подход является естественным и необходимым продуктом прогресса научного знания. Системные представления в виде разрозненных и частных элементов человеческого знания существуют очень давно. Их первые образцы можно обнаружить даже в учениях древних мыслителей. Более развитые формы философских и естественнонаучных системных представлений появились в XVI—XVIII вв. Разнопорядковые идеи системности содержались в гелиоцентрическом учении Коперника, в космогонической теории Капта — Лапласа и многих других классических трудах того времени.

Однако в плане выявления принципов системности это были скорее идеи-предшественницы, идеи-догадки, часто не во всем последовательные, но вместе с тем, конечно, прокладывающие путь рождению общих системных, и прежде всего макросистемных, представлений об окружающей действительности. Подлинно научные, широкие и концептуальные системные представления о различных сферах объективной действительности являются, несомненно, продуктом более позднего времени, а именно продуктом фундаментальных научных теорий XIX и XX вв.

Величайшими достижениями теоретического мышления XIX в. стали научные *теории исторического развития в природе и обществе*. Появление этих теорий имело определенные предпосылки в развитии всего научного знания: в философии, истории, политической экономии, в различных отраслях естествознания. Но их венцом и наиболее концентрированным выражением явились, несомненно, теория общественного развития Маркса и Энгельса, а также эволюционное учение Ч. Дарвина. При этом органической составной частью теорий исторического развития в природе и обществе были представления о больших системах: об общественно-экономических формациях, о видах животных. В других науках развитие теоретического и исторического знания также вскоре привело к формированию представлений об исторически конкретных геологических, космогонических, экологических и других системах — макрообъектах объективного мира. Становилось ясным, что история опирается на более «крупные блоки» явлений, которые имеют свои законы жизни и развития, являющиеся в то же время общими законами для всех составляющих их явлений.

Осознание действительных объектов, форм и временных масштабов макрореальности исторического процесса в природе и обществе обнаружило несостоятельность существовавших до того идеалистических и метафизических представлений о неизменных началах и основаниях бытия, о вечности «видов и родов» вещей и т. п. В свете новых данных науки само общество и живая природа предстали теперь в виде конкретных надындивидуальных образований, в виде исторически развивающихся макроскопических биологических и социальных организмов (систем), имеющих, как говорил В. И. Ленин применительно к обществу, «особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»¹. Естественно, что материалистическая теория развития не могла существовать без ясных представлений о реальных макрообъектах истории, и такое совмещение исторических и системных представлений фактически открыло более широкие возможности для построения строго научных теорий о фундаментальных закономерностях развития природы и общества.

Материалистическое понимание истории фактически открыло не просто законы истории, оно дало ключ к раскрытию коренных законов функционирования («жизнедеятельности») каждой формации, ее общественного производства, ее социального устройства, действий различных классов и социальных групп и, наконец, в чем-то основном и к пониманию деятельности отдельных людей, живущих в данных исторических условиях.

Со времени открытия законов функционирования и развития общественно-экономических формаций в социальном знании появляется такой существенный и обязательный параметр, как определение существа всякого социального явления через раскрытие его места и роли в структуре и системе данного общественного организма, данной общественной формации. Конечно, «формационные» характеристики не исчерпывают всего многообразия свойств, связей, условий и отношений каждого социального явления, не исчерпывают его индивидуального содержания, но они содержат в себе такую существенную и даже ведущую долю объективного знания о предмете, без которой истинное представление о нем невозможно. По сути дела, из этого выросло некое новое измерение всех явлений действи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 429.

тельности — измерение, так сказать, «видо-родовое» или макросистемное.

Философия, правда, и раньше утверждала, что за конечным и преходящим бытием отдельных вещей стоит что-то высшее, представляющее их «вид», «род», «понятие» или «абсолютную идею». Однако пока эти виды, роды и прочие «высшие субстанции» трактовались идеалистически или метафизически как вечные и неизменные, само соотношение индивида и вида, вещи и понятия, предмета и системы было в своей основе неподвижным и мертвым, антидетерминистским, оно ничего последовательно объяснить не могло и потому теряло рациональный смысл.

Только отказ от идеалистических и метафизических постулатов вечности и неизменности оснований бытия в природе и обществе сделал возможным открытие действительных «видов» вещей, которыми в реальности оказались сложные интегральные макрообъекты действительности, имеющие свою собственную качественную историю и закономерности и выступающие, в свою очередь, в роли реальных базисных оснований (субстанций) по отношению ко всему многообразию составляющих их явлений. Таким образом, создание научных теорий исторического развития в природе и обществе показало, что фактически существуют две органически взаимосвязанные формы объективной реальности: 1) индивидуальное конечное бытие отдельных вещей, предметов, индивидов и 2) коллективное надиндивидуальное существование их интегрированных множеств с продолженным типом бытия, которое не прерывается прекращением существования отдельных индивидов (например, рабочий класс и отдельный рабочий, нация и ее представитель и т. п.), а также два основных типа развития: цикл индивидуального развития явлений и «видовое», историческое развитие макросоциальных, макробиологических и тому подобных образований (сравни: онтогенез и филогенез в биологии).

Сложность этой диспозиции заключается в разнотипности этих реальностей и вместе с тем в их органической взаимосвязи и двойственности, в том, что они друг без друга не существуют. Так, например, биологические «виды» и социальные макросистемы состоят из индивидов, но к ним не сводятся, обладая определенными интегральными закономерностями. В свою очередь, индивиды, всегда выступающие либо «более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни» (Маркс), также к этому не сводятся в своей индивидуальности. Словом, инди-

видуальное и видовое (родовое), предметное и системное выступают как две стороны медали, одно как alter ego другого.

Отсюда всякий предмет, явление, индивид приобретает как бы две системы измерений: одну — сфокусированную на изучении его «самости» и «непосредственности», другую — показывающую его «опосредование», его принадлежность к «виду» и «роду», раскрывающую его «базисные качества», его место и роль в данной системе.

Конечно, сами методологические проблемы соотношения непосредственного и опосредованного, части и целого, иерархии и субординации отношений (составляющие логико-гносеологические предпосылки системного подхода) в философии ставились и разрабатывались не одно тысячелетие. Однако качественные изменения, привнесенные в научную картину мира теориями исторического развития природы и общества, победой материализма и диалектики, создали принципиально новую методолого-гносеологическую ситуацию, согласно которой «видо-родовое», макросистемное измерение стало реальным и вместе с тем всеобщим и обязательным условием научного изучения действительности.

Ныне никто не может всерьез научно изучать крупные процессы социальной действительности, не определяя ее «формационную» специфику. Ныне никто не может изучать животный и растительный мир, не имея в виду видо-родовые системные закономерности, открытые Дарвином.

В период с середины XIX в. по настоящее время все науки в той или иной форме пережили процесс расширения и углубления представлений о предмете своего изучения, и практически в каждой из них появились свои понятия о макросистемных объектах и процессах, системообразующих факторах, базисных основаниях и т. п. Словом, видо-родовые зависимости (например, вид и генотип — в биологии, структура производственных отношений — в жизни общества, системно-структурные законы строения материи — в химии и т. п.) оказались той почвой, на которой необходимость системного подхода стала науке очевидной.

Всем этим на деле и были заложены реальные основания последующего развития системного знания. Так, еще не оформившись как особое методологическое направление, оно (системное знание) уже получило широкую и важную сферу приложения, требующую точного и ясного

научного объяснения и теоретико-познавательных средств, адекватных этой задаче.

Конечно, теории исторического развития в природе и обществе, раскрывшие природу видо-родовых, по преимуществу системно-генетических, отношений,— далеко не единственный «предмет», требовавший системного анализа и объяснения. Уже в то время (вторая половина XIX и начало XX в.) интенсивно развивались организмические теории в биологии и функциональные теории в медицине; появились системно-структурные теории в химии (периодическая система элементов Менделеева, теория химического строения Бутлерова), вскрывшие системные законы строения вещества; были созданы неевклидовы геометрии Лобачевского, Римана и др., неклассическая (не ньютоновская) физика Эйнштейна, раскрывшие как бы «второе» измерение физической реальности и т. д. и т. п. Все это содержало в себе существенный «системный аспект», требовало выработки средств методологии, позволяющих наиболее адекватно анализировать эти системно-функциональные и системно-структурные зависимости в естественно совершающихся процессах природной и социальной действительности. Так утверждались научные системные представления об окружающей человека объективной реальности, но на протяжении долгого времени они оставались аспектами, чертами, частными принципами различных общих и специальных естественнонаучных и обществоведческих теорий, а их вычленение в самостоятельное методологическое направление тем не менее не происходило.

В XX в., наряду с потребностями дальнейшего развития научного знания о закономерностях природы и общества, на первый план выдвигаются проблемы применения научного знания для построения различного рода «искусственных систем», систем, создаваемых трудом и гением человека. И, несомненно, наиболее грандиозным делом такого рода в начале нашего века было создание советской системы планового ведения народного хозяйства (ленинский план ГОЭЛРО и последующие пятилетние планы, сами принципы социально-экономического народнохозяйственного планирования, охватывающего «жизнедеятельность» огромного общественного организма).

Другая настоятельная необходимость такого рода возникла в результате современного развития техники. Проектирование и создание сложных технических систем, требующих согласованной работы тысяч их элементов и ком-

поисков, надежных систем управления, автоматической саморегуляции и т. п., с неизбежностью приводило к выработке таких принципов конструирования, в основе которых лежали представления о сложных функциональных системах, о системных комплексах.

Сегодняшняя действительность выдвигает новый слой проблем, требующих комплексного системного подхода. Ныне нас заботят проблемы создания многофакторных систем управления с большим количеством переменных (например, управления единой энергетической системой страны, управления отраслями народного хозяйства, большими транспортными системами, многоцелевыми информационно-поисковыми комплексами, космическими полетами и т. п.). Мы ведем разработку крупных проектов освоения природы, стремясь предвидеть близкие и далекие последствия вмешательства человека в баланс природного равновесия; моделируем процессы глобального развития (в области природных ресурсов, производительных сил, промышленного производства и научно-технического прогресса, экологии, демографии и т. п.) и, наконец, создаем более сложную и полидетерминантную систему планирования и управления социально-экономическим развитием нашего общества, соответствующую этапу развитого социализма и построения коммунизма.

Понятно, что каждый такой «предмет» рождает свой класс системных задач и может послужить исходным пунктом и базой для разработки соответствующих системных методик и процедур, обслуживающих потребности именно этого рода.

Итак, то, что называют ныне системным подходом, реально существует, с одной стороны, в виде разнообразных содержательных системных представлений, имеющих, по сути дела, в каждой науке (независимо от того, выражены ли они «системным» языком или нет), а с другой стороны — в виде специализированных логико-гносеологических и конкретно-методологических исследований по этим проблемам.

Системность, несомненно, одна из универсальных черт действительности. Подобно тому как в мире нет явлений, не имеющих качества и количества, в действительности нет и явлений, не имеющих параметров системности. Конечно, при такой постановке вопроса невольно возникает другой вопрос: как же человечество могло не знать об этом на протяжении тысячелетий? Но, по сути дела, этот вопрос не так уж и сложен. Системность отличается от

прочих всеобщих свойств вещей тем, что она выражает интегральные свойства явлений и их множеств, глубокие интегральные характеристики микро- и макроструктуры объективной реальности и, как таковая, мало доступна прямому наблюдению (на чем многие тысячелетия строилось человеческое познание). С другой стороны, с ней дело обстоит примерно так же, как и с открытием диалектики: ее образцы мы находим в учениях очень далеких времен, а как всеобщая концепция развития она существует сравнительно недавно. Правда, такое сравнение нельзя абсолютизировать, ибо наряду с некоторым сходством здесь есть и существенные различия. В учении Маркса и Энгельса диалектика в соединении с материализмом стала базисом научного мировоззрения и методологии, т. е. приобрела (в силу широты и фундаментального значения самих оснований) статус философско-методологической системы, тогда как принцип системности, системный подход был и остается более частным принципом, одной из граней, одним из слагаемых философской системы и методологии вообще. И если мы проанализируем основные положения современного системного подхода с точки зрения их исторической связи и преемственности со старым знанием, то увидим, что для большинства из них в «пантеоне мудрости» имелись хорошо известные нам предшествующие формы, только тогда они существовали порознь, а ныне (в системном подходе) они представлены в виде некоторого комплекса методологических правил, в виде определенной познавательной призмы, и это дает научному познанию некую специфическую фокусировку, позволяющую образовать особый аспект рассмотрения всех предметов и явлений.

2. Методология и метод (подход) ¹

Первое соотношение, в котором могут быть рассмотрены диалектика и системный подход,— это отношение «методология и метод». Ибо методология есть система ос-

¹ Существует определенное неудобство в параллельном употреблении понятий «методология» и «метод», так как понятие «метод» ранее философами употреблялось как тождественное понятию «методология». В современных условиях, когда «учение о методе» (т. е. методология) само дифференцируется и в нем появляется много конкретных представлений об отдельных, частных ме-

пований и методов научного познания, а всякое отдельное методологическое средство (метод, подход, принцип, тип анализа) — лишь относительно самостоятельная часть методологии.

Марксистская методология является наиболее богатой и универсальной методологией современной науки. Марксистская теория и методология возникли на том ответственном рубеже развития человеческого знания, когда оно из преимущественно описательных представлений о мире в короткий исторический срок превратилось в стройную систему наук, раскрывающих фундаментальные законы объективной действительности. При этом сам марксизм стал существеннейшей составной частью этого общенаучного «свода законов», этой принципиально новой научной картины мира. Человеческое знание при этом совершило переход из эпохи метафизики в эпоху диалектики, от примата идеалистических воззрений к примату материалистического миропонимания, от господства описательного и «созерцательного» знания к более точному и целенаправленному, более практическому и «деятельному» знанию — к социальным теориям революционного преобразования мира, к производственно работающей и создающей науке — «непосредственной производительной силе общества».

Провозгласив материализм общим основанием научного знания, марксизм и вся передовая наука отвергли альтернативу сверхъестественного объяснения мира и тем самым открыли неограниченную возможность познания естественных закономерностей природы, общества и мышления. С утверждением же диалектики общим основанием научного познания ему была придана такая система (и вместе с тем — «призма») видения изучаемого предмета, которая позволяла рассматривать его «живым», действующим и развивающимся, целостно, во всей сложности и совокупности его реальных отношений.

Диалектическое и недиалектическое познание различаются, образно говоря, так же, как различаются между собой живое и неживое, действующее и недействующее,

тогда, подходах, методологических принципах, а соответственно приходится анализировать их отношения (общего и частного и другие), происходит столкновение прежних и новых представлений об этом. Нами в данном случае понятие «методология» употребляется в смысле прежнего «учения о методе», т. е. системы методологии, а понятия «метод», «подход», «методологический принцип» — в смысле отдифференцировавшихся в современной науке частных методологических средств.

нелинейное и линейное, объемное и плоскостное и т. п. Диалектическое осмысление действительности — это новый, более высокий уровень, основой, сутью которого являются изучение законов развития, функционирования и взаимодействия явлений объективного мира, познание движения и изменения как всеобщей формы существования материи. И, несомненно, более высокий уровень диалектического познания обусловлен не только самим методом (подходом), но и стадией накопления знаний, позволяющей совершить переход от первичного изучения форм к изучению процессов и механизмов действия, от изучения отдельных явлений к изучению их объективных родовых систем и шире — к познанию всеобщего взаимодействия в природе и обществе. Определенное значение имеет и большая связь диалектики с высшими формами движения — органической природы и социальной жизни, ибо сами формы движения и развития здесь во сто крат богаче. В целом методологическое значение диалектики огромно, ибо знание, рассматривающее предмет в движении и развитии, в единстве его постоянных и переменных компонентов, во много раз сложнее и конкретнее, оно по своему уровню есть «алгебра познания» по сравнению с «элементарной математикой» предшествующих форм. Таким образом, материализм и диалектика, раскрывающие саму природу и формы существования материи, являются не просто методами, позволяющими увидеть более выпукло одну из черт объективной действительности, и не просто методами в ряду других методов, а коренными основаниями познания, образующими фундамент научной методологии.

В этой связи как раз удобно рассмотреть вопрос о развитии системного подхода в рамках диалектического и исторического материализма.

Соединение в учении Маркса и Энгельса последовательного материализма и диалектики создало прочный фундамент для построения монистического мировоззрения, заложило основания научной методологии, позволило с позиций исторического материализма раскрыть движущие силы общественного развития — самой важной для людей материи — закономерностей их собственной коллективной («родовой») истории и жизнедеятельности.

Подлинной душой этого мировоззрения, научной теории и методологии стала диалектика — учение о всеобщем развитии, и поэтому понятно, что без диалектики (так же, впрочем, как и без материализма) в марксизме истины не существует: все они проникнуты диалектико-материали-

стическим пониманием изучаемых явлений. Соответственно и системный подход (или принцип системности)¹, развивающийся в рамках теории и методологии марксизма, существует только в органическом единстве с диалектикой и материализмом.

И в этом есть не только общемировоззренческий смысл, ибо сам системный подход как учение об объектах-системах, о взаимоотношениях целого и части, о структурах и иерархии систем специально не сфокусирован на проблемы развития, он «специалист» по другим вопросам, он хорошо приспособлен к изучению объектов и форм, качественных структур, интегральных механизмов и постоянных функциональных зависимостей. Иными словами, в описании действительности системный подход больше направлен на «статику», чем на «динамику», на «ставшее», чем на «становящееся, развивающееся», на объекты, нежели на их диалектические изменения. И только в соединении с диалектикой, с историческим подходом он дополняется параметрами всеобщей изменчивости, преемственности развития, переменных структур, динамичности процессов и соотношений действующих факторов и т. п., обогащается ими и становится, по сути дела, диалектико-материалистическим системным подходом.

Конечно, это определение не раскрывает всей сложности взаимодействия отдельного метода и методологической системы, однако, наверное, основную мысль передает: системный подход сам подчиняется системным закономерностям; существуя и развиваясь внутри (на базе) определенной теоретико-методологической системы, он отражает ее «материнские качества», использует общий арсенал ее научных принципов, включается в исследование процессов и явлений действительности не просто «сам по себе», а как один из компонентов марксистского диалектико-ма-

¹ В последнее время в нашей научной литературе постепенно складываются расчлененные представления о системном подходе, системном анализе и принципе системности. Первое определяется как «общенаучный метод», второе — как область конкретных его приложений, третье — как его философское выражение. Вероятно, в специальных работах это расчленение и имеет значение, но в настоящей, по преимуществу философской, работе по поводу системного подхода мы не придерживались его, употребляя данные понятия чаще всего как синонимичные. Нам представляется, что желательность однозначного употребления понятий применительно к различным сферам исследований все же не должна быть запретом на употребление их как синонимов, тем более применительно к столь общенаучным терминам, как анализ, принцип, подход.

териалистического анализа. Понятно, видимо, и обратное: если бы он развивался на базе иной теоретико-методологической системы, например антиисторической по своему характеру, в нем невольно брали бы верх общие принципы того учения и присущие ему самому статичные характеристики, что, вероятнее всего, серьезно бы ограничивало его эффективность как средства познания.

Словом, богатство общей методологии, на основе которой развивается и применяется данный метод (подход, принцип), в действительности является основным базисом его возможностей, ибо характер исследований в целом определяется не тем или иным отдельным методологическим средством, а их совокупностью — методологией в целом. Методом же определяется, по сути дела, только «технология» данного исследования или, точнее, того ее раздела, где этот метод преобладает. Итак, системный подход, органически включенный в систему методологии диалектического и исторического материализма, становится значительно шире и богаче по своим возможностям, по глубине отражения объективной действительности за счет этой методологии. Вместе с тем, фактически благодаря «кооперации» и взаимодополнению методов в рамках общей методологии, он становится и «более системным», более комплексным методологическим средством.

3. Различие теоретико-познавательных установок принципа развития и принципа системности¹

Важным аспектом, в котором могут быть рассмотрены отношения различных методологических средств, является их сравнение по господствующей теоретико-познавательной специализации, так сказать, по различию специфиче-

¹ Диалектика, диалектико-материалистическая методология, несомненно, включает в себя системный подход изначально как один из своих принципов, и его вроде бы незачем «увязывать» и «соединять» с диалектикой, ибо он присущ ей имманентно. И это действительно так, пока само учение о методе выступает недифференцированной целостностью, а все ее составляющие рассматриваются в качестве органических частей этой методологической системы. Но как только отдельные методологические средства обособляются как принципы развития, функционирования, структурности, системности и т. п. и соответственно начинают рассматривать-

ских «призм» отражения действительности. Приступая к этому существенному, но необычному рассмотрению вопроса, следует сделать два предварительных замечания.

Во-первых. Здесь будет рассматриваться не диалектика в широком (привычном для нас) смысле слова, как олицетворение всей философской системы диалектического материализма, а только абстрактно взятый принцип развития.

Во-вторых. Такое выделение узкого смысла принципа развития, несомненно, несколько искусственно и допустимо лишь в определенных рамках специального гносеологического исследования, за пределами которого оперирование полученной противоположностью было бы ошибочным. Однако в данном случае сравнительный методологический анализ различных принципов гносеологических фокусировок¹ необходим, он поможет высветить весьма существенные теоретико-познавательные особенности и различия принципа развития и принципа системности, требующие учета в практике научного познания.

Выше уже упоминалось, что гносеологические фокусировки системного подхода и диалектики разноплановы, они по природе своей различаются подобно «статике» и «динамике» в физике, либо подобно различию основных принципов познания в анатомии, физиологии и эволюционном учении, в медико-биологических науках и т. п.

ся как самостоятельные или относительно самостоятельные, сразу же встают вопросы об их специфических особенностях и различиях, их синтезе, соединении, комплексировании и взаимодополнении в рамках единой методологии. Таким образом, рассмотрение системного подхода как черты и части методологии диалектического материализма и рассмотрение его в соотношении с другими частями (принципами) этой методологии и ее основаниями в целом — это не исключение одного другим, а лишь изучение реальных проблем в различных планах.

¹ Определения «фокусировка», «призма видения», «фокальность» здесь употребляются как характеристики специфической направленности (и избирательности) конкретного процесса познания. В реальном процессе научного исследования объективной действительности «фокальные» установки бывают весьма различными. Одни из них строятся вокруг объектов различных уровней. Так, эволюционные теории имеют дело с надындивидуальными макрообъектами — видами, популяциями и т. п., организмические теории — с организмами как таковыми, цитологические и микробиологические теории — с клетками и клеточными элементами. Другие (и об этом в основном идет речь в данном случае) методологически формируют и фокусируют познание на изучении тех или иных сторон и черт действительности — структурных, генетических и т. п.

Основные положения системного подхода нацелены главным образом на анализ объектной формы систем, стабильных внутренних зависимостей и соподчинений. Так, одно из них гласит: *система есть некое множество взаимосвязанных элементов, образующих устойчивое единство, т. е. целостность*. Основным смыслом данной формулы заключается в установлении качественной специфики того класса множеств, элементы которых связаны в единое целое структурно (а может быть, и функционально), в отличие от других множеств — суммативного характера. Другое положение системного подхода дополняет определение данного класса объектов-систем указанием на то, что в них *целое больше суммы входящих в него частей*. Оно тем самым подчеркивает, что системы — это интегративные множества, объекты с определенными совокупными качествами и закономерностями. Третье положение указывает на то, что *всякая система является в то же время частью другой, более широкой системы, а ее компоненты и подсистемы, в свою очередь, могут изучаться как самостоятельные системы*. Это положение, раскрывающее так называемый принцип иерархичности, подчеркивает, с одной стороны, многоуровневую организацию объективной действительности, многообразие систем и системных детерминаций, а с другой стороны — гносеологическую возможность фокусировать познание на определенном качественно своеобразном явлении.

Таким образом, мы видим, что в центре системных исследований находятся проблемы интегрированных множеств, взаимодействия их элементов, установление форм соподчинения различных систем и подсистем. Словом, системный подход оперирует всеми этими понятиями как стабильными формами, рассматривает свои предметы как развитые, «ставшие», а «сюжеты» изменения, становления, развития не являются для него предметом специального интереса, он может от них абстрагироваться.

Так, получается, что системный подход вычленяет и рассматривает объекты и структуры сами по себе, а диалектическое мышление, принцип развития в соответствии со своим «особым интересом» фокусирует свое внимание прежде всего на изучении условий образования, развития и изменения данных объектов, их устойчивости, на переменных структурах и т. п. Системный подход многое дает для понимания «двухъярусности» законов функционирования (на организменном уровне и уровне «вида», макросистемы), но эволюция функций, их развитие, компенсирова-

ние или отмирание — все это вносится в научную картину принципом развития, диалектическим подходом. Для метода, в фокусе которого не находится и принципом которого не является исследование изменений, все понятия и образы тяготеют к постоянству содержания. И только неумная диалектика на всем находит печать изменения, в «ее аспекте» изменяется все — качества, сущности, противоречия, любые и всяческие соотношения. Она, диалектика, — сама жизнь, и без нее, без «аспекта изменения» любое знание неполно, консервативно и в целом не достигает уровня практически работающего знания. Словом, системный подход и принцип развития в вышеуказанном смысле (если их брать только в аспекте господствующей методологической фокусировки) различны по самому характеру отражения объекта. Они рассматривают его с разных сторон¹, но в этом же проявляется и их потенциальная взаимодополняемость. Последняя, пожалуй, в большей мере необходима для системного подхода, ибо он представляет собой более частное и специализированное отражение предмета, тогда как диалектика — метод поистине всеохватывающий.

Как мы уже видели на примере основных положений системного подхода, он как таковой нацелен в основном на

¹ На деле, конечно, каждый метод содержит в себе как специфические средства познания, так и средства, понятия и способы изображения и тех черт явлений, которые не являются для него специфическими по основной «призме» и фокусировке познания. Так, в понятиях движения и развития покой есть момент движения, структура — «застывшие волны процесса» и т. п. А в понятиях статического и «ставшего» отражения действительности, наоборот, движение и изменение представляются «моментом» или переходными формами стабильных, устойчивых структур и т. п. Существование столь различных трактовок — не искажение действительности, а отражение ее различными теоретическими средствами, так сказать, выражение специфики «аспектного» видения, которая должна учитываться, иметься в виду. Может быть, это и неудобно, но избежать этого полностью фактически нельзя. Абсолютизация любого «принципа видения», стремление превратить его в единственно возможный теоретически несостоятельны, ибо методология есть совокупность различных методов и подходов изучения объективного мира, взаимодополняющих друг друга в процессе научного познания.

Несомненно, существует и другая сторона вопроса — различная эвристическая широта и методологическая значимость разных познавательных средств. И в этом плане диалектика как метод просто несравнима с другими, более частными методами, что само по себе, однако, не снимает вопроса о различных типах «фокальности» и относительно самостоятельной истории формирования различных методологических средств познания объективной действительности.

выявление феноменов системности, а также на выработку «технологии» собственно системного видения предмета, т. е. это — вычленение одного из аспектов действительности, его специализированное рассмотрение.

В этой специфичности, создающей определенное «аспектное видение», и заключена потенциальная односторонность каждого метода. Любой из них позволяет рельефнее выделить одну из черт действительности, оставляя при этом в тени другие ее стороны и черты. «Аспектность» всякого и особенно узкоспециализированного знания приводит к тому, что в таком исследовании рассматривается по преимуществу «своя» система зависимостей (например, системных, структурных и т. п.), а другая (например, историко-генетическая) фактически может при этом опускаться либо недооцениваться. В результате законы изменчивости, законы преобразования и перехода в новые качественные состояния, к новым структурам и ведущим детерминантам развития окажутся активно не участвующими в создании общей картины изучаемого явления, что, несомненно, ее обеднит.

Таким образом, необходимо помнить, что если системный подход (или любой другой метод) берется и используется как монометод, так сказать, в «чистом виде», то его «аспектность» (и в этом смысле недостаточность в объяснении явлений) должна постоянно иметься в виду. Познанию, часто замороженному получаемыми результатами, всегда полезно задать вопрос о «фокальности», т. е. об исходной его фокусировке и направленности, ибо в тени того, что «высвечено» данным познавательным приемом, таится непознанное, невыявленное, скрываются возможные неточности познания, вызванные преувеличением одних черт и забвением других. Именно в этом смысле (и только в этом смысле) полезно иметь в виду различие теоретико-познавательных, методологических установок («призм», «фокусировок») принципа развития и принципа системности.

4. Двуединство принципов развития и системности

Рассмотрев различие специфических теоретико-познавательных установок принципа развития и принципа системности, взятых в отдельности, следует подчеркнуть и другую сторону — их взаимодополняемость и двуединство в рамках общей методологической системы.

Выше, в третьей, четвертой и пятой главах настоящей книги, на материале теории общественно-исторического развития мы проследили, как совмещались и взаимодополняли друг друга принципы развития и системности, а вместе с тем выявились и основные вехи становления системного подхода.

Однако для полной методологической ясности вопроса следует подчеркнуть, что эта их взаимодополняемость носит отнюдь не частный и не случайный характер. Дело не в том, что системные представления оказались «созвучными» или «счастливно вписались» в теорию исторического развития природы и общества, а в том, что системное знание является необходимой составной частью истины о предмете, его другой ипостасью, его alter ego (вторым «я»). Притом оба принципа взаимно зависят друг от друга — их истина двуедина.

Человеческое познание всегда стремилось и стремится схватить действительность целиком, составить о ней как можно более полное и объемное представление. Однако сам этот процесс весьма противоречив. Ибо, чем больше человечеством накапливается знаний, чем далее научное познание проникает в тайны природы и общественной жизни, в глубь вопросов и проблем, тем более дробным, специализированным, дифференцированным оно оказывается и соответственно тем настоятельней становятся потребности синтеза и комплексирования этого знания.

Мы порой не замечаем или, правильнее сказать, не фиксируем свое внимание на том, что значительное число наук и отраслей знания представляют собой узкоспециализированное, а по сути дела, одностороннее, «аспектное» знание. Нас совсем не удивляет то, что есть науки, изучающие только структуры, например анатомия, морфология, а наряду с этим существуют родственные им науки, изучающие только процессы функционирования, например физиология. Наконец, в ту же систему биологических знаний входят дисциплины, изучающие историческую эволюцию живой природы, а также экологические, природно-географические комплексы — ареалы и ниши.

Все эти виды знания так уже сложились. И такое положение нам кажется привычным и нормальным. Хотя во всех этих случаях знание освещает только одну сторону объекта, а для его целостного, всестороннего изучения необходимо соединение данных целого ряда совершенно различных наук. Только тогда получится полная система знаний о предмете. И это следует всегда помнить.

Одними из самых классических и, скажем даже, хрестоматийных примеров взаимодополняющего друг друга знания являются диспозиции: «статика и динамика», «структура и функция», «строение и развитие», «существование и развитие» и т. п. Только соединение этих раздельно изучаемых сторон явлений в общую систему знаний о предмете, только единство описания явления, взятого в процессуальной и статической формах, дает нам достаточно глубокое и точное, можно сказать, «объемное» представление о действительности. Так и образуется фактическое двуединство принципов познания. И именно в таком отношении друг к другу соотносятся принципы развития и системности в теории марксизма.

В методологии К. Маркса одни «аспектные» способы рассмотрения не противопоставляются другим как неполноценным. Маркс, например, показывает, что историческое и функциональное рассмотрение изучаемого предмета (объекта) взаимодополняет друг друга в процессе теоретического исследования. Он постоянно подчеркивает различие самих реальностей, требующих адекватных средств изучения. Так, анализируя процесс труда, он обращает внимание на то, что «труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности»¹. В другом случае, анализируя капитал, он подчеркивает качественные различия условий исторического «становления» и условий его «бытия», его «способ существования». В соответствии с этим он в одном случае отмечает: «...наш метод показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета»², а в другом случае, наоборот, пишет о том, что «диалектическая форма изложения (здесь имеется в виду исторический подход.— В. К.) верна только в том случае, если она знает свои границы»³.

Марксистская методология в противоположность всякому отдельному, специфическому, по преимуществу «одноаспектному» видению (будь оно структурным, генетическим и т. п.) требует единого и целостного рассмотрения изучаемого объекта, взятого во всех его аспектах, связях и опосредованиях, она нацеливает на всестороннее раскрытие явлений и систем объективной действительности, независимо от того, какими методологическими средствами это достигается. Основное требование марксистской методоло-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 200.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 449.

³ Там же, т. 46, ч. II, с. 491.

гии, состоящее в том, что всякое явление должно быть рассмотрено диалектически («Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹), предполагает такую модель целостного рассмотрения явлений, которая внутренне исходит из всестороннего и комплексного их изучения.

Взаимосвязь методов в методологии марксизма является органической. При изучении тех или иных явлений может преобладать исторический, функциональный или структурный анализ, как это имеет место в «Капитале» Маркса, например при рассмотрении исторической тенденции капиталистического накопления, функций денег, кругооборота и оборота капитала, учения о базисе и надстройке и т. п. Однако все исследования, осуществленные с преобладанием тех или иных методологических черт, в конце концов взаимодополняют друг друга, раскрывая объект с разных сторон. При этом искусство исследователя, как говорил К. Маркс, заключается как в том, чтобы применять методы адекватно природе изучаемых объектов, так и в том, чтобы применять их соответственно потребности исследования (стадии анализа) и своевременно переходить к иным методам и средствам, когда предмет надо изучать с других сторон.

Диалектический материализм как методология, несомненно, охватывает и процессуальное и объектное (статическое) видение предмета, опирается на все разнообразное богатство научных методов, включая в себя в том числе и системный подход как один из принципов, одну из черт своей методологической системы.

5. Системный подход в системе материалистической диалектики

Каждая новая эпоха в развитии человеческого знания есть вместе с тем определенный уровень его научной полноты и зрелости. Наряду с общим прогрессом знания она выдвигает и решает новые общенаучные теоретические и методологические проблемы, стимулирует разработку «технологии» научного познания.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.

При рассмотрении вопроса о роли системного подхода в методологии марксизма следует подходить к этому вопросу конкретно-исторически. Столетие назад системный подход методологически самостоятельным быть и не мог. В то историческое время научное системное знание только начинало формироваться, и существовало оно прежде всего в виде различного рода конкретных системных представлений. Такого типа системные представления и присущи учению Маркса, Энгельса, Ленина, а также теориям Дарвина, Лобачевского, Моргана, Менделеева, Бутлерова, Эйнштейна, Вернадского и т. д.

Маркс и Энгельс жили и творили в эпоху, когда назрело переосмысление коренных принципов научной картины мира, когда в науке о природе и обществе скапливались факты, опровергавшие господствовавшие тогда идеалистические гипотезы сверхъестественного объяснения окружающей человека реальности и говорящие о том, что вся объективная действительность должна быть понята как единый (в своей взаимосвязи) материальный естественноисторический процесс. Причем сам этот великий процесс развития природы и общества они понимали не в форме плоской эволюции, а, выражаясь гегелевским языком, как «узловую линию отношений меры», где каждый такой качественно-интегрированный «узел» представляет собой систему, например, применительно к социально-историческому развитию, общественно-экономическую формацию.

К. Маркс, детально изучив «жизнедеятельность» буржуазного общества, называл его «органической системой». Он раскрыл системообразующие факторы и основные законы функционирования капитализма, закономерности «развития системы в целостность» и внутрикачественных преобразований, вскрыл механизмы действия системных законов базиса, показал коренные противоречия капитализма и историческую неизбежность замены его социально и экономически более прогрессивным общественным строем — коммунизмом.

Особая роль в развитии системных представлений на новом историческом рубеже принадлежит В. И. Ленину. Эпоха, в которую жил и творил Ленин, стала переломной эпохой человеческой истории. В это историческое время капитализм вступил в свою последнюю и высшую стадию, и его противоречия достигли небывалой остроты. Благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции произошел прорыв цепи империализма. В одной из крупнейших стран мира было покончено с веками сущест-

вовавшим разделением общества на трудящихся и нетрудящихся, эксплуататоров и эксплуатируемых. Социализм превратился в реально существующую общественную систему. Начался общий кризис капитализма, который под воздействием дальнейшего расширения освободительной борьбы рабочего класса, народов угнетенных стран, борьбы двух систем, обострения внутренних противоречий капитализма стал все более углубляться. Именно это противостояние классов, социальных групп и представляющих их политических партий и составило главное содержание всего происходящего в тот исторический период. Соответственно все научное наследие Ленина — вождя великой пролетарской революции — было обращено к теоретическому анализу и политическому решению именно этих проблем. В поле его постоянного внимания были вопросы: социально-экономической поляризации общества и расстановки классовых сил, революционной роли пролетариата и его союзников в буржуазно-демократической и социалистической революции, двойственной природы крестьянства и позиций его различных имущественных слоев, строительства социализма в обществе с различными социально-экономическими укладами, решение национального вопроса на пролетарско-интернационалистской основе, соотношение культур пролетарской и буржуазной и т. п.

Многие ленинские гениальные решения коренных вопросов перехода от капитализма к социализму существенно развивали теорию и методологию марксизма применительно к новой исторической эпохе и, в том числе,несли с собой новый слой системных параметров и представлений. Таковы учения об обострении неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма и возможности победы социализма в одной стране, о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической и социалистической революциях, о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем и т. п. Эти и другие ленинские выводы развивали идеи многоуровневой детерминации, разноприродных системных комплексов, переменных динамических балансов сил, высших критериев и субординаций общественных потребностей и ценностей и т. п. Они обогащали марксистскую теорию революции, создавали теорию социалистического строительства и одновременно выявляли такие системные феномены в развитии общества, которые становились отныне общезначимым теоретико-познавательным наследием марксистско-ленинского революционного учения.

Ленин глубоко воспринял системные принципы учения Маркса. С учетом современных ему исторических условий он особо акцентировал внимание на некоторых новых вопросах и предложил ряд оригинальных приемов и форм системного исследования социальных явлений.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин сравнивает учение Маркса с учением Дарвина. Как Дарвин, писал он, впервые поставил биологию на вполне научную почву, так и Маркс положил конец воззрению на общество как на механический агрегат индивидов и впервые поставил социологию на научную почву, разработав учение об общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественноисторический процесс¹.

В этой характеристике Ленин выделяет как раз системные моменты учения Маркса: общественно-экономическую формацию как макросистему и естественноисторический процесс как историческую диалектику сменяющих друг друга общественных систем — способов производства. Проводимое им методологическое сравнение теории общественно-экономической формации Маркса с учением Дарвина о видах и родах животных и растений убедительно показывает, что Ленин отчетливо формулирует значение того переворота в науке, который несет в себе именно это понимание «изменяемости видов и родов явлений», до тех пор считавшихся неизменными. Ибо, если «виды и роды» изменяются, то это значит, что изменяются и развиваются не только предметы и явления, но и их «субстанции». А сами эти высшие «субстанции» бытия предметов и явлений, таким образом, превращаются из мифических «совершенных и неизменных сущностей мироздания» или не менее неизменной «природы вещей» в реальные исторически развивающиеся природные и социальные макросистемы, имеющие свои точно устанавливаемые объективные закономерности. Таким образом, трещит и рушится здание теоретических постулатов идеализма и путь действительному прогрессу науки оказывается открытым. Именно с признания исторического развития в природе и обществе и связанного с ним понимания макросистемной (а затем и полисистем-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

ной) организации объективной реальности и начинаются коренные преобразования научной картины мира.

«Теперь,— подчеркивает Ленин,— со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации — именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п.— другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее,— до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки»¹.

Ленин не случайно отмечает, что само понимание истории общества возможно только на основе научного анализа всей общественно-экономической формации (т. е. системы), что оно не может быть выведено и правильно объяснено из отдельных ее факторов, структурных форм, моментов, из анализа отдельных частных процессов.

Познать систему (законы системы) и через нее объяснить составляющие ее «моменты» — таков важнейший методологический принцип марксистской теории.

Маркс, Энгельс и Ленин не раз говорили о том, что учение материализма об обществе состоит в объяснении общественных форм материальными условиями. И, соответственно, марксистская теория общественного развития должна была вскрыть самые фундаментальные основания социальных процессов и явлений. С методологической точки зрения сложность здесь заключается в том, чтобы открыть и указать на то единое начало, исходя из которого можно было бы объяснить всю совокупность фактов. Понятно, что применительно к человеческому обществу с его поистине великим разнообразием материальных, социальных и духовных процессов и явлений сделать это трудно. Более того, практически невозможно, если не найти основания для понимания общества как целостной системы, функционирующей по единым законам.

Конечно, попытки найти такую систему предприни-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139—140.

мались задолго до Маркса, но, как правило, они не шли далее того, что за социальную систему принималась форма публичной власти, общественного управления, государства. Олигархия, монархия, демократия, деспотия — вот те основные типы, по которым классифицировались общественные системы еще древними греками. Эти представления об общественных структурах и системах с небольшими модификациями существовали на протяжении столетий и казались всем безусловными и все объясняющими.

Развитие истории, философии, политической экономики, правоведения, этнографии, археологии, языковедения и других наук об обществе в XVIII и XIX веках вскрыло недостаточность таких теорий. При этом обнаружилось огромное количество социальных фактов, которые никак не могли быть объяснены на основе идей о преимуществе тех или иных форм публичной власти, о всемогуществе монархов, о действиях героев и толпы и т. п.

Именно в этой социально-исторической ситуации, уже на новом уровне развития человеческих знаний о мире в целом и об обществе в частности, Маркс предпринял попытку найти единое основание в самом объекте и тем самым определить исходный пункт для монистического, последовательно материалистического взгляда на историю. Главными принципами и методологической его основой стали положения исторического материализма и диалектики о решающей роли материальных условий в общественном развитии, различение исторических эпох по способам производства. Вся история общества в свете этого предстала как история становления, развития и смены общественных систем. И в этом объяснении истории общества важным методологическим элементом оказался принцип системности.

Подчеркивая системный принцип методологии Маркса, Ленин пишет: «...система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»¹.

Лучше не скажешь. Социальный организм имеет определенные рамки, материальные основания, законы функционирования и развития. Организм развивается. Возникнув, он переживает свое становление, зрелость,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 429.

упадок, а далее переход в другой социальный организм. Познание фундаментальных оснований общества как социального организма и его закономерностей позволяет науке предсказывать течение общественно-исторических процессов. Так, говоря языком методологии, историческое и системное рассмотрение общества («социального организма») взаимно дополняют друг друга, давая в совокупности более полное и конкретное представление о нем.

Важное значение имеет и другой системный элемент методологии Маркса — различение предметных и макро-системных качеств, обоснование двойственности качественной определенности, установление двух рядов качественной определенности социальных явлений, их соотношения и субординации. Маркс открыл этот феномен при анализе товара как явление двойственного характера труда, заключенного в товаре. Далее это становится общим принципом его методологии, примененным в «Капитале» при решении множества самых различных проблем.

Необходимо отметить, что особенно яркие примеры предметно-системной качественной двойственности явлений даны Лениным в его работах, написанных после Октябрьской революции. И лучше всего они видны на примерах ленинского решения вопросов Брестского мира, нэпа и др.

Рассмотрим проблему нэпа. Вопрос стоял так: как укрепить социализм, который еще не имел своей твердой и развитой экономической базы?

Молодой Советской республике было жизненно необходимо наладить нормальный оборот между земледелием и промышленностью, улучшить положение рабочих и крестьян. У государства не было средств, чтобы решить все эти вопросы централизованно. Промышленность была почти полностью разрушенной и не могла поставлять деревне все необходимое.

Жизнь поставила перед Страной Советов труднейший вопрос. И Ленин отвечал на него так: если мы не можем дать крестьянам все необходимое и тем самым наладить нормальный товарообмен, то остается два выхода: «Либо пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее... Либо (последняя *возможная* и единст-

венно разумная политика) не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло *государственного капитализма*... Возможно ли сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом? Конечно, возможно... Мало того... государственный капитализм есть шаг вперед по сравнению с мелкособственнической (и мелкопатриархальной, и мелкобуржуазной) стихией»¹.

Для Ленина главным содержанием нэпа как политики партии был вопрос о том, какими способами направить неизбежное (на известный срок) существование и развитие мелкотоварного капитализма в русло государственного капитализма, как обеспечить в будущем превращение государственного капитализма в социализм.

В те годы многие ставили вопрос так: не является ли нэп возвратом к капитализму? Ленин отвечал на этот вопрос отрицательно. При этом он исходил из того, что решающим для определения содержания этого процесса является не столько само отдельное явление, сколько качество системы, в которой оно функционирует.

«Оборот,— писал Ленин,— есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя, а до известной степени и с бюрократизмом. Мэру установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность»².

Иными словами, если мы будем анализировать только само явление, саму свободу торговли, то его непосредственное качество — капиталистическое. Однако такое рассмотрение фиксирует только «непосредственное» и игнорирует двойственность качественной определенности. В рамках социалистического государства у этой нэповской свободы торговли кроме ее непосредственного качества есть еще высшее, макросистемное качество и мера, и в этих своих определениях они функционально социалистические. Так, нэповская мелкособственническая свобода торговли («пока пролетариат твердо держит власть в своих руках») объективно служит укреплению социалистического строя.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 222.

² Там же, с. 244.

Размышления о двойственности качественной определенности, о существовании предметных и макросистемных качеств в этот исторический период у Ленина встречаются все чаще и чаще. С этой точки зрения весьма характерны ленинские замечания по вопросу о кооперации. В статье «О кооперации» он писал: «Несомненно, что кооперация в обстановке капиталистического государства является коллективным капиталистическим учреждением»¹, то есть служит капитализму, имеет капиталистическое функциональное качество и меру. А в условиях социалистического общества «простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма»², то есть она служит ему и имеет социалистическое макросистемное качество.

Таким образом, предмет (в данном случае — кооперацию) недостаточно брать только как таковой, сам по себе, его надо рассмотреть еще как элемент общественной системы, то есть рассмотреть его вторую качественную определенность — его макросистемное качество. И эта многомерность — новое требование методологии. Позже оно составит одно из оснований системного подхода.

Примерно в таком же ключе Ленин говорит о соотношении революции и реформы, революционных и реформистских действий до и после победы социалистической революции. В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» он пишет: «До победы пролетариата реформы — побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы они (будучи в международном масштабе тем же самым «побочным продуктом») являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо... не хватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода»³.

Партии победившего пролетариата теперь многие вопросы приходится решать постепенно, путем реформ и даже сдерживать ультрареволюционеров, чрезмерно увлекающихся революционными приемами. Такой чрезмерной (и предательской) была позиция Троцкого во время заключения Брестского мира, а позже — его теория «пе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 374.

² Там же, с. 376.

³ Там же, т. 44, с. 228—229.

ретряхивания профсоюзов» и прочие архиреволюционные загибы.

Непонимание диалектики соотношений революционного и реформистского действия становится «болезнью» некоторых революционеров. И Ленин по этому поводу пишет: «Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут... если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»¹.

Раскрывая реальную диалектику соотношения революционного и реформистского действия, Ленин вместе с тем показывает, что решающим условием изменения роли реформ в практической деятельности правящей партии являются новые условия ее действия (новая общественная система). Вывод: абстрактное понимание соотношения революции и реформы недостаточно, неверно, ибо в действительности это отношение всегда конкретно-историческое, определяемое реальными общественными условиями (данной макросистемой).

Так, одно и то же по форме социальное явление (свобода торговли, кооперация, реформа и т. п.) в различных общественных системах наполняется особым содержанием, присущим данной макросистеме (общественно-экономической формации). Методологически это означает, что знание о собственном качестве явления (которое, казалось, все объясняет) есть на самом деле лишь часть знания (и истины) о нем. И для того, чтобы получить полное представление о нем, надо анализировать две его ка-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 223.

качественные определенности: предметную и макросистемную. Причем каждая из них детерминирована по-особому, имеет свои закономерности.

Примеры этого рода можно продолжить. Так, выступая на III съезде комсомола, Ленин говорит о воспитании у молодежи коммунистической нравственности, изображая его, однако, не «предметно» — как выработку основных норм поведения человека в обществе, а с позиции социальной макросистемы — как «борьбу за завершение и построение коммунизма». Безусловно, оба «плана» реальны и важны, они дополняют друг друга, и это еще раз подчеркивает наличие двойственности, двух качественных определенностей, как и необходимость системно понимать и учитывать обе качественные стороны.

Ленин часто пользуется различием двух качественно-сущностных определенностей в одном предмете и в несколько ином смысле, а именно как раскрытием полисистемности явлений. Очень интересны в методологическом плане его взгляды о двойственной природе крестьянства (тружеников и собственников); о двух культурах (пролетарской и буржуазной); об отношении к середняку на разных стадиях революционного процесса и т. п.

Так, в ленинских работах обнаруживается то же требование параллельного анализа двух разнопорядковых качественных определенностей, что и в работах Маркса. Сделать это без введения новых методологических представлений о полисистемности явлений, об их анализе в разных системах координат невозможно. Именно таким образом практически начинает выявляться потребность в анализе сложного знания, являющаяся одной из главных предпосылок последующего развития системного подхода. При этом следует отметить, что к пониманию таких системных моментов, как макросистемные качества, двойственность качественной определенности явлений, полисистемность и т. п., и их методологической необходимости Ленина подводит сама сложность проблем, которые ему приходится решать в революционный период.

В основе различий современной научной методологии от прежней лежат прежде всего кардинальные изменения системы и структуры научного знания. Наука прошлого рисовала картину мира, охватываемую как бы одной общей системой координат. Базовыми единицами этого миропонимания считались ординарные предметы, явления, индивиды. Так что в своем господствующем масштабе это была «предметоцентрическая» картина мира.

В XIX веке (особенно во второй его половине) и начале XX века наука открыла ряд важнейших законов мироздания. Учения Маркса и Энгельса (об обществе), Дарвина (о живой природе), Лобачевского (о закономерностях геометрии), Эйнштейна (открытия в области физики), а также труды ряда других классиков науки того времени ввели в научный оборот целый комплекс совершенно новых представлений об объективной реальности. В этих теориях речь пошла о глобальной структуре мира, о макроскопических объектах природы и общества и закономерностях их исторического развития. Базовыми представлениями такого миропонимания стали понятия общественно-экономической формации, видов животных и растений, а также аналогичные понятия о макрообъектах и макроструктурах в геологии, экологии, космологии и т. д. При этом отчетливо выявилось, что знание законов макромира в определенном смысле есть более глубокое освоение всех прочих наших знаний о явлениях окружающего мира. Оно, конечно, не заменяет функциональных знаний об ординарных вещах (так сказать, представлений предметного уровня), но подводит базис под понимание их «материнских качеств», их родовой структуры, истории и эволюции.

Благодаря этому каждый предмет кроме «собственного измерения» обрел еще одну важнейшую качественную определенность — макросистемную. А наши знания о мире и явлениях мира, таким образом, как бы удвоились. Сама научная картина мира при этом приобрела черты «системоцентрической», ибо знания о макросистемах, в наибольшей мере объясняющие структуру мироздания, задают теперь господствующий масштаб и, соответственно, начинают играть определяющую роль.

Параллельно и рядом с этим стали складываться представления еще об одном фундаментальном «срезе», или «уровне», явлений действительности — о микромире и его закономерностях.

Таким образом, фактически появляются существенно разные знания об одном и том же предмете. И научное знание о предмете или явлении уже не может состоять из одного представления о нем самом, оно должно состоять из многих разнопорядковых знаний, берущих его в микро-, мезо- и макромасштабах реальной действительности. Теперь все эти системы знаний, описывающие разные классы закономерностей, дополняют друг друга, образуя

уровневую картину мира. Научное знание стало сложным и многомерным.

Утверждение принципов многомерного понимания действительности невольно потребовало полисистемных представлений. Ибо нельзя последовательно объяснить наличие двух или многих сущностей в одном предмете, не прибегнув к рассмотрению их в разных системах координат, не исходя из понимания полисистемности объективной действительности, не выработав адекватных методологических систем. Понятия системы и системности весьма удачно обслуживают эти потребности развития научного знания.

Прошло не менее ста лет, прежде чем современная наука в достаточной мере осознала эти изменения, привыкла к ним и выработала методологические приемы и средства для их адекватного выражения, это произошло в ходе превращения одной картины мира в другую.

Ленин жил и работал в сложнейшее историческое время, когда колоссальная революционная ломка происходила повсюду: в общественных отношениях, в производстве, политике, идеологии, науке и культуре. Он был в гуще ожесточенной классовой борьбы и руководил строительством нового общества. Разрабатываемое им революционное учение отражало самые насущные общественные потребности, становилось носителем самых передовых теоретических и методологических идей. Ленин, конечно, не разрабатывал «технология» системного подхода. Он исследовал гносеологические основания сложного знания, из которого вырастает системный подход. И это касается прежде всего разработки оснований многомерной картины действительности, системно-качественного анализа, системного синтеза знаний, а также системных свойств материалистической диалектики.

Особенно большое теоретико-методологическое значение имеет следующее ленинское положение: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*»¹.

Эту формулу можно было бы использовать как эпиграф ко всей современной гносеологии. Настолько она глубока, точна и образна, а вместе с тем необычна и контрастна по отношению к представлениям прошлых веков, когда сущность вещей полагалась только как «единая и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

неделимая», «совершенная и неизменная». И вдруг «сущности разных порядков». Сегодня эта идея стала ключевой для понимания специфических закономерностей различных «ипостасей» сложного знания, идет ли речь о сущностных различиях уровневое знания (закономерностей макро-, мезо- или микромира), о полисистемности явлений, например о соотношении физического, биологического и социального в человеке, либо о системных комплексах. Сегодня можно смело сказать: она выражает саму суть тех гигантских сдвигов, которые произошли в научной картине мира и происходят, соответственно, в гносеологии и методологии.

Собственно, одна из причин успеха системного подхода (анализа) как методологического средства заключается как раз в том, что он позволяет дифференцировать разные качества, присущие предмету или явлению, выделить их в отдельные «системы», которые, таким образом, могут быть изучены сначала в своей действительной специфичности, а затем во взаимодействии целого.

В методологии науки прошлого преобладали требования единого закона, господствующего качества, специфических свойств и т. д., что в свою очередь часто приводило к абсолютизации главных закономерностей и специфических качеств, к недостаточному изучению других закономерностей и неспецифических качеств-свойств, оставляло в тени изучение реальных соотношений взаимодействующих факторов и условий. И конечно же предложенная Лениным методологическая формула изучения сущности первого порядка, сущности второго порядка, сущности третьего порядка и т. д. создает более широкую методологическую платформу, создает принципиально новую обстановку для всестороннего, конкретного, действительно полного, подлинно системного изучения явлений и процессов.

Следует отметить, что для Ленина эта формула глубоко осознанная, откristаллизованная. Так, пункт 11 его знаменитых «элементов диалектики» повторяет эту мысль так: «...бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности...»¹.

Вот эту формулу — «к более глубокой сущности», — насколько нам известно, в науке не употреблял никто.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

Та же методологическая мысль повторяется и в знаменитой ленинской формуле из «Материализма и эмпириокритицизма». «Сущность» вещей или «субстанция» *тоже* относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее *существования* вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма»¹.

Ленинская мысль о неисчерпаемости электрона принесла Ленину мировую известность предсказанием главной тенденции развития современных физических теорий. Но лежащие в основе этой концепции методологические идеи «многих сущностей», «исторического изменения содержания сущности», развития знания «от менее глубокой к более глубокой сущности» имеют для научной методологии еще большее значение.

Ленин постоянно подчеркивал многосторонность и многомерность познания как одну из главных черт диалектики. Причем ленинские представления о них растут, что называется, и вширь и вглубь. С одной стороны, он многократно подчеркивает, что «история открывает все новые и новые стороны» явлений и научное познание совершается «при вечно увеличивающемся числе сторон». А с другой стороны, он отмечает, что «мысль человека бесконечно углубляется», достигает знаний «более глубоких и более общих». Эти черты диалектико-материалистической теории познания сегодня являются и базовыми чертами системного подхода, развивающегося на их теоретической основе. Системный синтез «расширяющегося знания» (как раздел системной теории) сегодня является убедительным доказательством в пользу того, что системный подход становится одним из наиболее адекватных способов решения сложных проблем современной гносеологии и методологии науки.

Приведем еще один пример ленинских понятийных находок, адекватно отражающих нарождающиеся в на-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 277—278.

уже потребности гносеологии сложного знания, а соответственно — приемы системного подхода.

Так, в «Философских тетрадах», раскрывая значение категорий мышления в процессе познания, Ленин пишет: «Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»¹.

Опять-таки это понятие «сети» явлений природы очень адекватно современным многомерным представлениям о действительности. Оно как бы знаменует собой переход от традиции «линейных» объяснений действительности к «нелинейным», как говорят в точных науках.

Пока научные объяснения строились в рамках одной системы координат, эта проблема не была особенно актуальной. Но как только в теории и методологии мы переходим к многомерным, многосущностным, полисистемным построениям, то проблема сложных моделей действительности становится насущно необходимой. Ныне существует немало такого рода определений: «множественные срезы действительности», «лестница оснований», «система систем» и др. Ленинское определение «сети явлений» очень удачно, оно просто и точно выражает сам принцип восприятия сложной действительности.

Если мы начинаем понимать мир многомерно, полисистемно, а истину о нем как раскрывающуюся в разных системах координат, то неизбежно в гносеологии приходим к тому, что берем для рассмотрения *одну из клеточек «сети явлений»* и фокусируем на ней процесс познания. Затем берем другую клеточку «сети явлений», третью... Так последовательно раскрывается картина познаваемой реальности, состоящая из многих ячеек «сети» или, иными словами, многих «срезов действительности».

А с другой стороны, сами наши категории, понятия выступают, говоря словами Ленина, «узловыми пунктами» в сети. И что же такое понятие «система», как не такой же вот узловой пункт сети познания мира. Система — это универсальное обозначение качественного узла или качественного объекта: функционального (нервная система, система обмена веществ), структурного (атом, молекула), идеального (система законодательства), комплекса (человек — машина), наконец, макро- и микрообъектов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

и т. д. Все явления обладают системными свойствами. Они сами суть системы и входят в более широкие, связанные условиями существования системы, которые, в свою очередь, образуют системы, и т. п. Предметом изучения могут быть как сами объекты-системы, так и системы отношений, системы оснований, детерминаций, подсистемы и, наоборот, суперсистемы. Познавая действительность «по частям», человек «выделяет из фона» определенный качественный узел и фокусирует на нем свое внимание, он как бы центрирует его, рассматривая целостно, системно избранный для изучения предмет, очередную клеточку «сети явлений».

Ленин уже тогда осознавал потребность в этой методологии сложного знания, и она четко проявляется в его произведениях. Он сам участвует в ее создании и применении, добиваясь наибольшей объективности своего анализа и действительности революционного учения.

Ленин строго придерживается принципов материалистической диалектики Маркса и Энгельса. Говоря о диалектике, Маркс и Энгельс подчеркивали содержание принципов развития, противоречия, связи. Естественно, у Ленина все это есть. Но он в данном случае чаще подчеркивает такие характеристики, как всесторонность, полнота, конкретность, историзм.

И это понятно. С одной стороны, данные акценты объясняются тем, что в работах Ленина преобладает конкретный политический анализ непосредственных революционных процессов и событий, который как раз и требует конкретности, историзма, всестороннего рассмотрения обстоятельств. С другой стороны, в этом же просматривается и влияние новых условий и требований современной научной методологии.

Осуществляя сегодня ретроспективный анализ, мы видим, что само понимание «полноты» и «всесторонности» в сложном знании имеет несколько иной смысл, чем ранее. Процесс познания теперь не сводится к простому «охвату» всех видимых сторон явления, он требует глубокого понимания полисистемности мира, знания параллельного и одновременного действия разнопорядковых закономерностей, требует нового понимания самого процесса взаимодействия разнокачественных и разносущностных явлений.

Ленинское высказывание о свойствах диалектического мышления как раз и отражает рождение и кристаллизацию новых требований научной методологии, в том числе

системных принципов. Однако системность для Ленина всегда *органическая составная часть диалектико-материалистической методологии.*

Характерны в этом плане и ленинские требования к пониманию взаимоотношения теории и практики, теории и политики. Ленин многократно подчеркивает, что социальная теория должна быть конкретной и точной. Эта теория должна быть не только широкой, всесторонней и полной, она призвана «схватить жизнь», отражать ее адекватно и правильно, суметь выразить ее революционную суть. Он подчеркивает, что теория должна соответствовать самой действительности, и критикует тех, кто сочиняет общие теории, уводящие от изучения последней.

«...Марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни»¹.

Мы знаем, писал Ленин, что формы общественного движения меняются, что в истории бывают периоды, «когда революционизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования»².

В трудах Ленина все рассматривается в развитии, он настойчиво требует, чтобы знание о мире тоже было не только «системой», но диалектически изменяющейся и развивающейся системой, соответствующей самой жизни, реальным тенденциям исторического прогресса. Он пишет «о развитии марксизма», о том, что марксизм учится у массовой практики, что марксизм не догма, а руководство к действию³. Словом, системность у Ленина — часть диалектико-материалистического метода, и он на деле доказывает, что только единство принципов системности и развития способно передать наиболее полную истину об изучаемых явлениях.

Всякий ученый, приступая к исследованию тех или иных явлений или процессов, пользуется определенными методологическими знаниями, уже ставшими аксиоматическими или иными, пока только «проективными моделями» как инструментами, как рабочими средствами научного познания. Твердо зная, например, что все в мире

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 134.

² Там же, т. 12, с. 331.

³ См. там же, т. 14, с. 1—2; т. 20, с. 87—88.

движется и развивается, ученый уже не берется проверять эту выстраданную человечеством аксиому, а ищет в изучаемом предмете специфику его движения и развития. Аналогично, зная типологические законы образования систем и их интегральных механизмов или, например, зная законы структуры, функционирования и развития систем «органического типа», исследователь подходит с этой меркой к изучаемой им однотипной действительности и находит в ней ее собственные специфические системные закономерности, что позволяет ему точнее и лучше исследовать природу объекта.

Таким образом, от раскрытия неких характерных черт действительности в конкретно-научном знании до их превращения в общепринятые методологические формы проходит определенное историческое время, в течение которого осознается общезначимость этих феноменов, разрабатываются методологические средства, накапливаются доказательства эффективности их применения. В настоящей работе этот историко-гносеологический процесс не рассматривается. Нас в данном случае интересует само появление системных представлений различного рода и те исторические обстоятельства развития науки и общественной практики, которые их обусловили.

Учение Маркса, Энгельса и Ленина содержит в себе много такого общетеоретического и конкретно-научного материала, который (как оказывается теперь) имеет самое непосредственное системное содержание и несет с собой такие методологические положения и принципы, которые ныне прямо относят к компетенции системного подхода. Теоретическое богатство марксистско-ленинской теории в этом специфическом отношении пока изучено очень мало — это дело будущих исследований. Но если попытаться определить то самое основное, что в конкретном плане может быть и должно быть извлечено и использовано из великого наследия Маркса, Энгельса, Ленина для современной разработки системного подхода, то это прежде всего теория развития (диалектика) общественных систем.

Анализ общественно-исторического развития вообще, анализ функционирования и развития общества капиталистического и социалистического типов, анализ процессов исторического перехода от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической общественно-экономической формации — вот тот теоретический и методологический материал, который классом выше

просто системного исследования этих явлений. Он выше и глубже за счет того, что они берутся с учетом их происхождения (это позволяет глубже понять их основания); с учетом изменений их форм, структур, системообразующих факторов (что позволяет понять их качественную эволюцию и избежать абсолютизации их постоянства и стабильности); с учетом тенденций их качественных преобразований, переходов от систем одного типа к системам другого типа (что позволяет предвидеть будущее, т. е. достигать высшего совершенства научного познания) и т. п. Сам по себе системный подход не несет в себе этих методологических параметров; они там присутствуют как проявление требований диалектической методологии¹. Иными словами, в диалектическом и историческом материализме «материя» и «движение», объектно-структурный и динамико-генетический компоненты берутся вместе, в комплексе, нераздельно, что, несомненно, дает более полную и «объемную» картину действительности и вместе с тем с точки зрения самого системного подхода (если понимать его широко) рождает новый и высший его раздел — диалектику систем.

В заключение еще раз хочется подчеркнуть нашу основную позицию, состоящую в том, что в рамках марксистской методологии существует неразрывное единство ее коренных принципов-оснований (материализма и диалектики) со всеми другими методологическими средствами, составляющими ее конкретный научный арсенал и являющимися ее чертами и отдельными принципами (в том числе, конечно, и с системным подходом). Так, если рассматривать взаимодействие методов в процессе научного исследования, то диалектика, сочетаясь с системным исследованием, обогащает его параметрами развития и анализа противоречий, качественных изменений и превращений, взаимосвязей и взаимодействий. В свою очередь системный подход помогает четче фиксировать познание на различных объектах — качественных узлах действительности, изучении интегральных свойств и закономерностей

¹ В научной литературе нередко можно встретить упоминание о системно-историческом, системно-генетическом, системно-эволюционном характере тех или иных исследований. Иными словами, на уровне конкретного знания такое комплексирование специфических «методов развития» с системным подходом уже происходит. Вместе с тем, при всей специфике этих методов, их действительное единство — в диалектической методологии, наиболее последовательной и развитой формой которой является марксистско-ленинская теория.

целостных явлений и их комплексов, анализе многомерных ситуаций и зависимостей.

Словом, системный подход, развивающийся на основе марксистско-ленинской теории и методологии, срастается с ее главными основаниями — последовательным материализмом и диалектикой. В этом виде он выступает как системный подход, обогащенный диалектическими параметрами, и, конечно, представляет собой более широкое и более универсальное средство методологии, чем взятый «сам по себе», — так сказать, в «чистом виде».

* * *

В данной главе системный подход рассматривался по преимуществу в подчиненном виде, а не самостоятельно. Но нам хотелось заострить внимание прежде всего на соотношении методологии и метода, так как оно является отправным пунктом для правильной постановки самой проблемы марксистского исследования оснований системного подхода. Другие исследования автора, помещенные в книге, отвечают на иные вопросы этой темы, но тоже освещают их пока не полностью. И автор настоящей работы и другие исследователи находятся «в пути», они постепенно осваивают проблему за проблемой, способствуя накоплению теоретико-методологического материала, необходимого для построения научно строгой теории.

В современную эпоху в соответствии с общей тенденцией дифференциации и интеграции научного знания произошло обособление многих аспектов как содержательного, так и методологического знания, ряд направлений научных исследований превратились в самостоятельные научные дисциплины, а многие методологические приемы приобрели черты относительно самостоятельных принципов, подходов, частных методов. Нечто подобное происходит и с системным подходом: он буквально на наших глазах приобретает статус самостоятельного методологического средства.

По мере усложнения научного знания, изменения его внутренней структуры и развития многоуровневости, роста значения диалектики взаимодействий, связей и отношений, комплексных знаний возрастает и методологическая роль системного подхода. В эпоху, когда жили и творили Маркс, Энгельс, Ленин, роль системных представлений, системного подхода была одна, ныне же в силу новых

объективных обстоятельств развития научного знания и общественной практики она становится большей. Ныне особенно заметно расширяется сфера его практического применения, как вследствие возрастания общественной потребности в нем, так и в силу повышения роли методологии, объединения, комплексирования его самого с другими методами.

В целом исследование системного подхода (принципа) самого по себе и взятого в системе общей методологии — это две стороны вопроса. Оба типа изучения правомерны, но при изучении системного подхода (так сказать, в «чистом виде») никогда не нужно забывать о том, что он является частью более широкой системы (системы методологии), подчиняется ее закономерностям, и это — существенный момент истины о нем самом.

Итак, системный подход, разрабатываемый в рамках диалектического и исторического материализма, является одним из их методологических принципов. И, как таковой, он развивается по общим закономерностям марксистской теории и методологии, ассимилирует их преимущества, объединяется со всеми познавательными средствами, составляющими их научный арсенал, служит наиболее полному раскрытию явлений объективной действительности.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	9
РАЗДЕЛ I. ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ В ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ К. МАРКСА	21
ГЛАВА I. ИЗ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ СИСТЕМНЫХ ИДЕЙ	23
ГЛАВА II. СПЕЦИФИКА СИСТЕМНОГО ЗНАНИЯ	36
1. Предметное (непосредственное, простое) знание	44
2. Системное (сущностное, субстанциальное) знание	52
3. Метасистемное (конкретное, синтетическое, «реальное») знание	62
ГЛАВА III. СИСТЕМНОЕ БЫТИЕ И СИСТЕМНЫЕ КАЧЕСТВА	73
1. Анализ К. Марксом феномена двойственности качественной определенности социальных явлений — раскрытие природы системности	79
2. Системные различия природной и социальной сфер. Соотношение природных и социальных качеств	80
3. Совокупные (интегральные) системные качества	86
4. Differentia specifica. Системное качество как выражение специфики общественной формации	99
ГЛАВА IV. ОБЩЕСТВО КАК СИСТЕМА (ПРЕДПОСЫЛКИ. СТАНОВЛЕНИЕ. БАЗИС)	117
1. Природные предпосылки и основные социальные факторы общественного развития. Родовая жизнь человека (общества)	120
2. Становление общества как социальной системы	128
	397

	<i>а) От системы с преобладанием естественной детерминации к системам с преобладанием социально-исторической детерминации</i>	128
	<i>б) От целостности производственно-экономического характера к высшей социальной целостности (к «действительной социальной общности»)</i>	138
	3. Системные закономерности становления базиса	152
ГЛАВА	V. СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ И СТРУКТУРЫ	162
	1. Система с расширяющимся основанием и сменными структурами	169
	2. Сменные структуры в историческом развитии общественных производительных сил	174
ГЛАВА	VI. ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ И АКТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	194
ГЛАВА	VII. ДИАЛЕКТИКА К. МАРКСА И СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД	205
РАЗДЕЛ II.	СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	221
ГЛАВА VIII.	СИСТЕМНЫЕ КРИТЕРИИ В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ	223
ГЛАВА IX.	СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ	243
	1. Главная тенденция общественного развития и его современный этап	244
	2. Становление и развитие общекommунистических начал	250
	3. Коммунистическая направленность современного социально-экономического развития	272
РАЗДЕЛ III.	ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА	289
ГЛАВА X.	МЕСТО СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ	291
	1. Роль системного подхода в углублении качественного анализа	292
	<i>а) Целостные системы и системные комплексы</i>	—
	<i>б) Системный подход. Объективация «качественных узлов»</i>	298
	<i>в) Системный подход. Интегральное измерение явлений</i>	304

	<i>г) Системный подход. Многомерная картина действительности</i>	311
2.	Роль системного подхода в синтезе знаний и практической деятельности	316
	<i>а) Системный синтез «аспектного знания»</i>	—
	<i>б) Системный синтез «расширяющегося знания»</i>	321
	<i>в) Системный синтез прогностических знаний</i>	325
ГЛАВА XI.	РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ СИСТЕМНОГО ЗНАНИЯ И ИХ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	332
1.	«Философский» и «нефилософский» системный подход	338
2.	Естественный и искусственный мир	339
3.	Родовые формы знания и их влияние на специфику форм системного подхода	351
ГЛАВА XII.	ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ В МЕТОДОЛОГИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА	357
1.	Исторические предпосылки развития системного знания	358
2.	Методология и метод (подход)	364
3.	Различие теоретико-познавательных установок принципа развития и принципа системности	368
4.	Двуединство принципов развития и системности	372
5.	Системный подход в системе материалистической диалектики	375

Всеволод Петрович Кузьмин
Принцип системности в теории
и методологии К. Маркса

На форзацах фрагмент
из «Экономических рукописей 1857—1859 годов»
К. Маркса

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редактор *П. П. Апрышко*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*
Художник *Н. М. Биксентеев*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

ИБ № 4984

Сдано в набор 30.07.86. Подписано в печать 06.11.86.
Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Уел. печ. л. 21,0. Уел. кр.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 22,90.
Тираж 20 тыс. экз. Заказ № 2094. Цена 1 р. 80 к.
Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.